

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТУДЕНЧЕСКИЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ-2020

Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции
студентов, аспирантов и молодых ученых

Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2020 г.

СКИФИЯ
принт

Санкт-Петербург

2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
Н86

Редакционная коллегия:

Р.А. Шумяков (СПбГУ; отв. ред.); *Д. А. Малюченко* (СПбГУ);
А. Д. Муратбакиева (СПбГУ); *М. К. Пилосян* (СПбГУ).

Рецензенты:

канд. ист. наук, доц. *К. Н. Степанова* (ИИМК РАН; СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *И. И. Верняев* (СПбГУ); д-р ист. наук, проф. *О. В. Кулишова* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *А. Д. Пантелеев* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *М. И. Дмитриева* (СПбГУ); канд. ист. наук *Д. А. Сосницкий* (СПбГУ; РНБ); канд. ист. наук, доц. *Л. В. Сидоренко* (СПбГУ); канд. ист. наук, доц. *В. В. Калиновский* (СПбГУ); доц. *М. С. Назарова* (СПбГУ ПТД); канд. ист. наук, доц. *Т. Н. Жуковская* (СПбГУ); канд. ист. наук, асс. *И. В. Петров* (СПбГУ).

Дизайн обложки, компьютерная верстка: *Д.А. Подлужный*;
дизайн эмблемы Ноябрьских чтений (на 1-й с. обложки): *В.С. Сизяков*;
дизайн эмблемы Студенческого совета Института истории СПбГУ (на 4-й с. обложки): *Д.А. Подлужный*.

Сборник статей подготовлен Студенческим советом Института истории СПбГУ.

Н86 Ноябрьские чтения-2020: Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2020 г. / Р. А. Шумяков (отв. ред.); Д. А. Малюченко; А. Д. Муратбакиева; М. К. Пилосян. — СПб.: Скифия-принт, 2021. — 368 с. ISBN 978-5-98620-522-9

В сборник вошли избранные статьи участников XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», ежегодно проводимой в Институте истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Материалы конференции состоят из разделов «Археология и этнография», «Древний мир», «История средних веков», «Всемирная история в новое и новейшее время», «История искусств и музеология», «История религии и культуры», «История России до XX века», «Новейшая история России».

Издание предназначено для всех интересующихся историей.

Содержание

Обращение к читателю 8

I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Бобровская А. С. Вклад А. П. Окладникова в музеефикацию археологических памятников Сибири 10

Кокиева А. Р. V Всероссийский археологический съезд в периодике 1881 – 1882 гг.: ученые и интеграция Кавказа в пространство Российской империи 15

Ермошина А. В. Особенности довенчального этапа свадебного обряда на Северо-Западе России 20

Ким М. Ш. Основания для распространения беспоповского учения среди населения севера России 25

Тихонов Р. А. Поэтическая теория в средневековой Исландии: скандинавская традиция и античное влияние.....30

Макаль А. Е. Современная культура китайских нанайцев (хэчжэ) и сохранение культурного наследия народа в XX – XXI вв.....36

II. ДРЕВНИЙ МИР

Чернышова П. А. Тема смерти и возрождения в Элевсинских мистериях 42

Корепанов К. А. Отношения принцепса и сената в правление Александра Севера по данным SHA.....47

Баженов Е. А. Формы политической консолидации аламаннов и квадов во второй половине IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина) 52

Иванова Е. С. Социальная роль женщины внутри военного сообщества Римской империи 57

III. ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Викторов А. Е. Влияние монастырей на создание «Vita sancti Arnulfi» 62

Левхин Д. О. Первый крестовый поход по сведениям Анны Комниной.....67

Хлопов С. М. Агиография, посвященная Стефану Немане. Идейные и стилистические особенности 72

<i>Макаров И. Б.</i> Арианская версия происхождения ереси богомиллов на примере жития Симеона Мироточивого: источники и значение для религиозной политики династии Неманичей	77
<i>Калугина Е. М.</i> Экономическое положение Генуэзских колоний Крымского полуострова и их роль в международной торговле	82
<i>Головня В. В.</i> Король глазами бунтовщика (о чешском восстании 1547 г.).....	87
<i>Кочеткова Е. В.</i> Документы церковного суда Честера как источник по изучению деятельности церковных судов Англии в XVI в.	92

IV. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

<i>Новикова А. М.</i> Роль Польши в трансляции знаний о Московии во Францию в XVII в.	97
<i>Лапунов А. А.</i> «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» Карла Готлиба фон Антона как первая славяноведческая энциклопедия	102
<i>Васильева А. Ю.</i> Организация транзитного сообщения между метрополией и Востоком: деятельность фирмы «Томас Кук и сын» в Италии во второй половине XIX в.	109
<i>Попов Д. И.</i> Роль студенческих корпораций Финляндии в становлении и развитии национальной идентичности в XIX – первой половине XX вв.	114
<i>Завизион Д. Д.</i> Жилищная политика Третьего Рейха в довоенный период: пропаганда и действительность	120
<i>Ковтун Т. В.</i> Движение за бенгальский язык за пределами Бенгалии	125

V. ИСТОРИЯ ИСКУССТВ И МУЗЕОЛОГИЯ

<i>Румянцев И. С.</i> Изображения «Страшного Суда» в живописи Византии и стран византийского круга в XI – XII вв. Истоки и вариации иконографии.....	130
<i>Статкевич В. О.</i> Художественное творчество учеников и членов семьи Давида Тенирса Младшего	137
<i>Пестрякова А. А.</i> Специфика детского портрета в живописи Паулюса Морелсе	143

<i>Хмельницкая А. Б.</i> Этапы становления отечественной рок-культуры в графике Сергея Лемехова	149
<i>Безгина К. М.</i> Экспедиции Д. А. Золотарева в истории комплектования Российского этнографического музея.....	154
<i>Богатырева А. Е.</i> Музеи и церковь: проблема использования объектов культурного наследия	159
<i>Владимирова Д. В.</i> Роль архитектурных кулис в монументальной живописи Палеологовского периода (на примере фресок церкви Святой Троицы в Сопочанах и мозаик Кахрие джами)	164
<i>Гаджиева Я. Р.</i> Цифровое искусство в музее: специфика сохранения и репрезентации	169
<i>Ефремова В. М.</i> Проблемы сохранения и музеефикации историко-культурного наследия Смоленского Лютеранского кладбища	175
<i>Соломонова И. С.</i> Брутализм в градостроительстве: план Hauptstadt и послевоенное развитие Берлина 1950 – 1970 гг.....	180
<i>Жирнова А. С.</i> К вопросу о вкладе Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище в становление научного лермонтоведения	187
<i>Кондрашова Е. С.</i> Заведующие Феодосийского музея древностей в 1811–1920 гг.....	192
<i>Михайлова А. А.</i> Архитектурные памятники Новгорода в деятельности Новгородского общества любителей древности	197
<i>Мичурин Ф. Д.</i> Екатерингофский дворец — история и вопрос восстановления	201
<i>Никишина М. Ю.</i> Историко-культурный феномен частного коллекционирования в СССР (1945 – 1991 гг.)	207
<i>Уварова А. В.</i> Теоретические основы формирования коллекции военной формы одежды в музеях военно-исторического профиля.....	213
<i>Целикова А. М.</i> Проблемы презентации объектов уличного искусства в музейных пространствах.....	218
VI. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ	
<i>Лапшина Л. И.</i> Роль музыкального образования в жизни Иоанна Дамаскина	224

<i>Ефимова М. С.</i> Трубадуры и язык сакрального: лирика, музыка, книжная миниатюра	229
<i>Бузлуков И. О.</i> Шекспировский Оуэн Глендоуэр: источники образа и его значение в контексте эпохи	235
<i>Ткачев В. В.</i> Формирование представлений коллекционеров Иркутской губернии о предметах изобразительного искусства во второй половине XIX в.	240
<i>Даровская А. М.</i> Влияние русской белой эмиграции на развитие культурных процессов в Турции	245
<i>Глухова А. С.</i> Изображение оммажа в современной массовой культуре на примере фильма «Король вне закона» Дэвида Макензи	250
<i>Иванова О. А.</i> Религиозные мотивы в советском кинематографе в 60 – 70-е гг. XX в.	255
<i>Бузикова Л. М.</i> Digital History как способ трансляции исторического знания в образовательных целях: анализ проекта «1917. Свободная история» студии «История будущего»	261

VII. ИСТОРИЯ РОССИИ ДО XX ВЕКА

<i>Вепе Л. А.</i> Спор об опресноках в русской православной полемике против «латинян»	267
<i>Медведев К. М.</i> Шляхта «народа московского» на территории Смоленского воеводства Речи Посполитой	272
<i>Моисеева О. А.</i> Паисий Лигарид против Никона: к истории досудебных разбирательств по делу опального патриарха	277
<i>Григорьева В. Е.</i> Проблема происхождения русской государственности в оценках декабристов-критиков Н. М. Карамзина	282
<i>Михайлова О. А.</i> Государственное финансирование высшего образования в Российской империи в период университетской автономии 1863 – 1884 гг.	287
<i>Ивченко Ю. О.</i> Детские дневники Ксении Половцовой 1894 – 1897 гг. как источник изучения повседневной жизни дворянских детей конца XIX в.	297
<i>Тихонов А. С.</i> Германский фактор в российской морской политике на рубеже XIX – XX вв.	302

<i>Логинов В. А.</i> Угольные погрузки как элемент повседневной жизни нижних чинов Второй Тихоокеанской эскадры во время похода 1904 – 1905 гг.	310
--	-----

VIII. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

<i>Худовеков М. С.</i> Власть в годы Первой мировой войны глазами Л. А. Тихомирова	316
<i>Мишин Е. В.</i> Фабрика «Треугольник» в контексте Путиловской забастовки (март 1919 г.)	321
<i>Отто Ф. П.</i> От союза к войне: взаимоотношения Белого движения в Курляндии с национальными государствами Прибалтики	327
<i>Хаблова Е. С.</i> Средиземноморская экспедиция Н. И. Вавилова (июнь 1926 – август 1927 гг.) и Франция	332
<i>Андреев К. Г., Малюченко Д. А.</i> Истоки преследований иностранцев в СССР в 1930-е гг.: анализ нормативно-правовой базы.....	337
<i>Рамм Д. А.</i> Связующее звено советского производственного коллектива: мастер во взаимоотношениях рабочих и дирекции	342
<i>Халимочкин В. С.</i> Продовольственное обеспечение Ленинграда – Санкт-Петербурга в период перестройки	347
<i>Шашонков П. А.</i> Участие народов северокавказских республик России в деятельности Ассамблеи горских народов Кавказа в 1989 – 1991 гг.	352
<i>Кузнецов Д. В.</i> Анализ статей, посвященных Первой Чеченской войне 1994 – 1996 гг. в «Российской Газете»	357
<i>Литичевский Б. В.</i> Попытки отрешения от должности Президента РФ Б. Н. Ельцина в 1993, 1998 – 1999 гг.....	363

Обращение к читателю

Перед вами — сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ноябрьские чтения», состоявшейся в Институте истории Санкт-Петербургского университета 5–6 декабря 2020 г.

В конференции приняло участие 150 человек, представлявших вузы и научные учреждения Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Самары, Твери, Иванова, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Одессы, Набережных Челнов, Глазова, Перми, Екатеринбургa, Челябинска, Омска, Томска, Кемеровa. Вследствие экстраординарных обстоятельств в мире — имя чему COVID-19, — организаторы вынуждены были ограничиться форматом видеоконференции. Нечего и говорить: 2020 год выдался непростым и преподнес множество неприятных сюрпризов.

В редколлегию было направлено 92 статьи, из которых рецензенты — авторитетные специалисты, каждый в своей предметной области, — путем анонимного рецензирования отобрали 66 статей. Их вы и найдете в представленной книге. Материалы конференции состоят из разделов «Археология и этнография», «Древний мир», «История средних веков», «Всемирная история в новое и новейшее время», «История искусств и музеология», «История религии и культуры», «История России до XX века», «Новейшая история России», в соответствии с работавшими на конференции секциями.

Не скроем: подготовка к печати материалов научной конференции — задача не из легких, и мы, студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры Института истории, до недавнего времени не могли похвастаться опытом воплощения проектов подобного рода. Ценность конференции состоит в том, что она стала настоящей школой для студентов-организаторов многих поколений. А для Студенческого совета ИИФФА (Института истории) «Ноябрьские чтения» за два десятилетия успели стать ещё и доброй традицией: студенты разных лет с успехом передают друг другу дух научного консилиума, — преемственность сохраняется.

Иное — сборник по итогам Чтений. В силу разных причин сборники по итогам конференций выходили нерегулярно. Наконец, благодаря неравнодушным людям и самим участникам, стал

возможен выход в свет настоящего издания. Нынешний сборник издан целиком на средства авторов статей.

Ноябрьские чтения в 2017 – 2020 гг. уверенно заявили о себе как о событии всероссийского масштаба, сформировали положительный образ Истфака Санкт-Петербургского университета, Студсовета Института истории — поскольку организатором выступает именно Совет, при содействии преподавателей. Сборники статей, как 2019 г.¹, так и нынешний — достигнутый статус призваны закрепить.

Напоследок, хочется выразить благодарность тем людям, которые любезно согласились стать рецензентами статей для настоящего издания: К. Н. Степановой, И. И. Верняеву, О. В. Кулишовой, А. Д. Пантелееву, М. И. Дмитриевой, Д. А. Сосницкому, Л. В. Сидоренко, В. В. Калиновскому, М. С. Назаровой, Т. Н. Жуковской, И. В. Петрову. Благодарим директора Института истории А. Х. Даудова за моральную поддержку в нашем начинании, Т. Н. Жуковскую и И. В. Петрова — за постоянную готовность откликнуться на возникавшие вопросы и затруднения, помочь и словом, и делом, Т. Е. Сохор — за бесценные консультации и советы по технической стороне издания. И отдельное спасибо участникам за их терпение и понимание.

Редколлегия

---

¹ Ноябрьские чтения-2019: Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 8–10 ноября 2019 г. / Р.А. Шумяков (отв. ред.); А.Д. Муратбакиева (зам. отв. ред.). СПб.: Скифия-принт, 2021.

I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Бобровская Арина Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Никонова Антонина Александровна, канд. филос. наук, доц.¹

Вклад А. П. Окладникова в музеефикацию археологических памятников Сибири

A. Okladnikov's contribution to the museumification of Siberian archaeological sites

***Аннотация.** В статье рассмотрена роль академика А. П. Окладникова в формировании археологических коллекций сибирских музеев, создании Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН и музеефикации наскальных изображений Сибири и Дальнего Востока.*

***Ключевые слова:** А. П. Окладников; экспедиции; наскальные изображения; музеефикация.*

***Abstract.** This article covers the role of Academician A. Okladnikov in the developing of archaeological collections of Siberian museums, the creation of the Historical and Architectural Museum in the open air and museumification of rock carvings of Siberia and the Russian Far East.*

***Key words:** A. Okladnikov; field works; rock carvings; museumification.*

Современный период развития археологии и музееведения характеризуется их сближением и поиском решения проблем музеефикации археологических памятников. Новосибирск рассматривается в настоящее время как один из центров археологических исследований наряду с Москвой и Санкт-Петербургом, и в этом признается заслуга выдающегося советского археолога, основателя сибирской археологической школы академика Окладникова и его учеников.

---

¹ При совпадении аффилиации автора статьи и научного руководителя аффилиация последнего опускается.

Проблеме музеефикации археологических памятников в России посвящено большое количество работ. Так, в трудах А. Н. Медведя [6] и М. Е. Каулен [3] рассматриваются различные подходы к проблеме музеефикации археологических памятников. В публикациях А. Лебединцева [4], В. О. Шубина [10] упоминается об участии А. П. Окладникова в создании фондов и экспозиций сибирских музеев, в том числе археологических, однако вопрос о роли А. П. Окладникова в музеефикации археологических памятников Сибири в научных публикациях и литературе затрагивается редко. В работах А. Ю. Майничевой, В. П. Мыльникова, И. М. Рудой, Е. А. Коваленко [5] дана характеристика принципов и подходов к формированию экспозиции Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН.

Под музеефикацией понимается преобразование историко-культурных или природных предметов и объектов в объекты музейного показа с целью максимального сохранения и выявления их историко-культурной, научной, художественной ценности. По мнению М. Е. Каулен, музеефикацией в широком смысле можно назвать перевод в музейное состояние любого объекта, в том числе движимых предметов, однако чаще термин употребляется по отношению к недвижимым объектам [3, с. 18].

А.П.Окладникову музейная деятельность была знакома с ранней молодости. Еще учась в Иркутском университете, он одновременно работал в этнографическом отделе Иркутского краеведческого музея, а после окончания вуза заведовал этим отделом. В 1930-е гг. он участвует в масштабных исследованиях зоны строительства ГЭС Сибири в составе экспедиций из Ленинграда, куда отправляется большая часть материалов.

Самостоятельные экспедиции археолога в 1940-х–1950-х гг. проводятся совместно с сотрудниками местных музеев, и значительная часть материалов остается в Сибири: в Якутском, Охотско-Колымском [4], Кяхтинском и Иркутском краеведческих музеях [9, с. 489]. Большие и, самое существенное, систематизированные коллекции¹ переданы в Сахалинский областной краеведческий музей [10, с. 123]. В основу фонда Археологического музея

---

¹ Коллекции. № 3213, 3753, 3760, 3762, 3925- 3929, 4387, 4388.

им. А. П. Окладникова в Хабаровске легли коллекции, переданные археологом. В работах Окладникова определена периодизация и дана характеристика основных археологических культур края. Это создавало основу для грамотного научно-обоснованного формирования коллекций археологических предметов и создания на их основе экспозиций.

Конечно, это относится к коллекционированию, а не к музеефикации. Однако два первых этапа музеефикации — выявление и исследование памятников, а в ходе экспедиций А. П. Окладников открывал, документировал и затем анализировал многочисленные объекты древней наскальной живописи. Тем самым археолог создавал основу для дальнейшей музеефикации этих объектов. Им изучены наскальные изображения Алтая, Байкала, Забайкалья, р. Олекмы и Верхнего Приамурья, нижнего течения р. Амур, р. Алдан, р. Ангара, р. Лена, р. Томь. Ю. Н. Ненахова подчеркивает, что никем иным «столь масштабных и планомерных работ по исследованию местонахождений наскальных изображений не проводилось» [7, с. 11].

В 1961 г. А. П. Окладников приглашен в Сибирское отделение Академии наук. В Новосибирске в 1968 г. он осуществляет крупномасштабный проект по актуализации археологического наследия: при Институте истории, филологии и философии, который он возглавлял, создает Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Многолетние раскопки создали основу экспозиции и этого музея, и Историко-архитектурного музея под открытым небом. Сегодня термин «музей под открытым небом» используется по отношению к музеям, созданным на основе свезенных памятников (Скансен), или смешанного типа; музеи же под открытым небом, которые сохраняют памятники на их исторических местах («in situ»), т. е. созданные на основе музеефикации, как правило, называют музеями-заповедниками.

А. П. Окладников считал, что памятники необходимы там, где они возникли, где они составляют неотъемлемую часть пейзажа, отражают конкретные общественные события, историю края. Однако существуют ситуации, когда петроглифы оказываются под угрозой разрушения, или могут стать недоступными для ученых и посетителей. Так в 1950-х гг. в зонах затопления Братской ГЭС Окладников организовал экспедиции по спасению писаниц: «Выру-

бали камни с рисунками и доставляли в Иркутский музей, — вспоминал Алексей Павлович, — конечно, у нас никогда бы не поднялась рука на эти бесценные камни, если бы мы не знали точно, что им суждено уйти на дно рукотворного моря» [1, с. 351].

Первые экспонаты будущего музея под открытым небом свозились во двор дома академика. Здесь были организованы их хранение и даже временная экспозиция, популярная у жителей Академгородка. В 1981 г. Совет Министров РСФСР принял решение о создании Музея под открытым небом. На территории в 4,5 га была выделена зона археологических памятников различных исторических эпох, спланированы, а затем воссозданы наиболее значимые археологические культуры и памятники Сибири разных эпох. За основу размещения экспонатов был принят хронологотематический принцип. Маршрут развивается последовательно: палеолит, неолит, бронзовый век, поздний бронзовый – ранний железный века, средневековье, новое время [5, с. 515]. Анализ проведенного мной интервьюирования сотрудников музея позволяет говорить о том, что именно первый директор Института академик А. П. Окладников заложил целостный подход к презентации в музее процессов культурно- и этногенеза на основе сочетания археологических и этнографических экспозиций.

В 80-х гг. XX в. создается единственный на тот момент в Сибири археологический музей-заповедник «Томская Писаница», первый в Сибири музеефицированный памятник наскального искусства. Проблема сохранения Томской писаницы путем музеефикации была впервые поставлена в 1970-е гг. А. П. Окладниковым и А. И. Мартыновым [2, с. 4]. Наиболее полное обследование петроглифов Томской Писаницы было осуществлено в середине 1960-х гг. А. И. Мартыновым при научном руководстве Окладникова. Именно монография Окладникова (в соавторстве с Мартыновым) [4] подводит итоги научного изучения памятника и создает основу для его музеефикации в качестве музея-заповедника, а в дальнейшем археологического парка.

Итак, в ходе многочисленных экспедиций А. П. Окладниковым выявлено и изучено огромное количество археологических памятников, прежде всего наскальных изображений, что создало основу для их последующей музеефикации.

Список литературы

1. Ибрагимова З.М. «Археолог должен спешить»: века и день академика Окладникова // Созидатели: очерки о людях, вписавших свое имя в историю Новосибирска. Новосибирск: Клуб меценатов, 2003. Т. 2. С. 346 – 356.
2. Каплунов В.А. Комплексный музей заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея: автореф. дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2016. 18 с.
3. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 421 с.
4. Лебединцев А. Колымская экспедиция Алексея Окладникова / Магаданская правда. 2013. 17 июля.
5. Майничева А.Ю., Мыльников В.П., Рудая И.М, Коваленко Е.А. Экспозиция археологических памятников на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2010. Т. 16. С. 415 – 418.
6. Медведь А.Н. Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: ГНОМ и Д, 2004. 80 с.
7. Ненахова Ю.Н. Наскальное искусство эпохи камня в трудах академика А.П. Окладникова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2019. 18 с.
8. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 276 с.
9. Постнов А.В., Харевич В.М., Зольников И.Д. и др. Спасательные археологические раскопки стоянки Галкина-1 в Енисейском районе Красноярского края в 2018 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2018. Т. 24. С. 488 – 490.
10. Шубин В.О. Обзор археологических коллекций из фондов Сахалинского областного краеведческого музея 1930 – 2003 гг. // Вестник Сахалинского музея. 2005. № 1 (12). С. 113 – 169.

Кокиева Александра Робертовна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург

Научный руководитель:

Щеглова Ольга Алексеевна, канд. ист. наук, приглашенный
преподаватель

**V Всероссийский археологический съезд в периодике
1881–1882 гг.: ученые и интеграция Кавказа в пространство
Российской империи**

**V Russian Archaeological Congress in Periodicals of 1881–1882:
the Scientists and the Integration of the Caucasus into the Russian
Empire**

***Аннотация.** После завоевания в конце XIX в. Кавказа, появляется необходимость культурной интеграции региона в пространство Российской империи. К этому процессу привлекаются ученые-гуманитарии, которые участвуют в проведении в 1881 г. Всероссийского археологического съезда в Тифлисе. В статье рассматривается, как ученые, их знание и авторитет фигурируют в печати, освещавшей съезд в 1881 – 1882 гг.*

***Ключевые слова:** археологический съезд; российская археология; Кавказ.*

***Abstract.** There was a need to integrate the Caucasus into the cultural space of the Russian Empire after the conquest of Caucasus at the end of the XIX century. Scientists-humanitarians became the part of this process in the 1881 Russian Archaeological Congress in Tiflis. The article illustrates how scientists, their knowledge and authority appear in the press that covered the congress in 1881 – 1882.*

***Key words:** archeological Congress; the Russian archaeology; the Caucasus.*

Завоевание Кавказа Российской империей в конце XIX в. породило необходимость во включении региона в культурное пространство империи, в связи с чем, в 1881 г. был организован Всероссийский археологический съезд. Объединяющий ученых-гуманитариев обсуждением вопросов по археологии, истории, этнографии, антропологии, филологии, съезд должен был положить

начало научному изучению Кавказа, инициированному Российской империей. Это делает актуальным изучение Тифлисского съезда в связи с вопросом отношений власти и науки.

В историографии по истории археологии, власть и наука — это о том, как наука институционализировалась [4] или же о том, как социально-политические условия влияют на научные работы [18]. Эту тенденцию сохраняют и работы, где уделяется внимание Тифлисскому съезду. В монографии по истории Императорской археологической комиссии [4] и статье М. Е. Колесниковой, Л. П. Ермоленко, А. Е. Ашуба [6] большое внимание уделяется научному значению съезда, поставленному авторами в социально-политический контекст эпохи. Еще больше внимания социально-политической роли съезда уделяют А. С. Смирнов в работе, посвященной влиянию государства на институализацию археологии [15], и Д. В. Серых в работе, посвященной всероссийским археологическим съездам как форумам по общению между учеными из разных регионов страны, а также месту приобщения общественности к науке [13]. В связи с ролью съезда в политике русификации Кавказа, уже отмеченной авторами, возникает необходимость увидеть съезд так, как его видели современники: через печать. Частично этот вопрос уже рассмотрен в статье «V Всероссийский археологический съезд 1881 г. в Тифлисе и культурная политика Российской империи на Кавказе в свете периодической печати 1881–1882 годов», где описаны дискурсы в печати и то, как это определяло Российскую империю как цивилизацию по отношению к Кавказу [5].

В данной работе более подробно рассматривается роль ученых в дискурсах цивилизационной миссии империи и дискурсе охраны культурного наследия. Интерес к этим дискурсам возникает потому, что отчасти они могут вступать в конфликт друг с другом. Дискурс цивилизационной миссии империи предполагает открытие Кавказа и России, и Европе, то есть всему цивилизованному миру, заинтересованному в исследованиях на территории Кавказа. Дискурс охраны культурного наследия провозглашает российских ученых законными охранителями культурного наследия, делая Кавказ зоной интересов и ответственности российской науки (о формировании системы охраны культурного наследия в России сказано в монографии по истории Императорской Археологической Комиссии [4]). То есть,

сочетается тенденция к развитию международных отношений с тенденцией «национализации» науки (о подобных тенденциях российской науки, правда в отношении ориенталистики, а не археологии, писала В. Тольц [17]).

Особенность включения ученых в эти дискурсы выражается в нескольких вещах. Во-первых, в печати активно привлекается само научное знание, когда тексты, созданные учеными, заимствуются для включения в определенные дискурсы. Во-вторых, активно привлекается авторитет «именитых гостей» (об «именитых гостях» пишет, к примеру, Н. Султанов [16]) съезда для обозначения статуса мероприятия. К таким гостям относятся Д. И. Иловайский, Н. И. Костомаров, Р. Вирхов и глава московского археологического общества А. С. Уваров.

А. С. Уваров отличается тем, что он часто упоминается не только как ученый, а как организатор мероприятия. Он упоминается на многих официальных мероприятиях и иллюстрирует инициативу в проведении мероприятия Российской империи [1; 6; 9; 10; 12; 19]. Интересен образ А. С. Уварова в художественно-сатирическом издании Тифлиса «Фаланге»: на карикатуре в одном из номеров журнала изображен ученый, который настолько интересуется наукой, что не обращает внимание на социально-политические проблемы, окружающие его. Отчасти это можно рассматривать как критику роли ученого в социально-политической жизни страны [2]. Карикатуру можно увидеть в статье Д. В. Серых [14]. Д. И. Иловайский появляется в печати благодаря его докладу о прошлом России и Кавказа, в котором ученый подчеркивает древность отношений между Кавказом и Россией [20; 11, с. 863].

Особо выделяются Р. Вирхов, известный немецкий антрополог, присутствовавший на съезде, а также Н. И. Костомаров. Об этих ученых делаются биографические статьи в газете «Кавказ» [3; 7]. Речи Н. И. Костомарова не цитируются и не пересказываются в статьях газеты, идет описание со стороны как почтенного и уважаемого всем известного старца [7]. Также в «Фаланге» отмечается, что известный ученый страдал от избыточного внимания публики. Роль Н. И. Костомарова — авторитет. Р. Вирхов в печати упоминается не только в связи с авторитетом, но и в связи с речами Р. Вирхова об «открытии» Кавказа Европе [3; 10].

Таким образом, в связи с проведением съезда на Кавказе, происходит трансляция научного знания с содержащимися в нем представлениями об отношениях Кавказа, Российской империи и историей мира в прессу, параллельно с закреплением статуса мероприятия через статус ученых.

Список литературы

1. Грузинский спектакль в честь членов археологического съезда // Кавказ. 1881. № 210. 24 сентября.

2. Дополнение // Фаланга. 1881. № 41. С. 4 – 5.

3. Заседание 12 сентября с участием профессора Вирхова // Кавказ. 1881. № 203. 16 сентября.

4. Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.), Е. Н. Носова (отв. ред.). СПб: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.

5. Кокиева А. Р. V Всероссийский археологический съезд 1881 года в Тифлисе и культурная политика Российской империи на Кавказе в свете периодической печати 1881–1882 годов // XV Всероссийская археологическая конференция студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы»: материалы конференции; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. С. 193 – 199.

6. Колесникова М. Е., Ермоленко Л. П., Ашуба А. Е. V археологический съезд и изучение кавказских древностей // История: факты и символы. 2019. Вып. 4 (21). С. 46 – 54.

7. Костомаров Н. И. // Кавказ. 1881. № 199. 10 сентября.

8. Миллер В. Ф. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Русская мысль. 1882. Вып. 1. С. 17 – 36.

9. Обед во дворце в честь V археологического съезда // Кавказ. 1881. № 208. 22 сентября.

10. Обед, данный городом в честь съезда // Кавказ. 1881. № 207. 20 сентября.

11. Пятый археологический съезд в Тифлисе // Исторический вестник. 1881. Т. VI. С. 862 – 872.

12. Речь, высказанная в честь членов V археологического съезда кн. Г.Д. Орбелиани Кавказ. 1881. № 211. 25 сентября.

13. Серых Д. В. Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв. Казань: Отечество, 2014. 188 с.

14. Серых Д. В. Фотоматериалы Всероссийских Археологических Съездов дореволюционной России (к 137-летию IV Казанского Съезда) // Поволжская археология. 2014. Вып. 3(9). С. 41 – 55.

15. Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.

16. Султанов Н. Пятый археологический съезд в Тифлисе. Отчет действительного члена С.-Петербургского общества архитекторов, гражданского инженера Н. Султанова // Зодчий. 1882. Вып. 1. С. 8 – 12.

17. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период / Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

18. Habu J., Fawcett C., Matsunaga J.M. Introduction: Evaluating Multiple Narratives: Beyond Nationalist, Colonialist, Imperialist Archaeologies. // Evaluating Multiple Narratives. Springer, New York, NY. 2008. P. 1 – 14.

19. V археологический съезд в Тифлисе // Кавказ. 1881. № 198. 8 сентября.

20. V археологический съезд в Тифлисе // Кавказ. 1881. № 199. 10 сентября.

Ермошина Анастасия Владимировна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Новожилов Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, доц.

Особенности довенчального этапа свадебного обряда на Северо-Западе России

Features of the pre-wedding stage of the wedding ceremony in the North-West of Russia

***Аннотация.** Статья посвящена анализу довенчального этапа свадебного обряда на Северо-Западе России. Цель статьи — рассмотреть особенности начального этапа свадебного обряда Ленинградской области, проанализировать ритуальные действия и обобщить их в единую модель.*

***Ключевые слова:** сватовство; девичник; причитания.*

***Abstract.** The article is devoted to analysis the features of the pre-wedding stage of the wedding ceremony in the North-West of Russia on the Leningrad area and summarize them into a single model.*

***Key words:** courtship; hen party; lamentations.*

Свадебный обряд — один из самых красочных праздников в русской деревне, символизирующий создание новой семьи, переход людей, ее создающих, из младшей возрастной группы в старшую [1, с. 40]. Цель данной статьи — рассмотреть довенчальный этап свадебной обрядности Ленинградской области на примере территорий южных окрестностей Петербурга, южного Приладожья, Волосовского, Гатчинского, Кингисеппского районов, проанализировать и обобщить действия этого этапа.

Исследователи выделяют три географических ареала русской свадьбы: севернорусский, среднерусский и южнорусский [8, с. 90–93]. Свадебная обрядность Ленинградской области включена в комплекс севернорусской свадебной обрядности.

Об аспектах севернорусской свадебной обрядности писали многие исследователи. А. К. Байбурин рассматривал свадьбу и ее ритуалы с семиотического уровня [1, с. 40], М. М. Громько уделяла внимание вкладу свадьбы в развитие народной праздничной культуры [5, с. 372], Т. А. Бернштам анализировала ритуалы, связанные

с изменением социального статуса жениха и невесты [3, с. 41–76], объектом изучения Б. П. Кирдана и Т. В. Зуевой были свадебные песни, частушки и причитания [8, с. 90–93]. Однако нами не было найдено работы, обобщающей материалы, собранные в Ленинградской области [4, с. 233], по начальному этапу свадебной обрядности, и задача статьи — восполнить это упущение и составить целостную модель довенчального этапа на территории изучаемого региона.

Одним из главных условий вступления в брак было достижение брачного возраста. Нужно отметить, что физиологическая зрелость девушки не всегда считалась полным достижением совершеннолетия, более того, с его наступлением брачный возраст начинался не сразу [3, с. 28]. При выходе за верхнюю границу брачного возраста человек попадал в категорию выбившихся из правильного ритма жизни людей, а на холостяков «смотрели как на что-то незавершенное» [1, с. 66].

Т. А. Бернштам установила высокую возрастную норму, характерную для севернорусского свадебного обряда (16–17 лет) [2, с. 51]. При этом хронологические показатели девичьего совершеннолетия, его пика и вступления в брак у русских повсеместно одинаковы: для всей Европейской России период совершеннолетия выделяется с 13 до 16 лет, причем 16 лет — еще и нижняя граница брачной нормы [1, с. 66]. В Санкт-Петербургской губернии конца XIX в. девушка после 25 лет считалась «подстарком» [3, с. 46].

Сватовство было особым обрядом, имеющим свой порядок. Каждый его шаг сопровождался определенными словами. Войдя в дом, сват и сваха вели посторонние разговоры, а затем говорили фразу-метафору, например, «У вас товар, а у нас купец» [9, с. 86–91]. Отметим, что тема торговли часто используется в свадьбе, так как свадебный обряд — своеобразный обмен между двумя участвующими в нем сторонами [1, с. 75–76]. Родители невесты давали согласие на брак, учитывая материальное состояние и социальное положение жениха, или отказывали в вежливой форме, ссылаясь на юность дочери.

В деревнях современных Волосовского и Гатчинского районов Ленинградской области в роли сватов в начале XX в., как и во всех других русских деревнях, выступали, как правило, мужчины — соседи или родственники. Они приходили с угощением и «обменивались всякими присказками» с родителями невесты [4, с. 61]. Иногда к ним

мог присоединиться жених (д. Малое Заречье). В некоторых деревнях в роли сватов могли быть женщины — мать жениха или соседка [4, с. 61].

После успешных смотрин договаривались о дне сговора. Он проходил через несколько недель после смотрин и представлял собой помолвку, являлся подтверждением решения семей о заключении брака. На сговоре совершался пропой, и невеста становилась окончательно просватанной. Во время пропой родственники знакомились друг с другом, оговаривались условия заключения брака, материальные издержки на стол (как правило, сторона жениха брала на себя все расходы) и подарки.

Обговаривалось и приданое, которое в русской деревне с самого рождения дочери начинала копить мать. Однако существовал обычай собирания приданого самой девочкой, которая сама шила сарафаны, юбки, рубашки, вышивала полотенца, понимая, что потом у нее на приготовления такого рода не будет времени [7, с. 66].

После сватовства образ жизни невесты резко менялся. Сватанная девушка могла передвигаться только в сопровождении подруг по важным причинам: для приглашения родственников на свадьбу или для прощания со своим окружением [1, с. 67].

Крестьяне южных окрестностей Петербурга отвозили приданое в дом жениха накануне свадьбы, в некоторых местах его грузили в телегу или сани и в день венчания везли подушки, мебель, полотенца в составе свадебного поезда [4, с. 62]. В Южном Приладожье десятки полотенец развешивались на гвозди в доме жениха [4, с. 127].

Севернорусский свадебный обряд неспроста получил в литературе наименование «свадьба-похороны». Причины такой характеристики заключаются в том, что весь довенчальный этап от сватовства до отъезда к венцу невеста причитала и плакала о своей нелегкой доле [1, с. 68]. Накануне свадьбы совершался девичник — обряд, во время которого невеста прощалась со своей вольной жизнью в доме родителей, «девичьей красотой», девичеством — порой без хлопот и забот [1, с. 68]. Исследователи фиксируют исполнение причитаний в свадебном обряде Ленинградской области [10, с. 51].

Обряд девичника проходил в доме невесты, будущая новобрачная и ее подруги от начала и до конца ритуала исполняли плачи, причитания и протяжные песни. М. М. Громыко отмечает в

своей статье «Семья и быт в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв.» целенаправленное обучение крестьянских девушек семье и вне семьи искусству причитания. Прочитируем: «“вопить не умеет” — такой же почти упрек, как “прясть не умеет”» [6, с. 16].

А. К. Байбури́н для севернорусского варианта отмечает комплекс обрядовых действий, составляющих девичник: изготовление «красоты» («воли»), расплетание косы, мытье невесты в бане, уничтожение или передача красоты невесты подруге (жениху), угощение участников обряда женихом [1, с. 68]. Исследователь отмечает вариативность схемы: баня и расплетание косы могли происходить в другое время.

Обобщим имеющиеся данные о довенчальном этапе, собранные на территории Ленинградской области, в целостную модель: при достижении возрастной нормы (более высокой по сравнению с остальной частью страны) девушку начинали рассматривать как потенциальную невесту, затем происходили сватовство, сговор, пропой, перемещение приданого, девичник с обязательными причитаниями. В зависимости от районов Ленинградской области прослеживаются различия в действиях сватов, времени смотра имущества стороны жениха, времени перемещения приданого невесты из ее дома в дом жениха, поведении невесты на девичнике, порядке проведения обряда прощания с «красотой» и бани. Можно сделать вывод: свадебный обряд Ленинградской области является частью севернорусской свадебной обрядности и обладает всеми чертами, присущими этому комплексу.

Список литературы

1. Байбури́н А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 237 с.
2. Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Под ред. К. В. Чистова, Т. А. Бернштам. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1978. С. 48 – 71.
3. Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1988. 277 с.

4. Гадло А. В., Верняев И. И., Егоров С. Б., Чистяков А. Ю. Этнография Северо-Запада России (Южные окрестности Петербурга – Приладожье – Центральные районы Псковщины). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 252 с.
5. Громыко М. М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
6. Громыко М. М. Семья и община в традиционной духовной культуре русских крестьян XVIII–XIX вв. // Русские: семейный и общественный быт / М. М. Громыко, Т. А. Листова (отв. ред.). М.: Наука, 1989. С. 7 – 24.
7. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2004. 247 с.
8. Зуева Т. В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «Филология» М.: Флинта: Наука, 1998. 392 с.
9. Колкова Н. А. Русская фразеология в контексте свадебной обрядности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1 (177). С. 86 – 91.
10. Трипольская А. А. Свадебная обрядность населения Котельской волости Кингисеппского района // Этнографическое изучение Северо-Запада России: Итоги полевых исследований 2001 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях. Материалы VI Региональной ученой конференции молодых ученых / А. В. Гадло (отв. ред.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. С. 50 – 51.

Ким Максим Шисунович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Новожилов Алексей Геннадьевич, канд. ист. наук, доц.

Основания для распространения беспоповского учения среди населения севера России

Basis for the spread of Bezpopovtsy doctrine among the population of the north of Russia

***Аннотация.** Данная статья посвящена определению оснований, предпосылок и факторов распространения беспоповства на севере России. Предпринимается попытка дать ответ на вопрос: «почему беспоповское учение получило широкое распространение изначально именно на севере России?». В статье анализируются географические, исторические и идеологические аспекты вопроса.*

***Ключевые слова:** старообрядчество; беспоповство; распространение беспоповского согласия; Русский север; Великий Новгород.*

***Abstract.** This article is devoted to identifying the basis, prerequisites and factors for the spread of Bezpopovtsy (priestless Old Believers) in the north of Russia. An attempt is made to give an answer to the question “why did the Bezpopovtsy doctrine become widespread initially in the north of Russia?” The article analyzes the geographical, historical and ideological aspects of the issues.*

***Key words:** Old Believers; Bezpopovtsy; spread of Bezpopovtsy denomination; Russian North; Veliky Novgorod.*

Проблема географии беспоповства затрагивается в исторической науке еще, как минимум, с XIX в. Широкое распространение старообрядчества, в частности беспоповства, в самых разных углах Российского государства волновало и интересовало государственную власть, ученых и православных деятелей. В рамках данной работы мы постараемся обобщить уже существующие теории и выскажем ряд собственных предположений.

При анализе географии зарождения и распространения старообрядческих согласий отчетливо прослеживается территориальное деление старообрядцев на юг (поповцев) и север (беспоповцев). Конечно, с течением времени как поповство, так

и беспоповство распространились не только по всей территории Российской империи, но и за ее пределами. Однако в данной работе нами будет прослежена география первоначального распространения старообрядческих согласий.

Поповство распространялось в южных и центральных районах Европейской России. Более высокая плотность населения, более развитая инфраструктура и более налаженные коммуникации, чем в северных краях, способствовали более эффективной деятельности Русской Церкви. Здесь сложилась иная бытовая и культурная обстановка.

Обратимся к географии расселения беспоповцев. Местом первичного распространения беспоповства стал север и северо-запад Руси (Поморье, Новгородщина, Псковщина). Здесь появились первые беспоповские согласия и толки. В 1694 г. было создано влиятельнейшее Выголексинское общежительство — центр беспоповства [3, с. 74]. В 1692 и 1694 гг. в Новгороде прошли беспоповские соборы, по итогу которых выделилось другое крупнейшее согласие — федосеевское [2, с. 321–322]. На наш взгляд, зарождение и изначальное развитие беспоповства именно в Северных краях обусловлены определёнными обстоятельствами исторического и культурного характера.

Историк раскола П. С. Смирнов обосновывал появление беспоповства в Поморье тем, что в этих землях и до реформы Никона было мало церквей и священников, в связи с чем местные жители привыкли обходиться без них: «на общественное богослужение собирались в часовне и довольствовались «службой» начетчика» [7, с. 93]. Современный исследователь М. В. Печников считает, что беспоповское учение уходит корнями в стригольничество XIV в. По его мнению, в северных землях вплоть до XVII в. могли существовать последователи учения стригольников — спасшиеся от репрессий новгородцы и псковитяне, которые заложили основу беспоповства, на что указывает ряд принципиальных сходств в их учениях [5, с. 48-51]. Крупный историк старообрядчества С. А. Зеньковский также считал, что стригольники, и позже «жидовствующие», могли создать почву для беспоповства. Вместе с тем, по его мнению, определённое влияние оказала и близость гра-

ниц с протестантскими странами, из которых шли протестантские идеи и пропаганда [2, с. 283].

Русский Север хранит до наших дней особый уклад жизни, быт и культуру; эти земли в свое время избежали разрушительных последствий монгольского нашествия. На Русском Севере сложился особый тип человека, который, по мнению историка В. Н. Булатова, «не знал крепостной зависимости в классической ее форме» [1, с. 299]. Великий Новгород и Псков испокон веков славились своей независимостью, торговой мощью и древними вечевыми традициями. Северный климат, промысловое Белое море, тяжелые условия жизни, труднодоступность и огромная малозаселенная территория создали особую историческую и культурную обстановку.

По нашему мнению, учение беспоповства нашло своих приверженцев именно на севере по той причине, что сложившийся здесь особый тип русской культуры и традиции, ядром которых являлся вечевой Новгород, был наиболее близким по духу и взглядам идеологии беспоповства. Более того, беспоповство как религиозное учение и мировоззрение было продуктом севернорусской культуры, ее традиции и могло появиться и распространиться только в ней. Первыми проповедниками «протобеспоповства» были монахи Соловецкого монастыря, которые покинули его еще до начала соловецкого сидения. Достоверно известно, часть из них была новгородского и севернорусского происхождения [2, с. 284–286]. Необходимо отметить и то, что беспоповство отличалось в целом более враждебным отношением к государственной власти и официальной Церкви. Эта нетерпимость заложена в самой идеологии беспоповства. Видя антихриста в лице Церкви и государственной власти, беспоповцы, в отличие от поповцев, отрицают возможность принятия беглых попов, не говоря уже о том, что священство как таковое потеряло для них всякую благодать. Практика массовых гарей как средство борьбы с властью использовалась исключительно беспоповцами [8, с. 406].

На идеологическую и мировоззренческую связь беспоповства с новгородской традицией указывают сходства в характере потестарных институтов. Как в Новгороде на вече всенародно избирались посадник, тысяцкий, архиепископ, так в беспоповских общинах избирались наставники, которые их возглавляли [4, с. 4–5].

Избираемый новгородским вечем архиепископ соединял в себе функции духовные и светские, контролировал торговлю, внешние сношения, управлял казной, утверждал договоры и грамоты [6, с. 32]. Беспоповские наставники, являясь духовными лидерами общин, также руководили светской стороной жизни.

Важно отметить, что радикальный характер беспоповского учения является следствием исторического фактора: векового антагонизма, идеологического и политического противостояния севера в лице Новгорода и центра-юга в лице Москвы. Республиканское вечевое начало Новгорода противостояло самодержавной и великокняжеской Москве. Люди, принявшие беспоповское учение, были носителями новгородской идеологии и мировоззрения, которая была враждебна самодержавной государственной власти Москвы.

Географические и природные условия, плодородная почва для религиозного творчества в виде стригольничества и ереси жидовствующих, сохранившаяся древняя традиция вольности и независимости северных земель, вековой идеологический и политический антагонизм с Москвой — именно эти факторы обусловили географические рамки появления и оформления беспоповского учения именно на севере Руси.

Беспоповское учение появилось и распространилось на Русском Севере и в Новгородских землях неслучайно: это было обусловлено определенными историческими и политическими факторами, которые существовали задолго до Раскола Русской православной Церкви. Реформа Никона лишь активизировала брожения в населении севера Руси, что вылилось в широкое распространение и принятие учения беспоповского согласия.

Список литературы

1. Булатов В. Н. Русский Север. Книга первая: Заволочье (IX–XVI вв.). Архангельск: Изд-во Поморского университета, 1997. 352 с.
2. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество: в 2-х тт. / Сост. Г. М. Прохоров. Общ. ред. В. В. Нехотина. М.: Институт ДИ-ДИК, Квадрига, 2009. 688 с.
3. Кожурин К. Я. Повседневная жизнь старообрядцев. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2014. 555 с.

4. Кузнецова Н. Ю. Старообрядческая традиция наставничества как пример непрерывной образовательной традиции // Непрерывное образование: XXI век. 2016. Вып. 4 (16). С. 1 – 12.

5. Печников М. В. Исторические корни беспоповства (новая постановка вопроса) // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы. / О. П. Ершов (ред.-сост.). М., 1998. С. 48 – 51.

6. Селютина Е. Н. Новгородская республика: предпосылки возникновения и особенности организации органов публичной власти. // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. Т. 19. № 2. С. 30 – 34.

7. Смирнов П. С. История русского раскола старообрядства. СПб: Тип. Главного Управления Уделов, 1895. 315 с.

8. Шумилов А. В. Самоожжения старообрядцев Урала и Сибири в XVII–XVIII вв. как форма социального протеста // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2014. С. 405 – 410.

Тихонов Роман Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» –
Санкт-Петербург

Научный руководитель:

Бондарко Николай Александрович, д-р. фил. наук, проф.

Поэтическая теория в средневековой Исландии: скандинавская традиция и античное влияние

Poetic Theory in mediaeval Iceland: the Norse Tradition and Classical Influence

Аннотация. В настоящей статье на материале «Младшей Эдды» и «Третьего грамматического трактата» рассматриваются два подхода к поэтической теории в средневековой Исландии: основанный на непосредственном рассмотрении скандинавской поэтической традиции и основанный на античной риторике. Статья указывает основные различия между подходами.

Ключевые слова: поэтическая теория; Младшая Эдда; Третий грамматический трактат.

Abstract. In the following article, on the material of the Prose Edda and the Third Grammatical Treatise, two approaches to poetic theory in mediaeval Iceland are discussed: the one based on direct examination of the Norse poetic tradition and the one based on classical rhetoric. The article points out the main differences between the two approaches.

Key words: poetic theory; the Prose Edda; the Third Grammatical Treatise.

Средневековая исландская поэтическая теория привлекает внимание исследователей лишь в последние десятилетия¹. Это можно объяснить вторичным характером поэтической теории по отношению к поэзии, в свою очередь, всегда занимавшей важнейшее место в скандинавистике, и относительной скудностью материала, ограничивающегося «Эддой» Снорри, «Третьим грамматическим трактатом» (далее — «ТГТ») и «Четвёртым грамматическим трактатом» («ЧГТ»).

---

¹ См. к примеру масштабный труд [10] о поэтике и поэзии и статью [6] о назначении поэзии.

Существует ряд работ по поэтике, представленной в этих текстах по отдельности¹, однако до сих пор не была предпринята попытка рассмотреть их в сопоставлении, и в настоящей статье эта попытка предпринимается, причём мы выделяем два противоположных подхода к поэтической теории, используя материал «Эдды» и «ТГТ»²:

Основанный на непосредственном рассмотрении скандинавской поэзии и традиционных скандинавских представлениях о ней;
Основанный на античной риторике.

Первый подход лежит в основе «Младшей Эдды», в то время как второй применяется в «ТГТ», хотя в обоих текстах встречаются черты обоих подходов. «Эдда», вероятно, впитала некоторые элементы латинской³ учёности: некоторые термины могут быть кальками латинской терминологии [5, с. 64], а «Háttatal» может восходить (возможно, через посредство поэмы «Háttalykill» [9, с. 71]) к учебным поэмам на латыни, таким как «De centum metris» Сервия⁴. В основном на античной риторике «ТГТ»⁵ также есть элементы, связывающие его со скандинавскими представлениями о поэзии, которые будут обсуждены в конце.

Обозначим различия между подходами. Первый основывается напрямую на рассмотрении поэтической практики, в частности, старых скальдов, ср.: «Нельзя забывать этих сказаний или называть их ложью, изгоняя из поэзии старинные кеннинги, которые нравились знаменитым скальдам» [2, с. 60] и «Теперь я приведу примеры того, как знаменитые скальды считали для себя подобающим сочинять стихи, применяя такие хейти и кеннинги» [2, с. 60]. Схожее мнение высказывается в «Первом грамматическом трактате»:

---

¹ См. [5] об источниках Снорри; о «ТГТ», в частности, о роли античных образцов: [8] и [11].

² «ЧГТ» не отличается значительным образом от «ТГТ», и для раскрытия темы его привлечение не требуется.

³ Обсуждение вопроса, владел ли Снорри латинским языком, см. в [5, р. 59–60].

⁴ Подробнее о латиноязычных работах такого рода см. [13, р. xii].

⁵ Об античных работах, повлиявших на «ТГТ», см. [11].

«Skáld eru höfundar allrar rýnni eða málsgreinar, sem smíðir [smíðar] eða lögmenn laga.» [7, p. 20]

(«Скальды суть судьи всей грамматики или речи, как ремесленники – драгоценностей или законодатели — законов».)¹

Наделение поэтов высшим авторитетом в вопросах поэзии можно связать с традиционным восприятием поэзии как универсальной практики, а не сложного учёного искусства, скованного теорией. Подобное отношение к поэзии видно в сагах, герои которых способны экспромтом сочинять висы², а также в том, что в Исландии высказывание, что некто не может сочинить стих, указывало на крайнюю глупость этого человека [6, p. 14].

Снорри не призывает к абсолютному подражанию старым скальдам. Он признаёт пользу новшества в поэзии [2, с. 70–71] и местами советует избегать подражания явлениям, встречающимся в стихах старых поэтов, ср. замечание касательно одного распространённого нарушения в построении рифмы:

«[Víða er þat í] fornskálda verka... ok má eigi yrkja eptir [því] þó at þat þykki eigi spilla í fornkvæðum.» [13, p. 26]

(«Это распространено в стихах старых скальдов... и не следует сочинять по этому образцу, хоть и считается, что это не портит старые песни»).

Этот подход может быть назван преимущественно дескриптивным, с элементом редких оценочных суждений, которые, возможно, стоит рассматривать не как мнения теоретика, но как советы скальдам от скальда, которым Снорри и сам был.

О. Тордарсон, автор «ТГТ», в свою очередь, оценивает практику через призму античной риторики. Если Снорри делает лишь несколько оговорок о нежелательных явлениях в поэзии, значительная часть «ТГТ» посвящена обсуждению нарушений в поэзии, что вдохновлено идеей Э. Доната о необходимости знания как достоинств, так и пороков речи [3, p. 94]. Это позволяет нам говорить о прескриптивном характере поэтики О. Тордарсона, более консервативной в сравнении с традиционной скандинавской поэтикой, не

---

¹ Здесь и далее — перевод автора.

² Хоть это и следует считать скорее литературной условностью, см. [1, с. 212].

связанной установленными заранее правилами и поощряющей нововведения (см. выше).

О. Тордарсон пишет об общем происхождении скандинавской поэзии и античной риторики [3, р. 94], и, вероятно, это представление и побуждает его писать не только о скандинавской поэтике, но о поэтике вообще. Тордарсон обсуждает явления, которые, как он оговаривает сам, не встречаются в скандинавской поэзии, ср. разбор одного типа метафоры, характерного для латинской поэзии, со ссылкой на Овидия [3, р. 160] и параграф, посвящённый эклипсису [3, р. 141].

Тем не менее, для Тордарсон принципиально разделение между скандинавской и латинской поэзией: он последовательно использует слово «skáldskapr» для северной поэзии и «vers» для латинской. Местами он делает отдельные замечания насчёт скандинавской поэзии, например, при обсуждении метафоры типа «от неживого к живому» он указывает на её основополагающий характер для скандинавской поэзии [3, р. 162]. Иногда он приводит исландские эквиваленты античных терминов, например, для апокопы: «þat köllum vér orðkólf í skáldskapr» («в северной поэзии мы это называем orðkólf») [3, р. 136].

Однако в «ТГТ» есть черты, связывающие его с местной поэтической традицией, особенно выделяется обращение к ремесленной образности [3, р. 150] при описании паромеона как фигуры, скрепляющей северную поэзию подобно гвоздям, скрепляющим корабль¹, и ассоциация поэзии с «мудрыми поговорками» - «spakmæli» [3, р. 188]².

Завершая нашу работу, мы бы хотели подытожить обсуждение главных различий между выделенными подходами в сравнительной таблице (см. табл. 1).

---

¹ Ср. примеры ремесленной образности в стихах о поэтическом искусстве у Эгилы и Браги Старого: “mærdar timbr / máli laufgat.” («хвалы древесины, речью покрывая как листьями») [4, р. 148]; «Skáld kalla mik// *hagsmið bragar. / Hvat er skáld nema þat?» («Скальдом называют меня, искусным ремесленником поэзии. Что есть скальд, если не это?») [12, р. 84]

² Ср. состязание в мудрости в «Речах Вафтруднира» и дидактический характер «Речей Высокого» в «Старшей Эдде».

Список литературы

1. Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М: РГГУ, 1999. 752 с.
2. Стурлусон С. Младшая Эдда / О. А. Смирницкая (пер.), М. И. Стеблин-Каменский (ред.). Пер. с исланд. СПб: Наука, 2006.
3. Edda Snorra Sturlusonar: Edda Snorrónis Sturlæi. – sumptibus Legati Arnarnagnæani. Vol.2. / Egilsson S., Sigurðsson J., Jónsson F (eds.). Osnabrück: Otto Zeller. 1966. 637 p.
4. Egils saga. Viking Society for Northern Research / Einarsson B. (ed.). London: University College of London, 2003. 318 p.
5. Faulkes A. The sources of Skáldskaparmál: Snorri's intellectual background // Snorri Sturluson. Kolloquium anlässlich der 750. Wiederkehr seines Todesstages. 1993a. P. 59 – 76.
6. Faulkes A. What was Viking Poetry For? University of Birmingham, 1993b. 29 p.
7. Haugen E. First Grammatical Treatise: The Earliest Germanic Phonology // Language, Vol. 26. № 4. 1950. P. 4 – 64.
8. Micillo V. Classical Tradition and Norse Tradition in the “Third Grammatical Treatise” // Arkiv för nordisk filologi. 1994. Vol. 108. P. 68 – 79.
9. Quinn J. Eddu list: the emergence of skaldic pedagogy in medieval Iceland // Alvíssmál, Vol. 4. 1994. P. 69 – 92.
10. Ross M. C. A History of Old Norse Poetry and Poetics. N.Y.: Boydell and Brewer, 2005. 283 p.
11. Santini C. Kenningar Donati: An Investigation of the Classical Models in the Third Icelandic Grammatical Treatise // International Journal of the Classical Tradition. 1994. Vol. 1. № 2. P. 37 – 44.
12. Sturluson S. Edda: Skáldskaparmál. – Viking Society for Northern Research / Faulkes A. (ed.). London: University College of London, 1998. 230 p.
13. Sturluson S. Edda: Háttatal. Viking Society for Northern Research / Faulkes A. (ed.). London: University College of London, 2007. 175 p

Приложения

Табл. 1. Сравнительная таблица различий подходов поэтической теории средневековой Исландии.

Поэтика на основе традиционных скандинавских представлений о поэзии и непосредственного рассмотрения	Поэтика на основе античной риторики
Преимущественно дескриптивная	Преимущественно прескриптивная
Специфически скандинавская	Склоняется к универсальности
Поощряет изменения и новшество	Консервативная, воспринимает изменения как нарушения
Оценочные суждения, опора на авторитет скальдов	Теоретическая поэтика, опора на античный авторитет
Исландская терминология	Латинская и греческая терминология

Макаль Анастасия Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Самойлов Николай Анатольевич, д-р ист. наук, проф.

Современная культура китайских нанайцев (хэчжэ) и сохранение культурного наследия народа в XX – XXI вв.

Modern culture of the Chinese Nanai (Hezhe) and the preservation of the cultural heritage of the people in the XX – XXI centuries

***Аннотация.** В данной статье освещаются несколько аспектов современной культуры хэчжэ, сохранение культурного наследия народа. В основе работы – исторические, этнографические, юридические источники на русском и китайском языках. Автор статьи приходит к выводу о том, что изменения в общественно-политической и культурной жизни хэчжэ на рубеже XX – XXI вв. произошли по большей части благодаря образованию КНР в 1949 г.*

***Ключевые слова:** хэчжэ; сохранение культурного наследия; китайские нанайцы; современная культура малых народов; нанайский язык.*

***Abstract.** This article highlights several aspects of modern Hezhe culture, the preservation of the cultural heritage of the people. The work is based on historical, ethnographic, and legal sources in Russian and Chinese. The author comes to the conclusion that the changes in the socio-political and cultural life of hezhe at the turn of the XX – XXI centuries occurred mainly due to the formation of the People's Republic of China in 1949.*

***Key words:** Hezhe; preservation of cultural heritage; Chinese Nanai people; modern culture of small peoples; Nanai language.*

Хэчжэ является одним из официально признанных 56 этносов, проживающих на территории КНР. Хэчжэ — это коренной малочисленный народ, проживающий в северо-восточной части Китая, на территории провинции Хэйлунцзян.

Актуальность данной работы можно объяснить тем, что с течением времени численность хэчжэ, проживающих на территории КНР, растет не так быстро, а люди молодого поколения не заинтересованы в поддержании культурных традиций, изучении

нанайского языка. Именно поэтому культурное наследие хэчжэ, так же, как и язык, находятся под угрозой исчезновения.

Научная новизна исследования заключается в том, что в отечественной этнографии работа — первое комплексное и систематизированное исследование, посвященное традиционной культуре народа хэчжэ, а также включающая современные данные об экономическом и политическом положении представителей народа.

В российской этнографии по теме исследования нанайцев написаны некоторые труды, например монография Л. И. Шренка «Об инородцах Амурского края», И. А. Лопатина «Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские», А. В. Смоляк «Этнические процессы Нижнего Амура и Сахалина: середина XIX – начало XX в.».

В современной России изучением нанайцев и других народов активно занимался П. Я. Гонтмахер. В 1996 г. он издал работу «Нанайцы (Этюды о духовной культуре)».

Китайские нанайцы (хэчжэ) практически не упоминались в вышеперечисленных трудах исследователей.

Существуют некоторые статьи И. В. Ставрова и Ю. В. Латушко, посвященные социально-экономическому развитию хэчжэ, области наших исследований сходятся, но различны предметы исследования [1; 2].

Среди китайских исследований выделяется монография Лин Чуньшэна «Хэчжэ нижнего течения р. Сунгари» [2]. Стоит упомянуть труд Хао Циньюнь и Цзи Юэшэня «Исследование социокультурных изменений хэчжэ» [4].

В период с 1957–1977 гг. отличительной чертой политики КНР относительно национальных меньшинств считалось строительство единой китайской нации — «чжунхуа миньцзу» [1, с. 161], но для представителей малых народов это означало постепенную утерю самобытности, местных традиций, языка, верований и многих других аспектов, которые определяют народ и отличают его от другого. Ассимиляционные процессы повлияли на важнейшие аспекты культурной жизни народов, а устранению последствий утрачивания некоторыми народами самобытности центральное правительство КНР и местные правительства провинций уделяют в наше время пристальное внимание. В статье автор постарается описать положительные и

отрицательные моменты современной политики КНР по отношению к малым народам, в т. ч. к хэчжэ.

Родной язык — это один из важнейших факторов сохранения национального самосознания. Как правило, коренные малочисленные народы полностью или частично утрачивают свой язык, иногда на нем говорит только старшее поколение, в то время как молодое совсем не использует его. Такая тенденция прослеживается среди хэчжэ.

Языковая политика, направленная на сохранение родного языка, требует серьезного внимания и глубоких реформ. Современная статистика показывает, что хэчжэ моложе 30 лет не говорят на нанайском языке (родной язык народа). К 1982–1983 гг. китайский язык стал для хэчжэ основным, т. к. это был язык обучения в вузах, а также язык делопроизводства. Хэчжэ, рожденные после 1980 г., совсем не знали нанайский язык [3, с. 94].

В 2001 г. был проведен опрос среди жителей Цзецзинькоу (деревня в Цзецзинькоу-нанайской национальной волости, одно из мест компактного проживания хэчжэ) и из 156 человек не знали нанайский язык 66 человек, до 100 фраз на нанайском языке могли сказать 48 человек, около 300 фраз — 6 человек, около 500 фраз — 3 человека, до 1000 фраз знали 7 человек, а свыше 3000 слов — 16 человек, т. е. всего 16 человек из всех опрошенных могли изъясняться на нанайском [5, с. 179–183]. Таким образом, лишь 10 % хэчжэ знали язык и 2–3% свободно владели им.

Нанайский язык — это бесписьменный язык, поэтому основным способом передачи традиции его использования является сохранение народных песен. Только через устное творчество хэчжэ могли передавать свои традиции. Основное литературное наследие хэчжэ представлено преимущественно фольклором. По большей части это такие направления песенного творчества, как «Имакань» (песни-сказы, баллады), «Тэсэгу» (легенды, предания), «Шохули» (сказки), «Цзялинка» (народные песни) и др. [4, с. 215].

К 2019 г. картина по сохранению культурного наследия начала меняться благодаря одному из основных национальных праздников, помогающих сохранять культурное наследие и песенные традиции в том числе, Ужигуну [7, с. 178]. В 1985 г. в Цзецзинькоу было организовано первое культурно-спортивное мероприятие. В 1988 г. в этом же месте было организовано второе собрание, официально

названное съездом «Ужигун». После этого, каждые 3 года вплоть до 2005 г. (затем чаще) данный фестиваль организовался в разных районах компактного проживания народа.

Последний раз Ужигун проводился с 15 по 17 июня 2019 г. в Цзецзинькоу, в уезде Тунцзян. В программе мероприятия было указано, что праздник Ужигун проводится для того, чтобы «в дальнейшем еще больше углубиться и передавать историю и культуру народа хэчжэ, обогатить и оживить культурную жизнь масс, показать жителям Китая культурное очарование хэчжэ из Цзецзинькоу, усилить национальный дух, поспособствовать формированию социалистической духовной культуры, развивать культуру в местах проживания хэчжэ, содействовать развитию фольклорного туризма. Ужигун — это мероприятие, призванное сделать национальные особенности хэчжэ достопримечательностью и туристической целью, чтобы деревни хэчжэ получили социальное и экономическое всестороннее развитие». Однако, в данный момент Ужигун — это единственное массовое мероприятие, способствующее сохранению культурного наследия нанайцев [6, с. 187].

Что касается повседневной жизни хэчжэ, ассимиляционные процессы повлияли на почти полное перенимание хэчжэ ханьского быта. Хэчжэ отошли от обрядовости (например церемония бракосочетания была полностью упрощена), что указывает на утрату традиционных привычек повседневной жизни изучаемого народа.

Позитивным примером эволюции общественной и культурной жизни хэчжэ стало изменение демографического показателя. За 50 лет население хэчжэ увеличилось в 10 и более раз (по последней официальной переписи населения 2010 г.), а именно с 300 человек в 1949 г. до 5354 человек в 2010 г. (табл. 1).

Таким образом, мы можем выделить как позитивные, так и негативные стороны политики КНР по отношению к хэчжэ: центральное правительство заинтересовано в сохранении красочной самобытной культуры народа (финансирование фестиваля Ужигун, туризм в местах компактного проживания). Хэчжэ постепенно возрождают свои традиции, увеличивается численность населения. Но, с другой стороны, ассимиляционные процессы в условиях тесного взаимодействия с ханьцами необратимы и только интерес остального населения Китая, иностранных туристов способны затормозить

процесс утери хэчжэ самобытности и полного растворения среди ханьского населения. Автор надеется, что в дальнейшем, правительство КНР сможет дать возможность хэчжэ как можно более активно развивать индустрию тематических фестивалей, а также поспособствует связи хэчжэ с российскими нанайцами.

Список литературы

1. Латушко Ю. В., Ставров И. В. Сравнительное изучение социально-экономического развития хэчжэ КНР и коренных малочисленных народов юга Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2013. № 4. С. 155 – 170.

2. Лин Чуньшэн. Сунхуацзын ся де хэчжэцзу [松花江下的赫哲族]. Хэчжэ нижнего течения р. Сунгари. Нанкин: Институт истории и филологии, Академия Синика. 1934. 694 с.

3. Ставров И. В. Малый народ большой страны: положение хэчжэ (нанайцев) в современном Китае // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 98 – 115.

4. Хао Цинъюнь, Цзи Юэшэн. Хэчжэцзу шэхуэй вэньхуа бяньцзянь яньцзю [赫哲族社会文化变迁研究]. Исследование социокультурных изменений хэчжэ. Сюэси чубаньшэ. 2016. 264 с.

5. Хуан Цзэ, Лю Цзиньмин. Хэчжэцзу. Хэйлунцзян Тунцзянши Цзецзинькоусян тяочжа. Хуан Цзэ, Лю Цзиньмин чжубянь. [赫哲族. 黑龙江同江市街津口乡调查 / 黄泽, 刘金明主编]. Народ хэчжэ. Обследование уезда Цзецзинькоу и г. Тунцзян провинции Хэйлунцзян. Юньнань дасюэ чубаньшэ. 2004. 291 с.

6. Хэчжэцзу. Хэйлунцзян Тунцзянши Цзецзинькоусян тяочжа. Хуан Цзэ, Лю Цзиньмин чжубянь. [赫哲族. 黑龙江同江市街津口乡调查 / 黄, 刘金明主编]. Народ хэчжэ. Обследование уезда Цзецзинькоу и г. Тунцзян провинции Хэйлунцзян / гл. ред. Хуан Цзэ и Лю Цзиньмин. Куньмин: Юньнань дасюэ чубаньшэ, 2004. 291 с.

7. Хэчжэцзу цзяньши [赫哲族简史]. Краткая история хэчжэ. / Ли Дэчжу (ред.). Миньцзу чубаньшэ. 2009. 272 с.

Приложения

Табл. 1. Изменение численности населения хэчжэ по годам [4, с. 176], дополнена автором

Год	1622– 1722	1791	1909	1930	1945	1949	1953	1982	1990	2000	2010
Количество человек	12000	11000	7000	1200	460	300	449	1489	4252	4640	5354

II. ДРЕВНИЙ МИР

Чернышова Полина Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Кулишова Оксана Викторовна, д-р ист. наук., доц.

Тема смерти и возрождения в Элевсинских мистериях

The idea of death and rebirth in the Eleusinian Mysteries

Аннотация. В работе рассмотрены некоторые особенности учения Элевсинских мистерий и его интерпретации в научной литературе XIX — XXI вв., особое внимание уделено идеям смерти и возрождения. Таинства в честь Деметры и Персефоны были известны эллинам еще с микенской эпохи, расцвет их приходится на VII — IV вв. до н. э. Демократичный и уникальный характер учения обусловили мистериям актуальность и популярность в Древней Греции.

Ключевые слова: Древняя Греция; древнегреческая религия; мистерии; Элевсин; Деметра.

Abstract. The work deals with the interpretations of the Eleusinian mysteries in the scientific literature of the XIX — XXI centuries, with special attention paid to the ideas of death and rebirth. The Hellenes knew the mysteries in honor of Demeter and Persephone since the Mycenaean era, their heyday falls on the VII — IV centuries BC. The democratic and unique nature of the teachings led to the mysteries of relevance and popularity in Ancient Greece.

Key words: ancient Greece; ancient Greek religion; mysteries; Eleusis; Demeter.

В своей работе мы обратились к идеям смерти и возрождения в Элевсинских мистериях — древнем аттическом культе Деметры и Персефоны. Элевсинские таинства занимали особое место в системе древнегреческих культов, так как были древнейшими и самыми значимыми для эллинов. Популярность этих таинств объясняется не только духовными запросами человека античности, но и тем, что стать мистом могли мужчины и женщины любого достатка, статуса и гражданства: посвящали в мистерии и рабов, иногда и

иностранцев, владевших греческим языком (Isocrat., IV, 157). Многие выдающиеся ученые современности исследовали мистерии и искали исчерпывающие объяснения их учения, но единой точки зрения на него не сложилось. В настоящей работе на основании литературных источников мы рассмотрим ключевые идеи мистерий и их роль.

Начиная с микенской эпохи и до запрета мистерий Феодосием и разрушения Элевсинского храма варварами в конце IV в. н. э. [1, с. 486], Великие Таинства притягивали к себе людей, жаждущих приобщиться к культуре. Их привлекала не внешняя, обрядовая сторона таинств, а что-то более значимое, скрытое от простых смертных покровом надежно хранимой тайны, благодаря чему посвященные считались блаженными (Pind., 137a). Вероятно, что мисты постигали некое тайное знание, избавлявшее их от страха смерти. У эллинов не было развитых представлений о посмертном воздаянии и лучшем мире, напротив, царство мертвых в равной степени пугало и отталкивало людей вне зависимости от их праведности или греховности. Переживание смерти других людей и осознание собственной смертности являются мощнейшими переживаниями для каждого человека во все времена. Народная религия эллинов не давала им утешения и ответов на многие вопросы, поэтому они и стремились приобщиться к Элевсинскому культу, удовлетворявшему запросы их мысли. Демократичный характер мистерий, по мнению К. Зеллигманна, говорит о том, что в их основе было не высокоинтеллектуальное философское учение, а вера [2, с. 113].

Закон мистерий под страхом смерти запрещал посвященным разглашать это учение, но некоторые древние авторы все же намекают на содержание культа; этих сведений явно недостаточно для воссоздания полной картины, и многое нам приходится лишь предполагать. Главным источником для нас по-прежнему остается Гомеровский гимн к Деметре, который мистерии ритуализировали.

Возникнув, вероятно, еще в XV в. до н. э., мистерии изначально имели достаточно простые ритуалы, но со временем все более развивались, и к IV в. до н. э. включали в себя несколько уровней посвящения. Высшей ступенью были Великие мистерии, приобщение к ним и было целью неопитов. В силу слабой освещенности в источниках восстановить весь процесс посвящения нельзя, но тем больше возможных интерпретаций вызывает ритуальная формула,

известная по Клименту Александрийскому: «Я постился, я пил кикеон, я взял из сундука, и поработав, я положил в корзину, а из корзины в сундук» (Clem. Alex. Protr., 2, 21) [см.: 3, с. 62; ср.: 5, с. 262]. В зависимости от того, сколько элементов этой формулы исследователи считали достоверными, понимание мистерий менялось.

Н. И. Новосадский полагал, что знание тайны смерти и божественного начала не могло быть сообщено мистам лишь через созерцание, что в мистериях проводился цикл учений, связанный с этическими представлениями древних греков о борьбе добра и зла [4, с. 32]. Он отмечает, что эта идея пронизывает весь гимн, в котором веселье Персефоны прерывается ее символической смертью, а горе тоскующей Деметры-Матери сменяется радостью возвращения дочери. Сама Деметра предстает то в образе старухи, то блистательной богини, то она желает погубить весь род человеческий, то возвращает жизнь бесплодным пашням. Именно идея вечной борьбы добра со злом связывает гомеровский гимн с Элевсинскими мистериями.

По мнению Дж. Фрэзера, на Великих мистериях, жрецами разыгрывался священный брак между Зевсом и Деметрой, результатов которого с беспокойством ждали верующие. Плодом божественного союза был хлебный колос, символизирующий возрождение земли и спасение людского рода [8, с. 195–196]. Аграрная составляющая культа прослеживается в основополагающем мифе о Деметре и Персефоне, в символике, обрядах и сроках проведения мистерий. Но земледелие у древних греков было тесно связано с идеями жизни и смерти. Они почитали Деметру как богиню, подарившую им зерно, что вывело их из животного состояния, и мистерии, в которых они черпают величайшие надежды [4, с. 78], а также как покровительницу умерших — деметриев [3, с. 153]. М. Нильссон считал, что Элевсинский культ основывается на идее того, что земледелие есть источник цивилизованной мирной жизни, подобающей человеку. Не только зерно символизировало цикл смерти и возрождения, но и гранатовое зернышко, которое Плутон дал Коре для возвращения богини в подземный мир. Отсюда жизнь таит в себе смерть, а рождение неотделимо от умирания [3, с. 152]; в загробном мире обретут счастье лишь посвященные, узревшие таинства, остальных же ждет страдание и тьма (НН, V, 480). Не было чуждым для мистерий и учение о переселении душ и общении живых и мертвых, что являлось одной из

самых привлекательных для древних сторон культа. Приобщиться к таинствам Деметры многие стремились хотя бы перед смертью, чтобы спокойно отойти в мир иной. То есть, у эллинов были некоторые представления о роли тайного знания в загробной жизни.

В. Ф. Отто полагал, что на ранних этапах истории Элевсина мист во время созерцания эпоптеи переживал чувство близости к богиням, трансформацию своего бытия и переход на более высокую ступень существования. В этом проявлялся дух возрождения, позволявший людям приобщиться к миру богов и вернуться в «золотой век», уподобиться своим славным предкам [5, с. 272–273]. По мнению С. Н. Сергеевой, граница между миром живых и мертвых в дни мистерий становилась особенно зыбкой [6, с. 135].

Интересна мысль М. Элиаде, что Элевсин открыл новое религиозное измерение, так как мисты переживали основной опыт, раскрывавший тайну и сакральность пищи, полового акта, рождения, ритуальной смерти [9, с. 275]. Эту идею продолжил Е. А. Торчинов, выделивший феномен «религиозного опыта» как основы и ядра любой религии, в т. ч. и Элевсинских мистерий. Он считал, что во время последней, важнейшей части мистерий посвященные испытывали глубинное катарсическое переживание, личный религиозный опыт. Все участники таинств переживали в процессе посвящения смерть, воскресение, которое снова прерывала смерть, окончательное воскресение и обновление; изгладить эти воспоминания из памяти было невозможно [7, с. 152].

Благодаря мистериям, смерть воспринималась не как абсолютный конец, а как переход к иной форме жизни; по аналогии с зерном, которое умирает, чтобы принести плоды [1, с. 492]. В этом можно увидеть сходство элевсинского учения с христианством, дававшим людям утешение и надежду. Но именно христианство положило конец «языческому» учению, уничтожив одно из самых ярких проявлений древнегреческой культуры.

Итак, в Элевсинских мистериях отражались представления эллинов о жизни, смерти и возрождении, и именно эти идеи были ключевыми для культа Великих Богинь. Видеть в Элевсинских таинствах только аграрную составляющую — значит недооценивать глубину и масштабы их учения, дававшего верующим ответы на важнейшие экзистенциальные и этические вопросы. Празднование мистерий было

не только данью традиции, но являлось уникальным событием духовной жизни в Древней Греции, достигшим своего расцвета в архаический и классический период.

Список литературы

1. Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.: Алетейя, 2004. 585 с.

2. Зелигманн К. История магии и оккультизма / Пер. с англ. А. Блейз. М. Крон-пресс, 2001. 576 с.

3. Нильссон М. Греческая народная религия / Пер. с англ. С. Ю. Клементьевой. СПб. Алетейя, 1998. 218 с.

4. Новосадский Н. И. Элевсинские мистерии. Исследование в области древнегреческих мистических культов. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1887. 183 с.

5. Отто В. Ф. Смысл элевсинских мистерий // Кереньи К. Элевсин: Архетипический образ матери и дочери / Пер. с англ. М.: Рефл-бук, 2000. С. 253 – 274.

6. Сергеева С. Н. Элевсинские мистерии (К проблеме мистериальных культов в античном обществе): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 279 с.

7. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.

8. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. Т. 1 / Пер. с англ. М. Рыклина. М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. 528 с.

9. Элиаде М. История веры и религиозных идей: От каменного века до элевсинских мистерий / Пер. с фр. Н. Н. Кулаковой и др. М.: Академический проект, 2008. 622 с.

Корепанов Кирилл Алексеевич

Глазовский государственный педагогический институт им. В. Г. Короленко

Научный руководитель:

Лихачева Людмила Александровна, канд. ист. наук, доц.

Отношения принцепса и сената в правление Александра Севера по данным SHA

Relations of the Princeps and the Senate in the reign of Alexander Severus according to SHA

***Аннотация.** В работе представлены особенности взаимоотношений принцепса и сената в правление Александра Севера по данным источника *Scriptores Historiae Augustae*. Автор на основе сведений источника доказывает, что принцепс стремился опираться на силы сената, но в качестве подконтрольного органа принцепса, поэтому сенат исполнял лишь совещательные функции при принцепсе, несмотря на расширение компетенций сената.*

***Ключевые слова:** Принципат; Александр Север; сенат; древний Рим.*

***Abstract.** The paper presents the features of the relationship between the princeps and the Senate in the reign of Alexander Severus according to the source *Scriptores Historiae Augustae*. The author, on the basis of information from the source, proves that the princeps sought to rely on the forces of the Senate, but as a controlled body of the princeps, so the Senate performed only advisory functions under the princeps, despite the expansion of the Senate's competence.*

***Key words:** Principate; Alexander Severus; Senate; ancient Rome.*

Принципат — одна из сложных проблем в антиковедении, в которой мало затронут механизм взаимодействия органов власти. Личность Александра Севера практически не освещена историографией. Ввиду этого есть необходимость обратиться к вопросу сената, как составной части системы принципата, в империи накануне кризиса III в.

Для разрешения поставленной проблемы мы обратились к такому малоизученному источнику как Авторы жизнеописаний Августов (SHA). Именно этот источник наиболее ярко отражает идеологию, политические установки сенаторских кругов поздней

империи [6, с. 243, 245]. Биография Александра Севера включает много ложных сенатских протоколов, речей императора к сенату [3, с. 254]. В них сенат характеризует Александра добродетельным, спасителем государства (SHA. v. A. Sev. VI–XI) [1]. Кроме того, сама биография Александра является гиперболизированной и идеализированной, представляющая образ идеального императора [6, с. 239, 243]. С нашей точки зрения это может подтверждать просенатскую позицию автора биографии (SHA. v. A. Sev. VI–XI, XVII, XIX, XXXVI, XLIII, XLVIII, LIII, LIV, LVI, LVII, LVIII, LXI, LXIII, XLVI) [1]. Остальные данные о составе, сфере государственных интересов сената, внешних отношениях между принципсом и сенатом в целом подтверждаются Дионом Кассием и Геродианом [4, с. 8–9].

Обратимся к вопросу прихода к власти Александра. С усыновлением Гелиогабалом Александра Севера на сторону второго постепенно перешли сенат, армия, всадники (SHA. Geliog. XIII. 3, XIV. 2) [1]. Причем, решающую роль в этом играла армия (SHA. Geliog. XIII. 1–3, XV.1, 3, 6, XVI. 5, XVII. 1, 2) [1]. Только после утверждения армией кандидатуры Севера как нового императора сенат приказал уничтожить имя Гелиогабала. Данный факт вновь демонстрирует главенство армии, а не сената в определении вопросов кандидатуры императоров в данное время (SHA. A. Sev. I) [1].

Сенат мгновенно признал Александра и принялся назначать ему комплекс званий и почестей (SHA. A. Sev. I, II) [1]. Эти действия сената можно объяснить его потерей политического авторитета и стремлением найти поддержку в лице молодого принципса. Но сам принципс отказался от части почестей, что может говорить о стремлении Александра Севера проводить политику консолидации общества, после многолетней нестабильности внутри дома Северов, опираясь на традиции Августа (SHA. A. Sev. V. 5, XV.1) [1].

Подобную политику в условиях III в. уже невозможно было модернизировать, так как, на наш взгляд, государственный аппарат принципата значительно эволюционировал в сторону единоличного правления за годы династии Флавиев и Антонинов, это и послужило причиной того, почему сенат не смог восстановить свою политическую самостоятельность при Александре Севере.

Следующим важным вопросом является состав сената. Император произвел чистку сената, устраняя из него фаворитов

Гелиогабала, префекты претория стали причисляться к сенаторскому сословию (SHA. A. Sev. XV, XIX, XXI. 3, XXIII. 3–8, XXXIV. 3, 4) [1]. Данные действия можно объяснить такой тенденцией Александра как повышение статуса сената, обеспечения стабильности этого органа власти, в чем можно увидеть цель сделать его своей опорой.

Источник позволяет определить сферы государственных интересов сената. После прихода к власти Александра Севера был сформирован комитет из 16 сенаторов, своеобразный регентский совет [3, с. 158]. При решении государственных вопросов новый принцепс опирался на императорский совет куда входили, в том числе примерно 50–70 сенаторов (SHA. A. Sev. XVI, XXIX. 4) [1]. Но представители от армии не входили в данный совет. Это можно объяснить тем, что принцепс стремился ограничить возможность влияния армии в государстве, опереться на силы сената в управлении империей. Сенаторы принимали участие в формировании состава самого сената (SHA. A. Sev. XIX, XLIII. 2) [1].

Сохранялось управление сенаторами проконсульскими провинциями (SHA. A. Sev. XXIV. 1, XLII. 4) [1]. Александр Север повысил сумму, которую взимали сенаторы-ростовщики до 6 процентов (SHA. A. Sev. XXVI. 2, 3) [1]. Данный шаг позволял сенаторам значительно обогащаться за счет разорения мелких и средних землевладельцев [6, с. 243]. Таким образом, из перечисленных мер можно заметить широкие функции сената в социально-экономических и политических вопросах империи.

Однако на деле сенат лишь являлся советником в делах принцепса, но не выступал в роли самостоятельной политической структуры власти: принцепс распоряжался, согласуясь с волей сената (SHA. A. Sev. XXIV. 1, XXVI. 3) [1]. Александр установил 14 попечителей города для разбора городских дел (SHA. A. Sev. XXXIII. 1). Эта мера привела к потере функции сенаторов — избрание магистратов [4, с. 71]. При установлении почетных званий понтификов об этом лишь доводилось до сведений сената (SHA. A. Sev. XLIX. 2) [1]. Таким образом, Александр Север стремился поднять престиж сената, его авторитет в обществе, но не пытался возвращать сенат в роли самостоятельной политической силы. На наш взгляд, он хотел опираться на него как на один из органов государственного аппарата, находящегося под кон-

тролем принцепса, поэтому сенат стал выполнять лишь совещательные функции при принцепсе.

Важное место занимает вопрос о внешних знаках уважения между сенатом и принцепсом. Александр Север запретил обряд проскинезы, вопросы суда над сенаторами сохранялись внутри самого сената, принцепс материально поддерживал обедневших сенаторов, либо ушедших в отставку. Данные меры демонстрируют уважение к сенаторам, его желание повысить заниженный статус сената после автократичного правления Каракаллы (SHA. A. Sev. XVIII, XX, XXI. 5, XXXII, XL) [1]. Этими мерами принцепс, на наш взгляд, хотел консолидировать разрозненное к тому времени сословие сенаторов. Может показаться, что данными действиями принцепс стремился заработать авторитет у сената. Но на наш взгляд, это неверно, так как Александр принял власть не от сената, а от армии, сам сенат мгновенно причислил ему многочисленные почести, не соответствовавшие возрасту принцепса. Это доказывает, что к началу правления Александра сенат, ослабленный политикой первых Северов, нуждался в защите принцепса.

В Риме и в городах Италии он ходил в тоге, что служит иллюстрацией действий принцепса по возрождению римских традиций, отодвинутых солнцепоклонничеством Гелиогабала (SHA. A. Sev. XL. 7–9) [1]. Это было вызвано потребностью со стороны императорской власти найти способ сплочения римского общества от социально-экономических, политических, духовных и внешних противоречий в данное время [5, с. 87, 93, 94]. Александр Север выбрал путь опоры на римские традиции, учитывая интересы сенаторов, которые должны были стать его опорой.

После убийства Александра Севера, несмотря на всеобщую любовь сената к принцепсу, он был обожествлен лишь только при Гордиане III. Сенат опасался враждебных действий по отношению к себе со стороны солдат и провозглашенного ими императора Максимиана, что говорит о потере реальной функции сената в вопросе обожествления принцепсов (консекрации), как и в вопросе получения власти принцепсом (SHA. A. Sev. LXIII) [1]¹.

---

¹ Автор источника допускает фактологическую ошибку, указывая на обожествление Александра Севера сенатом сразу после его смерти, однако он начинает упоминаться божественным только

В источнике нет данных о казнях сенаторов, конфискаций их имущества, имеются лишь упоминания об единичных осуждениях за воровство, стремлении получить должность незаконным путем (SHA. A. Sev. XXVIII. 4, LII. 2) [1]. Это может свидетельствовать о поддержке курса Александра Севера сенатом.

Таким образом, Александр Север в своей политике пытался опираться на сенаторов, но как в качестве подконтрольного себе органа власти. Поэтому, несмотря на повышение статуса сената, на деле сенаторы остались лишь советниками в делах империи. Данная ситуация свидетельствует о кризисе сенаторского сословия в III в., государственно-правовой системы принципата в целом.

Список литературы

1. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / пер. с лат. С. Н. Кондратьева, под ред. А. И. Доватура. М.: Наука, 1992. 383 с.
2. Грант М. Римские императоры / Пер. с англ. М. Гитт. М.: ТЕРРА, 1998. 400 с.
3. Доватур А. И. История изучения *Scriptores Historiae Augustae* // Вестник древней истории. 1957. № 1. С. 245 – 256.
4. Сергеев И. П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков: Майдан, 1999. 224 с
5. Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. В 2 т. Т.1. / Е. С. Голубцова (отв. ред.). М.: Наука, 1985. С. 87 – 105.
6. Штаерман Е. М. *Scriptores Historiae Augustae* как исторический источник // Вестник древней истории. 1957. № 1. С. 233 – 245.

в эдикте Гордиана III [1, прим. 192, с. 356].

Баженов Егор Антонович

Российский государственный гуманитарный университет

Научный руководитель:

Ермолова Ирина Евгеньевна, канд. ист. наук., доц.

Формы политической консолидации аламаннов и квадов во второй половине IV в. н. э. (по данным Аммиана Марцеллина)

Forms of political consolidation of the Alamans and Quads in the second half of the IV century AD (according to Ammianus Marcellinus)

***Аннотация.** Статья посвящена анализу и сравнению форм политической консолидации у аламаннов и квадов во второй половине IV в. н. э. Автор подвергает сомнению существование таких форм политической организации у германских народов как «союз» или «конфедерация племен» в указанный период.*

***Ключевые слова:** Аммиан Марцеллин; варвары; аламанны; квады.*

***Abstract.** The article is devoted to the analysis and comparison of the forms of political consolidation among the Alamanni and Quadi in the second half of the IV century. The author casts doubt on the existence of such forms of political organization among the Germanic peoples as “union” or “confederation of tribes”.*

***Key words:** Ammianus Marcellinus; barbarians; Alamanni; Quadi.*

Введение

В настоящее время российские историки считают актуальной выработку современного методологического подхода в изучении процесса становления ранних форм государственности у германских народов [8, с. 40]. В связи с этим, довольно важной проблемой является вопрос о политической консолидации германских племен в формах «союзов» или «конфедераций племен». По мнению историков, эти новые образования сложились к середине III в. н. э. и представляли большую опасность для Рима, чем германские объединения предшествующих периодов [5, с. 177]. К сожалению, мы не обладаем аутентичными письменными источниками, созданными представителями германских племен, а потому вынуждены смотреть на данную проблематику исключительно глазами их соперников — римлян.

Однако проблемы римского мира в позднеантичное время сказались и на источниковой базе. Среди компиляторских работ той эпохи одиноко возвышается труд Аммиана Марцеллина [3, с. 305]. Высокая ценность сведений Аммиана Марцеллина подчеркивается многими исследователями. Британский историк П. Хизер отмечает, что произведение Аммиана является самым подробным и достоверным из всех, что были созданы в позднеримский период [10, с. 220]. Именно поэтому сведения этого римского историка станут основным источником данного исследования.

Форма политической консолидации у аламаннов

Начать стоит с того, что под контролем того или иного аламаннского лидера находилась определенная территория [4, с. 51]. В пользу данного тезиса можно привести сообщение Аммиана о «царстве» Гортария (Hortarii regna) (Amm. Marc., XVIII, 2, 14), куда вторгся цезарь Юлиан в 358 г. н. э. в ходе своего похода, который последовал после разгрома аламаннов при Аргенторате (Amm. Marc., XVII, 10, 5–6). Отметим, что термин «regna» Аммиан Марцеллин использует неоднократно по отношению к Персии (Amm. Marc., XIV, 8, 5; XXIII, 5, 16; XXIII, 6, 22; XXIV, 7, 3) и к Колхидскому царству (Amm. Marc., XVI, 7, 10). Из чего следует, что в глазах римского историка такие «царства» аламаннов были государственными образованиями. Важно подчеркнуть, что в случае с Гортарием термин regna персонифицирован, привязан к конкретному предводителю, а не к народу. Каждый из вождей владеет своим «персональным» государственным образованием, которое никак не связано с другими, что можно интерпретировать как свидетельство разобщенности аламаннов.

По данным Аммиана, известно, что упомянутый Гортарий и Суомарий, которые вместе сражались под Аргенторатом (Amm. Marc., XVI. 12. 1), вскоре заключили мирные договоры с Юлианом, но по отдельности, каждый от своего имени и на разных условиях (Amm. Marc., XVII, 10, 3–9). Стоит также отметить, что часть аламаннских лидеров непосредственно в битве под Аргенторатом участия не принимала, а лишь послала помощь участникам сражения (Amm. Marc., XVII, 1, 13). Некоторые вожди, например, Вадомарий, в то же самое время общались напрямую с Констанцием II и благодаря этому становились клиентами Римской державы и выступили посредниками в

переговорах с другими аламанскими предводителями (Амм. Марс., XVIII, 2, 16–18).

Важно отметить, что Аммиан разделяет области «царей еще враждебных» и область подчиненную Гортарию (Амм. Марс., XVIII, 2, 14–15), который на тот момент уже успел заключить мир с Римом. Примечательно, что римские солдаты не позволяли себе грабежей в области Гортария, но во владениях враждебных «царей» прошли огонь и мечом (Амм. Марс., XVIII, 2, 14–15), что может свидетельствовать о демаркации границ между отдельными regna. Косвенно этот тезис подтверждает сообщение Аммиана о том, что римляне в предыдущую кампанию разорили земли самого Гортария (Амм. Марс., XVII, 10, 6–7).

Резюмируя, отметим, что проследить общую внешнюю политику у аламаннов не представляется возможным: кто-то из них враждебен римлянам, а кто-то, напротив, дружелюбен и даже лоялен им. В этом контексте стоит также вспомнить летов-аламаннов, которые служили Риму и были обязаны поставлять рекрутов в римскую армию, но при этом не гнушались грабить римские территории [2, с. 13–14].

Форма политической консолидации у квадов

Описывая посольство квадов к Констанцию II, посланное варварами в 358 г. н. э. после неудачной для них войны, Аммиан упоминает несколько типов лидеров: «...Их [квадов — прим. Е. Б.] царевич Витродор, сын царя Видуария, вассал его Агилимунд и другие знатные люди и судьи, стоявшие во главе различных племен...» (Амм. Марс., XVII, 12, 21, пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни). Подчеркнём, что квады в этом эпизоде выставили одно общее посольство, которое отстаивало интересы всего объединения. Также интересным в данном сообщении является существование подчиненного самому «царевичу» «вассала» Агильмунда, которого Аммиан Марцеллин обозначил термином *subregulus*. По мнению И. Е. Ермоловой, *subreguli* беспрекословно подчинялись своему предводителю. Это вероятно связано с тем, что прежде чем обрести свой статус, *subreguli* сначала терпели поражение от своего будущего «благодетеля» [7, с. 87]. Предполагается, что форма зависимости *subregulus* носила некий вассальный характер [6, с. 150]. Такая форма зависимости свидетель-

ствуется о сильной фигуре «царевича» и о существовании в среде квадов системы подчиненности части племенных групп сильному лидеру.

Прецеденты сильной власти у квадов встречались и ранее. В качестве примера можно привести Ванния, который жил в I в. н. э. и был выходцем из этого племени (Тас. Ann., II, 63, 7). Ванний правил в течение трех десятков лет, но в конечном итоге был свергнут (Тас. Ann., XII, 29, 1).

Важно отметить, что Аммиан использует термин «царство квадов» (Quadorum regna) (Amm. Marc., XVII, 12, 9). Термин в данном случае не персонифицирован, а привязан к целому племени, что может свидетельствовать, вкупе с другими сведениями, о высокой политической консолидации квадов.

Заключение

Практически в одно время (357–359 гг. н. э.) и при схожих внешнеполитических условиях (у квадов это проигранная война и поход Констанция против них в 358 г.; у аламаннов это проигранная крупная битва в 357 г. и экспедиции Юлиана 358–359 гг.) можно заметить, как по-разному себя проявила политическая консолидация рассматриваемых племен. Для квадов характерна высокая степень политической консолидации, основанная, скорее всего, на подчинении лидеров мелких племенных групп более сильному и могущественному, что, вероятно, значительно сплачивало их и позволяло им в чрезвычайных ситуациях выработать единый внешнеполитический курс, что дает возможность рассматривать квадов как конфедерацию или союз племен в рамках изложенного материала.

У аламаннов, напротив, каждый из предводителей в экстраординарных ситуациях стремился проводить свою, независимую от других, внешнюю политику, что дает возможность говорить о достаточно слабой политической консолидации и об отсутствии у них какого-либо постоянного племенного объединения в виде конфедерации или союза племен. К тому же, Аммиан Марцеллин, повествуя о подготовке похода Юлиана за Рейн 358 г., прямо пишет, что аламанны еще не собрались после Аргентората в одно объединение (nondum in unum coactos) против римлян (Amm. Marc., XVII, 8, 1). Такое положение дел ставит под сомнение допустимость использования

универсалистских моделей, что заставляет исследователей искать все более совершенные историко-методологические подходы.

Список литературы

1. Аммиан Марцеллин Римская История (Res Gestae) / Пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. 3-е изд. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.

2. Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 264 с.

3. Высокий М. Ф., Донченко А. И., Хорьков М. Л. Последние историки великой империи // Римские историки IV века / М. А. Тимофеев. (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 1997. 414 с.

4. Ганенко А. Н. О характеристике королевской власти у аламаннов // Власть и политическая культура в средневековой Европе / Е. В. Гунтова (отв. ред.). М.: ИВИ РАН, 1992. С. 50 – 57.

5. Голдсуорти А. Падение Запада. Медленная Смерть Римской империи / Пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой. М.: АСТ, 2014. 733 с.

6. Дряхлов В. Н. Древнегерманская дружина по данным Аммиана Марцеллина // Античный вестник / А. А. Елагина (отв. ред.). Омск: ОмГУ, 1993. С. 144 – 153.

7. Ермолова И. Е. Аммиан Марцеллин о политических институтах варварского общества // Восточная Европа в древности и средневековье: политические институты и верховная власть / Е. А. Мельникова (отв. ред.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. С. 85 – 88.

8. Санников С. В. Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов // Исторический ежегодник / С. А. Красильников (отв. ред.). Новосибирск: РИПЭЛ, 2008. С. 40 – 54.

9. Тацит Корнелий Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. М.: АСТ: Ладомир, 2001. 992 с.

10. Хизер П. Великие завоевания варваров. Падение Рима и рождение Европы / Пер. с англ. С. В. Чепелевского, Г. Ю. Чепелевской. М.: Центрполиграф, 2016. 830 с.

Иванова Елена Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского

Научный руководитель:

Махлаюк Александр Валентинович, д-р. ист. наук, проф.

Социальная роль женщины внутри военного сообщества Римской империи

The social role of women within the military community of the Roman Empire

Аннотация. В представлениях римлян женщины и военная дисциплина были несовместимыми понятиями, и римские авторы солидарно утверждают, что присутствие женщины в военном лагере недопустимо. Тем не менее, археологические материалы свидетельствуют о пребывании женщин внутри лагерных стен. Развивая тему женского присутствия в римском военном поселении, автор данной статьи делает попытку определить социальные роли женщин в военном сообществе. На основе сведений из эпиграфических источников выдвигается предположение об активном участии женщин в религиозной жизни лагеря, а также об их роли в сохранении культурной идентичности воинов.

Ключевые слова: гендерная история; эпиграфика; римская армия.

Abstract. The Romans believed that women and military discipline were the contradictory things. Actually, the Roman authors claimed that the presence of women in a military camp was unacceptable. However, archaeological materials indicate the presence of women inside the camp walls. In order to develop the topic, the author of this report seeks to determine the social roles of women in a military community. Particularly, this report is based on the epigraphic sources, and it is supposed that women actively participated in the religious life of the camp. Besides, their role in preserving the cultural identity of the soldiers is assumed.

Kew words: Gender History; Epigraphy; Roman army.

В комментариях к «Энеиде» (Serv. Ad Aen. 3. 519) [13] Сервий отмечает, что слово castra (военный лагерь) звучит подобно casta (целомудренный), потому что в лагере подавляется похоть, ведь там никогда не присутствовала женщина. Тем не менее, археологические

находки, эпитафические (Tab. Vindol. 291, 292, 294, 622) [12] и папирологические (P. Mich. III. 203_1) [11] источники свидетельствуют, что женщины жили как в канабах, так и внутри лагерных стен. Следовательно, женщины все-таки составляли определенную часть военного сообщества, и в связи с этим представляется немаловажным определить, какие социальные роли они играли в нем.

Несмотря на то, что среди обитательниц военного поселения были и рабыни, и проститутки, и неофициальные жены солдат (юридическое признание солдатских браков отсутствовало в первые два века н. э. из-за действия «брачного запрета», установленного Октавианом Августом), мы сосредоточим наше внимание на роли жен высших командиров, поскольку она лучше освещена в источниках.

В том числе, в нашем распоряжении имеются свидетельства самих женщин, живших в военных лагерях Британии на рубеже I–II в. н. э. Мы имеем в виду переписку Сульпиции Лепидины — жены Флавия Цериала, префекта 9-й когорты батавов, дислоцированной в Виндоланде, с Клавдией Северой, женой Элия Брокха, префекта Брига (военного лагеря, расположенного недалеко от Виндоланды) (Tab. Vindol. 291, 292) [12]. Отметим, что письма названных женщин посвящены исключительно частным вопросам, например, таким, как проведение Дня рождения. И их образы, возникающие в результате прочтения, мало похожи на образ другой знаменитой женщины, жены прославленного военачальника, — Агриппины Старшей, которая в рассказе Тацита предстает как «сильная духом женщина», сумевшая подавить мятеж, «против которого было бессильно имя самого принцепса» (Тас. Ann. 1. 69, пер. А.С. Бобовича) [3]. Наоборот, наши героини больше соответствуют образу римской матроны, посвящавшей себя семейным делам, заботе о муже и детях.

Несмотря на это, американская исследовательница Л. Маккарделл [10, р. 12] отмечает, что использование Клавдией Северой таких изысканных выражений, как «*vale soror anima mea ita valeam karissima et have*», свидетельствует о её начитанности и образованности. В связи с этим, Л. Маккарделл считает, что жены префектов, будучи *matronae doctae*, могли быть надежными советчицами своим мужьям, но в целом их деятельность разворачивалась внутри стен дома.

Также на территории Виндоланды была найдена табличка (Tab. Vindol. 581) [12], относящаяся к тому же периоду, что и переписка Лепидины, в которой упоминается празднование матроналий. Это религиозный праздник, посвященный Юноне Луцине — богине, выводящей ребенка на свет. Следовательно, мы можем предположить присутствие жрицы данной богини, должность которой, как указывает Э. Хемелрийк [8, р. 480], предполагала значительные затраты и поэтому чаще всего исполнялась женщинами из обеспеченных семей. В Виндоланде жрицей могла быть сама Лепидина.

Кроме этого, офицерские жены выступали и рядовыми участницами римских культов, о чем свидетельствуют многочисленные надписи с их посвящениями римским божествам и императору¹. Так, например, Сосия Юнцина, жена легата Квинта Антония Исаврия, поставила алтарь Богине Фортуне (CIL VII, 233) [6], а Аврелия Люцилла, супруга Тита Аврелия Кассия, префекта XIV Парного легиона, исполнила обет Диане Августе (AE 2001, 1649) [9]. Отметим, что подобные надписи встречаются повсеместно, а не только в военных лагерях Британии.

Итак, мы видим, что женщины из высшего сословия принимали активное участие в религиозной жизни военного поселения. Однако, можно предположить, что их деятельность в названной сфере имела более широкие последствия, а именно — участвуя в римских религиозных культах и будучи носителями римской культуры в целом, жены префектов своим примером могли способствовать романизации других женщин, обитающих в лагере или рядом с ним [7, р. 252].

С другой стороны, можно проследить и противоположную тенденцию. Так, например, на территории римского лагеря в Корбридже была найдена посвятельная надпись на древнегреческом языке Геркулесу Тирскому, созданная жрицей Диодорой (RIB 1129) [12]. Названное божество отождествляется комментаторами (RIB 1129) [12] с Мелькартом — верховным богом Тира, также почитавшимся сирийцами. В данном случае Диодора предстает хранительницей сирийских традиций и обеспечивает сирийским

---

¹ См.: AE 1962, 119; AE 1987, 872; AE 2013, 1208 [9]; RIU 284, 1073 [5]; CIL III, 3432, 3936, 3998, 4108, 10836, 11134 [6].

солдатам (RIB 490, 3460) [12], служившим в Британии, духовную связь с родными местами.

Также хранительницами не-римских традиций выступали жрицы культа Солнца в Паннонии, распространенного среди военно служащих этой провинции, о чем свидетельствует большое количество посвячительных надписей данному божеству, созданных солдатами и офицерами¹. По мнению Ю. К. Колосовской, жрицы Солнца были влиятельными личностями и могли восприниматься как духовные наставницы и как хранительницы преданий рода. Под их воздействием формировались нравственные качества и религиозные убеждения, твердость характера и сила воли паннонских воинов [2, с. 147]. По легенде, жрицей богини Солнца в сельском храме Паннонии была мать императора Аврелиана (SHA. Aurel. IV. 2, Пер. С.Н. Кондратьева) [1].

Таким образом, в военной среде женщины, и прежде всего жены высших офицеров, могли реализовать себя в религиозной деятельности. Кроме этого, в данной сфере они выступали в двух противоположных ипостасях — как хранительницы ценностей своего народа и как пропагандистки римской культуры. В связи с этим, мы можем заключить, что женщины из высших сословий выступали агентами креолизации в поликультурном военном сообществе.

Список литературы

1. Властелины Рима: Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. / Пер. с лат. С. Н. Кондратьева. М.: Наука, 1992. 384 с.
2. Колосовская Ю. К. Образ римской женщины в Паннонии // Женщина в античном мире / Л. П. Маринович (ред). М., 1995. С. 142 – 155.
3. Тацит Корнелий. Анналы. История / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М.: АСТ, 2011. 828 с.
4. Allason-Jones L. Women in Roman Britain // A Companion to Women in the Ancient World / S. L. James, S. Dillon (ed.). Malden/Oxford, Wiley-Blackwell, 2012. P. 467 – 477.
5. Barkóczy L., Mócsy A. Die römischen Inschriften Ungarns. Lieferung B. 1-2. Budapest, 1972–1976.

---

¹ См., например: CIL III, 3475–3476, 3483, 11144а, 11145, 11147, 11149, 11151 [6].

6. Corpus inscriptionum Latinarum / Hrsg. A. Degrassi. Berlin, 1863 — ; N. S.: 1981 —
7. Greene E. M. Women and Families in the Auxiliary Military Communities of the Roman West in the First and Second Centuries AD: PhD Diss. University of North Carolina. Chapel Hill, 2011. 378 p.
8. Hemelrijk E. A. Public Roles for Women in the Cities of the Latin West // A Companion to Women in the Ancient World / S. L. James, S. Dillon (ed). Malden/Oxford, Wiley-Blackwell, 2012. P. 478 – 490.
9. L'année épigraphique. Paris, 1881 —
10. McCardel L. Women on the Wall: The Roles and Impact of Women on Hadrian's Wall. Savannah: Savannah College of Art and Design, 2013. 73 p.
11. Papyri in the University of Michigan Collection / Eds. C. C. Edgar, A. E. R. Boak, J. G. Winter et al. Ann Arbor, 1931 —
12. Roman Inscriptions of Britain // Latin Now. URL: <https://romaninscriptionsofbritain.org/> (дата обращения: 04.06.2020).
13. Servianorum in Vergilii Carmina Commentariorum: Volume III: Quod in Aeneidos Libros III–V. Explanations Continet. Oxford University Press, 1974. 610 p.

III. ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Викторов Анатолий Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Старостин Дмитрий Николаевич, канд. ист. наук, доц.

Влияние монастырей на создание «Vita Sancti Arnulfi»

The influence of monasteries on the creation of «Vita Sancti Arnulfi»

Аннотация. *Vita Sancti Arnulfi*, агиографическое сочинение, созданное анонимным меровингским автором, рассматривается как пример влияния церкви на формирование исторических источников раннего средневековья.

Ключевые слова: *Меровинги; Франки; Арнульф Мецский; Арнульфingi; монастыри.*

Abstract. *Vita Sancti Arnulfi*, a hagiographic work by an anonymous Merovingian author, is seen as an example of the Church's influence in shaping the historical sources of the Early Middle Ages.

Key words: *Merovingians; Franks; Arnulf of Metz; Arnulfingians; Monasteries.*

В VI в. в государстве Меровингов монастырей было немного. Находились они, преимущественно, в городах, полностью подчиняясь епископам [6, р. 3]. В начале VII в. количество монастырей многократно увеличивается. Среди франкской элиты стало широко распространено участие в создании новых монастырей и покровительство им. Новые монастыри, располагаясь вне городов, не подчинялись власти местного епископа, и выбирали аббата по своему усмотрению [2, с. 338]. Покровительствуя монастырю и передавая ему земельные участки, знатный род сохранял над ними контроль [6, р. 134]. Это не означало монастырского противостояния королевской власти [2, с. 380], но утверждало становление монастыря, как центра политической силы за пределами городов [2, с. 343]. Вплоть до эпохи Каролингов, отсутствуют свидетельства доступа представителей монастырей к королевскому двору [8, р. 80]. С появлением

ирландских проповедников, в монастырях распространяется грамотность [9, p. 176].

«*Vita Sancti Arnulfi*» было создано неизвестным монахом аббатства Ремиромон и представляет собой попытку представить епископа Арнульфа не только как святого человека, но и как влиятельного и, возможно, основного защитника королевской власти франков. Основной задачей автора жития являлось утверждение легитимности власти рода Арнульфingов. Подобные цели были характерны и для более ранних авторов [2, с. 334].

Из текста «*Vita Sancti Arnulfi*» очевидно, что его автор не знал деталей жизни святого, так как текст был создан не ранее конца VII в. [11, p. 175], со смерти Арнульфа прошло много лет. Источники автора — это, в первую очередь, свидетельства, доступные автору в монастыре Ремиромон — месте последних дней и кончины Арнульфа. Это может быть, также и «Хроника» Фредегара, датируемая серединой VII в. [4, с. 7]. Одна из рукописных версий «Хроники» Фредегара, хранившаяся в Меце — центре влияния Арнульфingов и Пипинидов (и, к сожалению, уничтоженная в ходе Второй мировой войны), была скопирована в конце VIII в. [13, p. 197]. Известна также копия «Хроники», датируемая началом VIII в., которая написана небрежным почерком. Недавно была высказана гипотеза о том, что эта копия была создана для личного изучения [9, p. 174]. Это не может расцениваться как доказательство того, что житие святого Арнульфа было создано на основе «Хроники» Фредегара, но указывает на подобную возможность. Самая ранняя рукопись жития святого Арнульфа начала IX в. [11, p. 175], содержит, возможно, изменения каролингских переписчиков. Сравнение «Хроники» Фредегара и «*Vita Sancti Arnulfi*» может быть интересным при изучении культа святого Арнульфа, который, в начале IX в., переживал серьезные трансформации в связи с появлением текстов, указывающих на родственную связь Каролинггов и Арнульфingов [12, s. 250–364].

Арнульф Мецкий впервые упоминается в «Хронике» Фредегара в книге IV, когда, «Хлотарь по совету Арнульфа и Пипина и прочих магнатов вторгся в Австразию» [3, с. 207]. Участие Арнульфа в политических интригах, направленных против регентства Брунгильды не подвергается сомнению [1, с. 369; 13, p. 181]. О политических событиях в Австразии начала VII в. в «*Vita Sancti Ar-*

nulf» не сказано ни слова. Принято считать, что именно желание стать епископом Меца, привело Арнульфа к участию в перевороте, поддержавшего вторжение Хлотаря в Австразию [1, с. 370]. Однако при описании становления Арнульфа епископом Меца [14, s. 434] в тексте жития отсутствует указание на то, что король Хлотарь II повлиял на его назначение.

В «Хронике» Фредегара Арнульф представляется как главный защитник “мира и согласия” между королем Хлотарем и его сыном Дагобертом [3, с. 215]. В тексте подчеркивается, что именно благодаря деятельности Арнульфа, а также его родственника, майордома Пипина, правление короля Австразии Дагоберта было столь успешным [3, с. 219]. В «Хронике» Фредегара создается обобщенный образ королевской власти как единственной силы, способной объединить франков [2, с. 18]. Арнульф представляется единственным человеком, хранящим мир и согласие между двумя королями и, поэтому, должен быть особенно почитаем. Как и в «Хронике» Фредегара, «*Vita Sancti Arnulfi*» упоминает, что Хлотарь назначил Арнульфа наставником Дагоберта и его главным советником в управлении страной [14, s. 439]. «Хроника» также кратко упоминает об «уходе блаженного Арнульфа» (уже не являющегося епископом) и о появлении новых советников в окружении Дагоберта [3, с. 219]. Понятие «уход», однако, никак не раскрывается в тексте и на этом рассказ об Арнульфе в «Хронике» Фредегара завершается.

Эпизод ухода Арнульфа из политической жизни королевства рассказан в житии значительно подробнее. Узнав о желании Арнульфа уйти в монастырь, король Дагоберт угрожает, что смерть постигнет двух его сыновей, если тот не останется при короле [14, s. 439]. Арнульф выражает уверенность в правильности своего решения, заявляя, что жизни его сыновей находятся в руках господ, и король совершит большой грех, если убьет их [14, s. 439]. В ответ Дагоберт обнажает меч, однако появившаяся королева останавливает ссору, и Арнульфу разрешается уйти в монастырь Ремиромон, где он проводит последние годы жизни [14, s. 439–440].

Некоторые исследователи считают, что ссора между Дагобертом и Арнульфом действительно имела место [15, р. 396]. Очевидно, что рассказанная история должна подчеркнуть силу духа Арнульфа, и, следовательно, является топосом [7, р. 41]. Было ли главной целью ав-

тора жития прославить Арнульфа? Стойкость Арнульфа выражается в его решимости уйти в монастырь и можно предположить, что автор жития желал, в первую очередь, прославить монастырь Ремиромон. Арнульф, защитник церкви, наставник короля Дагоберта, незаменимый на своем посту епископа Меца, решает все бросить и уйти в монастырь Ремиромон, находящийся достаточно далеко от Меца, на расстоянии 100 миль [13, р. 182], в то время как, например, монастырь в Сен-Дье был несколько ближе. Принято считать [10, р. 316], что выбор епископа был обусловлен его дружбой с Ромариком, представителем знатной франкской семьи и основателем монастыря Ремиромон, с которым Арнульф ранее собирался уйти в Леринский монастырь [14, с. 433–434]. В результате стремления автора жития рассказать о благодати жизни Арнульфа [10, р. 297], читатель может предположить, что уход от светских забот в монастырь есть благое дело. Однако Арнульф, по тексту, до отъезда в монастырь, предстает именно наставником королевской власти, ее духовным ориентиром. Не это ли самое благое дело?

Можно предположить, что, либо автор жития, либо переписчики этого текста в дальнейшем, пытались указать на значимость монастыря Ремиромон, подчеркнуть его статус. Создание и распространение красочных легенд было весьма характерным для монастырских текстов каролингского периода [2, с. 379]. Выдвигались даже предположения, что монастырь был основан именно на королевской земле [5, р. 10].

Как в «Хронике» Фредегара, так и в житии «*Vita Sancti Arnulfi*», образы святого Арнульфа, как наставника и советника королевской власти, являвшейся единственной защитницей народа франков, в целом совпадают. Текст жития, однако, прославляет также и монастырь Ремиромон, в котором обитал его автор, оправдывавший таким образом легитимность привилегий.

Список литературы

1. Дюмезиль Б. Королева Брунгильда / Пер. с франц. М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2012. 560 с.

2. Старостин Д. Н. От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). СПб.: Нестор-История 2017. 488 с.

3. Хроники Фредегара / Пер. с лат., комм. Г. А. Шмидта. СПб.: Евразия, 2015. 464 с.

4. Шмидт Г. А. Хроники Фредегара (историографический очерк) // Хроники Фредегара. СПб., 2015. С. 7–48.

5. Barbier J. Fisc et ban à Remiremont: le fisc à l'origine des bans romarimontains? // Le Pays de Remiremont des origines à nos jours. Actes des journées d'études vosgiennes. Remiremont, 2, 3 et 4 novembre 2000 / M. Parisse, J.-P. Rothiot, P. Heili (éd.). Remiremont, 2001. P. 9-19.

6. Fox. Y. Power and Religion in Merovingian Gaul. Cambridge.: Cambridge University Press, 2014. 372 p.

7. Gerberding R. Arnulfingians before 687. A study of the house of Pepin in the seventh century: Dissert...for the Degree Master of arts. University of Manitoba, 1977. 276 p.

8. Gerberding R., Foracre P. Late Merovingian France: History and hagiography, 640-720. Manchester.: Manchester University Press, 1996. 397 p.

9. Hen. Y. Priests and books in the Merovingian period // Men in the middle Local Priests in Early Medieval Europe / S. Patzold, C. Van Rhijn (ed.). Berlin, Boston: De Gruyter, 2016. P. 162 – 177.

10. Naroy G. La Vita anonyme de saint Arnoul et ses modèles antiques: La figure du saint évêque entre vérité historique et motifs hagiographiques // Mémoires de l'Académie Nationale de Metz. 2003. serie VII. T.15. P. 293 – 322.

11. Nason C. M. The Vita Sancti Arnulfi (BHL 689–692): Its place in the liturgical veneration of a local saint // Sacris Erudiri. 2015. P. 171 – 199.

12. Oexle O. G. Die Karolinger und die Stadt des heiligen Arnulf // Frühmittelalterliche Studien. 1967. Bd. 1. S. 250 – 364.

13. Reimitz H. History, Frankish Identity and the Framing of Western Ethnicity, 550–850. Cambridge.: Cambridge University Press, 2015. 513 p.

14. Vita Sancti Arnulfi // MGH. SRM. T.2. Hannover, 1888. S. 432 – 446.

15. Wagner A. Saint Arnoul, évêque de Metz // Les Cahiers Lorrains. 1999. N° 4. P. 385 – 400.

Левхин Дмитрий Олегович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Заболотный Евгений Анатольевич, канд. ист. наук, научный сотрудник

Первый крестовый поход по сведениям Анны Комниной

The First Crusade according to Anna Comnena

Аннотация. *Статья изучает описание первого крестового похода дочерью византийского императора, ставшего очевидцем этого события. Автор приходит к выводу, что Анна Комнина могла не понимать смысла экспедиции из-за отсутствия в Византии понятия «священной войны», а на ее оценку кампании мог повлиять второй крестовый поход, современницей которого она была. На характеристику участников экспедиции оказывали влияние отношения крестоносцев с отцом писательницы и стереотипы византийцев о выходцах с Запада, вытекавшие из «теории климатов».*

Ключевые слова: *Алексиада; крестовый поход; теория климатов; священная война; Алексей I.*

Abstract. *This article studies the description of the First Crusade by the daughter of the Byzantine emperor who witnessed this event. The author comes to the conclusion that Anna Comnena might not have understood the significance of the expedition because in Byzantium the concept of “holy war” didn’t exist. Her perception of the campaign might have been influenced by the Second Crusade, of which she was a contemporary. The characteristics of the expedition participants were affected by the relationship between the crusaders and the father of the writer and the Byzantine stereotypes about Westerners that stemmed from the “theory of climates”.*

Key words: *Alexiad; crusade; the theory of climates; holy war; Alexius I.*

Первый крестовый поход был значимым событием европейской истории. Идея «священной войны» христиан против мусульман за освобождение Святой Земли зародилась на католическом Западе в XI в. Походы в Палестину проходили через земли православной Византии. В связи с этим интерес представляет интерпретация подобных экспедиций византийцами. В данном исследовании разбирается описание первого крестового похода Анной Комниной. Писательница была дочерью византийского императора Алексея I, современ-

ника событий. Ее труд «Алексиада» [1] серьезно дополняет сведения западных хронистов об этом походе, так как последние обвиняли Алексея I в бедствиях крестоносцев, а Анна показывала, в чем были неправы западные воины [4, с. 20–22].

Анна Комнина считала, что поход оказался для византийцев полной неожиданностью [1, с. 276]. Ряд историков верили «Алексиаде», полагая, что император хотел получить от Запада лишь наемников и не рассчитывал на огромное войско, представлявшее, по мнению Алексея I, угрозу его государству [2, с. 44; 3, с. 108]. Но более аргументировано выглядит мнение П. Франкопана, отметившего, что в 1090-е гг. Византия находилась на грани катастрофы. Именно политика Алексея I, а не его предшественников, как пытается показать «Алексиада», привела к окончательной потере владений империи в Малой Азии [5, с. 101–104]. Войны с норманнами и печенегами истощили воинов и казну, Византия кое-как сдерживала натиск врагов, по империи проходили восстания [5, с. 117–122]. Находясь в отчаянии, Алексей I хотел привлечь как можно больше военных с Запада для реализации своих внешнеполитических задач. Византийские чиновники, находившиеся в Европе, призывали людей на службу в Константинополь, «давая» на чувство общехристианской солидарности в защите византийцев от нехристиан. Император посылал европейским графам письма, описывающие зверства турок, писал папе Римскому Урбану II, что готов поддержать всех воинов, которые придут к нему [5, с. 145–146].

Но тогда возникает вопрос: почему в «Алексиаде» пишется, что Алексей I был взволнован появлением крестоносцев у границ империи [1, с. 276]? Изначально к границам подошли воины «крестового похода бедноты». Это и встревожило государя, ожидавшего увидеть профессиональное войско и в более поздние сроки. К тому же, армия бедноты была дезорганизована и творила бесчинства [5, с. 174]. Растерянность императора при встрече первой волны крестоносцев как раз и нашла отражение в «Алексиаде». Алексей I уже имел опыт работы с рыцарями из Фландрии [1, с. 214], поэтому его боязнь профессиональной армии с Запада не стоит преувеличивать.

В «Алексиаде» Анна указывала, что «люди простые» искренне хотели посетить святые места и поклониться Гробу Господню. Но

некоторые руководители похода, по её мнению, хотели захватить Константинополь и Византию в придачу к остальной наживе, которую могли получить в экспедиции, и, тем самым, они обманывали простодушных людей [1, с. 277]. Из-за того, что европейские графы, по мнению византийцев, всегда грезили о завоевании Византии, император пытался предотвратить пересечение западных отрядов друг с другом во время продвижения по империи и их скопление под Константинополем в одно и то же время [1, с. 280]. Император стремился быстрее переправлять пребывающие военные формирования через Босфор, чем вызывал недовольство графов. Отказ крестоносцев от немедленной переправы вызывал еще больше подозрений в том, что они поджидают идущие сзади отряды соплеменников для захвата Константинополя [1, с. 283, 287]. Это приводило к конфликтам.

Несмотря на подозрительное отношение императора к иноземцам, в «Алексиаде» указывается, что Алексей I сочувствовал графам, переживал за их судьбы. Он давал им советы, желая обезопасить их от ловушек противника [1, с. 289], уже после похода высвобождал европейских феодалов из турецкого плена, заливаясь слезами при рассказах об их несчастьях [1, с. 308, 320]. Он считал западных христиан единоверцами, несмотря на схизму 1054 г. Это доказывает эпизод «Алексиады», описывающий наступление крестоносцев на Константинополь из-за ложных слухов о том, что император собирался задержать европейских графов. Алексей I сначала запретил византийцам выходить из города и вступать в бой с западными воинами, а позже приказал лучникам обстрелять противников, но метить мимо, чтобы не убить их, а лишь испугать множеством стрел. Это поведение императора Анна объясняла его желанием не нарушать святость дней (был четверг Страстной недели) и стремлением избежать братоубийственной бойни [1, с. 284–285]. Сама Анна в источнике не называла людей из Западной Европы схизматиками и не указывала религиозных различий между западной и восточной Церковью, за исключением вопроса о прimate папы [1, с. 82]. Из этого можно сделать вывод, что схизма 1054 г. не отразилась на отношении Анны Комниной и ее отца к западным христианам.

Писательница приписывала выходцам с Запада определенные черты (жадность, непостоянство нрава, храбрость,

безрассудство, своеволие, гордыня, корысть). Характеристики были преимущественно негативными. Это могло быть связано с «теорией климатов», возникшей еще в античности и существовавшей в Византии. В географии под климатом греки подразумевали угол наклона падающих солнечных лучей к земной поверхности. От этого зависели длина суток, временные и широтные (климатические) зоны. В астрологических текстах греки связывали «культурные» черты народов с небесными светилами (в первую очередь, с Солнцем и Луной, воздействовавших, по их убеждению, на разные точки земной поверхности по-разному). Считалось, что римляне и греки жили в срединной части ойкумены, находясь в наиболее благоприятном климате, обеспечивавшем идеальное соотношение между «горячей» и «холодной» натурами человека. Другие народы находились, по убеждению греков, в регионах, далеких от «климатического равновесия», что приводило к определенному дисбалансу в их натурах [6, с. 63–64].

На характеристику Анной руководителей похода влияла не только «теория климатов», но и их отношения с императором [8, s. 64]. Например, одним из немногих европейцев, получивших хорошую характеристику в «Алексиаде», оказался Исангел (Раймунд IV Тулузский), из-за того, что он, по мнению Анны, всегда выполнял все поручения Алексея I, и ему государь доверял свои тайны [1, с. 292–293]. А Бозмунд, который несколько раз вел войны против Византии, даже во время крестового похода предстает перед нами в неблагоприятном виде [1, с. 290, 291, 298, 301].

Стоит также учесть, что Анна писала свой труд во время второго крестового похода. Конфликты императора Мануила I с лидерами данной кампании спустя полвека после описываемых Анной событий, могли повлиять на отношение писательницы к крестоносцам и ее убеждение в том, что «воины Христа» всегда мечтали захватить Константинополь [8, s. 373].

Необходимо так же отметить, что, в Византии войны носили исключительно оборонительный или освободительный характер и провозглашались только светскими властями, в отличие от Запада (даже если это война против еретиков). У византийцев отсутствовала идея «священной войны» против неверных, что могло вести

к неприятию и непониманию писательницей подобного типа войн [7, р. 35–39].

Подводя итоги, стоит сказать, что на описание Анной Комниной первого крестового похода и его участников влияло множество факторов («теория климатов», второй крестовый поход, неприятие идеи «священных войн» и т. д.), что и нашло отражение в ее труде.

Список литературы

1. Анна Комнина Алексиада / Пер. с лат., ст. и комм. Я. Н. Любарский. М.: Наука, 1965. 688 с.

2. Васильев А. А. История Византийской империи. В 2 т. Т. 2. / Пер с англ. А. Г. Грушевой. СПб.: Алетейя, 1998. 583 с.

3. Диль Ш. История Византийской империи. М.: Гос. издательство иностранной литературы, 1948. 160 с.

4. Любарский Я. Н. Вступительная статья // Анна Комнина Алексиада. М.: Наука, 1965. С. 5 – 49.

5. Франкопан П. Первый крестовый поход. Зов с Востока. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 352 с.

6. Шукуров Р. М. Тюрки в византийском мире (1204–1461). М.: Издательство Московского университета, 2017. 631 с.

7. Dennis G. T. Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // The Crusaders from the perspective of Byzantium and Muslim World. Dumbarton Oaks Research Library and Collection. Washington D. C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2001. P. 31 – 39.

8. Szegvári, Zoltán. Anna Comnena and the West // Byzanz und das Abendland: Begegnungen zwischen Ost und West. Budapest: Typotex, 2013. S. 371 – 375.

Хлопов Серафим Михайлович
Санкт-Петербургский Государственный университет
Научный руководитель:
Василик Владимир Владимирович, д-р ист. наук, проф.

Агиография, посвященная Стефану Немане. Идейные и стилистические особенности

Hagiography dedicated to Stefan Nemanja. Ideal and stylistic features

***Аннотация.** В основе статьи лежит анализ трех средневековых житий, посвященных Стефану Немане (Симеону Мироточивому), которые отличаются деталями, так как изначально имели разных адресатов. Почитание святого Симеона — ранний пример святого правителя в истории Сербии. Этот культ стал духовной основой правления династии Неманичей и символом единства сербского государства.*

***Ключевые слова:** Сербия; Симеон Мироточивый; Стефан Неманя; агиография.*

***Abstract.** The article is based on the analysis of three medieval lives dedicated to Stefan Nemanja (Simeon the Myrrh-streaming), which differ in details, since they originally had different addressees. The veneration of Saint Simeon is an early example of a saint ruler in the history of Serbia. This cult became the spiritual foundation of the dynasty Nemanjić, and a symbol of the unity of the Serbian state.*

***Key words:** Serbia; Simeon Mirotochic; Stefan Nemanja; hagiography.*

Становление средневекового сербского государства нераздельно связано с именем Стефана Немани (Симеона Мироточивого), чья жизнь сразу после его смерти стала объектом пристального внимания со стороны его окружения. Святой Симеон и его дети Савва и Стефан в сербской культуре имели большое значение [11, с. 17]. Труд святых Саввы и Симеона в деле укрепления христианства в Сербии столь важен, что потомки их сравнивали со святыми Кириллом и Мефодием [11, с. 17–18, 24].

Самое раннее житие святого Симеона, вошедшее целиком в написанный им же в 1208 г. Студеницкий типик [1, с. 36], составлено архиепископом Сербским Саввой. Источник жития — воспоминания

нания святого Саввы о жизни рядом с Неманей — своим отцом. Для создания жития были использованы Хиландарские грамоты (1198 г. и 1207/1208 г.) [4, с. 263] и Хиландарский типик (1200 г.), в основе которого переведенный Саввой Евергедитский устав [6]. В Типике записана краткая версия жития святого Симеона [1, с. 36].

Савва подводит итоги правления Немани, продолжавшегося 37 лет. Он сравнивает момент благословения им своих сыновей Стефана и Вукана (Волкана) с благословением Исаака [3, с. 28]. Неманя обращает внимание детей на слова Христа о любви друг к другу [3, с. 1028]. Савва, приводя слова из Евангелия плача Рахили о детях [3, с. 1037], указывает на особое уважение, которым пользовался Неманя среди сербов. Автор указывает точную дату пострига Немани и его жены — 25 марта 6703 г. (1195 г.) [7, с. 61], называя его после этого монашеским именем Симеон.

Особое внимание автор уделяет переходу святого Симеона на Афон, при описании которого раскрываются личные взаимоотношения Немани и Саввы. Любовь Симеона к Савве стала причиной его перехода вместе со своими слугами 8 октября 6706 г. от Сотворения мира из Студеницы на Афон: «обрести заблудшего и любимого ягненка» — Савву.

Перед смертью святой Симеон благословил своих детей, называя их «наследниками» [7, с. 64]. Он благодарил Бога за прожитую жизнь, упоминая Авраама и его потомков. Подобные словесные обороты характерны для Ветхого Завета при указании на избранность рода. Симеон хотел этим обращением показать важность своей семьи для «державы его бывшей» Сербии. Своё благословение он заканчивает повторением заповеди о взаимной любви [7, с. 64]. Агиограф пишет о перенесении Саввой нетленных мощей Симеона из Хиландара в Студеницкий монастырь по просьбе братьев.

Житие Стефана Первовенчанного появилось около 1216 г. и было адресовано сербской знати и церковным иерархам, на что косвенно указывает заголовок жития [8, с. 67]. Оно было написано в Студенице. Почитание святого Симеона возникло в Сербии сразу после его смерти, а перенесение мощей из монастыря Хиландар в Студеницу послужило усилению этого [9]. Стефан называет своего отца сразу монашеским именем для того, чтобы избежать путаницы из-за схожести имен.

Житие начинается рассуждением о сотворении мира, о грехе Адама, о людях, которые свой жизнью заслужили милости Бога, включая святого Симеона, по мнению автора. Обращение к древним сюжетам свойственно для средневековой литературы: Григорий Турский начинает свою «Историю франков» тоже с сотворения мира, а «Повесть временных лет» — рассказом о Всемирном потопе. Стефан, как и Савва, приводит историю двойного крещения Немани. Агиограф среди прочего рассматривает борьбу Немани за власть в Сербии и ее объединение, войну с Византией за независимость, основание храмов и монастырей.

Стефан, будучи свидетелем речи Симеона перед принятием пострига, подробно приводит слова отца, где Неманя сравнивает себя с Иовом Многострадальным. Упоминанием перенесения мощей заканчивается один из трех сохранившихся списков жития, включенный в состав Горицкого сборника (1440/1441 гг.) [1, с. 33]. Стефан приводит пять посмертных чудес. Житие заканчивается описанием чуда мироточения мощей Симеона.

Самое позднее и пространное житие, написанное около 1264 г. [1, с. 38], было составлено духовником монастыря Хиландар и учеником святого Саввы священником Доментианом по заказу внука Немани Уроша I. До наших дней сохранилось семь средневековых списков жития. Главным его источником стали устные воспоминания святого Саввы.

Событийная часть жития Доментиана во многом повторяет житие Стефана Первовенчанного. Каждый приводимый факт из жизни святого Симеона агиограф сопровождает отсылками к Библии. Автор не называет большую часть имен упоминаемых в тексте людей, которых мы можем определить лишь при обращении к другим житиям. Это житие уточняет плохо освященные в других житиях факты из жизни Немани. Агиограф уделяет особое внимание описанию войн Симеона, называя их «благословленной Богом праведной борьбой» [5, с. 101].

Таким образом, текст Саввы отличает эмоциональность и подробность описания монашеской жизни Немани. Агиограф приводит в тексте библейские цитаты и пересказывает некоторые сюжеты Священного Писания, как и другие писатели. Даты из жития используют историки в определении хронологических аспектов

жизни преподобного Симеона, что делает это житие основным историческим источником жизни Немани.

Стефан Первовенчанный составил житие в процессе подготовки своей коронации. Оно имело целью укрепить только получившее независимость сербское государство через создание культа святого правителя. Стефан приводит посмертные чудеса Симеона [2, с. 151].

Житие Доментиана самое пространное и позднее из всех житий агиографических памятников жизни преподобного. В нем подробнее других житий описаны личности Стефана Первовенчанного и святого Саввы. Автор использует при написании похвалы святому Симеону уникальный для его житийной традиции источник — «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. В этом житии рассматривается его канонизация, про которую не пишут другие авторы. Оно является классическим примером средневекового жития византийской агиографической школы.

Почитание святого Симеона стало важной частью утверждения молодой династии, символом единства страны, только что получившей независимость Сербии [10, с. 308].

Список литературы

1. Алексеев С. В. Памятники средневековой сербской историографии XIII–XVII вв. Переводы и исследование: в 2 т. Т.1. СПб.: Slavica Petropolitana, 2016. 720 с.

2. Алексеев С. В. Сербская историческая агиография: между хроникой и житием // Знание. Умение. Понимание. 2014. № 3. С. 148 – 156.

3. Библия. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1992. 1371 с.

4. Гагова Н. Св. Симеон – вечният владетел на сърбите. // *Slavia Meridionalis*. 2016. № 16. С. 262 – 310.

5. Доментиан Житие святого Симеона / Пер. С. В. Алексеева // Памятники средневековой сербской историографии XII–XVII вв. Перевод и исследование: в 2 т. Т.1. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2016. С. 89 – 137.

6. Митрович Миладин Хиландарский типикон как церковно-юридический документ. 2008. URL: <https://bogoslav.ru/article/311117> (дата обращения: 09.10.2020).

7. Святой Савва. Житие святого Симеона / Пер. С. В. Алексеева // Памятники средневековой сербской историографии XII–XVII вв. Перевод и

исследование: в 2 т. Т.1. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2016. С. 57 – 67.

8. Стефан Первовенчанный Житие святого Симеона / Пер. С. В. Алексеева // Памятники средневековой сербской историографии XII–XVII вв. Перевод и исследование: в 2 т. Т.1. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2016. С. 67 – 88.

9. Трифонова Радослава Прослава Локальных јужнословенских култова у манастирским зборницима XIII века. URL: https://www.rastko.rs/rastko-bg/folklor/rtrifonova-lokal-yu_bg.php (дата обращения: 02.05.2020).

10. Турилов А. А. и др. Житийная литература // Православная энциклопедия. Т. 19. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. С. 283 – 345.

11. Турилов А. А. Роль сербской рукописной традиции в сохранении древнейших памятников славянской литературы // Славянский альманах. 1999. Т. 1998. С.17 – 29.

Макаров Илья Булатович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Василик Владимир Владимирович, д-р ист. наук, проф.

Арианская версия происхождения ереси богомилов на примере жития Симеона Мироточивого: источники и значение для религиозной политики династии Неманичей

The Arian version of the origin of the Bogomil heresy on the example of the hagiography of Simeon the Myrrh-Gusher: sources and significance for the religious policy of the Nemanich dynasty

***Аннотация.** В данной статье на примере текста жития преподобного Симеона Мироточивого — первого сербского источника по истории ереси богомилов, рассматривается арианская версия природы этого средневекового религиозного движения. С опорой на свидетельства других источников затрагивается вопрос происхождения арианской интерпретации богомильской ереси, а также значения подобного взгляда для религиозной политики правителей Сербии из династии Неманичей.*

***Ключевые слова:** богомильство; арианство; сербская агиография; история Сербии.*

***Abstract.** In this article, the Arian version of the nature of Bogomilism is considered on the example of the hagiography of St. Simeon the Myrrh-Gusher which is the first Serbian source on the history of the Bogomil heresy. Based on testimonies from other sources, the author considers the question of the origin of the Aryan interpretation of the Bogomil heresy, as well as significance of such a view for the religious policy of the rulers of Serbia from the Nemanich dynasty.*

***Key words:** Arianism, Bogomilism, Serbian hagiography, history of Serbia.*

Богомильство — средневековая христианская ересь, получившая в X–XV вв. широкое распространение на территории Балканского полуострова. Установить точное время проникновения богомильства из Болгарии в Сербию представляется весьма проблематичным, поскольку до нас дошло крайне мало сербских исторических нарративов, относящихся к периоду ранее XIII–XIV вв. Первым сербским источником, в котором упоминается богомильство,

является житие Симеона Мироточивого (также известного как Стефан Немани), написанное его сыном, первым королем Сербии Стефаном Первовенчанным. Несмотря на принадлежность этого произведения к духовному жанру, видная роль в нем отведена описанию мирского периода жизни Стефана Немани в качестве правителя сербского княжества Рашка в 1168–1196 гг., что делает данный текст в целом значимым источником по истории Сербии второй половины XII столетия.

В рамках настоящего исследования для нас представляет интерес эпизод из жития, повествующий о гонениях на еретиков-богомиллов, организованных Стефаном Немани в 1180-е гг. [2, с. 89]. Но наиболее любопытным моментом в тексте этого отрывка представляется авторская характеристика вероучительных особенностей сербского богомилства: «И уже сейчас я слышу, как лукавый укоренился и быстро вознес хулу к Святому Духу и разделил неделимое божество, как говорили безумные ариане» [6, с. 39].

Таким образом, объектом исследования является арианская интерпретация природы вероучения сербских богомиллов. Предметом исследования является значение подобного взгляда на богомилство для религиозной политики правителей Сербии из династии Неманичей. Своей целью статья ставит анализ приведенного текста, а также сравнение его данных со сведениями других источников. Данная тема вызывает интерес в контексте более широкой историографической дискуссии о происхождении и степени родства различных античных и средневековых гностических ересей.

В отечественной науке специализированные исследования сербской исторической агиографии получили своё развитие относительно недавно, в связи с чем можно особо отметить посвященную данной теме статью С. В. Алексеева. В ней автор приходит к выводу о том, что сербская средневековая агиография органично совмещала в себе черты исторического и духовного жанров, целью чего являлось создание истории «святой лозы» дома Неманичей — защитников и благодетелей православной церкви [1, с. 148–156].

Отдельного внимания заслуживают работы С. О. Егорова, затрагивающие проблематику генеалогии разнообразных еретических движений, а также достоверности сведений средневековых источников по их истории [5, с. 14–22]. Егоровым

было высказано мнение, согласно которому для средневековых авторов было характерно, систематизируя свои знания о еретиках, вписывать все разнообразие их движений в рамки единой генеалогии. Это имело большой религиозный смысл, поскольку основоположником всех ересей мыслился сам Дьявол [3, с. 96–103].

Что подразумевал Стефан Первовенчанный, обвиняя богомилов в приверженности к арианству, и имели ли эти обвинения под собой реальную историческую основу? Можно предположить, что говоря об отвержении еретиками Троицы, автор жития святого Симеона понимал под этим исповедуемый богомилами дуализм — противопоставление благого божества и творца материального мира. С точки зрения богомилов, с момента творения мир пребывал во власти дьявола [4, с. 157–169]. Такие воззрения не могли не вступать в противоречие с православной картиной мира, почитающей и Творца, и Спасителя в рамках учения о божественной Троице.

К тому же, идентификация богомилов с арианами могла иметь и не буквальное значение, а подразумевать их отношение к православию. Борьба против ариан была одной из самых драматичных страниц в истории ортодоксальной церкви, из-за чего само имя ариан стало нарицательным для обозначения особенно злостных еретиков. Так, в житии Бернарда Клервосского присутствует эпизод, где упоминается действовавшая в окрестностях Тулузы секта «ариан», под которыми, очевидно, понимаются альбигойцы [7, с. 688–693]. По мнению С. О. Егорова, первоисточником «арианской» интерпретации богомильства являлось полемическое сочинение болгарского автора X в. Козьмы Пресвитера «Слово против еретиков» [3, с. 99]. Не исключено, что Стефан Первовенчанный, включая в житие своего отца эпизод, описывающий борьбу против богомилов, следовал схожей логике с автором «Слова», или же был знаком с ним и продолжал уже существующую письменную традицию.

Арианская интерпретация движения богомилов как продолжателей дела ариан, а правителей из рода Неманичей как защитников церкви от еретиков, наилучшим образом отвечала цели жанра сербской агиографии по созданию истории «святых» сербских королей [1, с. 151–153]. Синтез предложенного подхода к анализу данных исторического источника с общим обзором целей и задач житийной литературы «святой лозы» Неманичей позволяет по-но-

вому взглянуть на идеологическую подоплеку религиозной политики правителей Сербии. Устраивая гонения на «новых ариан» в лице богомилов, Стефан Неманя показывал себя защитником истинной веры, тем самым не только укрепляя сотрудничество с православной церковью, но и формируя образ правления своей династии, соответствующей идеалу христианских государей.

Взятое в совокупности, всё вышеперечисленное показывает, что житие преподобного Симеона Мироточивого в своей характеристике богомильской ереси было достаточно близко к другим произведениям, постулирующим существование «скрытой традиции», связующей между собой разные еретические движения. Это позволяет нам больше узнать о возникновении и развитии подобных представлений на примере восприятия богомильства в различных исторических источниках. Идеология «скрытой традиции» не возникла сама по себе, но была призвана показать однородность угроз, с которыми сталкивалась религиозная ортодоксия, а также подчеркнуть преэминентность политики церкви по борьбе с ними. Проводя параллели с временами борьбы против «ариан», церковь актуализировала свою связь с собственными традициями.

Список литературы

1. Алексеев С. В. Сербская историческая агиография: между хроникой и житием // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного университета. 2014. № 3. С. 148 – 156.

2. Бромлей Ю. В. История Югославии / под. ред. Ю. В. Бромлея, И. С. Достоян, В. Г. Карасева и С. А. Никитина. В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 753 с.

3. Егоров С. О. Генеалогия богомильской ереси: проблема достоверности сведений средневековых антиеретических сочинений // Народы и религии Евразии. 2018. № 4 (17). С. 96 – 103.
Егоров С. О. Идеология болгарских богомилов: структура и религиозные основания // Научный журнал «Идеи и идеалы». 2017. № 4 (34). С. 157 – 169.

4. Егоров С. О. Концепция «скрытой традиции» в историографии богомильства: генезис и интерпретации // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Сборники материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным

участием / Под ред. Т. И. Морозова. Новосибирск: Параллель; Институт истории СО РАН, 2019. С. 14 – 22.

5. Живот Стефана Немание од краља Стефана Првовенчаног // Старе српске биографије. / превео и објаснио Миливоје Башић. Београд: Српска књижевна задруга, 1924. С. 38 – 40.

6. Позняков А. С. Катары // Православная энциклопедия / под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 35. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2013. С. 688 – 693.

Калугина Елизавета Михайловна

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Научный руководитель:

Ермаченко Игорь Олегович, канд. ист. наук, доц.

Экономическое положение Генуэзских колоний Крымского полуострова и их роль в международной торговле

The economic situation of the Genoese colonies of the Crimean Peninsula and their role in international trade

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению генуэзских колоний Крыма как важных центров международных торговых отношений. Для подтверждения экономического значения колоний дается характеристика их ремесленного производства и сельского хозяйства, прослеживаются пути сбыта местной продукции, отмечается ее место во внутренней и внешней торговле, анализируется ассортимент импортных товаров и их происхождение.*

***Ключевые слова:** генуэзские колонии; Крым; экономика; международная торговля.*

***Abstract.** The article describes the Genoese colonies of the Crimea as important centers of international trade relations. To confirm the economic significance of the colonies, their handicraft production and agriculture are characterized, the ways of selling local products are figured out, their place in the internal and external trade is determined, the range of imported goods and their origin are analyzed.*

***Key words:** Genoese colonies; Crimea; economy; international trade.*

Крымский полуостров всегда имел важное экономическое значение и являлся местом столкновения интересов разных государств. В XII в. конкурентная борьба за Причерноморье развернулась между Венецией и Генуей. Последняя стала победителем в этой борьбе и основала в Крыму свои колонии.

Крымские колонии Генуи находились на территории, где соединялись европейские морские и азиатские сухопутные торговые пути, то есть в данном регионе пересекались потоки товаров с Востока и Запада, в связи с чем он являлся не только рынком сбыта местных товаров, но и местом транзитной торговли европейских государств со

странами Азии и Африки. Такое положение обеспечило особую роль колоний в экономике Генуэзской республики и на мировом рынке.

Колонии были хорошо развиты в экономическом отношении. Главенствующее положение занимала Каффа, уже в XIII в. являвшаяся ремесленным центром. Ее жители занимались, в первую очередь, строительством морских судов; среди таких ремесленников были плотники, кузнецы, прядильщики, ткачи парусов, конопатчики. Высокое развитие имели литье, оружейное и кузнечное дело, поэтому были многочисленны литейщики, кузнецы, чеканщики, механики, слесари, сабельщики, латники [1, с. 90]. Значительную часть ремесленников составляли гончары и скорняки.

В Каффе имелось большое количество мастерских с действовавшими при них лавками, в том числе, в городе работали булочники, мясники, пекари, кожевники, мыловары [6, с. 110]. Коммуна нанимала изготовителей бомбард, сборщиков стенобитных машин, инженеров, монетных мастеров. Большое значение имели портные, красильщики ткани, шерстянщики, суконщики. Также в Каффе сложилась собственная шелковая индустрия [1, с. 106]. Соответственно, часть прибывавшего в Каффу хлопка и шелка использовалась внутри города.

Многие ремесленники, в частности, каменщики, конопатчики, канатчики, были объединены в цехи. Относительно указанных специалистов Устав 1449 г. содержал положения, запрещающие им покидать город и менять место работы без разрешения консула [5, с. 815], что говорит о значимости данных ремесел для местной экономики.

Кроме того, в Уставе указывалось о продаже в колониях вина [5, с. 794]. Эти данные подтверждаются археологическими материалами из Горного Крыма [2, с. 109], свидетельствующими о распространении там виноградарства и виноделия. Виноградарство, виноделие и садоводство были также хорошо развиты в Солдаёе.

Важными являются и содержащиеся в Уставе сведения о пшенице и просе, поступавших на рынок Каффы [5, с. 759]. При этом крымское зерно ценилось высоко и по качеству уступало лишь родосскому [3, с. 220–221].

Рост крымских городов и развитие ремесел вызвали повышение спроса на сырье, поэтому расширились посевы технических культур.

Основными были лен и конопля, являвшиеся сырьем в производстве канатов и полотна. В Уставе упоминаются каффские канатные мастера, а для продажи льна Уставом вводились особые правила, запрещавшие свободно продавать его в розницу негенуэзцам [5, с. 765].

Также в колониях развивалось рыболовство. В числе наиболее распространенных на рынке Каффы местных товаров Устав указывает продукцию рыболовства: осетров, устриц, стерлядь, камбалу, а в Чембало рыбаки даже были обязаны продавать на рынке часть улова [5, с. 721].

Необходимо отметить, что благодаря выгодному географическому положению и нахождению на пересечении торговых путей, колонии являлись центрами внутренней и международной торговли. Торговые магистрали, ранее проходившие через гавани Палестины и Сирии, во второй половине XIII в. переместились в Крым [6, с. 80]. Крымские порты использовались как для транзитной торговли между Востоком и Западом, так и для вывоза в метрополию местной продукции и сырья. При этом морские перевозки имели преимущество над сухопутными, так как позволяли перевозить в 100 раз больше грузов, в 4–7 раз быстрее и с существенно меньшими издержками [1, с. 43].

Большое значение в торговле колоний имела продукция, произведенная в самом Крыму и смежных районах, в первую очередь, зерновой хлеб. Сведения о поступавших в оборот злаках, произрастающих в Готии, дают археологические материалы, в их числе, зерна ржи, пшеницы, ячменя из крепости Фуна и с г. Пампук-Кая [2, с. 106]. Кроме того, о торговле просом, пшеницей и другим хлебом упоминается в Уставе [5, с. 759]. Помимо злаков, на рынки поступали лен и конопля. О выращивании льна на Южном берегу Крыма и использовании для его закупки, находившейся в Алуште торговой фактории свидетельствуют, например, раскопки крепости Фуна [2, с. 105]. Не меньшую важность в торговле имели соленая рыба и вино. Данные товары отправлялись преимущественно в Константинополь, снабжавшийся в то время главным образом из Крыма.

Важным экспортным товаром была крымская соль. Она шла на Северный и Западный Кавказ, в Европу [4, с. 7]. Строевой лес с Южного побережья вывозился через Каффу в Египет, Константинополь, Сирию и другие регионы.

Кроме того, через порты колоний, особенно через Каффу, шла активная торговля между Западной Европой и Средней Азией, Дальним Востоком. При этом посредническая торговля составляла большую часть товарооборота колоний. В колонии ввозились масло и вина из Южной Европы; сукно из западноевропейских стран; пряности, драгоценные камни, мускус из Азии; слоновая кость из Африки. Крым являлся местом, где заканчивались все сухопутные караванные торговые пути и начинался морской торговый путь в Западную Европу, Египет, на Ближний Восток. Крупнейший торговый маршрут шел в Крым с Дальнего Востока. Оттуда поставлялись предметы роскоши, в том числе, ткани из парчи и шелка, украшения, изделия из металла, посуда, пряности, драгоценные камни. Имелся также торговый маршрут из Львова, соединявший Крым с Центральной Европой. Кроме того, в крымские колонии ввозились товары из северных областей, в частности, Руси, Приуралья; наибольшую ценность имели меха, льняные ткани, мед, воск, болгарская кожа. Из колоний меха везли в Европу, использовали как дары мусульманским эмирам.

Первостепенное значение имела работорговля. Колонии были одним из главных поставщиков рабов на Запад и в Египет.

За Каффой господствующее положение в экономике колоний закрепилось уже во второй половине XIV в. Она стала экономическим центром колоний и средоточием черноморской торговли благодаря своему значению в товарообмене между Востоком и Западной Европой, перешедшим в тот период в руки генуэзцев [6, с. 108]. В конце XIII в. в Геную и другие средиземноморские порты доставляли из Каффы соль, мед, рыбу, хлеб, воск, кожи, меха, а с XIV в. Каффа стала основным центром продажи рабов в Александрию и Геную. Ввозились в каффскую гавань товары из Поволжья, Индии, Средней Азии, северной Московии.

При этом купцы из колоний сами осуществляли торговлю в других странах, в том числе, в русских землях. Например, генуэзские купцы (фрязи) постоянно посещали Москву, а в XIV–XV вв. там была создана корпорация сурожан, которые занимались торговлей с крымскими колониями [4, с. 6].

Развитие торговли и ремесла вызвало необходимость чеканки местной монеты, которой стал серебряный аспр. Его выпуск начался

в Каффе в конце XIV в. [6, с. 111]. Аспр использовался и в Каффе, и в торговле с татарами.

Представляется, что данные о происхождении и ассортименте товаров, продававшихся в крымских городах, а также сбывавшихся генуэзскими купцами в других странах, свидетельствуют о том, что колонии являлись крупными торговыми центрами. При этом в XIII–XV вв. в принадлежавших генуэзцам крымских городах велась внутренняя торговля местными товарами; наряду с этим, местные товары продавались на рынках генуэзских колоний иностранным купцам и вывозились генуэзскими торговцами в другие страны. В то же время на генуэзские рынки поступали различные категории импортных товаров, находившие применение в самих колониях или направлявшиеся в метрополию. Вместе с тем, наибольшее значение имели транзитные внешнеторговые операции, когда через колонии осуществлялась посредническая торговля между Востоком и Западом.

Список литературы

1. Еманов А. Г. Между Полярной звездой и Полуденным Солнцем: Кафа в мировой торговле XIII–XV вв. СПб.: Алетейя, 2018. 368 с.
2. Мыц В. Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 164 с.
3. Типаков В. А. Общины Готии и капитанство Готии в уставе Каффы 1449 г. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 218 – 224.
4. Узлов Ю. А. Итальянские фактории в северном Причерноморье (XIII–XV вв.) // Человек и общество. 2017. Вып. 1(2). С. 1 – 10.
5. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер. и комм. В. Юргевича // Записки Одесского общества истории и древностей. 1863. Т. 5. С. 629 – 837.
6. Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М., Л.: Наука, 1964. 232 с.

Головня Виктория Вячеславовна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Гусарова Татьяна Павловна, канд. ист. наук, доц.

Король глазами бунтовщика (о чешском восстании 1547 г.)

The King through the rebel's eyes (on the estates revolt in Bohemia in 1547)

***Аннотация.** В статье поднимается проблема зарождения габсбургского абсолютизма и осуществляется попытка на материале хроники Сикста из Оттерсдорфа о чешском восстании 1547 г. оценить, насколько оправдано говорить об абсолютизме Габсбургов применительно к середине XVI в. и политике Фердинанда I.*

***Ключевые слова:** Габсбурги; абсолютизм; чешское восстание 1547 г.*

***Abstract.** The article raises the issue of the genesis of the Habsburgs' absolutism and attempts to assess, according to the chronicle of Sixtus of Ottersdorf, how justified it is to talk about the absolutism of the Habsburgs relating to the middle of the sixteenth century and Ferdinand's the First policy.*

***Key words:** The Habsburgs; absolutism; the estates revolt in Bohemia in 1547.*

Средние века и ранее новое время являются периодами возникновения нового типа монархии — абсолютистской. Европейские правители, которые воспринимали новые политические веяния и предпринимали определенные шаги в сторону абсолютизма, сталкивались с разными трудностями. Пожалуй, тяжелее других на этом пути приходилось правителям композитарных монархий. Ярчайшим примером является монархия австрийских Габсбургов, образовавшаяся в результате объединения под властью Фердинанда I Габсбурга его австрийских владений — Австрийского герцогства, — королевства Богемия и королевства Венгрия.

С именем Фердинанда I нередко связывают зарождение габсбургского абсолютизма, поскольку он проводил политику централизации и унификации, наступая на сословные привилегии подданных из недавно полученных земель. Такая политика должна была способствовать усилению королевской власти и

созданию крепкой системы управления, что было необходимо в сложносоставном государстве [1, с. 154]. Однако реформы монарха столкнулись с сопротивлением в странах-композиатах, которые представляли собой монархии с политически сильными представительными органами и не желали мириться с централизаторскими устремлениями Габсбурга. В Богемии такой конфликт интересов вылился в сословное восстание 1547 г., которое принято называть антигабсбургским.

Дело в том, что к середине XVI в. в землях чешской короны сложилась прочная система управления, в которой по сути ведущую роль играл представительный орган — генеральный сейм. В частности в его ведении находились вопросы, связанные с армией и сборами налога. Одновременно в каждой из земель королевства (Чехия (Богемия), Силезия, Моравия, Нижняя и Верхняя Лужицы) существовали свои земские сеймы, куда входили представители трех сословий: панского, рыцарского и городского (в Моравии в третьей курии кроме городов заседали еще прелаты) [3, с. 37]. Кроме местных дел они также ведали вопросами войны и казны. Очевидно, что такой укоренившийся и достаточно разветвленный аппарат управления было непросто реформировать, и неудивительно, что попытки Фердинанда I привели к конфликту между королем и сословиями.

В условиях этого конфликта (восстания) прерогативы короля вошли в наиболее яркое противоречие с привилегиями сословий. Так, на материале хроники Сикста из Оттерсдорфа о чешском восстании 1547 г. представляется возможным оценить, насколько оправдано говорить об абсолютизме Габсбургов применительно к середине XVI в. и политике Фердинанда I.

Сикст из Оттерсдорфа — очевидец и участник восстания — задумал свое сочинение «*Akta rerum gestarum to jest dennopis za našeho času v Čechách bouřlivých let 1546 a 1547*» («Акты деяний, или Дневник событий, при нас в Чехии в бурные 1546 и 1547 годы свершившихся») (это издание источника не сохранилось) в противовес сборнику документов «*Akta všech těch věcí*» («Акты всех тех дел») [6], который после суда над восставшими издал сам Фердинанд I, ощутивший необходимость оправдать свои решительные действия в глазах общественного мнения не только Чехии, но и всей империи. Если король включил в свой сборник только те документы, которые доказывали противо-

законность действий сословий, то Сикст из Оттерсдорфа решил показать реальную картину восстания, предоставив документы, проигнорированные королем. При этом тенденциозность свойственна не только королевским «Актам»: из-за недостатка документов и бурного хода событий на завершающей стадии восстания в последней части хроники основным становится авторское повествование о событиях, в котором проявляется публицистический пафос и собственная интерпретация политики Габсбургов.

Итак, ключевой вопрос, который ставит перед исследователем данного источника, заключается в следующем: было ли чешское восстание 1547 г. направлено против личности короля, то есть конкретно Фердинанда, или против королевской власти вообще.

Ответ на этот вопрос неоднозначен. На первый взгляд, кажется очевидным, что сословия выступали против Фердинанда I: несмотря на усиление земских органов, королевская власть — это прочная традиция в Богемии (и вообще в значительной части Европы в середине XVI в.), а скверный король нарушает свободы своих подданных. Подтверждение этому тезису мы находим в многочисленных эмоциональных пассажах хрониста в адрес короля.

По мере повествования, когда недовольство королем усиливается, Сикст из Оттерсдорфа уподобляет Фердинанда турецким султанам: «Это и есть та искренность господ христианских, которой они выучились у императоров турецких, кои послов держат при себе до тех пор, пока все не сделают по-своему» [5, с. 50]. Кроме того, хронист не раз упрекает его не просто в пролитии крови, а в пролитии «невинной христианской крови» [5, с. 100], чем были «знамениты» турки. Таким образом, хронист буквально приравнивает короля Фердинанда злейшим врагам христианской Центральной Европы — туркам, для борьбы с которыми чешские сословия были вынуждены платить высокие налоги.

Напоминание про налоги неслучайно, поскольку, по мнению Сикста из Оттерсдорфа, Фердинанд повернул все обстоятельства восстания так, чтобы разграбить людей, как это делали турки, и максимально обогатиться самому: «<...> все это было не чем иным, как алчностью, жестокой и жаждущей христианской крови, а также чужого имущества...» [5, с. 100]. В подтверждение этой позиции мы находим подробный рассказ про разбои, которые чи-

нили люди короля в Литомержице и Праге [5, с. 50–51], так как он «обещал им Чехию в награду, то есть <...> отдать в виде добычи или на разграбление» [5, с. 49]. Кроме того, Сикст сообщает следующее про суд короля: «Не имея никакой достойной и справедливой причины, по которой король мог кого-либо судить, он таковую придумывал» [5, с. 77]. При чем по большей части Фердинанд наказывал более состоятельных горожан, чье имущество представляло интерес для короля. В пример хронист приводит Вацлава из Вратамберка, у которого Фердинанд I стремился отобрать панство Крупку, где были залежи олова [5, с. 77].

Кроме жажды имущества, хронист обвиняет короля также в стремлении ослабить политическую силу городов. Фердинанд, по его мнению, хотел «<...> проложить дорожку к будущим доходам и добыть себе палицу, которой он позднее мог бы побить панское и рыцарское сословие» [5, с. 65]. То есть, забирая власть у городов и сосредотачивая ее в своих руках, он рассчитывал возыметь большее влияние на дворянское и городское сословия.

«<...> и воистину был в это время в Чешском королевстве такой идеальный порядок, что в аду <...> и то лучше бывает» [5, с. 108], — такими словами заканчивает свою хронику Сикст из Оттерсдорфа, подводя итог всем свершившимся событиям в бурный 1547 г. Но что же это за «идеальный порядок»? Неужели имеются в виду одни лишь разбои королевских людей?

Вопреки всем порицаниям короля, Сикст из Оттерсдорфа иначе формулирует позицию сословий относительно восстания: «Король понял, что предшествующим своим мандатом он сильно ущемил свободы Чешского королевства и что сословия больше всего гневаятся на этот мандат» [5, с. 47]. Имеется в виду мандат от 12 января 1547 г., который созывал чешское ополчение для похода в Саксонию. Тем самым король нарушил один из основных земских законов, запрещавших ведение войны за границами государства без общего одобрения сословий на сейме [4, с. 10]. Естественно, что хронист обвиняет в этом короля.

Однако, как отмечает по сути единственный отечественный исследователь этого чешского восстания Г. П. Мельников, права и привилегии сословий были подорваны не просто королем Фердинандом I, а новой абсолютистской концепцией Габсбургов в

принципе [4, с. 16]. И ведь действительно: «идеальный порядок» хронист примеряет только на Чешское королевство, но по факту этот «порядок» — и есть абсолютизм, который на начало XVI в. уже имел место в Европе и который «пришел» в Чехию вместе с Габсбургами. Другое дело, что в тех обстоятельствах абсолютизм находился лишь в зачаточном состоянии и выражался преимущественно в попытках централизации и унификации, противоречащей устройству Богемии. Так, на наш взгляд, называть политику Фердинанда I строго абсолютизмом или говорить о некоей сложившейся концепции в середине XVI в., как это делает Мельников, не представляется возможным.

Список литературы

1. Гусарова Т. П. Проблемы интеграции в композитарных монархиях раннего Нового времени (на примере монархии австрийских Габсбургов) // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / Н. А. Хачатурян (отв. ред). М.: Наука, 2011. С.146 – 173.

2. Левченков А. С. Основные проблемы интеграции Чешского королевства в монархию Габсбургов в конце XVI – первой четверти XVII вв. // Российско–австрийский альманах: Исторические и культурные параллели. Вып. IV. Австро–Венгрия: Центральная Европа и Балканы (XI – XX вв.). Памяти В. И. Фрейдзона / С. А. Романенко, И. В. Крючков, А. С. Стыкалин (отв. ред.). СПб.: Алетейя, 2011. С. 137 – 143.

3. Медведева К. Т. Австрийские Габсбурги и сословия в начале XVII века. М.: Индрик, 2004. 280 с.

4. Мельников Г. П. Чешское восстание 1547 г. и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М.: Наука, 1989. С. 5 – 44.

5. Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год / Пер. с чеш. и коммент. А. И. Виноградовой, Г. П. Мельникова; Отв. ред. Б. Н. Флоря. М.: Наука, 1989. 131 с.

6. Akta všech těch věci (1547). Pr., b. r.

Кочеткова Екатерина Владимировна
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
Научный руководитель:
Бельцер Александр Анатольевич, канд. ист. наук, доцент

Документы церковного суда Честера как источник по изучению деятельности церковных судов Англии в XVI в.

Deposition book of the consistory court of Chester as a source for the study of English consistory courts in the 16th century

***Аннотация.** Статья посвящена анализу деятельности церковных судов Англии в XVI в. на примере документов церковного суда Честера. Они представляют собой записи показаний свидетелей по 25 делам, однако не дают полного представления о процессе судопроизводства, а позволяют сделать лишь некоторые выводы о повседневной работе суда и иллюстрируют разделение юрисдикций судов общего и канонического права.*

***Ключевые слова:** церковные суды; документы церковного суда Честера; дела о браке; имущественные споры.*

***Abstract.** This article studies English consistory courts in the 16th century on the example of deposition book of the consistory court of Chester. The records represent the testimony of witnesses in 25 cases and illustrate the difference between jurisdictions of ordinary and consistory courts. Also they allow us to draw conclusions about daily work of the court but don't give a complete picture of the litigation.*

***Key words:** consistory courts; records of Chester consistory court; matrimonial suits; testamentary disputes.*

В судебной системе Англии выделяют суды общего и суды канонического права, юрисдикции которых пересекаются по некоторым вопросам в рассмотрении как уголовных, так и гражданских дел.

Как пишет П. Арчер, самыми древними среди судов являются именно церковные. До нормандского завоевания они не были отделены от светских и решали как мирские, так и духовные вопросы [1, с. 221]. Вильгельм Завоеватель издал ордонанс с целью

способствовать внедрению новых форм канонического права вместо господствовавшего тогда местного обычного права, разделить юрисдикции судов [2, с. 47–49]. При Генрихе VIII, когда король стал главой англиканской церкви, церковные суды стали королевскими судами.

В процессе борьбы за разделение полномочий церковные суды получили право рассматривать дела, относящиеся не только к управлению церковью, но и к общественной нравственности. Их уголовная юрисдикция заключалась в рассмотрении дел о ереси, нарушении супружеской верности, кровосмешении, блуде, симонии — продаже и покупке священного сана, нарушении благопристойности в храме и клевете [1, с. 221]. Юрисдикция по гражданским делам касалась дел о браке, имуществе и завещаниях.

Церковные суды были организованы по четырехступенной системе: суды архидиакона в округе, епископа в диоцезе, архиепископа в провинции и суд папы римского. Существовали и суды особой юрисдикции, которые образовывались при короле, деканах, отдельных пребендариях, ректорах и викариях. Применялось также право убежища, благодаря которому церкви и некоторые другие церковные учреждения были исключены из королевской юрисдикции [3].

Количество архидиаконских судов в епархии определялось ее размером и численностью населения, однако их власть различалась в зависимости от диоцезов. Обычно архидиакон назначал юриста в качестве своего заместителя. Более важные дела слушались по первой инстанции в епископском суде, или даже в суде архиепископа и папы. Суд епископа чаще всего являлся апелляционной инстанцией по отношению к судам архидиаконов [3].

Непосредственно судопроизводство в церковных судах проходило в несколько стадий: обмен состязательными бумагами, в которых истец (обвинитель) представлял свои утверждения, а ответчик (обвиняемый) заявлял, с какими он согласен, а с какими — нет; сбор доказательств; вынесение судьей решения на основании полученных показаний и прочих документов дела, иногда после заслушивания выступления адвокатов. Открытого судебного заседания не было, стороны не присутствовали [1, с. 223–225]. Заседа-

ния обычно проводились регулярно, как правило, каждые три недели или чаще, за исключением августа и сентября [5, с. 103].

Иногда в судопроизводство вмешивались по просьбам сторон суды обычного права. Причин для этого было две: дело могло рассматриваться и в суде общего права; церковный суд превышал свои полномочия [2, с. 50].

Из наказаний, использовавшихся церковными судами, основными были публичное покаяние, временное запрещение посещать церковь, малое и большое отлучение от церкви. В случаях упорного неповиновения церковный суд обращался к суду лорда-канцлера с просьбой издать предписание, согласно которому светские власти арестовывали виновного и применяли к нему меры уголовного наказания с целью заставить подчиниться требованиям церкви [3].

Документы церковного суда Честера — ценный источник, представляющий информацию о повседневной работе Честерской консистории [4]. Он является лишь частью богатого собрания документов суда и содержит записи показаний свидетелей, данных в ходе слушания дела. Поскольку протоколы заседаний и официальные документы, использовавшиеся сторонами, были утрачены, записи помогают реконструировать их примерное содержание. В документе представлен английский перевод части записей, охватывающей период с сентября 1558 г. до марта 1559 г. Записи ведутся в хронологической последовательности.

Документы велись и на латыни, и на английском. При этом латынь, в основном, использовалась для написания каких-либо административных замечаний относительно дела и показаний свидетеля.

Интересен язык, которым записаны показания свидетелей, и уровень детализации их рассказов. В тексте нередко сокращения, пропуски букв, из чего можно сделать вывод, что во время допроса чиновники старались записать речь свидетеля как можно быстрее и точнее.

В период с 7 октября 1558 г. до 15 января 1559 г. в суде не велось никаких записей. Это могло быть обусловлено несколькими причинами: суд мог быть закрыт на зиму; имели место религиозные изменения в стране; занятость архиерея.

Всего в документе представлены записи по 25 делам, из которых 9 дел о браке, 10 — о наследстве, 4 — о собственности и 2 — о клевете.

Рассмотрим вопросы, затрагивающиеся в делах о браке. Одно из дел касается вопроса времени и места проведения бракосочетания [4, р. 3], другое рассматривает вопрос развода в связи с родством пары [4, р. 11]. В некоторых делах вопрос кровного родства стоит на втором месте, а в первую очередь указываются нарушения в порядке проведения обряда бракосочетания [4, р. 71]. Встречаются также дела о заключении брака между несовершеннолетними, обвинения в супружеской неверности [4, р. 26].

Инициаторами рассмотрения дел могли стать как мужчина, так и женщина. В нескольких делах активно используется деятельность проктора [4, р. 21]. Из этого можно сделать вывод, что за процессом судопроизводства осуществлялся строгий контроль, дабы исключить возможность принятия неверного решения по делу в интересах той или другой стороны.

Перейдем к рассмотрению дел о наследстве. Они могут касаться следующих вопросов: является ли завещание подлинным, был ли завещатель в состоянии подписать документ, когда диктовал свою волю перед смертью, имели ли место последующие дополнения или поправки, а также совпадает ли зарегистрированная воля завещателя с продиктованным им документом. Несколько дел были начаты из-за выражения воли человека в устной форме, и, следовательно, из-за подозрений в подлинности завещания. Опрашиваются знакомые, знавшие завещателя, его родственники, которые описывают все обстоятельства написания завещания [4, р. 4].

Во время допросов о свидетеле записывалась следующая информация: имя, фамилия, место рождения, возраст, род деятельности и какое отношение он имел к человеку, чье дело рассматривается. Если человека допрашивали неоднократно, то дословно речь каждый раз не записывалась, фиксировались лишь новые факты по делу и изменение (сохранение) показаний.

Интересно дело № 13 [4, р. 40–41] по вопросу наследования имущества, в котором записаны вопросы, задаваемые свидетелю. Помимо общих вопросов о порядке написания завещания, задавались также вопросы о порядке наследования имущества и том, кто должен заботиться о ребенке завещателя.

Дела о клевете и земельных вопросах составляют меньшую часть документа. Первые начинались вследствие дачи заведомо ложной информации о человеке, иногда в ходе другого судебного разбирательства, а вторые, в основном, касаются вопросов неуплаты аренды земли ее владельцу.

Таким образом, церковные суды играли большую роль в жизни общества, занимаясь рассмотрением дел по многочисленным вопросам. Документы церковного суда Честера позволяют сделать следующие выводы относительно его деятельности: подавляющее большинство рассматриваемых дел — дела о браке и наследстве; в ходе рассмотрения одного дела могло возникнуть другое; в суде осуществлялся строгий надзор за процессом судопроизводства; в деятельности суда мог быть сделан перерыв; основные действия проводились вне заседаний. Однако рассматриваемые документы церковного суда Честера не дают полного представления о процессе судопроизводства ввиду наличия лишь допросов свидетелей и отсутствия, например, вынесенных решений по конкретному делу.

Список литературы

1. Арчер П. Английская судебная система / Пер. с англ. Л. А. Ветвинского. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 268 с.

2. Гейнце Р. Очерк английского судоустройства в связи с судом присяжных. СПб.: тип. Куколь-Яснопольского, 1866. 91 с.

3. Иванова О. Ю. Система церковной юстиции в Англии накануне Реформации // Аллея Науки. № 8 (24). 2018. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36327894> (Дата обращения: 03.11.2020).

4. Deposition book of the consistory court of Chester, September 1558 – March 1559 // Justice and conciliation in a Tudor Church court: depositions from EDC 2/6, deposition book of the consistory court of Chester, September 1558 – March 1559 / E. K. M. Jarman (ed.). Bristol: 4word Ltd, 2012. P. 3 – 88.

5. Judicial tribunals in England and Europe 1200–1700 / M. Mulholland, B. Pullan (ed.). Midsomer Norton: Manchester University Press, 2003. 186 p.

IV. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Новикова Анастасия Михайловна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Селин Адриан Александрович, д-р ист. наук, проф.

Роль Польши в трансляции знаний о Московии во Францию в XVII в.

Role of Poland in Transmission of Knowledges about Muscovy in France during the 17th Century

***Аннотация.** В статье рассматривается влияние Польши на распространение знаний о Московском государстве во Франции. На примере мемуаров, дипломатических описаний и газеты XVII в. анализируются механизмы передачи информации, скорость ее передачи. Особое внимание уделяется разграничению понятий «Московия» и «Россия» в текстах, написанных непосредственно в Польше.*

***Ключевые слова:** Московия; Польша; Франция; трансляция знаний.*

***Abstract.** The article examines the influence of Poland on the spread of knowledge about the Muscovy in France. Using memoirs, diplomatic descriptions, and Newspapers of the 17th century as examples, the mechanisms of information transmission and the speed of obtainment were analyzed. Special attention is paid to the distinction between the concepts of “Muscovy” and “Russia” in texts written in Poland.*

***Key words:** Muscovy; Poland; France; transmission of knowledge.*

В XVII в. многие страны Европы, в том числе и Франция, стали стремиться больше узнать о своих восточных соседях. Во Франции публикуются переводы очерков тех путешественников и дипломатов, кто прежде посетил Московию. Французские кабинетные ученые обращались к более ранним текстам и соединяли их с распространенными слухами в новые тексты. Французские купцы также привозили с собой на родину известия о Московском государстве, однако их сведения не были разносторонними и ограничивались зачастую знаниями о торговле. Существовала необходимость в более полных сведениях о стране и, соответственно, специальных миссиях в Московию.

Благодаря дипломатам и путешественникам (для которых целью подчас была не Россия, а более отдаленные страны, такие как Китай) сведения о России начинают широко распространяться во Франции. Почти все сведения о Московии такого рода попадали во Францию через Польшу, на что стоит обратить особое внимание.

Одной из первых крупных работ, посвященных Московии, стало «Состояние Российской державы и Великого княжества Московского» капитана Маржерета. Записки Маржерета были посвящены первому пребыванию автора в Московии, когда капитан находился в роли наемного офицера на службе у Бориса Годунова и, впоследствии, Лжедмитрия Первого. Работа была опубликована во Франции почти сразу после возвращения Маржерета на родину и вызвала большой интерес у французского короля, поскольку «Состояние» дает обширные сведения о Московии начала XVII в. Попав на службу в Россию, по всей видимости, Маржерет решил во время своего первого пребывания в Польше, где изначально нанимался в армию к Сигизмунду III для войны с турками [3, р. 337]. После окончательного возвращения на родину у капитана остался в Польше близкий знакомый, который, по всей вероятности, передавал некоторую информацию от капитана во Францию будущему кардиналу Ришелье [3, р. 350]. Больше всего такой информации относится ко времени второго пребывания Маржерета в России, когда он воевал на стороне Тушинского вора, а затем находился в Москве во время польской оккупации столицы.

Французско-польские контакты были особенно тесными в 1648 – 1667 гг., поскольку страны были связаны династическими браками: Мария Луиза де Гонзага — представительница французского дворянства — была женой короля Владислава IV, а после его смерти стала супругой Яна II Казимира. Королева привезла с собой ко двору польского короля не только обычаи, традиции и моду французской знати, но и представителей элиты [6]. Поскольку во время царствования последних двух королей из династии Ваза Польша и Московия часто взаимодействовали, то многая информация могла напрямую передаваться через французов, выполнявших поручения при польском дворе.

Одним из знаменитых французских деятелей при дворе Марии Луизы стал Гаспар де Тенд. Он провел в Польше более двад-

цати лет и, после возвращения на родину, издал книгу «Исторические отношения Польши» — объемный трактат об истории Польши, особенностью которого является одновременное упоминание Московии и России применительно к разным территориям. Московия — соседнее с Польшей государство, главный враг и источник проблем для Речи Посполитой. Московское государство ставится на одну ступень с восточными варварами татарами и турками [9, р. 20]. Что касается России, Г. де Тенд включает ее в состав Польши [9, р. 7] (в частности, указывается, что Польша граничит «с Черной Русью с востока») [9, р. 8], однако на эту территорию не распространяются некоторые привилегии коренных поляков, местное, не католическое, население критикуется автором [9, р. 303].

Разделение России и Московии часто встречается во французских текстах польского происхождения, поскольку источники описывают польский взгляд на эти территории. Под «Россией» в данном разделе Россики понимается Русское воеводство с центром во Львове. В других публикациях — например, «Мемуарах рыцаря де Божё», — также упоминаются оба названия. Автор этих мемуаров — Франсуа Полен Далерак — французский хроникер конца XVII в., издавший в 1698 г. свои воспоминания о службе в Речи Посполитой [2]. В своем рассказе он разграничивает названия: Московия выступает уже знакомым французскому читателю привычным царством к Востоку от Польши. Что касается «России», то по представлениям де Божё есть «Черная Россия» [8], которая протянулась до Венгерских гор и р. Прут, которая ее отделяет от Валахии [8], и есть провинция Россия [как мы уже выяснили — Русского воеводства], у которой действительно столица Львов [8].

Другой занимательной фигурой, передававшей информацию о Московии через Польшу, был французский дипломат Де Ла Невилль, находившийся на службе в Речи Посполитой. С середины 1680-х гг. он выполнял разные распоряжения польского короля [1, с. 121]: в его дипломатические миссии, в частности, входила поездка в Московию [1, с. 17], которую он посетил в 1689 г. Во Францию воспоминания Невилля о Московии дошли через Польшу, поскольку, прежде чем отправиться на родину, Невилль вернулся в Варшаву, откуда был отправлен во Францию с поручением. В частности, дипломат доставил в Париж и рукопись «Записок о Московии».

Публикация подобных мемуаров и дипломатических обзоров не могла не стать предметом интереса французской прессы. Одним из таких изданий был «Le journal des savans», в котором часто публиковались аннотации к подобным книгам. Например, в выпуске от 16 июня 1698 г. [7, р. 181], было анонсирован выход в свет седьмого тома «Исторических путешествий по Европе» Клода Жордана, посвященный Московии. Откуда автор мемуаров брал информацию о Московии — неизвестно, поскольку нет ссылок ни на собственный опыт пребывания в стране, ни на какие-либо опубликованные и известные в то время мемуары, дневники путешественников и т. д. Однако в одной главе, посвященной генеалогии Московских правителей, есть упоминания о некоем знатном поляке (gentilhomme Polonais), который прислал автору свои мемуары, из которых Жордан и взял это описание [10].

Другая газета, важная для понимания роли Польши как медиатора знаний о Московии, это первое французское периодическое издание «La Gazette». Первое, что бросается в глаза при анализе ее выпусков, это структура: статьи разделены по странам, откуда пришла та или иная информация.

Например, выпуск от 11 июня 1689 г. начинается со статьи с новостями из Варшавы. Короткая заметка лишь косвенно упоминает Россию (Русское воеводство) — речь идет об атаке крымских татар [4, р. 281]. Что более важно, так это сроки публикации. Информация дошла из Польши во Францию меньше чем за месяц: само сообщение датируется 13 мая, а газета вышла уже 11 июня. Скорость, с которой поступала информация, намного выросла по сравнению с началом становления газетного дела во Франции.

Итак, Польша XVII в. для Франции была важным медиатором информации о Московии. Именно Польша, а не Швеция и Англия, играла ведущую роль в передаче информации. Тесные контакты Речи Посполитой как с Россией, так и с Францией передавали знания странам друг о друге, чем существенно обогатили базу французских знаний. Именно через Польшу во Францию пришли первые полноценно французские рассказы о Московии (не переводы с других языков). Рассказы, увиденные в Московии или услышанные в Польше, способствовали формированию определенного образа Московского государства. Эти знания компилировались, публиковались и

распространялись в последствии через кабинетных ученых и их монографии по Франции и Европе. В частности, образ, созданный через Польшу, повлиял на появление желания путешествовать в Московию, а также положил начало постепенному включению Московского государства в такой консолидированный в военном отношении «Запад», и, также, в Европу во время войны Священной Лиги с Османской империей в конце XVII в.

Список литературы

1. Де ла Невилль Записки о Московии. М: Аллепро-пресс, 1996. 304 с.
2. Dalairac F. P. [Электронный ресурс]. URL: <https://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb12001680t> (accessed 16.05.2020).
3. Dunning C. Quand un Français redécouvrait la Russie // Revue Historique. 1984. Т. 272. Р. 331 – 351.
4. La Gazette. Du 11 Juin 1689. № 25.
5. Hoefer D. Nouvelle biographie universelle depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris: Firmin Didot frères, 1858. P. 933 – 934.
6. Le journal des savans. Du lundi 28 Avril 1698.
7. Król U., Louise-Marie de Gonzague-Nevers (1611 – 1667). [Электронный ресурс]. URL: <http://heritage.bnf.fr/france-pologne/fr/louise-marie-de-gonzague-nevers-art> (accessed 16.05.2020).
8. Mémoires du chevalier de Beaujeu. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k8726628v/f241.item.r=Mofcovie> (accessed: 16.05.2020).
9. Tende de G. Relation historique de la Pologne... Paris: Jacques Villery. 1686. 336 p.
10. Voyages historiques de l'Europe. Vol. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1064036/f6.image> (accessed 20.05.2020).

Лапунов Алексей Алексеевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Алимов Денис Евгеньевич, канд. ист. наук, доц.

«Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» Карла Готтлиба фон Антона как первая славяноведческая энциклопедия

Karl Gottlob von Anton's «The first experience of describing the origin, customs, tempers, opinions and knowledge of the ancient Slavs» as the first encyclopedia of Slavic studies

***Аннотация.** Статья посвящена краткому анализу и разбору основных положений первой научной энциклопедией о славянах «Первому опыту описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» лужицкого учёного К. Г. фон Антона. В статье делается упор на характеристике новаторской методологии, исторической концепции, представлений о картине славянского мира и славянском характере труда фон Антона.*

***Ключевые слова:** эпоха Просвещения; история славяноведения; история знаний; энциклопедия; славяне; К. Г. фон Антон.*

***Abstract.** The article dedicates to a briefly analysis of main ideas of the first scientific encyclopedia about the Slavs «The first experience of describing the origin, customs, tempers, opinions and knowledge of the ancient Slavs» by the scholar from Lusatia K. G. von Anton. The article focuses on characteristics of von Anton's the innovative methodology and the historical concept of the work, ideas of the resettlement of Slavs and the Slavic temper.*

***Key words:** the Age of Enlightenment; history of Slavic studies; history of knowledge; encyclopedia; Slavs; K. G. von Anton.*

Карл Готтлиб фон Антон (1751 – 1818 гг.) является крупнейшим представителем лужицкого позднего Просвещения, внесшим значительный вклад в славяноведение. Он является автором труда «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян», вышедшего в двух томах в 1783 и 1789 гг. Однако, как в зарубежной, так и в отечественной историографии мало уделялось внимания как самому К. Г. фон Антону [11, s. 325 –

346; 10, s. VII – XXXV; 3, с. 62 – 63], так и его наследию, в том числе и «Первому опыту описания ...» [7, с. 3 – 10; 8, с. 79]. Исключением являются две работы Л. П. Лаптевой [5, с. 21 – 23; 9, s. 14 – 20], где приведен совсем краткий анализ общих основных положений труда фон Антона.

Однако столь малая изученность труда фон Антона отнюдь не говорит о его маловажности. «Первый опыт описания...» [12, s. 1 – 162; 13, s. 1 – 144] вполне можно считать первым в историографии Нового времени энциклопедическим трудом о славянах. Это, кажется, сознавал и сам фон Антон: «Об одних только древностях и нравах славян у нас, насколько я знаю, нет ничего полноценного» [12, s. VI].

Труд фон Антона состоит из введения, девятнадцати глав и приложений. Каждая глава посвящена определенной тематике: истории древних славян, славянским племенам, характеру и нраву, внешнему виду, религии, праздникам, занятиям, быту, образу жизни и т. п. Второй том работы является дополнением и продолжением первого тома и имеет то же оглавление и ту же структуру. Здесь фон Антон дополняет энциклопедию сведениями, которые ему удалось найти за шесть лет, либо отчасти корректирует, либо подвергает критике свои прошлые суждения.

В своей энциклопедии фон Антону удалось собрать и систематизировать весь тот богатый материал, накопившийся в течение предыдущих эпох. Важно сказать, что фон Антон является одним из первых славистов, кто определяет язык как главный свой источник. Именно на лингвистических данных строятся многие его гипотезы и предположения. Поэтому фон Антон привлекает всевозможные словари, лексиконы и грамматики по разным славянским языкам («диалектам»).

В своём труде фон Антон использует новаторские методы применительно к славяноведению. Будучи филологом по образованию, он занимается этимологией различных слов и наименований, которые содержатся в разных письменных источниках, что позволяет по-новому взглянуть на древнюю историю. Кроме того, фон Антон был первым, кто использовал метод взаимосвязи «слова и вещи» применительно к славянам [5, с. 22 – 23; 9, s. 14 – 20]. Сам фон Антон пишет о своём методе: «Если же во всех этих языках или, по крайней мере, в большинстве из них <...> обнаруживается понятие, названное

одним и тем же словом, то разве не следует из этого заключить, что это понятие уже было так названо, прежде чем отдельные племена отделились от общего целого? <...> И таким же образом можно заключить обратное» [12, s. XIII – IX] и «Если все или большинство племен имеют одинаковое употребление слова, значит, оно должно было быть известно уже их древнейшим предкам» [12, s. XIV]. Это также актуально и для отдельных феноменов. Таким образом, фон Антон «реконструирует» характер, занятия, повседневную жизнь, знания и т. п. древних славян. Для этого фон Антон активно привлекает сведения народоописания XVIII в., то есть материалы зарождающейся этнографии и травелогии.

Фон Антон начинает свою энциклопедию именно с исторических глав, на что были свои причины. Во-первых, в западноевропейских историософских дискурсах второй половины XVIII в. славян нередко считали «неисторическим народом»¹. Кроме того, западноевропейские авторы в цивилизационном и ментальном отношении не считали славян даже за «европейцев» [1, с. 421 – 516]. Поэтому фон Антон пытается на страницах своей работы представить славян как коренной европейский народ со своей древней историей, который был бы равноправным остальным «цивилизованным» народам Европы.

Во-вторых, во второй половине XVIII в. происходит отказ от прежних концепций древнеславянских историй, то есть от этногенетической легенды о Чехе, Лехе и Русе [6, с. 175 – 181] и библейской концепции происхождения народов от сыновей Ноя. Это было связано, в том числе, и с появлением критического метода в славистике [4, с. 69 – 86]. Фон Антон также отходит от прежних концепций древнеславянских историй и предлагает свою критическую версию истории.

Свою концепцию древнеславянской истории фон Антон начинает с выявлением их народа-«первопредка». Если в первом томе ими являются «исторические» народы, то во втором — гипотетические народы, которые он выводит и конструирует, основываясь на лингвистических данных.

---

¹ Например: [2, с. 499].

В представлении фон Антона все славяне и другие европейцы родственны и происходят из одного народа и общей прародины. В первом томе фон Антон принимает гипотезу о родственности латинского, германского, греческого и славянского языков, и делает вывод, что они происходят от общего языка. Этим языком он называет армянский, который в свою очередь происходит от персидского. Прародину, соответственно, всех европейских языков он называет Армению.

Во втором томе фон Антон существенно переработал свою концепцию в отношении первопредков. Он считает, что в древние времена существовал один «пранарод» (в который входили предки персов, армян, греков, латинов, галлов, славян и немцев), который он называет «кавказцами». Далее из «пранарода» выделяются предки современных греков, славян и германцев, которых он называет «гипреборейцами», так как они мигрируют на север. Затем, от «гиперборейцев» отделяются греки. Теперь предки славян и германцев составляют одно племя (Stemme). Затем происходит распад этого племени собственно на древних славян и древних германцев. При этом славяне становятся отдельной расой, со своими нравами, знаниями, обычаями и мнением, то есть становятся отдельным народом «Das Volk».

Далее фон Антон переходит собственно к древним славянам. Теперь в его распоряжении оказывается не только лингвистика, но античные и раннесредневековые письменные источники. Фон Антон приходит к выводу, что славяне в древности назывались сербами, или сарматами. Затем, сербы-сарматы разделяются на два племени — языгов и сербов. Сопоставляя античные и раннесредневековые сведения, фон Антон пришел к выводу, что античные языги это раннесредневековые словене (от «слова»), а сербы в узком смысле — анты и венеды. Далее, используя славянскую лингвистику, он утверждает то, что от языгов происходят русские, чехи, краинцы и др., а от сербов в узком смысле — поляки, какшубы, сербы и др.

Хотя фон Антон не ставит целью описание славян после их разделения на племена, ему все-таки приходится сталкиваться с этим из-за характера источников и методологии, которые он использует. Он считал славян единым народом (Das Volk), который разговаривает

на одном языке, который, при этом, делится на разные племена (Die Stämme), говорящих на разных диалектах (Die Dialekten).

В представлении фон Антона именно общность языка объединяет славян. Он приводит свою довольно новаторскую классификацию славянских «диалектов» в Европе [12, s. X–XI], которая в общих чертах совпадает с количеством славянских «племен». Он выделяет следующие славянские племена — сербы, полабы, кашубы-поморяне, чехи в Богемии и Моравии, словаки, силезцы, поляки, русские, крайнцы, хорваты, славонцы, далматийцы, боснийцы-иллирийцы, сервийцы и болгары. Также фон Антон выделяет и полуславян, «так как их язык часто смешан с другим, причем так сильно, что первый лишь слегка просвечивает» [12, s. VII] — валахов, прусов, литовцев и латышей,

Отдельную главу фон Антон посвящает славянскому характеру. Он является первым ученым, кто создает концепцию именно о собственном славянском «характере», до него славяне рассматривались в контексте других народов, которые жили либо рядом с ними, либо до них. В его представлении положительные качества славянского характера являются изначальными, а отрицательные качества являются либо приобретенными со временем, либо же вытекают из славянских положительных качеств.

Фон Антон выделяет следующие положительные качества: дружелюбие, гостеприимство, заботливость и, как следствие, отсутствие нищих, храбрость, свободолюбие, справедливость, веселье. Он считает, что им присуща радость, что славяне незлые и нековарные и свято соблюдают брак.

Отрицательными же качествами славян являются жестокость, мстительность, легкомыслие, пренебрежительное отношение к собственности, любовь к выпивке, коварство и недоверие по отношению к немцам.

Таким образом, труд К. Г. фон Антона является первой и единственной в своем роде энциклопедией о славянах, созданной в эпоху Просвещения. С одной стороны, она является своеобразным итогом развития славистики XVIII в. В ней собран и систематизирован весь тот огромный материал, который за этот век накопился о славянах. С другой стороны, энциклопедия фон Антона заложила основы не только немецкой научной славистики, но и сравнительного

изучения славянских народов. В ней К. Г. фон Антон не только излагает и реконструирует характер, религию, быт, занятия древних славян, но предлагает свою критическую версию истории древних славян, начиная от их первопредков и заканчивая расселением в Европе, и новаторскую для своего времени классификацию славянских диалектов в Европе.

Список литературы

1. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
2. Гердер И. Г. Идеи к философской истории человечества. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 760 с.
3. Гугнин А. А. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М.: ИСВ РАН, 1997. 224 с.
4. Лаптева Л. П. Йозеф Добровский как родоначальник критического изучения источников чешской истории // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. С. 69 – 86.
5. Лаптева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индирик, 2005. 848 с.
6. Мыльников А. С. Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. СПб.: Наука, 2016. 632 с.
7. Собестианский И. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян. Историко-критическое исследование. М.: Либроком, 2011. 352 с.
8. Ягич И. В. Энциклопедия Славянской филологии. СПб.: Отделение Русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1910. 961 с.
9. Lapteva L. P. Karl Gottlob von Anton und sein Versuch über die alten Slawen in Russland // *Lětopis*. 1982. В. 29/1. S. 14 – 20.
10. Nedo P. Der Vortwort // von Anton K. G. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse (Fotomechanischen Neudruck). Bautzen, 1986. S. VII – XXXV.
11. H. Karl Gottlob von Anton und seine slavistischen Interresen. Neues aus dem Sachlass // *Beiträge zur Geschichte der Slawistik*. Hrsgg. von H. H. bielfeldt und R. Horalek. Berlin, 1964. S. 325 – 346.

12. von Anton K. G. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. B. 1. Leipzig: Böhme, 1783. 162 s.

13. von Anton K. G. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. B. 2. Leipzig: Böhme, 1789. 144 s.

Васильева Анна Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Борисенко Виктор Николаевич, канд. ист. наук, доц.

Организация транзитного сообщения между метрополией и Востоком: деятельность фирмы «Томас Кук и сын» в Италии во второй половине XIX в.

The organization of the transit traffic between the metropolis and the East: the activities of Thomas Cook & Son in Italy in the second half of the 19th century

***Аннотация.** В статье рассматривается организация фирмой «Томас Кук и сын» туристических маршрутов через территорию Италии во второй половине XIX в. Делается вывод о том, что купонная система фирмы выстраивала прямую линию сообщения между метрополией и Востоком, поскольку через Апеннинский полуостров пролегал самый короткий путь до Александрии.*

***Ключевые слова:** история туризма; «Томас Кук и сын»; Британская империя; Италия.*

***Abstract.** The article examines the organization of tourist routes through the territory of Italy by Thomas Cook & Son in the second half of the XIX century. It is concluded that the coupon system of the company built a direct line of communication between the metropolis and the East, since the shortest route to Alexandria ran through the Apennine Peninsula.*

***Key words:** tourism history; Thomas Cook & Son; British Empire; Italy.*

Ко второй половине XIX в. Италия уже завоевала стойкую популярность у британских путешественников как культурный центр и место отдыха. К этому добавились идеологические симпатии, связанные с Рисорджименто, за которыми скрывался геополитический интерес, поскольку сотрудничество с Италией укрепляло позиции Великобритании в Средиземном море. На наш взгляд, фирма «Томас Кук и сын» в своей деятельности объединила оба этих аспекта. Она не только развивала британский туризм на Апеннинском полуострове, но и принимала участие в организации транзитного сообщения между метрополией и Востоком.

Итальянский бизнес Томаса Кука и его сына Джона Кука практически не привлекал внимания исследователей. Деятельность фирмы в Италии подробно рассматривает только американский историк Стефани Хом, но она не ставит вопросов, касающихся роли Италии в транзитном сообщении между Великобританией и ее колониями [9].

Томас Кук — английский баптистский проповедник, член общества трезвости и, как принято считать, создатель современной индустрии туризма, провел свою первую экскурсию в Италии летом 1864 г. Вскоре после того, как бизнес фирмы был организован в Италии, публике стали предлагаться круизы по Нилу и путешествие в Святую землю. Первый тур на Ближнем Востоке был проведен в 1869 г., что совпало с годом открытия Суэцкого канала, после чего возросло значение Египта для Британской империи. Уже в 1870 г. путеводитель фирмы для отправлявшихся на Восток, а именно в Египет, в качестве основного пути предлагал следовать по маршруту Лондон – Париж – Бриндизи [3, р. 1], и в качестве альтернативы — через Марсель с заходом на Мальту [3, р. 23–24]. В последующие два года в этот список вошли также Триест и Венеция [8, р. 13].

Построению маршрутов через территорию Италии способствовало открытие Мон-Сенисского тоннеля осенью 1871 г. Это увеличило не только общий, но и туристический трафик. Фирма получила возможность выпускать билеты в Индию и Египет на маршруты, идущие через Мон-Сенис и Бриндизи, что обеспечивало сквозное сообщение с Востоком [11, р. 109], как подчеркивал в 1891 г. журналист Фрейзер Рей, написавший историю фирмы к ее 50-летию. Этот же путь называл самым быстрым и прямым крупнейший путеводитель эпохи — путеводитель Мюррея [1, р. XV].

Во вступлении одной анонимной брошюры [12, р. VIII], посвященной Мон-Сенисскому тоннелю и выпущенной через два года после его открытия, говорилось, что тоннель уже стал магистралью между Англией и Индией для пассажиров, рассматривавших маршрут через Бриндизи не только как самый короткий, но и как самый приятный путь до Бомбея, Мадраса и Калькутты. Однако после открытия Сент-Готардского тоннеля в 1882 г. большая часть трафика, проходившего через тоннель Мон-Сени, была перенаправлена на новый маршрут,

который предоставил альтернативу для пассажиров, направлявшихся из Англии на Восток [11, р. 179–180].

Как итог в 1897 г. путеводитель фирмы «Томас Кук и сын» по Египту содержал следующие возможные варианты пути: из Лондона на Восток можно было добираться через Францию, Бельгию, Германию или Швейцарию. Список европейских портов, из которых шли пароходы в Египет выглядел следующим образом: Марсель, Генуя, Ливорно, Неаполь, Венеция, Бриндизи, Триест, т. е. пять из семи портов были итальянскими. Стоит отметить, что морские маршруты из Великобритании сохранялись, но в путеводителе они шли после континентальных и обозначались как «длинные морские пути», выходявшие из Лондона, Ливерпуля, Манчестера и Саутгемптона [6, р. 11–12].

В развитии туризма и прокладывании наиболее коротких маршрутов на Восток была заинтересована не только Великобритания. Правительство Италии само инициировало переговоры с фирмой «Томас Кук и сын» об организации туров в Индию через порт Бриндизи в обход Гибралтара [2, р. 201]. В 1880 г. Джону Куку, который на тот момент уже занял место отца во главе фирмы, была предложена фиксированная комиссия на всех пассажиров, направлявшихся в колонию через Апеннинский полуостров. Также фирма была назначена Итальянской правительственной железнодорожной администрацией и почтовой службой Бриндизи своим представителем в Индии для развития пассажирского сообщения между колонией и Великобританией через Италию [4, р. 5–6].

Обратимся теперь к тому, как фирма «Томас Кук и сын» достигла своих успехов. Среди современников фирма прославилась благодаря своей системе транспортных и гостиничных купонов, гарантировавших их обладателю наличие свободного места «даже в сезон» [7, р. 9]. Ими могли пользоваться как туристические группы, так и индивидуальные путешественники. Купоны не были привязаны к конкретной дате, что позволяло корректировать маршрут или делать остановки, передвигаясь по тем железнодорожным и пароходным линиям, с которыми у фирмы был заключен договор. Специальные соглашения с кучерами омнибусов и швейцарами избавляли туристов от встречи с шулерами, которые, по словам рекламы, «наводняют офисы итальянской железной дороги» [13, р. IV]. Ку-

понами можно было расплачиваться за проживание и еду. В 1876 г. один из путеводителей фирмы сообщал, что купонная система Кука уже настолько широко известна и универсально используется, что не нуждается в специальном представлении [7, р. 8] и может быть заменой паспорту [13, р. 34]. К 1899 г. у фирмы был заключен договор с 144 гостиницами в 88 городах Италии [5, р. 10]. Также покупка билетов в Лондоне на все протяжении пути избавляла путешественников от проблем с обменом валюты [7, р. 3–4].

Немаловажным для путешественников был и тот факт, что купоны Кука позволяли бесплатно регистрировать около 30 кг багажа до места назначения, тогда как в Бельгии, Германии, Швейцарии и Италии при пересадках необходимо было проходить процесс регистрации заново, а цена зависела от тарифов нескольких железных дорог. Фирма стала выпускать книжки с купонами на английском и французском языках, которые позволяли отправить багаж до конечного пункта, а туристу, путешествующему с дорожной сумкой, прерывать свой путь в любом месте [13, р. 34].

Фирма подчеркивала, что бизнес в Италии ведется с особым вниманием, с предоставлением помощи путешественникам из Англии, Америки и колоний. На основных железнодорожных станциях и в морских портах размещались переводчики в униформе, в чьи обязанности входило оказывать услуги тем, кому были необходимы билеты фирмы. Их можно было встретить в Генуе, Венеции, Неаполе и Бриндизи [11, р. 264]. В Бриндизи переводчик встречал клиентов, пребывавших с экспрессом, который в 1890-х гг. преодолевал путь из Кале всего за двое суток, и сопровождал их до парохода [10, р. 17]. Так же на прибывавшие в Бриндизи пароходы из Индии поднимались агент, снабжавший клиентов фирмы всей необходимой информацией, в первую очередь касавшейся поездов, и переводчик в форме, который помогал проходить таможенную и провожал на железнодорожную станцию [10, р. 125].

Таким образом, фирма «Томас Кук и сын», благодаря купонной системе и штату сотрудников, выстраивала через территории Италии прямую линию сообщения между метрополией и Востоком. Она предлагала оптимальные маршруты с согласованными пересадками, также устраняя для своих клиентов проблемы с багажом и наличием свободных мест в гостинице. Услугами фирмы могли пользоваться

не только туристы, но и служащие империи. Деятельность фирмы выступила в качестве одного из инструментов расширения и укрепления связей метрополии и колоний.

Список литературы

1. A Handbook for Travellers in Egypt. L.: John Murray, 1873. 505 p.
2. Brendon P. Thomas Cook. 150 Years of Popular Tourism. L.: Secker & Warburg Ltd, 1991. 372 p.
3. Burns J. Help-book for Travellers to the East. L.: T. Cook & Son, 1870. 227 p.
4. Cook's Indian Tours. L.: Thomas Cook & Son, 1885. 116 p.
5. Cook's tourist handbook for Northern Italy. L.: Thomas Cook & Son, 1899. 388 p.
6. Cook's Tourists' Handbook for Egypt, the Nile, and the Desert. L.: T. Cook & Son, 1897. 383 p.
7. Cook's Tourists' Handbook for Egypt, the Nile, and the Desert. L.: T. Cook & Son, 1876. 389 p.
8. Etzensberger R. Up the Nile by Steam. L.: T. Cook & Son, 1872. 75 p.
9. Hom S. M. The Beautiful Country: Tourism and the State of Destination, Italy. Toronto: University of Toronto Press, 2015. 313 p.
10. India, Burma and Ceylon. Information for Travellers and Residents. L.: T. Cook & Son, 1898. 208 p.
11. Rae W. F. The Business of Travel: a Fifty Years' Record of Progress: 1841 – Leicester to Loughborough (12 miles), 1891 – All Over the Globe. L.: T. Cook & Son, 1891. 318 p.
12. The Mont Cenis tunnel: its construction and probable consequences. London: C. J. Skeet, 1873. 91 p.
13. Winter Series of Programmes of Circular, Single and Trough Tickets from London. L.: T. Cook & Son, 1871. 58 p.

Попов Дмитрий Игоревич

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Новикова Ирина Николаевна, д-р. ист. наук, проф.

**Роль студенческих корпораций Финляндии в становлении
и развитии национальной идентичности в XIX – первой
половине XX вв.**

**The role of Finnish student nations in the formation and
development of national identity in the XIX – first half of the XX
centuries**

Аннотация. В статье рассматривается влияние финских студенческих корпораций на становление и развитие финляндской нации. Проанализировав их роль на протяжении XIX и первой половины XX вв., автор определяет их большое значение в формировании единой финской общности, пробуждении интереса общества к народной культуре, а затем в политических движениях независимой Финляндии, отстаивающей её самобытность.

Ключевые слова: Финляндия; студенческие корпорации; национальная идентичность.

Abstract. The article deals with the influence of Finnish student nations on the formation and development of the Finnish nation. Having analyzed their role during XIX and first half of XX centuries, the author defines their great importance in the building united Finnish community, awakening public interest in folk culture, and then in the political movements of independent Finland, defending its identity.

Key words: Finland; student nations; national identity.

Студенческие корпорации — объединения студентов по региональному принципу — играли значительную роль в организации учебного процесса в европейских университетах, а на примере Германии, где они участвовали в отстаивании единой культуры в XIX в. [3, с. 29], видно, что их значение распространялось на формирование национального самосознания. Автор ставит перед собой цель выявить влияние студенческих корпораций на становление и развитие финляндской нации от начала XIX в. и до середины XX в.,

ведь система университетского образования в Финляндии строилась по немецким образцам, а деятельность студенческих организаций в Северной Европе всегда была активной.

В российской историографии изучению студенческих организаций Финляндии не уделялось внимание, хотя отдельные работы посвящались общей ситуации с ними в Российской империи [6]. Вместе с тем роль корпораций Александровского университета в Гельсингфорсе видится нам не менее значимой, чем подобных организаций других университетов.

В качестве источников для создания наиболее полной картины влияния корпораций Финляндии на процесс формирования финской идентичности автор опирается на их собственные документы [10], сведения из энциклопедий (Брокгауз и Ефрон [2]) и отчётов (Финляндия в 1946 г. по информации советской разведки [1]), показывающих их восприятию со стороны России.

Ещё в 1830-е гг. Императорский Александровский университет становится центром формирования фенномании как общественного течения, которое основывалось на интересе к финской культуре. В его корпорациях студенты могли себя ощутить единым сообществом, академическим и культурным. Эти своеобразные студенческие клубы объединяли людей из разных сословий и регионов [5, с. 132], что способствовало зарождению национального самосознания. Именно они готовили национально мыслящую будущую финскую элиту.

Переходя к конкретным фактам, иллюстрирующим роль корпораций в становлении национального самосознания в XIX в., отметим следующие частные сюжеты. Во-первых, заметна их роль в развитии финской музыки. Студенты корпораций особое внимание уделяли народному творчеству, для собирания его образцов организовывали специальные экспедиции в далёкие уголки Финляндии. И в итоге именно из студенческих корпораций вышли знаменитые композиторы И. Крон, А. Лаунис, А. О. Вьяйсянен, Т. Куула и Л. Мадетойа [4, с. 19].

Во-вторых, вместе с музыкантами, землячества воспитывали этнографов, зачинателей изучения финно-угорских народов. Среди них выделяется Выборгское землячество, которое курировал археолог и краевед Т. Швиндт, основатель музейного дела в Финляндии. Они

путешествовали по Карелии в поисках настоящей «финскости» [11], имели тесные связи с Обществом финской литературы. В итоге студенты сыграли решающую роль в собирании финского фольклора и создании фольклористики как академической дисциплины в учебных заведениях Финляндии [12, р. 111].

Наконец, в самих студенческих корпорациях (например, Саво-Карельской) собрания проходили с использованием традиционной символикой и ритуалов [8]. Создавалось собственное литературное творчество – устные выступления, формировавшие уже современное национальное самосознание на основе старых народных мотивов и при противопоставлении себя шведским и русским чиновникам, рукописные газеты и альбомы, распространяемые от одних землячеств по всему университету [12, р. 123].

Конечно, это была лишь заинтересованность в народной культуре, но она, по Э. Хобсбауму, является первой основой формирования нации [7, с. 165]. И хотя эти землячества поощряли развитие местного патриотизма с особыми традициями, что противоречит идее единой нации, но само обращение к финской культуре формировало собственную идентичность, отличную от российской. В России финские студенческие корпорации выделялись скорее примером упорядоченности и чёткой организации учебной жизни, но не проявлением национализма [2].

В начале XX в. открываются новые корпорации и возрождаются старые, причём в это время они уже разделяются на финскоязычные и шведскоязычные [10], превращаются в политические объединения. В Студенческом доме финских корпораций организуется Общество по изучению финского языка, занимавшееся и переводом фамилий и имён на национальный язык [9, р. 8]. С 1913 г. выходит газета «Юлиопиласлехти» («Студенческая газета»), в первом номере которой подчёркивался стремительный рост обучения на финском языке, а в следующем году авторы писали о «печали и озабоченности» сохранением доминирования в академической среде шведского языка [9, р. 9]. Газета, таким образом, стала рупором финского национального движения.

После обретения независимости Финляндии именно студенчество становится одной из основ националистического движения. Студенты организуют знаменитое Карельское

академическое общество, а «Юлиоппиласлехти» продолжает выступать против шведского языка и коммунизма [13, р. 69]. Среди студентов пользовались особой популярностью идеи о полном переходе на финский язык и возвращении Восточной Финляндии. Сами финскоязычные корпорации, активно присоединялись к работе Карельского академического общества, и на межвоенный период их политическая активность становится наибольшей.

В связи с этой активной деятельностью в СССР интересовались финскими студенческими организациями. В подробном описании ситуации в Финляндии, представленном разведывательным отделом штаба Ленинградского военного округа в 1946 г., подчёркнута их важность в проведении национальной политике (студенческие организации числятся в описании под 6-м номером, после политики и экономики [1, с. 242]). Но особый интерес вызывают не студенческие корпорации (они подробно представлены в отдельном приложении, но приводятся с ошибками в названиях [1, с. 242]), а организации более высокого уровня — Союз финских студенческих обществ и созданный при нём «Союз правых студентов». Левое студенчество не состояло в корпорациях, т. е. в них сосредоточены национально мыслящие студенты, которых насчитывается порядка 95 % [1, с. 243].

Но 1946 г. был рубежным: в дальнейшем, когда вопрос строительства нации уходит с повестки, политическая роль студенческих корпораций заметно снижается и их деятельность ограничивается вопросами организации жизни студентов.

Итак, на протяжении XIX – первой половины XX в. члены студенческих корпораций сыграли большую роль в пробуждении интереса общества к народной культуре, её систематизации и распространении, что стало одним из столпов будущей финской нации. Объединение по земельному принципу сыграло существенную роль в консолидации национально мыслящих студентов. В годы после обретения независимости Финляндии корпорации связываются с политическими движениями, отстаивающими национальную самобытность и независимость финнов. С этого времени защита истинной «финскости» переходит на более высокий уровень — в

националистические движения вовлекаются Студенческий союз и газета, и их советские разведчики характеризуют сосредоточением «финской реакции». Но в любом случае помимо образовательной функции корпорации способствовали формированию финской идентичности и современному облику национального государства на этапе его становления.

Список литературы

1. Болдовский К. А. «Финская реакция своего оружия не сложила...»: Финляндия в 1946 году по информации советской разведки // Новейшая история России. 2017. № 4. С. 231 – 256.

2. Гельсингфорский университет // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том VIII. СПб.: Семеновская Типолиитография, 1892. С. 291 – 292.

3. Дорохина Р. В. Этические принципы и ценностные установки студенческих корпораций Европы и Северной Америки. М.: Проспект, 2015. 128 с.

4. Егеи Э. Народная песня как основа национальной музыки // Финно-угорский мир. 2013. № 2. С. 18 – 19.

5. Загребин А. Е. У Т. Сирелиус и финно-угорская этнография // Уральский исторический вестник. 2013. № 4. С. 132 – 140.

6. Рязанцева Н. Б. Опыт координации деятельности студенческих организаций университетов Российской империи // Петербургский исторический журнал. 2015. № 4. С. 65 – 82.

7. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб: Алетейя, 1998. 305 с.

8. Historia // Savolainen osakunta. URL: <http://www.savolainenosakunta.fi/?q=osakunta-historia> (дата обращения: 04.11.2020).

9. Kortti J. Ylioppilaslehti and the University's Language Struggle in the 1920s and 1930s // Kasvatus & Aika. 2009. № 3. P. 7 – 23.

10. Nationer // Nationerna. URL: <https://nation.fi/nationer/> (дата обращения: 04.11.2020)

11. Rajavuori T. Osakunnan vaiheet // Wiipurilainen osakunta. URL: <https://wiipurilainenosakunta.fi/osakunta/osakunnan-vaiheet/> (дата обращения: 04.11.2020)

12. Salmi-Niklander K. Ideals, Practices and Debates Related to Oral Tradition in 19th-Century Finnish Student Culture // Oral Tradition and Book Culture. 2018. P. 111 – 126.

13. Salomaa I. “I Devote Myself to the Fatherland”: Finnish Folklore, Patriotic Nationalism, and Racial Ideology // Finland’s Holocaust. 2013. P. 69 – 94.

Завизион Денис Дмитриевич
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Пленков Олег Юрьевич, д-р ист. наук, проф.

Жилищная политика Третьего Рейха в довоенный период: пропаганда и действительность

The housing policy of the Third Reich in pre-war period: propaganda and reality

***Аннотация.** В статье автор рассматривает деятельность политического руководства Третьего Рейха в области решения жилищного кризиса. На примерах трех различных областей жилищной политики демонстрируется несоответствие практической реализации создаваемого национал-социалистическим режимом романтического образа нового жилья.*

***Ключевые слова.** Третий рейх; Нацистская Германия; жилищная политика.*

***Abstract.** In the article, the author considers the activities of the political leadership of the Third Reich in the field of solving the housing crisis. The examples of three different areas of housing policy demonstrate the discrepancy in the practical implementation of the romantic image of new housing created by the National Socialist regime.*

***Key words:** Third Reich; Nazi Germany; housing policy.*

Первые шаги по решению жилищного кризиса были предприняты нацистами уже в 1933 г., когда были приняты законы «о новом образовании немецкого крестьянства» [6, s. 517–518] и «о развитии жилых районов» [5, s. 659–661], которые знаменовали начало осуществления жилищного строительства под руководством министерства сельского хозяйства и министерства труда, но осуществление жилищной программы было начато только первым. В соответствии с установкой Вальтера Дарре о создании «нового немецкого дворянства из крови и почвы» началось возведение малых сельскохозяйственных поселений дачного типа преимущественно для безработных.

Чаще всего дома имели два этажа и состояли из 1–4 квартир. Архитектура «Хайматшутца» должна была подчеркнуть разрыв с

модернистской традицией 1920-х гг., ее главным выражением стала замена «большевистской» и «средиземноморской» плоской кровли «немецкими» и «нордическими» скатными и вальмовыми [14, с. 165]. Лозунги модернистов о примате утилитарности на деле были взяты на вооружение национал-социалистами, стандартизируя и упрощая внутреннее оформление домов. Сама мебель изготавливалась из дешевых немецких материалов [11, р. 52–53].

Именно этот образ идеального немецкого жилья – загородной усадьбы со скатной или вальмовой крышей с прилегающими амбарами и (или) огородами [1, с. 99], вскоре стал приоритетным и перекочевал на обложки журнала «*Städtebild und Landschaft*», печатные СМИ и строительные рекомендации, например, «*Bauen, Siedeln, Wohnen*» или «*Deutsche Bau-Zeitung*» [14, с. 69].

Несмотря на все старания пропаганды, здания только визуально могли походить на образцовое жилье, так как возводились из низкокачественных материалов, зачастую без обеспечения электричеством, водопроводом или канализацией [3, с. 141]. Тем не менее, созданный визуальный образ, оперировавший к традиционному немецкому жилью, стал основным экспозиционным объектом фильма «*Кровь и Почва — Основы нового Рейха*», вышедшего на большие экраны в 1933 г. Сюжет фильма повествует в возвращении обедневших крестьян в национал-социалистическую деревню с эксплуатацией аграрно-романтических образов под знаменем свастики. Те же образы вскоре будут перенесены на холсты с последующей демонстрацией в «*Доме немецкого искусства*» вплоть до 1944 г. включительно.

Апробированная в сельской среде программа строительства малых поселений нашла свое выражение в проектах жилищного управления Германского трудового фронта (далее — ДАФ), до 1936 г. занимавшегося строительством малых поселений, не имеющих сельскохозяйственной основы [12, р. 178], в том числе для СС, СА и Вермахта [15, с. 70]. В основном их проекты создавались для промышленных рабочих, из-за чего с принятием в 1936 г. четырехлетнего плана развития они стали практически монополистами на рынке социального жилья [7, с. 855].

Массовое строительство индивидуальных жилых домов, предусмотренное в планах ДАФ, осталось только на бумаге, на деле в

одном доме чаще всего располагалось от 2 до 4 семей. В них не имелось водопровода, [12, р. 178], внешний вид строго унифицировался вплоть до заборов и изгородей [12, р. 179].

Для получения жилья в поселениях данного типа потенциальному жителю необходимо было предоставить комиссии документы, которые подтверждали бы «арийское» происхождение. Для прохождения комиссии было необходимо находиться в браке и иметь двоих детей. При одобрении анкеты будущий житель обязывался принять участие в строительстве поселения в объеме 2–3 тыс. часов [1, с. 105].

Затем жилье передавалось в пользование на экспериментальный срок в 3 года, в течение которого местные партийные органы осуществляли контроль над переданной территорией. Условия для успешного завершения испытательного срока были слишком тяжелыми, в особенности для женщин, в чьих обязанностях было: воспитание детей, поддержание чистоты дома, работа на домашнем участке. Из жителей 1800 подобных домов в 1937 г. только 40 % семей прошли испытательный срок, еще 40 % получили дополнительный срок, а 20 не прошли проверку, в основном по вине женщин [7, с. 857].

Вскоре жилищное управление ДАФ получило заказы на строительство городов в рамках промышленных концернов, например, Hermann Goering Stadt или Stadt des KDF-wagens bei Fallersleben [8, с. 146]. Второй проект должен был стать образцовым для новой Германии, из-за чего удостоился личного контроля А. Гитлера и А. Шпеера. Помимо презентации проекта на многочисленных выставках, он получил особое внимание и в работе главного публицистического апологета архитектуры Рейха — Герди Троост [13, с. 89].

Приоритет загородного строительства тем временем обострил существовавший жилищный кризис в городской среде. Для решения этого вопроса 24 ноября 1935 г. министерством труда была начата реализация программы строительства «народных квартир» (нем. Volkswohnungen) [4, с. 242]. Жилье должно было располагаться на промышленных окраинах крупных городов. Планируемая стоимость строительства квартиры составляла 3500 марок, треть которой покрывало бы государство на займовой основе. Арендная плата для рабочих и вовсе должна была составлять 1 % от этой стоимости, т. е. 35 марок в месяц [3, с. 141]. Аналогичные варианты на рынке предлагали стои-

мость от 40 до 56 марок при средней платежеспособности рабочих в 26 марок [4, с. 242]. В них не предусматривалось горячего водоснабжения, центрального отопления и ванной комнаты [3, с. 141]. Две трети квартир строились в многоэтажных домах [9, с. 98]. Планировки были строго стандартизированы, когда как внешний облик домов не имел единого варианта [5, с. 99].

Планировалось ежегодное строительство порядка 300 тыс. народных квартир, однако в промежутке с 1935 по 1939 гг. было начато строительство лишь 117 тыс. [3, с. 142]. К 1939 г. из-за недостатка строительных материалов и рабочей силы минимальная стоимость строительства и квартирной платы возросла вдвое [3, с. 143]. При этом, все еще нерешенной оставалась проблема недостатка небольших квартир, так как жилье строилось для полных семей [14, с. 247]. В Берлине и вовсе власть экстренно приступила к экспроприации еврейской недвижимости [10, р. 626–630], эта же практика вскоре распространилась и на Мюнхен [7, с. 872].

По итогу своей деятельности нацистскому руководству так и не удалось достигнуть внушительных качественных или количественных показателей в области жилищной политики, которые бы позволяли говорить о существенной социальной поддержке населения. В основном жилищная программа обслуживала: военные интересы (новые промышленные и сельскохозяйственные поселения обеспечивали сырьевой базой ведение войны), национальные (создавался привлекательный визуальный образ «доступного» «истинно немецкого» жилья), политические (осуществлялся контроль над слоями населения, претендующими на социальное жилье). Осуществлявшаяся жилищная политика по существу являлась прототипом планируемой программы послевоенной дезурбанизации, и не могла достигнуть сколько-нибудь существенных результатов при снижении ресурсов на жилищное строительство и переводе их на перевооружение Вермахта.

Список литературы

1. Васильченко А. В. Имперская тектоника: Архитектура III рейха: Архитектура в третьем рейхе. М.: Вече, 2008. 306 с.
2. Маркин Ю. П. Искусство Третьего рейха. М.: РИП-холдинг, 2012. 384 с.
3. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, 2006. 1290 с.

4. Führer, Karl Christian. Anspruch und Realität. Das Scheitern des nationalsozialistischen Wohnungsbaupolitik 1933-1945 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1997. Vol. 45. №2. S. 225 – 256.

5. Gesetz über die Aufschließung von Wohnsiedlungsgebieten vom 22. September 1933 // Reichsgesetzblatt T1, 1933. S. 659 – 661.

6. Gesetz über die Neubildung deutschen Bauerntums vom 14. Juli 1933 // Reichsgesetzblatt T1, 1933. S. 517 – 518.

7. Haerendel, Ulrike. Kommunale Wohnungspolitik im Dritten Reich. München: De Gruyter, 1999. 466 s.

8. Haerendel, Ulrike. Wohnungspolitik im Nationalsozialismus // Zeitschrift für Sozialreform. 1999. Vol. 45. № 10. S. 843 – 877.

9. Harlander, Tilman. Zwischen Heimstätte und Wohnmaschine. Berlin: Birkhäuser Verlag, 1995. 256 s.

10. Jaskot, Paul Borquin. Anti-Semitic Policy in Albert Speer's Plans for the Rebuilding of Berlin // The Art Bulletin. 1996. Vol. 78. № 4. P. 622 – 632.

11. Kitchen, Martin. Speer: Hitler's architect. London: Yale University Press, 2017. 442 p.

12. Ostergren, Robert; Hagen, Joshua. Building Nazi Germany: Place, Space, Architecture, and Ideology. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2019. 510 p.

13. Troost, Gerdy. Das Bauen im Neuen Reich. München: Gauverlag Bayerische Ostmark, 1938. 166 s.

14. Weinberg, Ingeburg. NS-Siedlungen in Wien. Wien: LIT Verlag, 2015. 475 s.

15. Weinberg, Ingeburg, M.S. Ideologietransfer im Siedlungsbau des Nationalsozialismus in Groß-Wien. Wien, 2010.

Ковтун Татьяна Вячеславовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель
Костина Екатерина Александровна, ст. преподаватель

Движение за бенгальский язык за пределами Бенгалии

The Bengali Language Movement Outside Bengal

***Аннотация.** Данная статья посвящена языковому движению за статус бенгальского языка в Индии, возникшему в результате переселения беженцев-индуистов из Пакистана и вхождения некоторых исторических мест проживания бенгальцев в состав разных штатов Индии. Итогом движения стало утверждение бенгали в статусе официального языка в Ассаме, Джаркханде и Карнатаке.*

***Ключевые слова:** языковое движение; официальный статус языка; бенгали.*

***Abstract.** This article deals with the movement for the status of the Bengali language in India, which arose as a result of resettlement of Hindu refugees from Pakistan and incorporation of some historical places of residence of Bengalis into different states of India. The language movement resulted in establishment of Bengali as an official language in Assam, Jharkhand and Karnataka.*

***Key words:** language movement; the official status of a language; Bengali.*

Бенгальский язык, или бенгали, — язык народа, населяющего преимущественно штат Западная Бенгалия (Республика Индия) и Республика Бангладеш (или Восточную Бенгалию) [1].

Под языковым движением за бенгальский язык (бенг. «*Бхаша андолон*») обычно понимают известный феномен истории Восточной Бенгалии [13], однако в Индии языковое движение бенгальцев, связанное со стремлением сохранить родной язык и культуру в условиях существования в новом государстве, также имело место.

К началу этого движения привели раздел Британской Индии в 1947 г., повлекший за собой образование Пакистана и переселение беженцев-индуистов из его провинции Восточная Бенгалия обратно в Индию [4], а также новое административное деление исторических мест проживания бенгальцев.

Желание использовать родной язык в обучении, законотворчестве, суде- и делопроизводстве, а также иных отраслях побудило бенгальцев бороться за его официальный статус в регионах Индии. Особую силу языковое движение за пределами Бенгалии приобрело в Ассаме, Джаркханде, Карнатаке, Бихаре и Чхаттисгархе.

В трех регионах — Ассаме, Бихаре и Джаркханде — языковое движение было обусловлено включением территорий с преимущественно бенгалоязычным населением в штаты, где бенгальский изначально не получил официального статуса.

Во время раздела Индии большая часть населения регионов Хайлаканди, Каримгандж и Качар, граничащих с Восточным Пакистаном в долине реки Барак, исповедовала индуизм и говорила на бенгали, что обусловило их вхождение в состав Индии, а географическое расположение привело к их включению в штат Ассам, где бенгальцы не могли использовать родной язык как официальный. В 1947 г. была предпринята первая попытка правительства навязать ассамский язык, а в 1960 г. он стал единственным официальным языком штата [12]. Бенгальцы Ассамы с самого начала выражали недовольство сложившейся ситуацией, а вскоре их движение приняло масштабный характер [6]. Была создана организация «Совет по борьбе народа Качар» (за родной язык), велась пропаганда, проходили акции сопротивления. 19 мая 1961 г. на железнодорожных станциях в результате применения огня полицией погибло 11 активистов, которых признали *шахидами* (не пострадавшими за веру [2], а отдавшими жизнь в борьбе за правое дело). В независимой Индии никогда прежде не погибало столько людей за право использовать родной язык [6]. Под неослабевающим давлением в том же году правительство Ассамы вынужденно отменило закон об ассамском языке и придало бенгали официальный статус в долине реки Барак [12]. Теперь каждое 19 мая жители этих трех районов Ассамы отмечают День языка (Бхаша дибош).

Языковое движение в Бихаре впервые началось еще в колониальный период и охватило округ Манбхум, когда после попытки раздела Бенгалии в 1905 г. он был включен в штат Бихар-Орисса [10]. После раздела Индии в 1947 г. официальным языком Манбхума стал хинди, а употребление бенгали было ограничено. 30 мая 1948 г. на заседании партии ИНК в результате отклонения

предложения о придании бенгали статуса официального в округе 35 членов ИНК от Манбхума вышли из партии, а 14 июня была создана партия Лок Севак Сангха («Союз слуг народа»), которая защищала бенгали и боролась против насильственного навязывания хинди бенгалоязычному населению. В регионе происходили массовые протесты, к которым присоединилась коллегия адвокатов и Коммунистическая партия, тысячи бенгальцев оказались в тюрьме. В итоге, в 1956 г. Манбхум с бенгалоязычным населением в 1169097 человек вошел в состав штата Западная Бенгалия в качестве округа Пурулия. Это языковое движение является самым продолжительным в мировой истории [7].

Штат Джаркханд также граничит с Западной Бенгалией и является частью древней Бенгалии — региона Парх. Его крупнейшим этническим образованием являются бенгальцы, а их язык широко используется как *lingua franca* [8], в том числе, и среди племен. Несмотря на это, при первоначальном делении на штаты Парху не удалось войти в Западную Бенгалию, и его территория была присоединена к Бихару, а после выделения Джаркханда из состава Бихара в 2000 г., статус официальных языков получили только хинди, английский и урду. Несколько организаций бенгальцев и племен в штате долго боролись за провозглашение бенгали основным официальным языком [5]. Под давлением языкового движения сферы официального употребления бенгали постепенно расширялись [10], и в 2006 г. он приобрел статус второго официального языка в Джаркханде [11].

В других регионах Индии, где также возникло языковое движение бенгальцев, изначально не было значимой бенгальской диаспоры, однако она сформировалась в результате переселения беженцев-индуистов из Восточной Бенгалии.

Согласно проекту Дандакаранья 1958 г. [3], расселение и интеграция беженцев происходили на территориях современных штатов Чхаттисгарх, Орисса и Андхра-Прадеш. В Чхаттисграхе бенгальцы поселились более чем в 100 деревнях и использовали бенгали без препятствий. Но после прекращения проекта образовательный процесс в большинстве бенгальских школ был переведен на хинди, оставшиеся не имели доступа к книгам на родном языке, а бенгальские учащиеся постоянно сталкивались с дискриминацией. Как следствие, возникли студенческие протесты и языковое движение

под руководством Всеиндийской ассоциации бенгальских беженцев. Широкомасштабные забастовки охватили всю территорию Северной Индии от Пакханджора в Чхаттисгархе до столицы Дели [5], однако это позволило решить лишь некоторые проблемы.

Беженцы также нашли себе кров в Карнатаке. Их положение было схожим с ситуацией в вышеупомянутых штатах. Оформившееся языковое движение требовало открытия школ с преподаванием бенгали и на бенгали [5]. Лишь 20 мая 2013 г. правительство штата объявило бенгали вторым официальным языком и удовлетворило требование протестующих [9].

Таким образом, в результате языкового движения бенгальский язык получил статус официального в штатах Ассам, Джаркханд и Карнатака.

Список литературы

1. Зограф Г. А., Крючкова Е. Р., Мазурова Ю. В. Бенгальский язык // Языки мира: Новые индоарийские языки / РАН. Институт языкознания. Ред. колл.: Т. И. Оранская, Ю. В. Мазурова, А. А. Кибрик, Л. И. Куликов, А. Ю. Русаков. М.: Academia, 2011. С. 397.

2. Рошин М. Ю. Шахид // Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/religious_studies/text/4691324 (дата обращения: 01.11.2020).

3. Agrawal S. C., Pattanaik G. B. Management of Dandakaranya project, Koreput V. Workman & ANR [1997] RD-SC 10 (7 January 1997) // Rishabhadr. URL: <http://www.rishabhadr.com/sc/view.php?case=14550> (дата обращения: 01.11.2020).

4. Baruah S. Assam, Northeast India and the “unfinished business” of Partition // Frontline. URL: <https://frontline.thehindu.com/cover-story/article30276342.ece> (дата обращения: 01.11.2020).

5. Bhattacharya M. বিভিন্ন দেশে ও রাজ্যে ভাষার জন্য আন্দোলন // NewsMtv. URL: <https://www.newsmtv.com/archives/25107> (дата обращения: 01.11.2020).

6. Dāśgupta A. Śahider rakter binimaye kāchār peyeche bisbabidālay // De sāṅde indiyān. March, 2009. P. 23.

7. Deptt. of Information & Cultural Affairs, Purulia. Historical event: bhasa andolon. URL: http://www.purulia.nic.in/distAdmin/departments/dico/bhasa_andolon.html (дата обращения: 01.11.2020).

8. Ghosh A. Jharkhand Movement in West Bengal // Economic and Political Weekly. Jan. 16-23, 1993. Vol. 28. No. 34. P. 126. URL: <https://www.jstor.org/stable/4399308> (дата обращения: 11.03.2021)

9. Ghosh S. Bengali gets 2nd language status in Karnataka // Oneindia. URL: <https://www.oneindia.com/2013/05/20/bengali-gets-2nd-language-status-in-karnataka-1220585.html#:~:text=Bengali%20gets%202nd%20language%20status%20in%20Karnataka&text=The%20Barak%20Upothakya%20Bongo%20Sahitya,second%20language%20in%20the%20state> (дата обращения: 01.11.2020).

10. Gupta S. বর্হিবংগ বাঁচলে, বাংলা ভাষা বাঁচবে // KRC Times. URL: <https://www.krctimes.com/bangla/analysis/%E0%A6%AC%E0%A6%B0%E0%A7%8D%E0%A6%B9%E0%A6%BF%E0%A6%B0%E0%A6%AC%E0%A6%99%E0%A7%8D%E0%A6%97-%E0%A6%AC%E0%A6%BE%E0%A6%81%E0%A6%9A%E0%A6%B2-%E0%A7%87-%E0%A6%AC%E0%A6%BE%E0%A6%82%E0%A6%B2%E0%A6%BE/> (дата обращения: 01.11.2020).

11. Khan A. Urdu, Bangla, Santhali declared second official languages // Oneindia. URL: <https://www.oneindia.com/2006/11/15/urdu-bangla-santhali-declared-second-official-languages-1163601436.html> (дата обращения: 01.11.2020).

12. Sen A. The Tragedy of 19 May 1961: When 11 Bengalis lost their lives for their mother tongue // Opindia. URL: <https://www.opindia.com/2020/05/begal-assam-language-war-may-19-1961-history/> (дата обращения: 01.11.2020).

13. Van Schendel W. A history of Bangladesh. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 186.

V. ИСТОРИЯ ИСКУССТВ И МУЗЕОЛОГИЯ

Румянцев Иван Сергеевич

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Изображения «Страшного Суда» в живописи Византии и стран византийского круга в XI – XII вв. Истоки и вариации иконографии

Images of the “Last judgment” in the paintings of Byzantium and the countries of the Byzantine circle in the XI – XII centuries. The origins and variations of the iconography

***Аннотация.** В данной статье рассматривается один из наиболее интересных в иконографическом плане сюжетов монументальной живописи Византии XI – XII вв. – Страшный Суд. Основной задачей является выделение основных закономерностей в изображении данного сюжета, а также изучение вариативных черт. Были обозначены варианты иконографии Страшного Суда и выведены причины их появления.*

***Ключевые слова:** Византия; Страшный Суд; иконография.*

***Abstract.** This article examines one of the most interesting iconographic scenes of Byzantine monumental painting of the XI – XII centuries – the Last Judgment. The main problem is to identify the main characteristics in the image of this plot, as well as the study of variable features. The variants of the iconography of the Last Judgment were indicated and the reasons for their appearance were deduced.*

***Key words:** Byzantium; The Last Judgment; iconography.*

Одной из самых распространённых тем в христианской традиции монументальной живописи Византии является тема Страшного Суда. Особый интерес вызывают Суды XI–XII вв., которым посвящены многочисленные работы, однако исследователей в большей степени занимал вопрос о происхождении этой иконографической схемы [3, p. 105]. Но мы можем подойти к этой проблеме с другой стороны и рассмотреть различия изображений Страшного Суда в XI–XII вв. в разных культурных центрах этого времени, понять, отчего зависит вариативность в изображении Страшного Суда.

Начать рассматривать проблему следует с Торчелло (рис. 1:1) ввиду высокой сохранности изображения. Здесь есть большая «странность» в иконографии. Сюжет Сошествия во ад кроме того, что он неожиданно попадает на западную стену, оказывается включённым в композицию Страшного Суда, что оказывается вполне осмысленным и соотносится с темой Второго Пришествия. Но это можно объяснить и тем, что собор является базиликой, и все сюжеты распределены между алтарём и западной стеной.

В остальном мозаика содержит традиционное иконографическое решение, характерное для периода XI–XII вв. Так, в ней присутствует порегистровое членение. Центральное место занимает Христос в мандорле в окружении Богоматери и Иоанна Крестителя, за которыми стоят Архангелы Михаил и Гавриил, образуя Деисус (рис. 1:2). Рядом с Христом также изображены два серафима. По сторонам от Деисуса мы видим восседающих апостолов, по шесть с каждой стороны. Над всеми персонажами проходит ангельский чин.

В следующем регистре, прямо под Христом изображён крест на троне — Этимасия, Престол уготованный, символизирующий Святую Троицу и перекликающийся с темой Второго Пришествия. Ему кланяются Адам и Ева, а рядом стоят два ангела. По сторонам от Этимасии следуют изображения земли и моря, отдающих своих мертвецов, чтобы они воскресли.

Из подножия трона Христа вытекает огненная река, и, пересекая второй регистр Страшного Суда, она спускается в третий и четвёртый, где растекается по аду, в котором грешники горят в неугасимом огне. Рядом на ужасном двуглавом звере сидит сатана, держащий на руках душу Иуды (рис. 1:4).

В самом нижнем регистре представлено Лоно Авраамово, наполненное праведниками, представленными в виде детей (рис. 1:3). Одного из них Авраам держит на руках. Рядом стоят Богоматерь и Благоразумный разбойник, попавший в Рай первым. Рай защищён вратами, которые охраняют ангел и серафим. К ним подходит апостол Пётр, будто готовясь отворить врата праведникам, стоящим в верхнем регистре, а они будто по спирали следуют за Петром.

Несмотря на общее каноническое решение, мозаика содержит уникальные образы грешников, представленных с довольно хорошо выраженными этническими признаками. Так, в центральной сцене с

изображением «алчных» мы видим, вероятно, гуннов [2, р. 26]. В сцене адских мучений также изображены иностранцы-иноверцы, представлены изображения мусульман и язычников.

Фрески Панагии Халкеон в Салониках датируются 1028 г. (рис. 2:1). Фреска Страшного Суда заняла здесь всё пространство нартекса. В связи с погребальным характером памятника, здесь этому сюжету уделено больше места. Он является напоминанием о Втором Пришествии Христа и о спасении человечества [5, р. 47].

На восточной стене нартекса Христос-Судья изображён на фоне серо-зелёного диска (рис. 2:2). Справа и слева от Христа изображены два ангела, обращённые к нему в молитве. Чуть ниже мы видим четырёх херувимов. У ног Христа на коленях в молитве изображены Адам и Ева. За ангелами стоят Богородица и Иоанн Предтеча. Сверху полукругом идут изображения ангелов. Справа и слева от Деисуса изображены апостолы на тронах (рис. 2:3). Огненная река ада вытекает у подножия Христа, вертикально перекачивается через карниз и следует по правой стороне арки, где ангел сталкивает грешников в ад. Праведники, должно быть, были изображены с левой стороны, где фреска сильно повреждена. Изображения грешников и праведников сопровождалась надписями из Евангелия от Матфея [5, р. 51–52].

На западной стене нартекса были представлены другие сцены из Страшного Суда. Здесь было Лона Авраамово и персонификации Земли и Моря.

Но отсутствует Этимасия. Можно предположить, что в Панагии Халкеон Деисус и данная сцена объединены. Действительно, здесь два ангела, кланяющиеся Адам и Ева оказываются рядом с изображением Христа на троне, что явно соответствует по идее сюжету Этимасии; крест символизирует Христа, и эти изображения равнозначны. Выходит, мы видим усиление смысловой нагрузки одного сюжета, путём соединения в нём двух изображений.

Схожая с двумя вышерассмотренными памятниками формула закрепляется и в более поздних примерах живописи. Таковой является фреска церкви Панагия Мавриотисса в Касторье (рис. 3), датируемая первой третью XII в. Фрески Мавриотиссы имеют более суровый характер, изображения более пессимистичны, более ужасающе переданы муки грешников, по сравнению с Панагией Халкеон. Такая стилистика объясняется различием идей памятников.

Как уже было сказано выше, Панагия Халкеон носит погребальный характер, и она предполагает идею о спасении и прощении грехов. У фресок Мавриотиссы иная концепция – здесь скорбь о человеческой греховности, осуждение и мысли о возмездии. Отсюда образам и присуща суровость, мрачность, напряжение и дисгармония.

В Болгарии возник ещё один интересный памятник. Как и Панагия Халкеон он имеет погребальную функцию, здесь всё внимание в росписи нижней церкви уделено теме Страшного Суда – как в пространстве нартекса, так и наоса. Речь идёт о костнице Бачковского монастыря, фрески которой датируются второй половиной XII в. Важное место в программе росписи занимает композиция наоса усыпальницы, которое представляет собой необычное изображение Страшного Суда. В апсиде мы видим Христа на троне с Богородицею и Иоанном Крестителем (рис. 4:1), традиционно выступающими заступниками рода человеческого. На западной стене изображён пророк Иезекииль в довольно редкой иконографии (рис. 4:2). В руках он держит свиток с надписью. Перед ним раскинулось широкое пространство, усеянное черепами и костями, над которыми стоят души. Эта сцена в точности соответствует стихам 1–10 главы 37 Книги пророка Иезекииля. Эта композиция, по сути дела, выступает аллегорическим изображением воскрешения мёртвых. Такая редкая иконография впервые встречается в синагоге в Дура Европос, но там она идёт в контексте типичной мессинской идеи, а не в связи с темой Страшного Суда [4, р. 59–61]. Под Деисусом изображены семь епископов в прямоугольных рамах и медальонах. На всех этих «портретах» изображены выдающиеся патриархи и епископы, представители поместных православных Церквей, некоторые из которых встречаются довольно редко. На северной и южной стенах в нижнем регистре мы видим в основном изображения священнослужителей. Возникает предположение, что весь этот сюжет означает единое большое поминальное богослужение, представляющее собой молитву за прощение грехов умерших.

Более привычное изображение Страшного Суда присутствует в нартексе (рис. 4:3). В центре свода мы видим изображение Христа в мандорле. На северном и южном склонах свода представлены апостолы и ангелы. Фигуры Богородицы и Иоанна Крестителя в молитвенной позе и устремленными вверх взорами к образу Христа

изображены на восточной части северного и южного склонов свода рядом с группами апостолов и ангелов. Лоно Авраамово изображено на восточной стене. К нему стягиваются группы праведников [4, р. 63–65]. На западной стене изображены Море и Суша.

Внимание художника в этом ансамбле не было сосредоточено на страшной картине возмездия. Страшный Суд здесь представлен именно как начало Царствия Божия для праведных.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XI–XII вв. сцена Страшного Суда в монументальной живописи имеет в целом единую иконографическую систему. Но есть сцены вариативного характера. Их появление может зависеть оттого, сколько места выделено на сюжет Страшного Суда. Можно отказаться от земли и моря, отдающих мертвецов, от подробностей в изображении мук грешников. Как вариации встречаются редкие сцены, например, пророк Иезекииль из Бачково. Вариативной чертой является и воспроизведение этнических черт в Торчелло. Это всё может быть обусловлено назначением самого памятника, а также и его географическим расположением.

Список литературы

1. Захарова А. В. Фрески церкви Панагии Мавриотиссы в Касторье // Византийский временник. 2000. Т. 59. С. 189 – 197.
2. Лаврентьева Е. В. Мозаики собора Санта Мария Ассунта в Торчелло: Автореф. дис. канд. иск. Москва, 2014. 34 с.
3. Angheben M. Les Jugements derniers byzantins des XIe-XIIe siècles et l'iconographie du paradis d'attente // Cahiers archéologiques. 2002. Vol. 50. P. 105–134.
4. Bakalova E. The ossuary of the Bachkovo monastery. Plovdiv: Pygmalion, 2003. 173 p.
5. Tsitouridou A. The church of the Panagia Chalkeon. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1985. 60 p.

Приложения

Рис. 1. Торчелло.

Рис. 2. Панагия Халкеон.

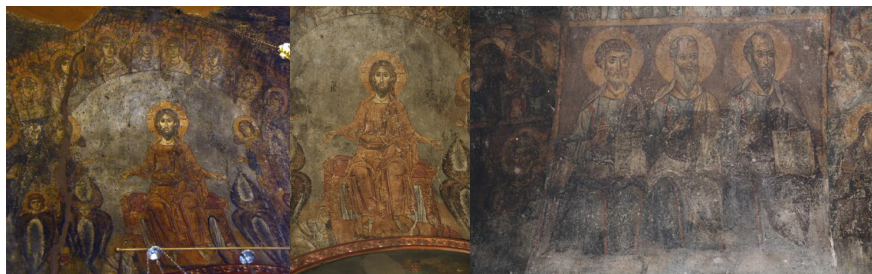

Рис. 3. Панагия Мавриотисса.

Рис. 4. Бачково.

Статкевич Владислав Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Дмитриева Анна Алексеевна, д-р искусствоведения, доц.

**Художественное творчество учеников и членов семьи
Давида Тенирса Младшего**

**Artistic creativity of students and family members of
David Teniers Jr.**

***Аннотация.** В статье анализируется творчество учеников и членов семьи известного фламандского художника Давида Тенирса Младшего (1610–1690 гг.). Исследование направлено на подробное изучение документальных свидетельств, а также сохранившихся произведений этих мастеров. Это позволяет раскрыть вопросы организации работы мастерской художника, а также его родственных связей, игравших в XVII в. значительную роль.*

***Ключевые слова:** Давид Тенирс Младший; ученики; Фландрия; жанровая живопись.*

***Abstract.** The article analyzes the work of students and family members of the famous Flemish artist David Teniers the Younger (1610–1690). The research is aimed at a detailed study of the documentary evidence, as well as the surviving works of these masters. This allows us to reveal the issues of the organization of the artist's workshop, as well as his family ties, which played a significant role in the XVII century.*

***Key words:** David Teniers the Younger; followers; Flanders; genre painting.*

Давид Тенирс Младший (1610–1690 гг.) — один из важнейших художников жанровой живописи Фландрии середины и второй половины XVII в. (рис. 1). Его творчество было по праву оценено уже современниками, а коммерческий успех и популярность живописца породили всеобщее увлечение его искусством. Живопись Тенирса дала толчок для целой плеяды мастеров, которые ориентировались на его художественную манеру. Среди них были и довольно известные художники, такие как Йоос ван Красбек и Давид Рейкарт III. Однако помимо них было множество и менее именитых мастеров, подра-

жавших искусству Тенирса. Их разброс весьма широк от безымянных копиистов до живописцев лишь на некоторое время, подпавших под обаяние творчества мастера. Большое число подобных художников осложняет работу по изучению их наследия. Более того, необходимым, оказывается, разобраться в творчестве близкого круга мастера, в работах его учеников и членов семьи, это и является целью данной статьи.

Документация гильдии св. Луки говорит нам о трёх учениках мастера [2, р. 55]. Они числились у него в 1640-е гг., когда Тенирс ещё жил и работал в Антверпене. Речь идёт о Матеусе Милесе (учился в 1640–1641 гг.), который так и не появляется в списках гильдии в качестве мастера, Жиле ван Болдере (учился в 1643–1644 гг.), который получает статус мастера в 1645 г., и в этом же году вступает в камеру риториков, Яне де Фруйе (учился в 1647–1648 гг.), он становится мастером в 1653 г. [6, р. 191]. Возникает вопрос о художественном наследии этих людей. Однако в настоящее время не известна ни одна подлинная их работа. Матеус Милес и вовсе мог оставить художественное поприще. Возможно, Давид Тенирс Младший занятый построением собственной карьеры не был заинтересован в своих учениках и был плохим наставником. Также можно предположить, что эти мастера стали копиистами, повторяя работы учителя для открытого художественного рынка. Имеется большое количество подобных анонимных картин довольно низкого качества.

Однако помимо этих художников у Тенирса обучались и члены его семьи. Братья Давида Тенирса Младшего: Теодор (1619–1697 гг.), Юлиан II (1616–1679 гг.) и Абрахам (1629–1676 гг.) были художниками. Живописцем стал и сын мастера Давид Тенирс III (1638–1685 гг.) [6, р. 234].

Меньше всего известно о Теодоре. Он вступил в антверпенскую гильдию святого Луки в 1635/36 г., как винный мастер и ученик Давида Тенирса Старшего. Нет ни одной его подлинной живописной работы, однако, он часто фигурирует в документах, как компаньон отца при продажах картин других художников [2, р. 56]. По всей видимости, в семейной мастерской он выполнял вспомогательные работы, и его основная деятельность заключалась в торговом представительстве. Встречается он в документах и в качестве поручите-

ля при многочисленных коммерческих операциях Давида Тенирса Младшего [8, р. 22].

Юлиан Тенирс II был принят в гильдию одновременно с Теодором, известно несколько его картин, которые представляют собой довольно грубые вариации тем его старшего брата. Примером может послужить картина «Интерьер крестьянского дома с женщиной, чистящей яблоки» (1640-е гг., Государственный Музей Искусств, Копенгаген) [5, р. 254]. Она является близкой копией картины Давида Тенирса Младшего (1640-е гг., Музей Фицуильяма, Кембридж). Юлиан берет из работы брата основные фигуры и лишь в некоторых деталях интерьера можно увидеть различия, заметны они и в стилистических особенностях. Сам образ женщины, очищающей яблоки от кожуры, не является редким в искусстве, как Северных, так и Южных Нидерландов. Данная картина — единственное точно атрибутируемое полотно Юлиана II, существуют ещё несколько предполагаемых картин, однако все они являются копиями с Давида Тенирса Младшего и не вносят изменений в суждения, которые можно вынести на основании анализа копенгагенской работы [6, р. 381]. Более того, эти картины находятся в частных собраниях, и практически не изучены.

Юлиан Тенирс II не задержится в Антверпене надолго. Известно, что в 1643 г. он переезжает в Амстердам, где берет в жены Магдалену де Йодервиль, дочь ученика Рембрандта Исаака де Йодервиля. В этом же году он регистрируется там, в качестве торговца картинами [8, р. 23]. Многие работы Давида Тенирса Младшего, которые сейчас хранятся в коллекциях Нидерландов, попали туда благодаря коммерческой деятельности Юлиана, который не разорвал семейных связей и представлял брата на этом художественном рынке [8, р. 62]. В Антверпен Юлиан вернется, лишь овдовев, и конец жизни проведет в родном городе, значась в списках гильдии антикваров [3, р. 98].

Самым успешным в качестве живописца был третий брат Давида Тенирса Младшего — Абрахам. Он вступил в гильдию в 1645/46 гг., когда сам Давид исполнял обязанности её декана. Учителем Абрахама в документах значится его отец, однако его работы говорят о том, что ориентиром в его творчестве был старший брат [4, р. 34]. Примером довольно грубых по исполнению уличных сцен в духе Давида Тенирса Младшего могут служить «Деревенский праздник» (1660-е гг.) (рис. 2) и «Крестьянский танец» (1660-е гг.) из

Государственного Эрмитажа [1, р. 449]. Опираясь на иконографию многочисленных кермес последнего, эти работы очень слабы в компоновке фигур. Композиции распадаются, а рисунок деталей неумел и быстр. Схематичность видна и в колорите данных произведений, а их скромный масштаб позволяет предположить, что они были выполнены для открытого рынка и стоили довольно дешево.

Чуть выше по качеству исполнения два оружейных натюрморта из Прадо кисти Абрахама Тенирса. Это «Караульная» с мавританским пажом и «Оружейная» (1660-е гг.). Это композиции, составленные из оружия и доспехов, а фигуры в них выполняют штаффажную функцию. Изображение караулен и оружейных — тема, широко разработанная Давидом Тенирсом Младшим, который в свою очередь перенял её у своего тестя Яна Брейгеля Старшего. Однако при всех достоинствах этих работ Абрахам Тенирс не достигает силы цвета и фактуры первоисточника, его композиции просты, статичны и являются средней продукцией, которую можно было увидеть на художественном рынке Фландрии во второй половине XVII в. Это же можно сказать и о других его работах, которых сохранилось достаточно много, как в музейных собраниях, так и в частных коллекциях.

Стилистическая связь Давида Тенирса III с отцом была невелика. Он занимался портретной и исторической живописью, много работал, как художник по картонам для шпалер. Однако своё обучение он получил у отца, после чего совершил путешествие в Италию и Испанию в 1660-е гг. Давид Тенирс III выступал там и как торговый представитель отца, активно продавая его работы испанским грандам и получая заказы на выполнения картонов для шпалер с композиций Давида Тенирса Младшего [7].

В своих портретах Давид Тенирс III старался подражать Антониусу ван Дейку, что было традиционным для художников этого жанра в XVII в. Примером может служить «Автопортрет художника с семьей» (1660-е гг., Городской музей Уайт ван Кампен барона Кароли, Лир) (рис. 3). Но его живопись значительно уступает образам ван Дейка в подвижности моделей и органичности их помещения в среду. Риторические позы семьи Тенирса кажутся чрезмерно наигранными, а плохо исполненный фон скорее походит на театральные задники. Столь же искусственными и тяжелыми кажутся

и его работы, выполненные в подражание Рубенсу, а также прямые копии с работ последнего.

Подводя итог всему выше сказанному, хочется отметить, что творчество учеников и членов семьи Давида Тенирса Младшего ещё стоит пристально исследовать и поставить их в контекст искусства Фландрии XVII в. Несмотря на тот факт, что данные мастера не оригинальны и много заимствуют, изучение их наследия позволит пролить свет на художественный метод самого Тенирса и работу его мастерской.

Список литературы

1. Бабина Н. П., Грицай Н. И. Фламандская живопись XVII–XVIII веков. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. 582 с.

2. Davidson J. P. David Teniers the Younger. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979. 142 p.

3. Denucé, J. Brieven en Documenten betreffend Jan Breugel I en II. Bronnen voor de geschiedenis van de Vlaamsche Kunst. Bronnen voor de geschiedenis van de Vlaamsche Kunst. Antwerp: De Sikkel, 1934. 402 p.

4. Klinge M. David Teniers the Younger. Antwerp: Koninklijk Museum voor Schone Kunsten, 1991. 335 p.

5. Koester O. Flemish Paintings 1600–1800. Statens museum for Kunst. Copenhagen: Rosendahls Bogtrykkeri Esbjerg, 2000. 424 p.

6. Rombouts P., Lerijs T. Van. De liggeren en andere historische archieven der Antwerpsche Sint Lucasgilde. 2 vols. Antwerp: Baggerman, 1872. 857 p.

7. Vlieghe H. David Teniers II en David Teniers III als patroonschiders voor de tapijtweverijen.// Artes Textiles. 1960. № 5. P. 78–102.

8. Vlieghe H. David Teniers the Younger. Turnhout: Brepols, 2011. 214 p.

Приложения

Рис. 1. Питер Тейс. Портрет Давида Тенирса Младшего. 1659 г. Д., м.
26x21 см. Дворец Шлайсхайм, Мюнхен

Рис. 2. Абрахам Тенирс «Деревенский праздник», 1660-е гг. Д., м.
28x37 см. Государственный Эрмитаж

Рис. 3. Автопортрет Давида Тенирса III с семьей, 1660-е гг. Х., м.
120x168 см. Городской музей Уайт ван Кампен барона Кароли, Лир

Специфика детского портрета в живописи Паулюса Морелсе

The specifics of a child's portrait in the paintings by Paulus Moreelse

***Аннотация.** Статья посвящена детскому портрету в сочетании с основными стилевыми особенностями эпохи барокко в живописи Паулюса Янсона Морелсе. Размышления об отличительных свойствах изображений младшего поколения затрагивают анализ техники мастера. Детский портрет рассматривается как отражение семейных ценностей и внутреннего мира ребенка с его неповторимым восприятием реальности.*

***Ключевые слова:** голландская живопись XVII в.; Паулюс Морелсе; детский портрет; Барокко.*

***Abstract.** The article is devoted to a child's portrait in combination with the main stylistic features of the Baroque in the painting of Paulus Janszoon Moreelse. Reflections on the distinctive properties of the younger generation's images involve the analysis of the master's technique. The portrait of a child is seen as a reflection of family values and the child's inner world with his unique perception of reality.*

***Key words:** dutch painting of the XVII century; Paulus Moreelse; children's portrait; Baroque.*

Детство является отражением культуры, ментальности, обычаев и традиций различных народов. Голландские мастера находили новые методы в изображении духовной сферы детских портретов. Живописцам удавалось передавать неповторимую самобытность и психологизм [3, с. 18]. Изобразительное искусство было единственной возможностью запечатлеть процесс взросления ребенка. В данной статье автор рассматривает такой вопрос как соединение образности детской модели. Детский портрет Голландии XVII в. был распространен во многих школах, и, как следствие, сочетал в себе различные течения французского и фламандского барокко. В контексте данного исследования автор ставит следующие

задачи: провести историко-культурологический анализ, дать оценку иконографии детских портретов исследуемого живописца.

Имя Паулюса Янсона Морельсе (1571–1638 гг.) связано с неподражаемой художественной манерой, его конкретность образов и стилистика являются неоспоримым критерием подтверждения подлинности работ. В своих произведениях он воплощал чувственность и жизнеутверждающую красоту. Данный художник специализировался не только на таких масштабных жанрах, как исторический, мифологический и религиозный, но и изучал портретную тонкость и внутренний мир человека. Virtuозность Паулюса Морельсе заключалась в его способности сочетать действительность с идеализацией [4, р. 59–60].

Основным предметом для изучения в данной статье автор поднимает именно вопрос детского портрета и особенности его иконографии. Работы являются ценностью в исследовании феномена детства. Автор предлагает рассмотреть образы детей, представленные на живописных произведениях, и дополнить внимание к личностям и их внутреннему миру. Полотна с детскими портретами отличаются особой мечтательностью, прослеживаемой в любопытном взгляде ребенка. Это специфичный, камерный подход, позволяющий разглядеть чувствительную детскую натуру сквозь легкую, смущенную улыбку, восхищающую зрителя. Несмотря на выразительность и индивидуальность данной темы, мотив взросления не был популярен в живописи. Это сказывалось влиянием ренессансного ряда норм по отношению к детям. Паулюса Морельсе интересует и физическое, и психологическое состояние детей. Можно говорить о том, что художник проявлял некое сочувствие к маленьким натурщикам. Многим из них пришлось повзрослеть раньше времени из-за предстоящей ответственности и титула родителей. Мастер показывает все скрытые страхи в душе ребенка. В эволюции детского портрета появляется больше устойчивой живописности, хотя и во многом ребенок соотносится со взрослыми в плане заимствования моды (рис. 1). Трактовка ребенка из обобщенной приобретает индивидуальность облика. Во многом, сама парадигма детского портрета стала развиваться в связи с нарастающей концепцией популяризации брачных союзов [1, с. 9–10]. Дети являлись символом благополучия семьи, продолжением рода и неотъемлемой частью общества.

Паулюс Морелсе часто изображает репрезентативный детский портрет в полный рост. Подобные портреты демонстрировали положение семьи в светском кругу, а также позволяли современникам оценивать моду. Парадные портреты представляют изображение ребенка из состоятельной семьи в натуральную величину со всеми сопутствующими и подтверждающими статус атрибутами. Одежда младенцев изготовлена из дорогостоящей материи и богато декорирована. Данные портреты также представляют ребенка на какой-либо торжественной церемонии, например, крещении или знакомстве знатных семей. Создание данных портретов имело великое социальное значение для обеспеченных граждан Голландии. Однако даже в парадной обстановке дети изображены в крайне непринужденных позах. Интерес мастера к эпохе детства показан как к естественному состоянию начальной среды для формирования души. Период крайне короткий, но самый важный, так как является основой для будущей взрослой личности.

Второй тип портретов отличается созерцанием души юной природы и полное погружение в мир детских грез. Чаще всего камерный портрет был лишен дополнительных атрибутов, характеризующих статус родителей или элементы предметов, которые использовали взрослые. Камерный портрет являлся сугубо внутренне семейной ценностью, позволяющей подчеркнуть особенности ребенка со свободой содержания.

Автор рассматривает преобразование гуманистических традиций на иконографии детского портрета [2, с. 44–46]. Возвращаясь к философским античным учениям, можно сказать, что тенденция, разработанная мыслителем Платоном о формировании личности с раннего возраста, появляется идея интерпретации наследника. Прежде всего, детский портрет играл роль отображения нравственности, в совокупности с общественными понятиями социума Голландии [1, с. 123]. Ребенок уже представляет собой не просто «маленького человека», у которого впереди великие свершения, а занимает отдельное внимание и восхищение тем, в каком возрасте он находится в данный момент.

Художник мастерски выписывает орнамент на одежде, фактуру ткани, кружевную отделку, украшения и прочие декоративные элементы, стараясь уйти от условности и схематизма. Живописец

использует спокойные светлые тона, создавая особую атмосферу очарования и умиления (рис. 2). Дети завораживают своим открытым, бесхитростным взглядом, доверчивостью и ожиданием исполнения сказочных мечтаний. Исследование детского портрета Паулюса Морелсе полностью входит в общепринятую концепцию западноевропейской живописи и ее смысловых целей. Анализ иконографии данного художника позволяет проследить эволюцию в значении детского портрета и его оценке с разных точек зрения культуры и истории [5, р. 45]. Можно с уверенностью сказать, что в грациозных и статных образах детей-наследников мастер видит противопоставление канона парадного портрета и неукротимой, рвущейся к познанию жизни еще детской души и неокрепшего сознания, которое взрослые так старательно пытались скрыть, внушая с детских лет ребенку о его статусе и предназначении. Портреты Паулюса Морелсе сближаются с эстетическими идеалами эпохи. Детский образ является не только интерпретацией отношения к младшему поколению, но и выявлением одухотворенности индивидуального облика [1, с. 48–49]. Многие работы оживляло добавление атрибутов, относящихся к детству. На полотне «Портрет четырехлетнего мальчика с клюшкой и мячом» (рис. 3) изображен ребенок в полный рост. Предмет в его руке относится к игре и детским забавам, что смягчает и оживляет парадную обстановку. Задумчиво-созерцательный взгляд мальчика говорит о ранней осознанности бренного мира и понимания вечности. Дети представлены не только как символ полноценной семьи, но и как осмысленный отдельный индивид. Возможно, детские образы можно трактовать и как хрупкие, уязвимые создания, которые нуждаются в защите и любви родителей, а не только формального соответствия нравам и ценностям общества.

Таким образом, художественное наследие Голландии отражает настроение общества и тенденции его развития. Творчество исследуемого художника показало эволюцию в отношении к детям и их внутреннему миру. Рассмотрев представленные живописные произведения, можно сделать вывод, что детские образы не только статичны — в них проявляется непринужденность поз. Мастер стремится к проработке отличительных черт внешности. Несмотря на стремление к детализации, живописец не затрагивает точную действительность. Он слегка идеализирует физические пропорции.

Детские образы в живописных произведениях Паулюса Морелсе лишены однообразности. Пастельные оттенки создают спокойную, буквально неприкосновенную вселенную детства. Детские портреты гармонично вошли в тенденцию эпохи своей непосредственностью и одновременно с этим размышлениями о вечности.

Список литературы

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 416 с.
2. Линник И. В. Голландская живопись XVII века и проблемы атрибуции картин. Л.: Искусство, 1980. 248с.
3. Ротенберг Е. И. Искусство Голландии XVII века. М.: Искусство, 1971. 235 с.
4. Bok M. J. Nulla dies sien linie. De opleiding van schilders in Utrecht in de eerste helft van de zeventiende eeuw // De zeventiende eeuw. 1990. № 1. P. 58 – 68.
5. Gerson H. Paulus Moreelse. Portret-en-Genreschilder te Utrecht 1571 – 1638 // The Burlington Magazine. 1939. Vol. 74. № 430. P. 44 – 45.

Приложения

Рис. 1. Паулюс Морелсе. Маленькая принцесса. 1623. холст, масло. Рейксмузеум. Амстердам.

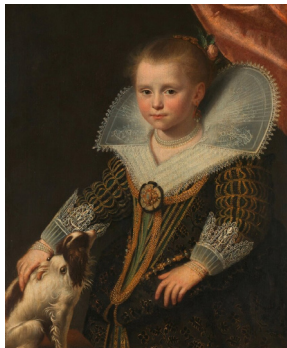

Рис. 2. Фрагмент. Паулюс Морелсе. Портрет мальчика. 1637. дерево, масло. Метрополитен-музей. Нью-Йорк.

Рис. 3. Паулюс Морелсе. Портрет четырехлетнего мальчика с клюшкой и мячом. 1620-1630. холст, масло. Южноафриканский изико-музей. Кейптаун.

Хмельницкая Александра Богдановна
Санкт-Петербургская академия художеств им. Ильи Репина
Научный руководитель:
Леняшин Владимир Алексеевич, д-р искусствоведения, проф.

Этапы становления отечественной рок-культуры в графике Сергея Лемехова

Stages of the formation of Soviet rock culture in the graphics of Sergei Lemekhov

***Аннотация.** В данной статье предпринимается попытка проследить отражение процессов становления отечественной рок-культуры в творчестве Сергея Лемехова — книжного графика, карикатуриста и бас-гитариста группы «Санкт-Петербург». Объектом исследования являются иллюстрации художника из цикла работ «Реалии русского рока».*

***Ключевые слова:** книжная графика; карикатура; Ленинград; рок-музыка.*

***Abstract.** This article studies the reflection of the processes of the formation of Soviet rock culture in the work of the book graphic artist, cartoonist and bassist of the musical group «St. Petersburg» Sergei Lemekhov. The object of the research is the artist's illustrations from the cycle of works «Realities of Russian Rock».*

***Key words:** book graphics; cartoon; Leningrad; rock music.*

К концу 1960-х гг. территория синтеза поп-музыки и визуального искусства в Европе была освоена. Поп-музыка, до этих пор «низкий» вид искусства, отвоевала своё право считаться полноценной художественной формой, достойной поля зрения не только самих художников, но и искусствоведов. Это вполне соотносилось с установкой Лондона того десятилетия, провозглашающей «утончённость для всех» [4, с. 11]. По аналогии с британскими, отечественные рок-группы нередко формировались из студентов художественных вузов. Однако в 1980-е гг. нонконформизм почти утратил академический элемент, присущий первому поколению отечественных рок-музыкантов, чья деятельность пришлась на

десятилетие, предшествовавшее возникновению Ленинградского рок-клуба.

В этом смысле интерес представляют работы Сергея Лемехова — выпускника архитектурного факультета Академии художеств [6, с. 303], бас-гитариста группы «Санкт-Петербург» и книжного графика [2, с. 5]. Таким образом, цель работы — проследить отражение процессов становления отечественной рок-культуры в творчестве художника.

В 2016 г. Сергей Лемехов по просьбе Первого национального музея рок-музыки (арт-центр «Пушкинская, 10») нарисовал цикл графических работ, в которых отразил этапы становления отечественной рок-культуры. Это последний и самый масштабный проект художника, связанный с данной темой. История русского рока, умещается в десять сюжетных работ, охватывающих все периоды — от предпосылок до своеобразного представления эпилога истории русского рока. Несмотря на то, что эти работы очень насыщены деталями, их злость и простота понятны для любого зрителя. Лемехов оставляет в стороне многие нюансы и историческую достоверность, но при этом создаёт ёмкие эмоциональные образы условных «русских рокеров», опираясь при этом на уже существующие установки и представления. Имеет смысл остановиться на самых ярких работах данного цикла.

Так, третья работа цикла сюжетно относится к началу 60-х гг. Это иллюстрация реальной истории из советской действительности. Историю о том, как The Beatles объявили по советскому радио «простыми рабочими парнями из Ливерпуля», не раз описывал Владимир Рекшан в своих книгах и воспоминаниях [3, с. 26]. Лемехов же изобразил то, как бы выглядели эти «простые рабочие парни», если бы не занялись музыкой, а продолжали работать шахтёрами. Возможно, это единственное в мире изображение участников The Beatles, где они представлены таким образом.

В 1988 г., перед VI фестивалем Ленинградского рок-клуба (3–10 июня, Зимний стадион). Причиной протеста стал конфликт между оргкомитетом клуба и дирекцией стадиона. За 3 дня до начала II тура дирекция сообщила, что из-за несоответствия зала противопожарным стандартам проведение фестиваля невозможно. Но билеты были уже проданы, и 3 июня оргкомитет, предупредив соответствующие инстанции, вышел на демонстрацию. Конфликт

был разрешен в пользу фестиваля, начавшегося с опозданием на день. Именно эту демонстрацию Лемехов и изобразил в восьмой работе цикла. В ходе одного из интервью Владимир Рекшан комментирует эту иллюстрацию так: «Я, правда, задавал вопросы художнику — где же ты такие рожи-то видел? Мы же все были молодые, прогрессивные студенты, а ты рисуешь какие-то непотребные физиономии. Но это право художника на собирательные образы». Последнее наблюдение очень справедливо, так как нередко цель карикатуры состоит именно в отходе от исторической достоверности, что помогает художнику дать более точный социальный комментарий.

Финальная работа была создателями выставки шутивно названа «юбилейной». Каждый из музыкантов на иллюстрации «празднует юбилей» своего пребывания на сцене; это уже не люди, а живые мумии, еле стоящие на ногах. Такими же выглядят и фанаты в концертном зале. Эта работа немного выбивается из цикла работ истории русского рока, так как она – единственная, на которой нет деталей, указывающих на то, что действие происходит в России. С другой стороны, концепция «рок-н-ролл мёртв, а я ещё нет» известна, в первую очередь, на отечественном пространстве. Таким образом, эта жуткая, решённая в ядовитой цветовой гамме картинка — одновременно и общий неутешительный итог «конца» рок-культуры, и некая вариация на один из самых известных сюжетов русской рок-поэзии.

Известно, что Сергей Иванович собирался продолжать серию «Реалии русского рока» по новым сюжетам, которые сочинял бы Владимир Рекшан, однако в связи с уходом Лемехова из жизни в том же 2016 г. эта задумка не осуществилась. Несмотря на это, цикл из десяти рассмотренных выше работ не потерял своей актуальности и, при близком знакомстве с ним, действительно помогает лучше понять, на какой почве происходило становление и развитие отечественной рок-культуры.

В заключение можно сказать, что синтез ленинградской рок-музыки с художественными практиками и академической средой, обозначившийся уже в первые годы формирования отечественных рок-групп, однозначно приблизил данную культуру к понятию искусства. И, кроме того, помог в дальнейшем художникам-нонконформистам стать полноправными участниками экспозиций

Эрмитажа, Государственного Русского музея и т. д., а значит — получить официальное признание.

С другой стороны, рождение из академической среды такого талантливого книжного графика и карикатуриста, как Сергей Лемехов, и его редкое, но яркое обращение к теме отечественной рок-культуры, представителем которой он и сам являлся, безусловно, заслуживает внимания. Ведь, формируя упрощённую картину реальности, карикатура выступает одновременно и как содержательный источник, и как яркая иллюстрация, дополняющая исторический анализ. Потому за недостатком вещественных источников, позволяющих составить полную картину истории русской рок-музыки, именно карикатура может рассматриваться как действительно полезный инструмент исследования этой области.

Список литературы

1. Бурлака А. Рок-энциклопедия. Популярная музыка в Ленинграде–Петербурге. 1965–2005. Т. 1. М.: Амфора, 2007. 416 с.

2. Лемехов С. Жизнь замечательных людей (Живые души). [текст]: альбом/С.И. Лемехов. СПб.: «Петрополис», 2008. 157 с.

3. Рекшан В. Кайф полный. Л, 1990. 26 с.

4. Робертс М. Как художники придумали поп-музыку, а поп-музыка стала искусством. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 416 с.

5. Рок-клуб СПб. Эпизод 240. Владимир Рекшан: история рока в картинках. 2016. (Электронный ресурс). URL: [<https://clck.ru/RhwPb>] (дата обращения: 25.10.20).

6. Юбилейный справочник выпускников СПбГАИЖСА имени И. Е. Репина РАХ. 1915–2005. М.: Научно-библ. архив РАХ, 2007. 303 с.

Приложения

Рис. 1. Сергей Лемехов. Реалии русского рока. Ил. 3. Графика. 2016.

Рис. 2. Сергей Лемехов. Реалии русского рока. Ил. 8. Графика. 2016.

Рис. 3. Сергей Лемехов. Реалии русского рока. Ил. 10. Графика. 2016.

Безгина Ксения Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Королькова Людмила Валентиновна, канд. ист. наук, ст. преподаватель

Экспедиции Д. А. Золотарева в истории комплектования Российского этнографического музея

The expeditions of D. A. Zolotaryov as a part of the Russian Ethnographic Museum acquisition history

Аннотация. Статья посвящена экспедициям, организованным в 1920е гг. Д. А. Золотаревым — выдающимся этнографом и антропологом, заведовавшим отделом русско-финской этнографии Этнографического отдела Русского музея. Благодаря его работе было осуществлено шесть этнологических экспедиций, в ходе которых собрание Российского этнографического музея значительно пополнилось вещественными и фотографическими материалами. В публикации освещены география, организационные особенности экспедиций, влияние новаторских решений на состав собранных в полевых исследованиях коллекций.

Ключевые слова: этнографические экспедиции; история комплектования музейных коллекций; собиратели этнографических коллекций.

Abstract. The article is devoted to the expeditions organized in the 1920s by D. A. Zolotaryov — an outstanding ethnographer and anthropologist, head of the Russian-Finnish ethnography department in the structure of the Russian Museum. There were six ethnological expeditions carried out through his work, during which the collection of the Russian Ethnographic Museum was significantly replenished with material and photographic materials. The publication highlights the geography, organizational features of expeditions, the impact of innovative solutions on the structure of the collections collected in field research.

Key words: ethnographic expeditions; acquisition history of museum collections; collectors of ethnographic collections.

Этнографические экспедиции – один из важнейших способов пополнения коллекций Российского этнографического музея (РЭМ). В 1920-е гг. наиболее масштабные экспедиции, в которых участвовали сотрудники музея, были организованы выдающимся

антропологом и этнографом Давидом Алексеевичем Золотаревым (1885–1935 гг.). В период 1921–1930 гг. ученый занимал должность заведующего отделом русско-финской этнографии (на тот момент Этнографического отдела Русского музея, далее — ЭО РМ)¹. На протяжении 9 лет (с 1921 по 1930 г.) Д. А. Золотаревым и его коллегами было собрано около 6000 предметов народного быта и отснято значительное количество фотонегативов². Данные экспедиции являлись первыми комплексными полевыми этнографическими исследованиями.

Особое внимание было уделено взаимопроникновению культур различных народов, проживавших на одной территории, а также взаимосвязи традиционных и урбанизированных форм быта, отражавших этнографические реалии [6, с. 172–174]. Такой подход в изучении советской деревни можно считать новаторским в контексте экспедиционных практик 1920-х гг. Однако в исследованиях, посвященных Д. А. Золотареву, недостаточно разработана тема влияния интересов исследователя на состав приобретённых благодаря многочисленным экспедициям коллекций.

Д. А. Золотаревым были организованы Верхневолжская (1921–1925 гг.), Юго-Восточная (1925–1929 гг.), Ленинградская (1925–1927 гг.), Карельская (1926–1927 гг.), Лопарская (1927 г.) этнологические экспедиции. Три последние в 1927 г. были объединены в Северо-Западную этнологическую экспедицию (1927–1930 гг.). Были проведены исследования на территориях Вологодской, Воронежской, Костромской, Ленинградской, Новгородской, Пензенской, Тамбовской, Тверской, Ярославской губерний, Карельского и Кольского полуостровов [3, с. 246–260]. Благодаря организаторской работе Д. А. Золотарева собрание ЭО РМ пополнилось коллекциями по этнографии вепсов, води, ижоры, карел, коми, мордвы, русских, саамов, савакот, татар и эвремейсов [5]. Участниками экспедиций, помимо их организатора, были сотрудники Русского музея, Академии наук, Государственной академии истории материальной культуры,

---

¹ Этнографический отдел обрел самостоятельность в 1934 г.

² В 2021 г. исполняется 100 лет с начала осуществления первой этнологической экспедиции Д. А. Золотарева.

студенты кафедры этнической антропологии Ленинградского государственного университета, местные краеведы и др. Нередко одни и те же сотрудники принимали участие в работах разных экспедиций. Поскольку список участников данных полевых этнографических работ обширен, перечислим лишь некоторые имена: Е. Э. Бломквист, Р. М. Габеев, Н. П. Гринкова, С. А. Еремин, А. Л. Колобаев, З. П. Малиновская, Л. И. Песселеп, Н. Ф. Прыткова, Н. С. Розов и др. В весенне-летнее время сбор материала осуществляли сотрудники центральных этнографических организаций, тогда как в осенне-зимний период — местные участники экспедиции. Эта система в условиях нехватки сотрудников и денежных средств позволила Д. А. Золотареву провести уникальные масштабные исследования.

Несмотря на то, что некоторые воплотившиеся в данных полевых исследованиях идеи длительное время развивались в научных кругах, неоспоримой остается значимость рассматриваемых экспедиций, поскольку именно в них эти намерения были успешно реализованы. Новаторские элементы Д. А. Золотарев внес как в организацию работ, так и в методику сбора вещественного и информационного материала. Экспедиции Д. А. Золотарева являлись первыми комплексными полевыми этнографическими исследованиями — в них принимали участие специалисты в различных областях знаний, которые старались отразить полную картину быта народа. Данные полевые исследования также были первыми стационарными экспедициями в истории РЭМ — они предполагали пребывание в исследуемой среде длительный период: не менее года [1, р. 226–227]. Было уделено внимание взаимосвязи традиционных и урбанизированных форм быта и влиянию этнических культур друг на друга. Организатор исследований и его коллеги стремились музеефицировать как памятники «живой старины», так и памятники «живого быта» [2, с. 5].

Д. А. Золотарев считал, что быстрая смена военно-политических событий привела к отсутствию устойчивых форм быта, обусловила момент «переходного времени» и возникновение «новых бытовых явлений», исследовавшихся в работах экспедиций [4, с. 144–146]. Однако, несмотря на внимание организатора исследований к изучению процесса трансформации народной культуры, на составе приобретенных коллекций этот интерес отразился в малой степени.

Лишь незначительное число приобретенных предметов отражало влияние городской среды на деревенский быт (примером может служить женский саамский пояс, изготовленный с использованием сукна фабричного производства). В большинстве же случаев собиратели приобретали предметы традиционного быта, наилучшим образом отражавшие специфику этнических групп. Это соответствовало общей задаче ЭО РМ 1920-х гг. — выявить «этническую индивидуальность» народа [7, с. 27]. В коллекциях, собранных Д. А. Золотаревым и другими участниками его экспедиций, было представлено большинство сфер культуры и быта изученных этносов: народное искусство и творчество, культовая и обрядовая деятельность, средства передвижения и социальная жизнь, предметы питания и др. [5]. Формированию обширных и тематически разнообразных коллекций не смогли помешать ни трудности в организации работ, ни регулярные финансовые проблемы. Этому способствовали длительность и комплексность осуществленных исследований.

Подводя итоги, представляется возможным заключить, что экспедиции Д. А. Золотарева, с одной стороны, соответствовали общей концепции комплектования РЭМ и, с другой стороны, являлись показательными с точки зрения новаторства их организатора. Однако стоит отметить, что основной целью Д. А. Золотарева и его коллег было осуществление этнографических наблюдений, тогда как поступившие вещественные и изобразительные источники выступали вспомогательными материалами для профильных исследований. Тем не менее, в ходе проведенных работ собрание РЭМ пополнилось обширным вещественным и фотографическим материалом, привлекающим внимание исследователей и в настоящее время. Сами же экспедиции представляются сейчас значительной попыткой вывести на новый уровень полевой сбор этнографического материала, результатом которой стало формирование фундаментальных коллекций.

Список литературы

1. Аксянова Г. А., Шангина И. И. Незабываемые имена: Д. А. Золотарев — этнограф, антрополог, организатор науки // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Екатеринбург, 2015. С. 221 – 244.

2. Золотарев Д. А. Изучение крестьянских построек в работах Верхне-Волжской этнологической экспедиции // Верхне-Волжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки ЯрославскоТверского края. Л., 1926. С. 1 – 16.

3. Золотарев Д. А. Обзор исследовательских работ ленинградских учреждений по антропологии, палеоэтнологии и этнографии за последние 10 лет // Человек. 1928. № 2 – 4. С. 246 – 260.

4. Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919 – 1925 гг.) // Материалы по этнографии (Этнографическое отделение Русского музея). 1926. Т. 3. Вып. 1. С. 143 – 158.

5. Коллекционные описи РЭМ.

6. Шангина И. И. Д. А. Золотарев и его деятельность в Этнографическом музее // Промыслы и ремесла народов СССР. Л., 1986. С. 172 – 175.

7. Шангина И. И. Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга: (История и пробл. комплектования. 1867 – 1930 гг.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. н. М., 1997. 40 с.

Богатырева Александра Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Чебаненко Сергей Борисович, канд. ист. наук, ст. преподаватель

**Музеи и церковь: проблема использования объектов
культурного наследия**

**Museums and the church: the problem of the usage of cultural
heritage objects**

Аннотация. В данной статье анализируются пути решения конфликта музеев и Русской православной церкви из-за передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения. Значительное количество церквей и монастырей являются памятниками культурного наследия, в которых располагаются музеи. Переход этого имущества Церкви приводит к тому, что музеи вынуждены искать новое здание, также передача памятников религиозным организациям создает угрозу сохранности культурных ценностей.

Ключевые слова: Музей; церковь; имущество религиозного назначения.

Abstract. The article analyzes the ways to resolve the conflict between museums and the Russian Orthodox Church over the transfer of religious purpose property to religious organizations. A significant number of churches and monasteries are objects of cultural heritage, where museums are located. The transfer of this property to the church leads to the situations when museums are forced to look for a new building, and may poses a threat to the preservation of cultural values.

Key words: museum; church; religious purpose property.

В 2010 г. вступил в силу Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности» [9]. Реализация закона на практике породила новые проблемы, обострился конфликт музеев и Церкви.

Основной термин, сформулированный в законе, — имущество религиозного назначения, которое подлежит передаче. В список имущества помимо движимых предметов были включены также помещения и строения, а в список зданий также вошли те,

которые были построены для монашеской жизнедеятельности, религиозного почитания (паломничества), в том числе здания для временного проживания паломников. Закон закрепил две формы передачи имущества: в собственность религиозной организации и в безвозмездное пользование на определенный срок. При передаче объекта в собственность или безвозмездное пользование религиозной организации она принимает на себя ограничения (обременения) права собственности на данный объект или права пользования им. Эти ограничения указываются в оформляемом в установленном порядке охранном обязательстве по содержанию объекта культурного наследия, включая требования к порядку и срокам проведения реставрационных, ремонтных и иных работ, требования к условиям доступа к нему граждан, а также иные, обеспечивающие его сохранность требования [8].

Одним из недостатков федерального закона является фактическое отсутствие возможности отказа в передаче имущества, которая позволила бы защитить объекты культурного наследия, передача которых может им навредить. Перечислены только два мотива: 1) объект не принадлежит к имуществу религиозного назначения; 2) он «не подлежит отчуждению из государственной или муниципальной собственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Однако второе ограничение можно назвать фиктивным, так как оно распространяется только на передачу в собственность, но не запрещает передачу в пользование. Учитывая то, что срок, на который заключается такой договор, может быть значительным, порядка 49 лет [10], отсутствие других причин отказа явно является пробелом в законодательстве. Отсутствуют такие мотивировки, как исключительная историко-культурная и социальная значимость объекта, состояние сохранности, которые ограничивают возможности его функционального использования. Эта неточность приводит к тому, что недвижимые объекты культурного наследия, которые раньше занимали музеи, передаются в пользование Русской православной церкви (далее РПЦ). Так, в 2016 г. были переданы здания Кирилло-Белозерского музея заповедника [4], в 2017 г. — Сампсониевский собор [11].

Музейщики активно ищут способы сотрудничать с Церковью, чтобы сохранить объекты культурного наследия. Так, например,

уже переданные в безвозмездное пользование предметы остаются под надзором хранителей музея, как это было сделано с Толгской иконой Богоматери, изъятой из Ярославского художественного музея [1, с. 294].

Остро стоит вопрос о крупных храмах Санкт-Петербурга – Исаакиевском соборе и Спасе-на-крови. В марте 2020 г. музей предложил РПЦ совместно использовать часть помещений Спаса на Крови. Кроме того, храм относится к комплексу музея, но по соглашению с Санкт-Петербургской епархией в нем регулярно проходят богослужения [8]. Совместный режим пользования удалось установить в Троице-Сергиевой Лавре и в Ипатьевском монастыре. Церковь и музей делят пространство между собой, мирно сосуществуя в границах монастырей [13, с. 54].

Другой способ досудебного разрешения конфликта – обращение к Министерству культуры РФ. Именно таким образом решается вопрос с Андрониковым монастырем, где в данный момент располагается музей Древнерусской культуры имени Андрея Рублева. Министерство рекомендует вынести этот вопрос на обсуждение комиссии по взаимодействию Русской православной церкви с музейным сообществом [6]. Такой порядок был применен при передаче части зданий Кирилло-Белозерского монастыря, в котором располагается Кирилло-Белозерский музей-заповедник. Стороны договорились, что музей передает епархии все свободные помещения Священнических келий XVII века и Казенную палату в Ферапонтове в сентябре 2019 г., а духовное училище в Кириллове – в 2021 г. При этом монастыри отзывают заявку о передаче им стен Ивановского монастыря, Братских келий в Кириллове и церкви Мартина в Ферапонтове [4]. Отсрочка в передаче зданий нужна для того, чтобы музей мог найти новое помещение, что не всегда возможно, хотя это предполагает упоминаемый в статье федеральный закон.

Это становится проблемой, так как для музея нужны особые помещения. Спасо-Преображенский собор – здание Пермской государственной художественной галереи – было формально передано в 2011 г., но на данный момент галерея до сих пор располагается в здании собора. Собор располагается в центре города, и подходящего здания, которое соответствовало бы потребностям музея, нет. В 2020 г. был принят уже второй проект нового здания

галереи, но его строительство еще не начато [7]. Прошло почти 10 лет, а проблема размещения музея так и не решена.

Анализ конкретных ситуаций позволил выделить основные пути разрешения конфликтов: достижение договоренности между организациями, установление режима совместного использования объектов, привлечение иных сторон для решения конфликта и использование других процедур, прямо предусмотренных законом: в частности, выдача охранных обязательств, поиск или строительство новых зданий для музеев. Несмотря на то, что решения действительно существуют, в основном они предполагают передачу имущества и переезд музеев, а предотвратить это можно только изменив сам федеральный закон.

Список литературы

1. Горшкова В. В. Опыт сотрудничества Ярославского художественного музея с церковными организациями // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2011. № 17. С. 292 – 294.

2. Дорская А. А. Передача имущества религиозного назначения религиозным организациям: Проблема юридической квалификации // Общество. Среда. Развитие. 2012. № 2. С. 107 – 111.

3. Дорская А. А. Правовой режим имущества религиозного значения в России: история и современность. СПб: Астерион, 2012. 222 с.

4. Кирилло-Белозерский музей в Вологодской области передал часть помещений РПЦ // Tass.ru. URL: <https://tass.ru/obschestvo/656784> (дата обращения: 30.01.2021).

5. Линкин В. Н. Передача религиозным организациям имущества религиозного назначения: обзор судебной практики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 157 – 158.

6. Министерство культуры: вопрос передачи Спасо-Андроникова монастыря РПЦ нуждается в проработке // Tass.ru. URL: <https://tass.ru/kultura/6221009> (дата обращения: 30.01.2021).

7. Много света и стекла: проект будущей Пермской художественной галереи прошел техническую экспертизу // 59.ru. URL: <https://59.ru/text/culture/2019/10/25/66284611/> (дата обращения: 28.02.2021).

8. Музей «Исаакиевский собор» предложил РПЦ совместно использовать помещение в Спасе на Крови // Tass.ru. URL: <https://tass.ru/kultura/7961517> (дата обращения: 30.01.2021).

9. Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации [электронный ресурс]. ФЗ от 25.06.2002 №73-ФЗ. СПС «Консультант Плюс».

10. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности [электронный ресурс]. ФЗ от 30.11.2010 №327-ФЗ. СПС «Консультант Плюс».

11. Сампсониевский собор. История // сайт прихода Сампсониевского собора. URL: <http://sampsony.ru/index.php/history> (дата обращения 29.01.2021).

12. Экспертное заключение по проекту Федерального закона №3913955 // Культурологический журнал. 2010. № 1. С. 1 – 11.

13. Юрикова А. В. Формы взаимодействия музея и Русской православной церкви в сфере охраны культурного наследия на примере Оренбургского областного музея изобразительных искусств // Культура и образование. 2018. № 1. С. 52 – 57.

**Роль архитектурных кулис в монументальной живописи
Палеологовского периода (на примере фресок церкви Святой
Троицы в Сопочанах и мозаик Кахрие джами)**

**The role of architectural scenes in monumental painting of the
Paleologian period (on the example of frescoes of the Holy Trinity
church in Sopoćani and mosaics of Kariye Camii)**

***Аннотация.** Архитектурные декорации с первых столетий существования христианской визуальной культуры являются важным элементом композиций. Однако именно в Палеологовский период живописная архитектура приобретает наиболее разнообразные, роскошные и монументальные формы, начинает появляться специфическая пространственность. В рамках данной работы были выделены пять основных функций, отводимых архитектуре в композициях.*

***Ключевые слова:** живописная архитектура; семантика архитектурных образов; Сопочаны; Кахрие джами.*

***Abstract.** Architectural decorations have been an important part of compositions since the first centuries of Christian visual culture. Especially in the Paleologian period picturesque architecture acquires the most varied, luxurious and monumental forms. Besides, a specific spatiality begins to appear. In this article five main functions assigned to architecture in compositions were identified.*

***Key words:** architectural landscape; semantics; Sopoćani; Kariye Camii.*

На первый взгляд, архитектуре отводится вторичная, сугубо декоративная роль в византийской живописи. Однако, присмотревшись внимательнее, мы заметим, что ритмический и эмоциональный строй композиций немислим без изображенных на них архитектурных пейзажей.

Проблеме изображения архитектуры в монументальной живописи Палеологовского периода были посвящены несколько фундаментальных исследований. Особенно важны для нас работы сербских исследовательниц Т. Вельманс и А. Стоякович. На Сопочанском симпозиуме 1965 г. на примерах разных типов архитектуры обе они показали, что цель живописной архитектуры

в Византии – не изображение реального мира, а создание особой архитектурной структуры, которая способствовала бы расставлению смысловых акцентов в росписи [5; 7]. На основании этих и других трудов нами были выделены пять основных функций, которыми наделяется архитектура в композициях. Рассмотрим каждый из этих типов на примере двух живописных ансамблей палеологовского периода: церкви Святой Троицы в Сопочанах (1260 г.) и Кахрие джами (монастырь Хора) в Константинополе (1315–1321 гг.).

Артикуляция главного события и главных персонажей

Как пишет Таня Вельманс, в живописи Палеологов существовала тесная взаимосвязь архитектуры и изображенных фигур [6, р. 210]. Так, например, в композиции «Смерть матери короля Уроша» в Сопочанах смысловой центр оказывается выделен благодаря архитектурным кулисам. Они воздвигаются по обе стороны от смертного одра Анны Дандоло, тем самым заметно привлекая к нему взгляд зрителя. Этим же целям служит расположение зданий в сцене «Благовестие у колодца» из Кахрие джами, где артикулируется фигура Марии [6, р. 210].

Также средством, фокусирующим внимание, служит обратная перспектива, где точкой схода становится не пункт на горизонте, а кульминационный момент изображаемого события. В качестве примера рассмотрим композиции «Успение Богородицы» в Сопочанах и «Перепись населения» в Кахрие джами. В сопочанской сцене архитектуре отдана широкая полоска в верхней части композиции. Из-за намеренно искаженной перспективы два здания выдвигаются углами на зрителя. Выделенными оказываются фигуры Богородицы и Христа, держащего на руках Её душу в виде запеленатого младенца. На этом примере видно, что, начиная с XIII в., архитектурные строения ориентируются в зависимости от значимости сцен и порядка важности персонажей [6, р. 193]. Та же функция отведена двум зданиям, изображенным в сцене «Перепись населения» в мозаике Кахрие джами. В данном случае точкой схода для линий перспективы являются царские писцы со свитком в руках, таким образом, внимание зрителя концентрируется на главном событии. Также на примере этой сцены хорошо видна еще одна интересная деталь композиций Кахрие джами – задник, напоминающий парапет [6, р. 193], и замыкающий композицию.

Разделение разновременных сцен на фризовых композициях

Рассмотрим, как архитектурные декорации помогают глазу отделить разновременные композиции во фризовых последовательностях.

Помещенные в нартексе сопочанской церкви ветхозаветные сцены из жизни Иосифа следуют друг за другом, не разделяясь перегородками на отдельные «картины» (как на Западе уже через 40 лет это сделает Джотто в капелле Скровеньи (1305 г.)). То же самое мы видим в заполнении сводов двух центральных компартиментов внутреннего нартекса в Кахрие джами, где композиции закольцованы, в соответствии с характером кладки в виде концентрических кругов. Однако, благодаря архитектурным декорациям, мы все же без труда понимаем, где заканчивается одна сцена и начинается другая. В Сопочанах группа с Иосифом отделяется от скопления людей зданием, стены которого прорезаны аркадами. В Кахрие джами сцена «Введение Богородицы во храм» отделена от череды других сюжетов киворием, в котором изображён ангел, приносящий еду Марии (явление, описанное в Протоевангелии Иакова).

«Диалог» между фигурами

Архитектура в живописных композициях применяется также для семантического объединения взаимодействующих фигур. Это можно увидеть, например, в сценах «Сретение» в Сопочанах и «Упреки Иосифа Марии» в Кахрие джами. В композициях реальная арка окна и нарисованная арка служат одной функции: демонстрации «общения», «диалога», взаимодействия персонажей. Так, в Сретении благодаря дуге окна создается впечатление, что Иисус на наших глазах как будто переходит с рук Матери на руки Симеона. Помимо этого, образы Марии и старца визуально связаны аркой кивория, находящейся над ними. Свод козырька в композиции «Упреки Иосифа» в Кахрие джами соединяет образы Девы и Её супруга, для наглядности их общения.

Интерьер

Изображение интерьера — отдельная проблема в византийской живописи. Специфика в том, что интерьер — это всегда определенное пространство, чуждое трансцендентной ориентации византийского искусства. Тем не менее, некоторые сцены требуют размещения их внутри здания. Эта дуальность византийского мышления породила

явление, которое исследователи называют феноменом «смешения интерьера и экстерьера» [6, р. 206]. Изображаются те же архитектурные пейзажи, что и во внешней среде, но интерьерные сцены отличаются наличием так называемых «велумов» (от лат. *velum* — парус, покрывало, завеса). Хорошими примерами интерьерных композиций с такой «завесой» являются сцены «Христос среди учителей» в Сопочанах и «Обручение Иосифа Марии» в Кахрие джами. В обоих случаях изображены полукруглые формы, служившие в палеологовской живописи для сообщения сценам пространственности [6, р. 202]. Идея полукруга в Сопочанах интересно обыграна — реальная архитектурная форма (арка проема, ведущего в певницу) перекликается с эдикулой, в которой сидят учителя, при этом изгиб площадки, на которой происходит главное действие, не вторит реальной форме арки. Такое явно нарочитое несоответствие могло быть связано с тем, что певница примыкает к главному объему не под прямым углом, а слегка по диагонали, и мастера стремились соотнести формы изображенной архитектуры с особенностями реальной.

По-иному, без велума, изображен интерьер в мозаике «Введение Богородицы во храм», на которой изображены апсида, престол и киворий. Под сенью кивория, как мы помним, представлена и сцена «Сретение» в наосе Сопочанского храма. А. Стоякович отмечает, что киворий сам по себе обозначает интерьер [4, с. 226–227].

Необходимо затронуть еще один аспект живописного интерьера: его символическую наполненность [2; 4, с. 227]. Так, киворий на рассмотренных сценах не просто изображает среду, в которой происходит действие, но также символизирует сакральное пространство как таковое, является образом Иерусалимского храма. Также и в сцене «Неверие Фомы» в Сопочанах дверь, на фоне которой изображен Христос, указывающий на раны, не просто замыкает пространство комнаты, но символизирует само совершившееся чудо — прохождение воскресшего Христа через закрытую дверь.

Идиллическая архитектурная среда, в которой пребывают персонажи

Одним из самых распространенных типов живописной архитектуры является своего рода идиллическое пространство. Архитектура в данном случае не имеет выраженного композиционного, семантического или конкретизирующего значения. Ее мы можем

видеть в парусах Сопочан, где фигуры четырех апостолов представлены на фоне разнообразных архитектурных форм. В Кахриджами данный тип архитектуры встречается во многих сценах. В качестве примера посмотрим на композиции «Благовестие Анне», «Встреча Иоакима и Анны у золотых ворот». Использование линейной и обратной перспективы, сочетание разных точек зрения, составленность из врезающихся друг в друга частей подчеркивают выдуманность этой архитектуры, надмирность изображенного пространства.

Подводя итог, можно сказать, что главной функцией живописной архитектуры является создание схемы, способствующей быстрому считыванию изображенного сюжета, выделению в нем главного и второстепенного, демонстрации места действия и объединению между собой взаимодействующих персонажей. Перед нами открывается своего рода театр с роскошными декорациями, со сценой, кулисами и задником, которые помогают нам читать евангельскую историю и цепляют внимание на кульминационных ее моментах.

Список литературы

1. Джурич В. Византийские фрески. Средневековая Сербия, Далмация, славянская Македония. М.: Индрик, 2000. 592 с.
2. Лидов А. М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии. URL: <http://rusarch.ru/lidov1.htm> (дата обращения: 18.10.20).
3. Радојчић. С. Фреске из Сопоћана. Београд, 1953.
4. Стојаковић А. Архитектонски простор у сликарству средњевијековне Србије. Нови Сад, 1970.
5. Stojaković A. L'architecture peinte dans la peinture murale // L'art Byzantin du XIIIe siècle. Symposium de Sopoćani 1965. Beograd. 1967. P. 169 – 178.
6. Velmans T. Le rôle du décor architectural et la représentation de l'espace dans la peinture des Paléologues // Cahiers Archéologiques. 1964. Vol. 14. P. 183 – 216.
7. Velmans T. Les valeurs affectives dans la peinture // L'art Byzantin du XIIIe siècle. Symposium de Sopoćani 1965. Beograd, 1967. P. 47 – 57.

Гаджиева Яна Раджабовна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Бирюкова Марина Валерьевна, д-р культурологии, доц.

Цифровое искусство в музее: специфика сохранения и репрезентации

Digital art in a museum: specificity of preservation and representation

***Аннотация.** Цифровое искусство в последнее время задает определенные тенденции для его рассмотрения сквозь призму бытования в музейном пространстве. Возникает необходимость выявления актуальных особенностей репрезентации и консервации данной формы искусства. В статье анализируется проблема презентации дигитального искусства в музейном пространстве.*

***Ключевые слова:** цифровое искусство; медиаискусство; демонстрация цифрового искусства; сохранение цифрового искусства.*

***Abstract.** Digital art has recently determined a certain tendency for being interpreted through the prism of its presence in the museum space. In this case, there appears a necessity to identify the relevant features of representation and preservation of this form of art. The article focuses on analyzing the problem of displaying digital art in museum space.*

***Key words:** digital art; media art; displaying digital art; preservation of digital art.*

Взаимодействие цифрового искусства и музея ставит перед исследователями и музейными сотрудниками определенную цель: осмыслить, каким наилучшим образом цифровое искусство должно быть интегрировано в музейное пространство. Последующее изучение данной темы послужит основанием для выработки критериев применения полученных знаний на практике: как в виртуальном, так и в физическом пространстве музея.

Рассмотрение проблематики бытования цифрового искусства невозможно без учета анализа подходов репрезентации¹ и сохранения — консервации. Зависимость между технологическим устареванием произведения и целостностью художественной задумки остается не до конца преодолённой, и продолжает порождать «старые», но сохранившие свою актуальность вопросы касательно поисков долгоиграющих способов показа и хранения. Все это способствовало вовлечению в дискуссию мировых исследователей в области медиа-арта, технологического искусства². Данные события получили наибольший всплеск во время пандемии COVID-19 и последующего локдауна, когда музеям пришлось массово осваивать потенциал демонстрации произведений искусства в виртуальной среде.

Быстрое устаревание носителей и программ – главная причина, из-за которой процесс выявления новых способов бытования цифрового искусства требует постоянных пересмотров. Уникальным решением является виртуальное музейное пространство, которое позволяет задействовать все потенциальные ресурсы демонстрации цифрового искусства без искажения оригинальной художественной задумки.

Репрезентация. Создаваемое и распространяемое с помощью компьютерных технологий цифровое искусство не вписывается в классические стандарты приемов экспонирования. Как отметил А. Костриц, актуальные формы современного искусства, находящиеся «вне стиля», полностью ломают стереотипы о презентации новейшего искусства в музейном пространстве [5]. В данном случае репрезентация – способ воспроизведения цельного образа художественной задумки. Но, все же стоит учитывать то, что цельный образ произведения актуального искусства «отличается условностью и зависит

---

¹ В понятие репрезентации в контексте данного исследования входит экспонирование, повторное воспроизведение (redisplaying).

² Только за последний год на отечественной сцене произошел ряд мероприятий, посвященных историческому осмыслению цифрового искусства и медиаарта: сетевой проект-прогноз PRO&CONTRA «МЕДИАИСКУССТВО 2020—2040; круглый стол Онлайн – архивы и коллекции медиаискусства; проект «Новые антологии» от Европейского университета в Санкт-Петербурге и др.

каждый раз от новых установлений» [1, с. 10]. В качестве установлений здесь выступают реальное и виртуальное выставочное пространство.

Основной вопрос заключается в следующем: применимы ли стратегии репрезентации новейших медиа в рамках белого куба? Если мы будем акцентировать внимание на особенностях физического выставочного пространства, то здесь происходит смещение со статичного показа художественного объекта на динамичный через обличение процессуальной природы и гибридности технологичного искусства [3]. Подобного не лишено и виртуальное пространство.

Динамизм демонстрирования цифрового искусства непосредственно отражает потенциал коммуникативного взаимодействия со зрителями через реализуемую выставочную среду [4]. Наиболее выразительным образом воспроизводство коммуникации прослеживается в музеях цифрового искусства или онлайн-программах музеев, которые изначально объединили в себе два способа бытования цифрового искусства: музей Мори teamLab, DiMODA, Garage Digital, ARTPORT.

Так, по большей части репрезентация цифрового искусства зависит от условий, в которых произведение находится. Особенно ситуация осложняется при экспонировании произведений сетевого искусства в физическом пространстве. Нет-арту зачастую достаточно Интернета, потому как статусность места не имеет значения [5]. Вместе с тем показ в выставочном зале играет важную роль в переосмыслении сетевого искусства в рамках художественной институций. Подтверждение данной особенности — проект-выставка в Moving Image Gallery «Net.ephemera» (2002). Она показала, как одно наличие выставочного помещения может изменить значение произведений цифрового искусства. Реконструкция части выставки Документа X под названием «Сетевое искусство. Художники и поэты» (2014) в Галерее Люблины также демонстрирует многогранность подходов к показу (рис. 1).

Также существует не менее важный взаимосвязанный аспект: взаимодействие художников и кураторов. Их содействие направлено на выработку конкретных решений демонстрации. Ведь зачастую медиахудожники обладают четким представлением, как должно выставляться их произведение. От куратора лишь требуется гармонично вписать арт-объект в выставочное пространство.

Л. Джусти и Н. Рекарди отмечают, что куратор в таком случае должен обладать необходимой степенью технологической грамотности [6]. Это отчетливо прослеживается на примере подготовки работ Ф. Менгбо «Великий поход: перезапуск» к выставке PS1 в МоМА (2008), Д. Крымова инсталляции «Тайная вечеря» в церкви Сан-Фантин, Венеция (2019) (рис. 2).

Сохранение. Специалисты Дж. Ипполито и Р. Ринхарт. утверждают, что способ воспроизведения через восстановление арт-объектов является полноценным и долговременным [7]. Также, А. И. Карлова, на различении основных способов консервации компьютерного искусства — эмуляции, миграции, реинтерпретации, документации смешанного типа, — определяет возможные пути обновленной стратегии музейного сохранения с учетом этических и эстетических последствий выбора того или иного способа [2].

В основном консерваторы придерживаются неразрывного подхода к сохранению двух компонентов цифрового искусства: сохранение технологий произведения (из каких составных частей — оборудования — состоит арт-объект) и компиляция программ с помощью которых работа воспроизводится. В первом случае необходимая техника сохраняется для поддержки оригинального состояния художественного произведения. Во втором — цифровые произведения архивируются на надежные носители, позволяя тем самым сохранить художественную целостность работы [9]. Исходя из такой двойственной особенности музей сам выбирает подходящую тактику.

Подход сохранения художественной целостности является наиболее полноценным с точки зрения учета всех нюансов цифрового произведения. Именно такой стратегии придерживается отдел кино и медиаискусства ГМИИ им. Пушкина. Так, их предмет хранения нематериален сам по себе. Беря на хранение авторский замысел, они передают консервации воспроизводимые данные произведения: составные части и программы [10].

Выводы. Несмотря на то, что в музейной практике реализуются общепринятые стратегии сохранения и показа, не существует единого подхода к демонстрации цифрового искусства в музее. Тем самым, мы можем с точностью утверждать, что представленные в работе примеры сохранения нематериального технологичного искусства

имеют под собой конкретную техническую и теоретическую базу. Во многом, благодаря удачному опыту применения различных тактик консервации и демонстрации зарубежными музеями за последние три десятилетия, мы можем переосмыслить имеющийся опыт в контексте российской действительности.

Список литературы

1. Андреева Е. Ю. Постмодернизм. Искусство второй половины XX – начала XXI века. СПб.: Азбука-классика, 2007. 488 с.
2. Карлова А. И. Музейная консервация цифрового искусства: от объекта к процессу // Идеи и идеалы. 2016. Т. 1. № 1 (27). С. 98 – 108.
3. Карлова А. И. Цифровое искусство и музей // Вопросы культурологии. 2016. №. 4. С. 74 – 79.
4. Кириченко Е. И. Цифровое искусство: способ коммуникации или средство новой художественной образности? // Научное обозрение: электрон. журн. 2018. № 1. URL: <https://srjournal.ru/wp-content/uploads/2018/01/ID91.pdf> (дата обращения 30.12.20)
5. Костриц Ф. А. Актуальное искусство в пространстве художественного музея. Проблемы репрезентации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №. 65. С. 149 – 153.
6. Регламент приема в постоянное пользование, хранения, учета и описания музейных предметов, относящихся к коллекции кино-, медиа- и цифрового искусства ГМИИ им. А. С. Пушкина. URL: <https://pushkinmuseum.art/it-lab/index.php?lang=ru> (дата обращения: 25.12.2020)
7. Himmelsbach S. Net-based and Networked. Challenges for the conservation of digital art // Digital Art through the Looking Glass. New strategies for archiving, collecting and preserving in digital humanities / ed. by Grau O., Hoth J., Wandl-Vogt E. Krems a.d. Donau, Donau-Universität, 2019. P. 233 – 246.
8. Lorenzo G., Ricciardi N. Museums At The Post-Digital Turn, Amaci – OGR – Mousse Publishing, Milan. 2019. P. 177 – 198.
9. Marchese F. Conserving Digital Art for Deep Time. Leonardo, 44(4), 2011. P. 302 – 308.
10. Rinehart R., Ippolito J. Re-collection: Art, new media, and social memory. MIT Press, 2014. 297 p.

Приложения

Рис. 1. Реконструированный net.art documenta 10 на выставке Net.art Painters and poets в Галерее Любляны (2014)

Рис. 2. Дмитрий Крымов. Тайная вечеря. Церковь Сан-Фантин, Венеция (2019)

Проблемы сохранения и музеефикации историко-культурного наследия Смоленского Лютеранского кладбища

Problems of preservation and museumification of the historical and cultural heritage of the Smolensk Lutheran cemetery

***Аннотация.** Смоленское Лютеранское кладбище является старейшим сохранившимся некрополем для лиц неправославного вероисповедания в Петербурге. Устройство кладбища представляется «зеркалом» национальной ментальности, социально-психологических и художественно-эстетических традиций. Однако вследствие антирелигиозной политики Советского государства на сегодняшний день некрополь пребывает в неудовлетворительном состоянии. Тем не менее, подход к решению проблемы осуществляется разными методами: со стороны как государства, так и общества.*

***Ключевые слова:** кладбище; лютеранство; сохранение.*

***Abstract.** Smolensk Lutheran cemetery is the oldest surviving necropolis for non-Orthodox in St. Petersburg. The arrangement of the cemetery appears to be a “mirror” of the national mentality, socio-psychological and artistic-aesthetic traditions. However, due to the anti-religious policy of the Soviet state, today the necropolis is in an unsatisfactory state. Nevertheless, the approach to the problem is carried out by different methods: both from the side of the state and society.*

***Key words:** cemetery; Lutheranism; preservation.*

В Санкт-Петербурге осуществление мероприятий по сохранению и реставрации исторических кладбищ является важнейшей задачей в контексте сохранения памяти и исторического наследия. Состояние Смоленского Лютеранского кладбища можно оценивать как неудовлетворительное. Подобное наносит существенный ущерб облику культурной столицы. В данной статье ставится цель изучить проблемы сохранения и музеефикации историко-культурного наследия Смоленского Лютеранского кладбища.

С самого основания города протестанты, преимущественно лютеране, играли важную роль – многие специалисты и мастера, приезжавшие в Петербург, были из Голландии и германских

княжеств [2]. С ростом города возникла потребность и в организации отдельного неправославного кладбища, и по предписанию Святейшего Синода в 1747 г. недалеко от «Русского» кладбища близ реки Чернавки было организовано «Немецкое» кладбище. Со временем комплекс стал именоваться «Смоленским» после освящения Смоленской церкви на православной части [1]. Ввиду того что некрополь предназначался для захоронения прихожан местных лютеранских церквей, на территории кладбища представлено большое количество памятников западно-христианской культуры: склепы, жертвенники, саркофаги, колонны, скульптуры плакальщиц и ангелов. Например, ангел над могилой Юлии Штиглиц, усыпальница семьи Горвиц. Данные архитектурные сооружения, а также ландшафт являются основными элементами охраны некрополя.

На внешний облик и сохранность кладбища влияют несколько факторов: природный, политический и общественный. Рассмотрим каждый отдельно. С самого основания города одной из причин крупных разрушений были наводнения, а территория некрополя как раз располагается в подтопляемой зоне. Из-за этого во время подъема воды надгробия часто перемещаются со своих первоначальных мест, с некоторых смывается информация о погребенном. Еще один фактор природного характера – это растущие деревья на могилах. Во-первых, на кладбище не проводятся санитарные рубки, поэтому во время сильных ветров и ураганов деревья часто падают на захоронения, во-вторых, мощные корни во время роста разрушают надгробия. До революционных событий 1917 г. благоустройством кладбища занимался церковный совет при лютеранской церкви Святой Екатерины на Большом проспекте Васильевского Острова, содержа некрополь в надлежащем состоянии [7]. Однако с приходом советской власти и изменением политики в отношении церквей кладбище пришло в упадок. С данной эпохой связан и политический фактор, который спровоцировал изменения в общем виде некрополя.

Антирелигиозная кампания 20-30-х гг. значительно повлияла на сохранность комплекса. Например, прах скульптора П. К. Клодта был перезахоронен со Смоленского лютеранского кладбища в 1936 г. в «Некрополь мастеров искусств» в Александро-Невской Лавре. Изъятие надгробий существенно изменило внешний облик территории, так как никакой учет не велся, а часть могил были

затеряны [8]. Например, русский архитектор Ю. М. Фельтен был захоронен на Смоленском Лютеранском кладбище, но на данный момент информация о его месте погребения утеряна. Следующий этап связан с 1985 г., когда северо-восточная часть кладбища была отдана под строительство пожарной части. Однако в 1988 г. началась частичная реставрация некрополя, коснувшаяся только первых участков. Подобное полузаброшенное состояние некрополя стало привлекать внимание различных маргинальных компаний.

Сейчас кладбище подвергается постоянным беспричинным разрушениям. Вандалы часто ломают кресты, устраивают поджоги в склепах, разрисовывают надгробия. Часто можно наблюдать, как в разломы бетонных постаментов посетители выбрасывают всевозможный мусор. Однако несмотря на подобное состояние, некрополь остается важным местом для города и его жителей. На данный момент как государственные органы, так и общественные организации стараются сохранить наследие кладбища, организовывая всевозможные мероприятия по благоустройству: от субботников до реставрации надгробий.

В 2017 г. Министерство финансов оказало содействие местному жителю Петербурга в восстановлении надгробия министра финансов Российской империи Е. Ф. Канкрин, выделив необходимую сумму на реставрацию [4]. С 2018 г. Смоленское Лютеранское кладбище является объектом культурного наследия регионального значения, а 35 отдельных захоронений имеют статус объектов культурного наследия. Однако именно этот статус и создает дополнительные трудности, так как все восстановительные мероприятия необходимо согласовывать с КГИОПом [6]. Поэтому часто реставрацией занимаются общественные организации.

Один из известных случаев — это деятельность «Общества друзей школы К. Мая». Благодаря данной организации было восстановлено надгробие К. Мая, а также налажен уход за могилами учеников школы, например, Г. Г. Гримм. Активны и «Петербургское общество немецкой культуры» и «Петербургское общество эстонской культуры». Из-за строительства Пожарной части в 1986 г. часть территории и надгробия были утрачены, среди них оказалось захоронение академика эстонского происхождения Ф. Видеманна [5]. На средства, собранные «Петербургским обществом эстонской культуры», 16 апреля 2005 г. на

кладбище был повторно открыт надгробный камень. Ведомственные организации часто поддерживают захоронения своих бывших сотрудников. Например, в 2009 г. после нескольких лет архивной работы в поисках захоронения А. А. Иностранцева сотрудниками СПбГУ был установлено новое надгробие [3].

Но все эти мероприятия направлены на определенные объекты, а не на всю территорию кладбища. На некрополе остается большое количество бесхозных захоронений, которые продолжают разрушаться. Решить проблему может консервация кладбища, организация постоянной охраны территории и регулярный учет состояния надгробных сооружений.

Старейший некрополь Петербурга является олицетворением многолетней межконфессиональной культуры города, поэтому нуждается в особом уходе и наблюдении. На протяжении всей своей истории Смоленское Лютеранское кладбище подвергалось разного вида разрушениям: расположение в низменности на равнине создавало благоприятные условия для подтопления в период подъема воды и роста деревьев; нерешенные последствия двойственной политики СССР в отношении некрополя привели к запустению территории, что в свою очередь стало причиной повышенного интереса к кладбищу со стороны вандалов. Тем не менее на современном этапе как государственные структуры, так и общественные организации стремятся восстановить и сохранить кладбищенское наследие. Однако в основном эти мероприятия носят точечный конкретный характер, а общее состояние кладбища остается удручающим.

Список литературы

1. Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М.: Центрполиграф, 2011. 797 с.

2. Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI – XX). Минск, 2003. 544 с.

3. Малолетко А. А., Барышников Г. Я. Геологические экскурсии профессора А.А. Иностранцева по алтайскому округу в 1894 – 1919 гг. // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2018. № 8. С. 62 – 67.

4. Минфин России помог восстановить памятник выдающемуся государственному деятелю Е. Ф. Канкрину [электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации URL:

(https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=35020-minfin_rossii_pomog_vosstanovit_pamyatnik_vydayushchemusya_gosudarstvennomu_dyeyatelyu_ye.f._kankrinu) Дата обращения: 30.01.21.

5. Тамби С. А. Об известных российских деятелях, связанных с эстонской землей и похороненных на Смоленском лютеранском кладбище г. Санкт-Петербурга // Молодой ученый. 2019. № 26 (264). С. 176 – 181.

6. Федеральный закон Российской Федерации «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ. [электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации URL: (<https://culture.gov.ru/documents/ob-obektakh-kulturnogo-naslediya-pamyatnikakh-istorii-i-kultury-narodov-rossiyskoj-federatsii-73/>) Дата обращения: 30.01.21.

7. ЦГИА СПб. Ф. 1010. О. 1. Д. План устройства Смоленского лют. кладбища и инструкция по содержанию его и управлению.

8. Robert Leinonen, Erika Voigt. Deutsche in St. Petersburg: Ein Blick auf den Deutschen Evangelisch- Lutherischen Smolenski-Friedhof und die europäische Kulturgeschichte — Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 1998. 168 p.

Соломонова Ирина Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Кочеткова Екатерина Сергеевна, канд. искусствоведения

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Брутализм в градостроительстве: план *Hauptstadt* и послевоенное развитие Берлина 1950 – 1970 гг.

Brutalism in urban planning: the «*Hauptstadt*» plan and post-war development of Berlin 1950 – 70s

Аннотация. В данной статье исследуются некоторые большие градостроительные проекты Берлина 1950–70 гг. в контексте теории бруталистской урбанистической «этики» Алисон и Питера Смитсонов и интернационального брутализма за пределами Британии. Ключом к пониманию взаимосвязи служит созданный Смитсонами специально для Берлина план «*Hauptstadt*», который оказался практически забыт, но позволяет выявить точки соприкосновения в развитии градостроительных парадигм.

Ключевые слова: брутализм; градостроительство; Берлин; Смитсоны; план «*Hauptstadt*».

Abstract. This article analyzes big urban projects developed in Berlin 1950–1970s in the context of brutalist «ethical» theory of urbanism by Alison and Peter Smithson, as well as international evolution of brutalism outside Britain. The key to understanding this relation is the «*Hauptstadt*» plan, created by Smithsons specifically for Berlin, which has been all but forgotten, but allows to identify points of correlation in the development of urban planning paradigms.

Key words: brutalism; urban planning; Berlin; Smithsons; plan «*Hauptstadt*».

После Второй Мировой войны в Европе, и в частности в Германии, остро стояла проблема восстановления городов, а в последней еще и создания новой архитектурной парадигмы, отличной от нацистской. Одно из решений этих проблем предложило новое архитектурное течение брутализма — или «нового брутализма» (рис. 1:1) — основанное в Великобритании архитектурной парой Алисон и Питера Смитсонов в начале 1950-х гг. Их архитектурная теория состояла из

двух связанных частей: эстетики, предполагавшей ориентирование на корифеев модернизма [1, с. 16] и использование «найденных материалов» и «запоминающихся образов», и «этики», которую занимали проблемы урбанизма и соотношения социума и архитектуры [9, р. 37].

В этом ключе Берлин предоставляет интересный материал для изучения, так как город был сильно руинирован в войну и нуждался в реконструкции, а в 1957 г. он фактически стал полигоном для градостроительной фантазии Смитсонов. На архитектурной выставке Interbau они представили план «Hauptstadt» (рис. 1:4, 5), предполагавший масштабную перестройку центра. Этот проект был основан на двух более ранних: подготовленной для конгресса CIAM 1953 г. «Сети урбанистической ре-идентификации» (Urban re-identification Grid), которая основывалась на проекте жилого комплекса Голден Лейн (рис. 1:2, 3) в Лондоне.

Последний уже демонстрирует главные идеи «нового брутализма», а именно стремление создать и поддержать в доме единое «уличное сообщество» [7, р. 4–5]. Многоэтажные жилые блоки типа Марсельской жилой единицы объединены в мегаструктуру с помощью переходов и «улиц-палуб» («улиц-в-воздухе»), которые должны были заменить традиционную улицу и создать пространство для реинтерпретации доиндустриальных ценностей в новой «вертикальной форме расселения» [5, р. 289].

План «Hauptstadt» представлял же собой возведенную в абсолют идею Голден Лейн: город превращался в многоуровневый комплекс, где улицы-палубы образовывали параллельную автодорогам сеть и объединяли здания разной структуры и функций. Конструкция накладывалась на старую уличную сеть города и больше не походила на условный «план Вуазен» — знаменитый функционально зонированный модернистский город, раскиданный небоскребами в парке; постулировался холистический подход к решению городского пространства [4, р. 221].

Однако сама Интербау (рис. 2:1), посвященная в основном жилому строительству, была скорее воплощением мечты о городе-саде. Разрушенный жилой квартал Ганзафиртель отстраивался корифеями модернизма в виде живописно разбросанных по территории выжженного парка Тиргартен многоквартирных домов; теперь

архитектурная связанность ансамбля практически исчезла и дает впечатление полной дезурбанизации.

Идеологический противник [8, р. 2–3] Ганзафиртель по другую сторону еще не существующей стены — Шталиналлее (Stalinallee, сейчас — аллея Карла Маркса, 1951–1969 гг.) (рис. 1:6). Парадоксально, концепция проекта кажется даже ближе к «ре-идентификационной сетке» Смитсонов, чем модернистские упражнения Западного Берлина. *Традиционный* смешанный тип уличного пространства, комбинирующий рабочие и жилые среды, становился центральным принципом организации [8, р. 4]: все бытовые нужды можно было удовлетворить в шаговой доступности. В этой традиционности парадигмы внезапно сближаются, но на этом сходство заканчивается: не предполагается никакой сетчатой структуры города; дальше риторики восточное понимание традиционности не заходит — никакой поддержки коммунальности и сообщества нет. Так что этот пример не столько говорит о влиянии бруталистских концепций, сколько указывает на антимодернистские настроения [6, р. 79].

Жилищное строительство было очень важно для обоих Берлинов и в основном нашло свою форму выражения в создании отдельных микрорайонов и районов-субтопий, например, Меркишес Фиртель (рис. 2:2, 3) в Западном Берлине. В плане очевидны влияние Интербау и идей Вальтера Гропиуса: вдоль и поперечно к центральной улице стоят внушительные корпуса ярко окрашенных домов; за ее пределами они расположены в свободно, перемежаясь зелеными насаждениями. Инфраструктура стянута на главную ось района, там же уделено внимание отделению людей и машин путем пешеходных мостов. Но сама архитектура домов редко предлагает что-то кроме сочетаний отдельных параллелепипедов.

Хотя Гропиус в своих теоретических трудах также обращается к «органическому подходу» и «созданию коммунальности» [2, с. 152], его понятия базируются на том, что есть «старое» общество и «новое», индустриальное, потерявшее свою «общинность», испортившееся — и необходимо создать условия для формирования новой общинности в новом обществе. Смитсонами же постулируется единство континуума способов человеческой коммуникации — их нужно сохранить, и поэтому надо создать «...сцену для практики старинных

общественных отношений» [6, p. 80]. Таким образом, интенции обращения к традиционности различны при общей схожести риторики.

В процессе того же конкурса на «Hauptstadt», выработалась идея другого проекта — создания «Kulturforum» (рис. 2:3,4), который должен был быть современнее, демократичнее и лучше, чем что-либо из старых культурных центров Восточного Берлина. План состоял в создании группы построек: филармонии и библиотеки, нескольких музеев и др. Здания разбросаны на очень обширной площади, пересекаемой дорогами; эти пространства тут всегда кажутся пустыми и как бы не предполагающими присутствия. Культурфорум демонстрирует подход «Афинской Хартии» к зонированию города: абстрактная функция «культуры» сосредотачивается в одном месте, так что в итоге оно становится своеобразным «монументом» этой культуре; люди же оказываются необязательными, что в принципе подавляет замах на демократичность и поддержание коммуникации [3, с. 8].

Эта картина интересно коррелирует с начатой позже реновацией Александепрлатц (рис. 2:6) в Восточном Берлине. Очищенные от старых домов, автомобильного и транспортного движения пространства площади формально кажутся родственными пустоте Культурфорума. Однако, «подавление» происходит не за счет «отсутствия», а наоборот, путем максимальной массовизации. Площадь, во-первых, совершенно официально была предназначена для демонстраций; во-вторых, она мультифункциональна сама по себе: это точка, к которой (исторически) стягиваются транспортные узлы Берлина, здесь расположились главные магазины, крупные общественные организации и «городские ориентиры»; в итоге пространство было обжито и оживленно. В одной стороны, такого рода функционирования городского пространства и добивались Смитсоны, но с другой, это пример полностью разрушенной коммунальности и воплощение анонимности. Перестройка стала успешной скорее из-за исторического расположения площади и инфраструктуры; архитектурное наполнение же вовсе не коррелирует с бруталистской эстетикой.

Таким образом, бруталистская «этическая» градостроительная теория мало затронула Берлин, несмотря на предпосылку в виде локализованного для этого города, проекта плана «Hauptstadt». Очевидно, он носил слишком утопический характер, в то время как

реальность требовала решения насущных проблем. Основная линия развития придерживалась либо уже опробованных модернистских концепций и вела их дальше, либо была без возможности глубоко исследовать новые тенденции. В некоторых положениях, предлагаемые этими линиями методы могли пересекаться с положениями бруталистов, но эти пересечения носят довольно поверхностный характер.

Список литературы

1. Бэннем Рейнер Новый брутализм. Этика или эстетика? [Пер. с англ.] / [Предисл. В. Глазычева]. М: Стройиздат, 1973. 199 с.
2. Гропиус В. Круг тотальной архитектуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 208 с.
3. Хазерли Оуэн На площади. В поисках общественных пространств постсоветского города / [Пер. с англ. Д. Симановского]. Strelka Press, 2012. 90 с.
4. Colquhoun A. Modern architecture // Oxford history of art. Oxford University Press, 2002. 287 p.
5. Curtis W. J. R. Modern architecture since 1900. Oxford: Phaidon Press, 1982. 420 p.
6. Highmore B. The art of brutalism. Rescuing Hope from Catastrophe in 1950s Britain. Yale, 2017. 304 p.
7. Highmore B. Streets in the Air // Neo-avant-garde and Postmodern: Postwar Architecture in Britain and Beyond (Studies in British Art 21) / ed. by Clare Zimmerman and Mark Crinson. New Haven; London: Yale University Press, 2010. P. 79 – 100.
8. Howell-Ardila Deborah Berlin's Search for a "Democratic" Architecture: Post-World War II and Post-unification // German Politics & Society. 1998. Vol. 16. № 3 (48). P. 62–85.
9. Smithson A., Smithson P. The New Brutalism / Architectural Design. 1957. № 27. P. 113 // OCTOBER. 2010. № 136. P. 37.

Приложения

Рис. 1:

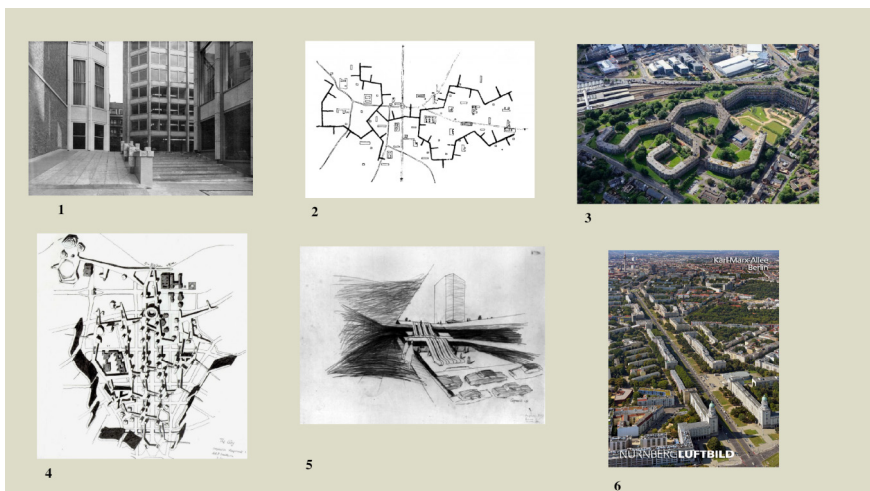
1. А. Смитсон, П. Смитсон, The Economist Building, 1959–1964 гг. ©ajbuildingslibrary.co.uk/ Фото: Toomey Arphot.

2. А. Смитсон, П. Смитсон. Проект Голден Лейн, 1952 г. ©relational-thought.wordpress.com.

3. Пример системы комплекса Голден Лейн: Дж. Линн, А. Смит. Комплекс Парк Хилл, Шеффилд, 1957–61 гг. © www.urbansplash.co.uk.

4, 5. А. Смитсон, П. Смитсон. План «Hauptstadt», 1957 г. ©archivesdelimaginaire.epfl.ch.

6. Сталиналлее (Stalinallee/ Karl-Marks Allee), 1951–64 гг. © NÜRNBERGLUFTBILD/ Фото: Hajo Dietz.

Рис. 2:

1. Interbau 1957: Газафиртель. Вальтер Гропиус, Ле Корбюзье, Оскар Нимейер, Альвар Аальто и др. Берлин, 1970-е гг. ©Landesarchiv Berlin, F. Rep. 290 Nr 0083467/ Фото: Karl-Heinz Schubert.

2, 3. Вернер Дюттманн, Георг Хайнрихс и др. Меркишес Фиртель (Maerkisches Viertel/MV), с 1963 г. © euroluftbild.de/ Фото: Robert Grahn; © GESOBAU AG / Фото: Thomas Bruns.

4, 5. Ганс Шарун и др. Культурфорум (Kulturforum), 1960–1990 гг. © Wikimapia.org / Фото: crystjan; ©Staatliche Museen zu Berlin.

6. Швайцер, Чешнер, Шульц. Александрплатц. 1964–1989 гг. © ddrbil-darchiv.de/ Фото: Heinz Schönfeld.

Жирнова Анна Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Калиновский Владимир Витальевич, канд. ист. наук, доц.

**К вопросу о вкладе Лермонтовского музея при Николаевском
кавалерийском училище в становление
научного лермонтоведения**

**To the question of the contribution of the Lermontov Museum
at the Nikolaevsky Cavalry School in the formation of scientific
Lermontov studies**

***Аннотация.** Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище – уникальный пример мемориального литературного музея в российской музейной практике второй половины XIX в. Созданный по образцу первого в России литературного Царскосельского Пушкинского музея Лермонтовский музей стал не только вторым литературным музеем в России, но и первым «лермонтоведческим» научно-исследовательским центром, сконцентрировавшим большую часть лермонтовских материалов. Автор предлагает рассматривать деятельность музея как значительный этап в становлении научного лермонтоведения.*

***Ключевые слова:** Лермонтовский музей; Николаевское кавалерийское училище; лермонтоведение; литературный музей.*

***Abstract.** The Lermontov Museum at the Nikolaevsky Cavalry School is a unique example of a memorial literary museum in the Russian museum practice of the second half of the XIX century. The Lermontov Museum, modeled on the first literary museum in Russia, the Tsarskoe Selo Pushkin Museum, became not only the second literary museum in Russia, but also the first Lermontov studies research center, which concentrated most of Lermontov's materials. The author suggests to consider the activity of the museum as a significant stage in the development of scientific Lermontov studies.*

***Key words:** Lermontov Museum; the Nikolayevsky Cavalry School; Lermontov studies; literary museum.*

Институт Русской литературы РАН хранит крупнейшее собрание лермонтовских материалов. Основу собрания составляют коллекции Лермонтовского музея, открытого при Николаевском кавалерий-

ском училище (НКУ) в 1883 г. и просуществовавшего до 1917 г., когда по решению новой его фонды были переданы в Пушкинский Дом. История Лермонтовского музея берёт своё начало в 1880 г., когда по инициативе начальника НКУ барона А. А. Бильдерлинга началась масштабная работа по формированию собрания будущего музея. Идея открытия Лермонтовского музея была полностью поддержана представителями литературной общественности. Они видели в будущем Лермонтовском музее не только место увековечивания памяти поэта, но и центр зарождавшегося «лермонтоведения». Об этом свидетельствует важнейшее направление работы музея, особенно активно проводившееся в первые годы его существования – сбор печатных материалов как отечественных, так зарубежных изданий, относящихся к М. Ю. Лермонтову.

Активное участие в создании Лермонтовского музея принял М. С. Семевский. В лице редактора «Русской старины» училище встретило соратника, оказавшего всестороннюю поддержку в создании Лермонтовского музея. М. С. Семевский практически сразу превратил «Русскую старину» в «своеобразную публичную трибуну музея» [1, с. 62]. Кроме того, М. И. Семевский оказывал содействие пополнению собрания музея новыми материалами. Так, в 1883 г. он передал в музей несколько оттисков статей из «Русской старины», относящихся к М. Ю. Лермонтову [9, л. 113–114].

Немаловажный вклад в создание Лермонтовского музея сделал П. А. Висковатов — автор первой научной биографии М. Ю. Лермонтова. Ведя активную переписку с А. А. Бильдерлингом, профессор Дерптского университета сообщал ценные сведения о местонахождении тех или иных предметов, имеющих отношение к М. Ю. Лермонтову. К примеру, профессор рассказал о нахождении у С. Н. Трубецкого именной пороховницы М. Ю. Лермонтова [9, л. 83–84]. Кроме того, П. А. Висковатов лично передал в музей множество изданий сочинений поэта, перевод 18 стихотворений [9, л. 83–84]. Анализируя значение Лермонтовского музея для развития лермонтоведения, необходимо привести слова П. А. Висковатова к его фундаментальному труду «Сочинения М. Ю. Лермонтова»: «Сильно был облегчен труд мой богатствами, собранными в Лермонтовском музее. Здесь собрано все, что вышло в печати, касающееся Лермонтова» [8, с. VI].

Ценнейшие рукописи были переданы Лермонтовскому музею А. А. Краевским, издателем «Отечественных записок», где при жизни публиковался М. Ю. Лермонтов (в общей сложности пятнадцать тетрадей поэта [1, с. 67]). Вклад А. А. Краевского положил начало формированию богатого рукописного отдела Лермонтовского музея. Развитию научно-исследовательской деятельности Лермонтовского музея способствовали и другие известные ученые того времени. П. А. Ефремов передал уникальные издания в рукописный фонд музея [9, л. 112]. Б. Н. Чичерин пожертвовал музею несколько тетрадей рукописей с юношескими произведениями М. Ю. Лермонтова [9, л. 135].

О приоритете научно-исследовательской деятельности музея в первые годы его существования свидетельствует постоянное пополнение музея зарубежными и отечественными изданиями, относящимся к М. Ю. Лермонтову. Для этой цели А. А. Бильдерлинг стал сотрудничать с книжным магазином М. О. Вольфа, который исполнил для музея крупный заказ иностранных изданий и переводов произведений М. Ю. Лермонтова [9, л. 38]. Примечательно, что музей активно пополнял собрание не только изданиями произведений М. Ю. Лермонтова, но и актуальной исследовательской литературой о жизни и творчестве поэта. По этому вопросу А. А. Бильдерлинг советовался с Н. К. Богушевским — археологом и коллекционером, человеком, всесторонне образованным [10, л. 1–2].

К открытию Лермонтовского музея руководство НКУ выпустило каталог [6, с. 82], отражающий состав коллекции музея на 1883 г. Данный документ позволяет оценить масштаб значения печатного собрания для Лермонтовского музея. В общей сложности 4 отдела каталога посвящены печатным изданиям на лермонтовскую тематику.

Анализируя основной источник по истории формирования собрания музея после 1883 г. — «Дело Николаевского кавалерийского училища о составлении Лермонтовского музея (1884 – 1889)» [10], можно прийти к выводу, что руководство Лермонтовского музея задалось целью создать при Лермонтовском музее по аналогии с Пушкинской библиотекой тематическую библиотеку, где были бы сосредоточены уникальные рукописи и печатные издания, относящиеся к М. Ю. Лермонтову.

Немаловажная роль в формировании обширной Лермонтовской библиотеки принадлежала Н. Н. Буковскому — библиотекарю НКУ. Будучи исследователем жизни и творчества поэта, Н. Н. Буковский осознавал необходимость сбора не только лермонтовских реликвий, но и разнообразной тематической литературы, связанной с поэтом. Личное собрание Н. Н. Буковского составило весомую часть Лермонтовской библиотеки. Оно включало как прижизненные издания произведений поэта, так и лермонтоведческие исследования [7, с. 20].

Благодаря деятельности музея лермонтоведам стал доступен огромный массив, не исследованных ранее и не введенных в научных оборот рукописей и автографов поэта. На основе материалов Лермонтовского музея стала активно проводиться научно-исследовательская работа. Так, в журнале «Исторический вестник» вскоре после открытия Лермонтовского музея была опубликована статья Ф. И. Булгакова [5, с. 566–574].

Возможность открытого доступа к лермонтовским рукописям в музее позволила исследователям впервые опубликовать ряд произведений поэта. В 1889 г. в журнале «Северный вестник» вышла статья И. М. Болдакова «Неизданные стихотворения М. Ю. Лермонтова из 20-й тетради Лермонтовского музея» [4, с. 1–9]. И. М. Болдаков указал на принципиальную важность печатного и рукописного отделов Лермонтовского музея для проведения научных изысканий на лермонтовскую тематику.

В то же время исследователи, занимавшиеся изучением творческого наследия М. Ю. Лермонтова, старались систематически описать рукописное собрание Лермонтовского музея. Д. И. Абрамович в вышедшем «Полном собрании сочинений М. Ю. Лермонтова» [2, с. 246] подробно структурировал и описал все имеющиеся рукописи М. Ю. Лермонтова. Оказалось, что практически всё основное рукописное наследие поэта к началу XX в. было сконцентрировано в Лермонтовском музее.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что Лермонтовский музей изначально создавался не просто как мемориальный ведомственный музей. Поддержка литературной общественности в создании музея, последующая активная научно-исследовательская работа, проводившаяся на основе вновь

открытых материалов, сконцентрированных в Лермонтовском музее, а также масштабная собирательская деятельность, вышедшая за пределы Петербурга, свидетельствуют о том, что первоначально основатель музея А. А. Бильдерлинг и его соратники видели в будущем музее крупнейший лермонтоведческий центр, сосредоточивший в себе все существующие лермонтовские материалы. Однако со смертью А. А. Бильдерлинга и началом Первой мировой войны мемориальная и воспитательная функции Лермонтовского музея усилились, тогда как научно-исследовательская деятельность прекратилась.

Список литературы

1. Агамалян Л. Г. Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище. Из истории собрания // Наше наследие. 2014. № 111. С. 62 – 69.
2. Абрамович Д. И. М. Ю. Лермонтов // Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. СПб, 1913. Т. 5. 246 с.
3. Бильдерлинг А. А. Лермонтовский музей в Петербурге в Николаевском кавалерийском училище // Русская старина. 1881. № 3. С. 709 – 713.
4. Болдаков И. М. Неизданные стихотворения М. Ю. Лермонтова из 20-й тетради Лермонтовского музея // Северный вестник. 1889. № 1. С. 1 – 9.
5. Булгаков Ф. И. Лермонтов и цензура: (По материалам Лермонтовского музея) // Исторический вестник. 1884. № 3. С. 566 – 574.
6. Лермонтовский музей при Николаевском кавалерийском училище: [каталог] / сост. А. А. Бильдерлинг. СПб., 1883. 82 с.
7. Печатное собрание Лермонтовского музея при Николаевском кавалерийском училище в фонде библиотеки Пушкинского Дома: каталог / сост. Н. С. Беляев. СПб, 2011. 122 с.
8. Сочинения М. Ю. Лермонтова: [в 6 т.] / Под ред. П. А. Висковатова. М., 1889–1891. С. VI.
9. РО ИРЛИ РАН. Ф. 524. Оп. 4. № 32. Дело Николаевского кавалерийского училища о составлении Лермонтовского музея (1880–1883).
10. РО ИРЛИ РАН. Ф. 524. Оп. 4. № 33. Дело Николаевского кавалерийского училища о составлении Лермонтовского музея (1884–1889).

Кондрашова Елизавета Сергеевна
Санкт–Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Бутягин Александр Михайлович, асс.

Заведующие Феодосийского музея древностей в 1811–1920 гг.

Heads of the Feodosia Museum of Antiquities is 1811–1920

***Аннотация.** Феодосийский музей древностей первый и старейший музей Крымского полуострова. На протяжении 209 лет существования музеем заведовало более 20 человек разнообразных профессий. В статье будет рассмотрен вклад в формирование и развитие музея заведующих императорского времени, и переломного момента истории России (1917–1920 гг.).*

***Ключевые слова:** музей; феодосийский музей древностей; заведующий феодосийского музея древностей.*

***Abstract.** The Feodosia Museum of Antiquities is the first and oldest museum of the Crimea peninsula. Over the 209 years of its existence, the museum was managed by more than 20 people of various professions. The article will consider the contribution to the formation and development of the museum of the heads of the imperial time, and the turning point in the history of Russia (1917–1920).*

***Key words:** museum; the Feodosia Museum of Antiquities; head of the Feodosia Museum of Antiquities.*

Первый музей Крыма — Феодосийский музей древностей (ФМД), учреждённый Александром I по проекту градоначальник С. М. Броневского¹ открылся 13 (25) мая 1811 г. Под музей была выделена мечеть на одной из площадей города, под надзором городского карантина, где разместились предметы купца Джеварджи и местных жителей, выкупленные за 1000 руб. Мечеть не сохранилась до наших дней.

---

¹ Проект музея был отправлен градоначальником С. М. Броневским с целью просветить городское население в начале 1810 г., а приказ императором Александром I был подписан 8 (10) ноября того же года.

Первым заведующим музея в 1811 г. стал городской глава и негоциант¹ **Ангелий Варфоломеевич Галлера** (конец XVIII в. – 1820–30-е гг.), выделивший из бюджета города на покупку предметов 100 руб. Он проводил раскопки пополняя музейную коллекцию [7, с. 26–28]. В бумагах князя А. Н. Оленина сохранилась первая опись предметов, составленная, вероятно, в 1813–15 гг. и опубликованная В. В. Латышевым в записках Одесского общества истории и древностей (ООИД) в 1889 г. В 1818 г. его сменил врач **Жан Батист Эспри Граперон** (1774–1848 гг.), по совместительству также являвшийся и начальником городского карантина [7, с. 30]. И. И. Граперон² постоянно находился в разъездах, фактически всеми музейными делами в тот период управлял уже ушедший в отставку А. В. Галлера. В 1848 г. при попытке ограбления экипажа И. И. Граперон был убит [7, с. 30]. Его место занял надворный советник и член карантина **Иван Михайлович Казанли (Коцанли)** (?–1849 гг.). Вероятно, он был вторым заместителем И. И. Граперона, поскольку после известия о смерти последнего, ключи от музея обнаружили именно у него. Но, в том же году в июле–августе И. М. Казанли скоропостижно умирает [7, с. 33].

Значительную роль в формировании музея сыграл историк-археолог **Евгений (Эжен) Францевич де Вильнёв** (1803–1865/1879 гг.) [7, с. 34]. Е. Ф. де Вильнёв вначале был отправлен на службу в Одесский карантин, а в 1848 г. переведён в Феодосию. Занимаясь археологическими раскопками и изучая историю, он помогал музею, и поэтому, после смерти И. М. Казанли предложил свою кандидатуру на пост заведующего. 5 августа 1849 г. приказом таврического губернатора В. И. Пестеля [9, т. XIV, с. 549; т. LVI, с. 672; т. LXV, с. 667; т. LXXVII, с. 159] был назначен на должность. В мае 1851 г. Е. Ф. де Вильнёв добился перевода ФМД под патронаж ООИД, что помогло значительному приращению коллекции. В 1852 г. получил звание член-корреспондента ООИД. 17 октября 1864 г. покидает пост заведующего.

---

¹ Негоциант – оптовый купец.

² Коллеги называли его Иван Иванович.

Руководство музеем принимает губернский секретарь и учитель **Дмитрий Иванович Писаревский** [8, с. 180]. 24 октября 1864 г. становится член-корреспондентом ООИД, а в период январь 1865 – ноябрь 1866 гг. руководит музеем. Он пополнил коллекцию 200 греческими монетами [2, с. 481], и 28 копиями библиотечных книг. В январе 1867 г. ООИД предлагает место коллежскому асессору **Николаю Аполлоновичу Чекалёву** (?–1868 гг.) [8, с. 181]. Новый заведующий проводит опись предметов в начале года, тогда же он становится член-корреспондентом ООИД. А также начинает сбор денег на ремонт здания музея, но в марте 1868 г. внезапно умирает.

Место заведующего получает **Илья Степанович Безкровный**, одесский мировой судья. В 1850-х гг. И. С. Безкровный переезжает в Феодосию вместе с Н. Н. Мурзакевичем¹, для проведения «разведок» в окрестностях города, и работы в музее на общественных началах. 26 марта 1868 г. И. С. Безкровный официально вступает в должность. В связи с переделкой экспозиции в 1869 г. он печатает в типографии армянской семинарии структурированный указатель по музею, проводит реставрацию, размещает предметы в специальные ящики [3, с. 318].

В 1870 г. заведующим становится **Степан Иванович Веребрюсов** (1819–1884 гг.), уроженец Феодосии. На общественных началах работал в музее и реставрировал культурное наследие. В 1850-е художник И. К. Айвазовский решает построить на горе Митридат часовню в честь героя войны 1812 г. генерала П. С. Котляревского, и разместить во второй её части музей. В 1871 г. музейное собрание было перевезено, и заняло всё здание, поскольку останки генерала П. С. Котляревского так и не были привезены [3, с. 321–322]. В 1874 г. выпущен новый указатель по музею, который дополнился аннотациями к каждому разделу, и новым отделением «Разные предметы». 18 апреля 1878 г. он сдал свои дела **Ретовскому Отто Фердинандовичу** (1849–1925) [6, с. 164–169]. За время заведывания музеем О. Ф. Ретовский издал в 1891 г. новый указатель по музею, в 1896 г. в XIX томе Записки ООИД появилась его

---

¹ Николай Никифорович Мурзакевич (1806–1883 гг.) — секретарь Одесского общества истории и древностей с 1839 г. и вице-президент с 1875 г. по 1883 г.

статья о генуэзских надписях из фонда музея, выступал на собраниях таврической учёной археографической комиссии (ТУАК) с темами, посвящёнными генуэзско-татарской нумизматике. В 1900 г. он уехал в Санкт-Петербург.

Одним из последних дореволюционных деятелей был **Людвик Петрович Колли** (1849–1917 гг.). В 1900 г. он получает письмо из ООИД, с предложением вступить на должность заведующего музеем. С начала заведывания музеем, 21 марта 1901 г. Л. П. Колли присвоено звание члена ТУАК, а 23 октября 1904 г. члена-корреспондента ООИД. К 1912 г. он составляет указатель коллекций, также он проводит работу над законом против «хищнических» раскопок [5, с. 105], надзирает за реставрацией стен, старых зданий и мечетей и планирует ремонт здания музея. 14 ноября 1905 г. Л. П. Колли проводит исследование морского дна, в месте, указанном инженером А. Л. Бертъе-Делагардом в 1892 г. Из воды были извлечены 15 больших амфор и обнаружены вбитые в дно сосновые сваи греческого времени [1, с. 126–127]. Из-за обстрела Феодосии турецким крейсером «Хамидие» во время Первой мировой войны, коллекции были эвакуированы в Севастополь, откуда вернулись лишь в 1918 г.

Л. П. Колли умер 10 января 1918 г. [4, с. 27–32]. Один из некрологов был опубликован в издании ТУАК его учеником **Вениамином Давыдовичем Гейманом** (1887(?)–1970(?) гг.), который занял его место на посту заведующего. Он принял предметы из эвакуации и вёл научную работу. В 1920 г. он вынужден был уехать в Нью-Йорк, где работал в редакции газеты «Новое русское слово». В 2012 г. электронный журнал опубликовал статью «Корреспондент Крымский» от 24 января 1925 г. Среди прочего в ней говорится о крымском периоде жизни В. Д. Геймана [10].

Революция в начале XX в. изменившая жизнь страны, изменила саму идею существования музея. Теперь она была направлена на формирование нового общества. Требования к изменению идеологии привели к формированию нового типа коллекций, изменений в научной работе, экспозиции, истории музея и даже его названии.

Список литературы

1. Иванов Е., Коронелли Дж. Корреспондент Крымский – Память: русские в Америке. Памяти В. Д. Геймана посвящается и 100-летней годовщине его дружбы с В.В. Коронелли. 2012 г. [Электронный ресурс] URL: <https://proza.ru/2012/03/11/140> (дата обращения: 17.10.2020).
2. Колли Л. П. Следы древней культуры на дне морском. Современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников// ИТУАК. 1909. № 43 / под ред. правителя дел Арсения Маркевича. С. 126–127.
3. Летопись Общества с 14 ноября 1862 по 14 ноября 1866 г. // ЗООИД. 1867. Т. 6. С. 481.
4. Мурзакевич Н. Н. Поездки в Феодосию, Судак и Керчь // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 318.
5. Петрова Э. Б. Античная Феодосия: История и культура. Симферополь: СОНАТ, 2000. 261 с.
6. Петрова Э. Б. Памяти Л. П. Колли // Культура народов Причерноморья, 2002. № 33. С. 105 – 111.
7. Петрова Э. Б. Феодосийский музей и Одесское общество истории и древностей: Два юбилея // Культура народов Причерноморья. 2000. № 15. С. 164 – 169.
8. Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры. Библиографический словарь. Отв. ред. Е.И. Жарков. Киев: Болеро, 2011. С. 26–56.
9. Тункина И. В. Открытие Феодосии: Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей. 1771–1871 гг. Киев: Болеро, 2011. С. 97–188.
10. Формулярный список // Русская Старина. 1875. Т. XIV. С. 549; 1887. Т. LVI. С. 672; 1890. Т. LXV. С. 667; 1893. Т. LXXVII. С. 159.

Михайлова Арина Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Королькова Людмила Валентиновна, канд. ист. наук, ст. преподаватель

Архитектурные памятники Новгорода в деятельности Новгородского общества любителей древности

Architectural Monuments of Novgorod in the Activities of the Novgorod Society of Antiquity Lovers

***Аннотация.** В данной статье на основе неопубликованных архивных материалов рассматриваются основные направления работы Новгородского общества любителей древности (НОЛД) конца XIX – начала XX в. по сохранению и изучению архитектурных памятников Новгорода и окрестностей. Деятельность Общества разделяется на два этапа, каждому из которых дана краткая характеристика.*

***Ключевые слова:** Новгород; архитектура; сохранение; реставрация.*

***Abstract.** This article is about the main directions of work of the Novgorod Society of Antiquity Lovers at the end of the 19th – early XX century for the preservation of architectural monuments of Novgorod region. The Society's activities are divided into two stages, each of which is given a brief description.*

***Key words:** Novgorod; architecture; conservation; restoration.*

Новгородская архитектура — бесценный памятник древнерусского искусства. Церкви и соборы, оборонительные сооружения привлекали и продолжают привлекать исследователей. Однако впервые проблема сохранения памятников средневековой архитектуры Новгорода была выведена на научный этап местной интеллигенцией в конце XIX в., когда было создано Новгородское общество любителей древности (НОЛД).

НОЛД было создано в 1894 г. по инициативе ученого-краеведа, археолога В. С. Передольского. Целью Общества было «изучение памятников старины в Новгородской губернии, наблюдение за их сохранностью и содействие правительственным учреждениям в охранении их» [4, с. 5].

В первые годы НОЛД не вело активной работы по изучению и сохранению новгородской архитектуры, а занималось выработкой

Устава, направлений своей будущей деятельностью. В 1897 г. общество прекратило свое существование, но смогло вновь начать свою деятельность, уже более активную, в 1908 г. [2, с. 498]. Деятельность НОЛД после 1908 г. мы разделили хронологически на 2 этапа: 1908–1915 и 1916–1928 гг.

Основным направлением работы НОЛД по сохранению архитектуры в 1908–1915 гг. была совещательная (на общих собраниях), наблюдательная (за ходом тех или иных работ) деятельность и общение с органами церковной и светской власти. На заседаниях НОЛД поднимались вопросы по текущим ремонтным работам в храмах. Так летом 1908 г. обсуждалась некачественная реставрация церкви Успения на Торгу, в итоге НОЛД ходатайствовало перед новгородским архиепископом, чтобы Обществу сообщалось о предстоящих ремонтных работах в церквях и об обнаружении фресковой живописи, после чего в Общество поступала необходимая информация.

На протяжении всего описываемого временного промежутка НОЛД занималось 3 крупными проектами по сохранению архитектурного наследия Новгорода — стены Кремля, церковь Федора Стратилата, Курицкая церковь. В связи с тем, что НОЛД не имело возможности финансировать проекты, оно добивалось от городского и земского самоуправления, церковных властей субсидий на реставрацию, или в крайних случаях организовывало сборы пожертвований. НОЛД не имело собственных реставраторов, поэтому приглашало столичных специалистов. Члены Общества совместно с техническим надзором принимали участие в местных комиссиях по наблюдению за ремонтными работами. То есть НОЛД занималось организаторской и наблюдательной деятельностью, являлось промежуточной инстанцией между государственными структурами (ИАК, духовная консистория) и реставраторами.

Еще один вид работы НОЛД по сохранению памятников зодчества в первый этап – их изучение и популяризация. Члены Общества готовили доклады об истории сооружений, их архитектурных особенностях, состоянии памятников. Тексты некоторых докладов, например, Л. А. Мацулевича «Храмы Детинца», издавались в Сборниках НОЛД. Члены Общества проводили экскурсии

к церкви Николая на Липне и Спас-Нередице, была открыта школа гидов.

Второй этап деятельности НОЛД по сохранению памятников зодчества (1916–1928 гг.) пришелся на сложное время. На работе Общества не могли не отразиться события революции и гражданской войны, экономические трудности. Однако, несмотря на сокращение количества заседаний, потери связи с некоторыми членами и организациями, деятельность Общества по сохранению архитектурного наследия продолжалась.

Одним из наиболее известных проектов, которым занималось с 1916 г. НОЛД, было спасение уникальных памятников древности — церкви Спас-Нередицы и Рюрикова городища от возможного разрушения в связи со строительством железной дороги с южной стороны Новгорода [5, с. 6]. На каждом заседании члены обменивались мнениями по данному поводу, предлагали варианты укрепления архитектурных памятников, изменения маршрута ж/д линии. Общество смогло привлечь внимание местной и столичной общественности к возможному искажению исторического ландшафта города, утрате древних памятников. Члены НОЛД обращались в государственные учреждения, археологические общества. Несколько лет длились споры по данному вопросу, в итоге проект был заморожен [3, с. 353–362].

НОЛД продолжало свою работу по начатым еще в 1908–1915 гг. проектам — охране стен Кремля, реставрации церкви Федора Стратилата. Общество вновь ходатайствовало об ассигновании средств, проводило осмотры памятников, производило фотофиксацию и привлекало реставраторов к работам. Однако после революции все реставрационные работы перешли в ведение центральных институтов (Петроградский реставрационный отдел, ГАИМК). У Общества были претензии к работам организаций, но, несмотря на требования членов, НОЛД допускали только к обсуждениям итогов уже проведенных работ. НОЛД продолжало свою деятельность, изучая памятники и читая доклады на заседаниях, например, коллективные доклады к 800-летию Юрьева монастыря.

С 1925 г. вновь активизировалась экскурсионная деятельность Общества, НОЛД создал из своих членов комиссию, которая стала отвечать за руководство экскурсиями для приезжающих групп студентов, учителей, представителей государственных институтов. В

то же время издательская деятельность НОЛД после революции ввиду финансовой нестабильности почти не велась.

В конце 1920-х гг. в СССР начались гонения на краеведческие организации, затронули они и Новгород, в 1829 г. НОЛД было распущено [1, с. 137–138].

Итак, НОЛД, существовавшее с 1894 г., начало активную работу по изучению и сохранению архитектуры Новгорода в 1908 г. В первый этап (1908–1915 гг.) деятельность НОЛД представляла собой совещания членов, решение через государственные структуры вопросов ремонта и реставрации сооружений, просветительскую и издательскую работу. Второй этап (1916–1928 гг.) можно охарактеризовать как менее активный. Общество проводило наблюдательную и совещательную деятельность по проектам, начатым до 1915 г. После революции НОЛД перестало иметь большое влияние на ремонтные работы в Новгороде и стремилось следовать цели сохранения памятников уже только посредством исследовательской и экскурсионной работы. На протяжении всего существования НОЛД привлекало местное население к изучению памятников зодчества и пытались координировать на местном уровне все проекты, наносящие вред архитектуре города.

Список литературы

1. Коваленко Г. М., Маркина Г. К. Следственное дело №76 // НОЛД и краеведческие традиции. Новгород, 1994. С. 137 – 138.

2. Маркина Г. К. Организации Новгорода, занимавшиеся краеведческой деятельностью в дореволюционный период // Новгородский исторический сборник. СПб, 2003. Вып. 9 (19). С. 494 – 506.

3. Маркина Г. К. Строительство железнодорожной магистрали Петроград-Царское Село-Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // Новгородский исторический сборник. СПб, 2000. Вып. 8 (18). С. 331 – 362.

4. Сборник НОЛД. Новгород, 1911. Вып. 4. 206 с.

5. Тимон Н. Г. Деятельность НОЛД по охране памятников культуры и старины // Чело. Великий Новгород, 2007. Вып. 2 (39). С. 3 – 10.

6. Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника (ОПИ НГОМЗ). Ф. 6. Ед.хр. 19 – 45.

Мичурин Федор Дмитриевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Калиновский Владимир Витальевич, канд. ист. наук, доц.

Екатерингофский дворец — история и вопрос восстановления

Catherinhof palace — history and problem of recreation

Аннотация. В статье проводится анализ истории и архитектуры Екатерингофского дворца в Санкт-Петербурге. Дворец являлся уникальным памятником культуры и музеем Петровской эпохи. Были проанализированы основные исторические этапы данного памятника и его культурные и особенности. Кроме того, предложена идея о воссоздании дворца.

Ключевые слова: Архитектура Санкт-Петербурга; дворец; архитектура XVIII в; Петр I; реконструкция.

Abstract. In this article, analysis of history and architecture of Catherinhof palace in Saint-Petersburg is carried out. Palace was exclusive Monument of culture and museum of Peter the I period. Moreover, idea of recreation of palace is supposed.

Key words: architecture of Saint Petersburg; palace; architecture XVIII c.; Peter I; recreation.

В 2021 г. Екатерингофскому парку исполняется 310 лет, но почти все исторические постройки был уничтожены, в том числе и Екатерингофский дворец — уникальный памятник Петровского времени. Тема актуальная, поскольку идеи о его воссоздании существуют и поныне, также вопрос воссоздания дворца привлечет интерес и к состоянию парка Екатерингоф.

Дворец располагался у устья реки Невы, где в мае 1703 г. произошло сражение, которое закончилось победой русских [6, с. 104]. В 1711 г. Петр I издал приказ о создании дворца для его жены — Екатерины I в этом месте, поэтому дворец и получает свое имя — Екатерингоф («Двор Екатерины») [8, с. 16–17].

Есть предположения, что первое здание дворца — это собранный заново первый Летний дворец Петра I, который был разобран для создания каменного дворца, находящегося поныне

в Летнем саду. Это, в частности, подтверждается распоряжением Петра I о переносе деревянного дворца Петра I «на новое место близ Калинкина...» [11, с. 200]. Для укрепления фундамента дворца на болотистой почве были использованы деревянные сваи. Уже в документах 1712 г. упоминается, что дворец был построен. Первое здание выглядело как дом голландского образца, пёстро раскрашенный, с золочеными оконными рамами. Дворец был одной из царских резиденций петровской эпохи. После смерти Петра I дворец обветшал, но при Анне Иоанновне дворец был переделан по проекту М. Г. Земцова и Х. Ван Болеса в 1731 г. Через несколько лет здание вновь было перестроено по повелению Елизаветы Петровны. Тогда строение было дополнено двумя флигелями с северной и южной сторон, окна были увеличены, улучшили кровлю и террасу [11, с. 200–202].

Позже, Екатерингофский парк из-за расширения города стал местом народных гуляний, что изменило судьбу дворца. 4 августа 1804 г. дворец был передан «от главноначальствующего смотрителя садов» Гоф-интендантской конторы губернского секретаря Сопегина титулярному советнику Ивану Разнотовскому, который был послан от «Комитета об уравниении Градских повинностей». В 1820-е гг. дворец становится музеем. В 1824 г. был проведен ремонт под руководством архитектора М. А. Овсянникова [12, с. 197]. Стены были очищены от старых наслоений, крыша стала железной [11, с. 204]. Но в XX в. район стал криминогенным, поэтому в 1907 г. П. К. Бенкендорф обратился в придворное ведомство с целью защитить произведения искусства из дворца. Специальная комиссия распределила немало экспонатов в разные музеи и учреждения, в том числе Эрмитаж и Музей Александра III [1, с. 203–204]. Часть экспонатов осталась в закрытом дворце. В. Я. Курбатов писал в статье «К вопросу о сохранении старины» в журнале «Зодчий» отмечал, что необходимо сохранить данное строение (наряду с такими постройками как Летний Дворец Петра I и Домиком Петра I) как часть прошлого [7, с. 126].

В 1909–1910 гг. по случаю III съезда российских психиатров в Петербурге была организована во дворце естественнонаучная выставка «Охранения душевного здоровья», посвященная проблемам ментальных болезней и их лечению. Выставка стала популярной, что позволило выдвинуть идею о создании музея. М. В. Бехтерев подал

заявление в министерство Императорского двора на создание музея в стенах дворца, но проект вызвал споры, в результате чего дворец вновь запустел [11, с. 204–206]. В это время в запустении находился не только дворец, но и сам парк [9, с. 97].

После 1917 г. здание использовалось в качестве резиденции молодежного клуба Союза Рабочей молодёжи, однако позже дворец опустел. В 1922 г. дворец по распоряжению Главнауки был отдан обществу «Старый Петербург». Здание уже тогда требовало реставрации [6, с. 54]. 5 июня 1923 г. произошел первый пожар, повредивший центральный зал, крышу и часть фасада. Тогда Реставрационной Мастерской было поручено восстановить дворец к концу года, чего не было сделано. Также постройка стала местом для бездомных, которые использовали камины для разогрева (возможная причина пожаров) [6, с. 54]. Дворец упоминался в путеводителе по Ленинграду за 1924 г. [10, с. 48]. Менялись владельцы у здания, однако это не способствовало его сохранению. 27 октября 1925 г. из-за халатности сторожа дворец вновь горел, а третий пожар 8 декабря 1926 г. стал самым разрушительным [1, с. 207].

Было несколько вариантов восстановления, но Главнаука не выделила никаких средств для этого. К 7 июля 1926 г. дворец был разобран [1, с. 207–208]. Стоит рассмотреть и сам дворец.

Двухэтажный деревянный дворец был построен в стиле Петровского барокко. Стены были украшены пилястрами, а крыша — балюстрадой [5]. Дворец стоял на террасе, внизу которого располагался гаванец (искусственная гавань) [1, с. 126], подчёркивавшего происхождение петровской эпохи. Экспозиция была развёрнута в 23 комнатах по ансамблевому методу (рис. 1:3).

Рассказ стоит начать со спальни Петра I на первом этаже, в которой хранились его личные вещи. Например, сосновая кровать царя, голландская картина с изображением морского пейзажа, два компаса и несколько зеркал в богато оформленных рамах, висевших на стенах помещения, а в стеклянном шкафу хранились парадный кафтан Петра I и лосиный колет [1, с. 126]. Зал Совета или Большой Приемный зал выполнял функцию танцевального и обеденного залов. Данное помещение было обрамлено при Елизавете Петровне, стены были отделаны китайской пунцовой материей с изображением быта китайцев. На одной из сторон данного помещения распола-

галась голландская изразцовая печь 1751 г. Здесь экспонировались уникальные образцы мебели, в том числе большой стол с овальной складной столешницей, изготовленный архангельскими мастерами по английским технологиям. Украшали стены произведения голландской живописи, а в качестве источника искусственного освещения выступала бронзовая французская люстра [1, с. 127–128]. В Каминном зале Петр I принимал рапорты от офицеров из Кронштадта, а после его смерти в этой комнате спала Екатерина I [1, с. 129]. В нём находился уникальный ветровой прибор, соединённый с флюгером механическим путём [2, с. 162].

На втором этаже был размещён Китайский кабинет, где большая часть предметов были подарками Петру I от капитана Лейб-Гвардии Л. В. Измайлова, который привёз многие предметы китайского искусства в Россию в 1719 г. [1, с. 134]. Также располагалась на втором этаже библиотека, в которой были книги и документы Петровской эпохи, в том числе и «Книга Марсова». Угловой кабинет хранил важнейшие артефакты Петровского времени в том числе и резной портрет Петра I в обрамлении военных атрибутов, созданный в 1709 г. резчиком Ч. Кингом [1, с. 137–139].

В числе экспонатов также можно упомянуть икону Владимирской Божьей Матери, и английские механические часы с органом, живописный портрет А. Д. Меншикова. Всего во дворце по описям находилось 108 предметов [4, с. 1–10].

Но история на этом не заканчивается. В 2003 г. были проведены археологические исследования Санкт-Петербургской археологической экспедицией и ЛГУ г. Пушкин [6, с. 70]. Планировалось воссоздание дворца, и был залит новый фундамент (исторический фундамент был законсервирован и скрыт в цокольном этаже дворца), но на этом работы приостановились [3, с. 11].

Тем не менее, необходимо восстановить дворец как важный памятник архитектуры Петербурга. В дальнейшем дворец можно будет использовать в качестве археологического музея данного дворца.

Таким образом, Екатерингофский дворец является важнейшим памятником петербургской истории и архитектуры. Несмотря на историческую ценность, дворец не удалось сохранить. Археологические раскопки во многом открыли дворец заново и дали

возможность на воссоздание памятника. Воссозданный дворец не только станет музеем, но поможет частично преобразоваться и парку вокруг дворца.

Список литературы

1. Баторевич Н. И. Екатерингоф. История дворцово-паркового ансамбля. СПб: Искусство-СПб, 2006. 269 с.

2. Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб: БЛИЦ, 1997. 492 с.

3. Глезеров С. Раскопать праПетербургу // Санкт-Петербургские Ведомости. 2018. № 92 (6201). 25 мая. С. 8 – 11.

4. Григорович Д. В. Екатерингофский дворец: Опись предметам, имеющим преимущественно худож. значение. СПб., 1894. 10 с.

5. Екатерингофский дворец построен Петром I в 1711 г. Palais de Catharinénhof [Открытка]. Товарищество Голике и Вильборг, 1903.

6. Кормильцева О. М., Сорокин П. Е., Кишук А. А. Екатерингоф. СПб., 2004. 126 с.

7. Курбатов В. К вопросу о сохранении старины // Зодчий. 1910. № 41. 10 окт. С. 401 – 405.

8. Первушина Е. В. Императорские и великокняжеские дворцы Петербурга. Архитектура. Интерьеры. Владельцы. СПб: Паритет, 2018. 365 с.

9. Пыляев М. И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 2013. 480 с.

10. Рубен С. В. Путеводитель по Ленинграду. Л., 1924. 64 с.

11. Сорокин П. Е. Екатерингофский дворец — мемориальный памятник Петровской эпохи // Петровское время в лицах – 2004: материалы научной конференции. СПб. 2004. С. 200 – 208.

12. Ходанович В. И. Екатерингоф. От императорской резиденции до рабочих окраин. М.: Центрполиграф, 2013. 701 с.

Приложения

Рис. 1. Екатерингофский дворец и его экспозиция.

Никишина Мария Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Амосова Алиса Анатольевна, канд. ист. наук, доц.

Историко-культурный феномен частного коллекционирования в СССР (1945 – 1991 гг.)

The historical and cultural phenomenon of private collecting in the USSR (1945 – 1991)

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию историко-культурного феномена советского частного коллекционирования. В источниковую базу входят профильные периодические издания и исследования частных коллекционеров, посвященные собственным собраниям. Рассматривается важность изучения феномена частного коллекционирования как части культурной политики СССР.*

***Ключевые слова:** частное коллекционирование; советские частные коллекции; советское коллекционирование; феномен культуры.*

***Abstract.** The article is devoted to the study of the historical and cultural phenomenon of Soviet private collecting. The source base includes specialized periodicals and studies of private collectors dedicated to their own collections. The importance of studying the phenomenon of private collecting as part of the cultural policy of the USSR is considered.*

***Key words:** private collecting; Soviet private collections; Soviet collecting; culture phenomenon.*

В послевоенный период характер частного коллекционирования изменился. Популярность приобрели массовые виды коллекционирования, доступные большинству советских граждан. Данная тенденция обусловлена общественным запросом на доступные виды досуга, преимущественно в городской среде [7].

О четком противопоставлении довоенным формам собирательства можно судить по периодическим печатным изданиям коллекционеров. Из частной сферы жизни довоенного времени коллекционирование перешло в государственную, с присущей ей идеологической базой. Кружки собирателей стали официальными клубами по интересам и были включены в государственную систему

народного просвещения. При этом общий акцент собирательства был перемещен с антиквариата на общедоступные предметы: марки, открытки, спичечные коробки.

Перемены в характере коллекционирования также проявлялись в обособлении отдельных направлений собирательства. Первым послевоенным объединением собирателей стало Московское городское общество коллекционеров (МГОК). Его учреждение было приурочено к проведению VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г. Ядро общества составляли филателисты, организовывавшие Московскую филателистическую выставку. Председателем общества стал филателист Л. Л. Лепешинский.

Через 6 лет после учреждения у МГОКа появился собственный журнал «Советский коллекционер». В первом выпуске издания о секции филателистов говорится как об определяющей «лицо» столичного общества коллекционеров [5, с. 8]. В 1966 г. секция была преобразована во Всесоюзное общество филателистов (ВОФ). Изданием, посвященным деятельности общества, стала «Филателия СССР». Главным отличием двух изданий стала периодичность выхода номеров. Материалы МГОКа выходили раз в год, филателисты выпускали ежемесячные выпуски.

Филателия, как самая большая секция МГОКа, находилась в фокусе внимания общества. Помимо дискуссий на разнообразные филателистические темы, членам общества приходилось рассуждать об общем положении частных собирателей в стране. Одной из задач общества была популяризация коллекционирования как вида активного культурного отдыха широких масс [4, с. 188].

Распространению филателии способствовала относительная доступность предметов коллекционирования. Одним из поднаправлений филателии была филокартия. Популярностью пользовались открытки из курортных мест и художественные открытки, посвященные праздникам. Их собирание не всегда приобретало статус коллекции, часто велось бессистемно из сентиментальных соображений. Филокартистом мирового масштаба стал советский популяризатор открыток Н. С. Тагрин. Его коллекция создавалась с 1922 по 1981 гг. и насчитывала более 690 тыс. экземпляров [6].

Другим массовым видом собирательства была филумелия — коллекционирование спичечных этикеток. Она также входила в состав ВОФ в качестве самостоятельной секции. Филумелия, как и другие массовые виды собирательства, не требовала больших затрат [2, с. 15].

Для приобретения предметов старины или нового искусства было необходимо обладать не только деньгами, но и социальным статусом [8, с. 104]. К личностям собирателей было привлечено внимание сотрудников спецслужб, а сделки нередко проходили «на квартирах» среди знакомых.

В связи с общей проблемой коллекционирования послевоенного времени в периодике часто затрагивались следующие направления деятельности: основание Всесоюзного общества коллекционеров, создание исследовательских центров и налаживание международных отношений. Однако планы по созданию Всесоюзного общества коллекционеров не были реализованы.

Другой проблемой, часто встречающейся на страницах тематических изданий, было недостаточное количество научных исследований по теории и практике коллекционирования. Немногочисленные издания становились дефицитными в условиях растущего числа коллекционеров. Так, некоторые пособия распространялись исключительно в машинописных перепечатках или, в лучшем случае, в ксерокопиях вплоть до начала 1990-х гг.

В соответствии с политическими реалиями второй половины XX в., художественные галереи СССР не работали с «другим искусством» — произведениями нонконформистов. В этих условиях художники нередко ориентировались на коллекционеров. Большое распространение получили квартирные выставки [3, с. 96]. Роль вдохновителя коллекционеров авангардного искусства сыграл Георгий Костаки. Основное внимание уделялось поощрению новых талантов и формированию аудитории. Коллекционеры были коммуникативным звеном, соединявшим публику и художников. Сделки по продаже искусства осуществлялись в кругу знакомых или проверенных лиц.

Одной из основных проблем отечественных библиофилов был тот факт, что с конца 1930-х до конца 1980-х гг. книжные аукционы в СССР практически не проводились. Выходов из этой ситуации

было немного. В поиске желанных книг можно было отслеживать неофициальные «барахолки»¹ и «развалы»². Их ассортимент всегда был непредсказуем и найти что-то действительно ценное было трудно. Другой путь — обращение на «черный рынок»³. Этот вариант расширения собрания был не самым комфортным и безопасным, но основные риски несли продавцы.

Необходимо отметить крепкую связь института частного коллекционирования и государственной внешней и внутренней политики. Частное коллекционирование как феномен культурной жизни было нужно СССР, в том числе для выстраивания международных отношений.

Советские филателисты были представлены на Первой Всемирной выставке почтовых марок «Прага 1962». Отмечается, что проведенная выставка была масштабней предыдущих. Лучшей среди советских представителей была признана экспозиция московского филателиста С. М. Блехмана [1].

Судьба большинства крупных частных коллекций была во многом предрешена. Система культурной политики была направлена на концентрацию ценных собраний и их перевод из частной сферы в государственную. Единого механизма национализации, тем не менее, не существовало.

Во второй половине 1970-х и первой половине 1980-х гг. был принят ряд изменений, ужесточающих закон о валютных операциях в СССР. Эти документы открыли путь для новых репрессий в отношении нумизматов. Последовали новые уголовные дела и конфискация коллекций.

Давая общую характеристику историко-культурному феномену частного коллекционирования второй половины XX в., я хочу уделить внимание нескольким факторам.

Во-первых, существовало заметное неравенство между большими столичными обществами и маленькими группами собирателей. Иерархия, выстраиваемая государственными органами, использовала эти социальные институты в качестве адептов

---

¹ Периодические или постоянные рынки купли-продажи старых вещей.

² Чаще спонтанное место торговли старыми вещами, обычно расположенными на земле.

³ Социальный институт теневого сектора экономики.

культурной политики СССР. Одним из самых распространенных инструментов этого влияния выступали печатные периодические издания.

Во-вторых, в пропагандистской деятельности акцент ставился на научность и объективность представляемых фактов. Существование частных коллекций в общественной модели СССР объяснялось просветительской направленностью и стремлением к иным формам активного отдыха всех граждан.

В рамках статьи мне удалось затронуть лишь знаковые события частного коллекционирования 1945–1991 гг. Проработав публичную сторону феномена, я хотела бы в дальнейшей работе уделить большее внимание архивным документам. Тема может быть проработана со стороны менее массовых, но показательных собраний, событий и персоналий. Отдельный интерес представляют личные коллекции высших государственных и культурных деятелей, судьбы этих собраний после распада СССР.

Список литературы

1. Бернард К. Прага 1962. Форум филателистов Земного шара // Советский коллекционер. 1962. № 1. С. 42 – 48.

2. Богданов В. М. Спичечные этикетки и их коллекционирование. М.: Связь, 1970. 56 с.

3. Джанян Л. Н. Коллекционирование как форма коммуникации (коллекционеры и нонконформисты 1960-1970-х годов) // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kolleksionirovanie-kak-forma-kommunikatsii-kolleksionery-i-nonkonformisty-1960-1970-h-godov> (дата обращения: 04.11.2020).

4. Измайлова М. И. Культурологические аспекты современного российского собирательства и коллекционирования // Царскосельские чтения. 2011. № 15. С. 188 – 191.

5. Лепешинский Л. Л. Активно участвовать в коммунистическом воспитании трудящихся! // Советский коллекционер. 1963. № 1. С. 7 – 13.

6. Тагрин Н. С. Мир в открытке. М.: Изобразительное искусство, 1978. 126 с.

7. Фирсов Б. М. Ленинградские коллекционеры как культурно-исторический феномен // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2009/2/leningradskie-kollekczionery-kak-kulturno-istoricheskij-fenomen.html> (дата обращения: 04.11.2020).

8. Шпаковская Л. Л. Социологический подход к антиквариату // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 101 – 107.

Уварова Анжелика Владимовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Веселов Федор Никитович, канд. ист. наук, доц.

Теоретические основы формирования коллекции военной формы одежды в музеях военно-исторического профиля

Theoretical foundations of forming a collection of military uniforms in museums of military-historical profile

***Аннотация.** Роль музея в социуме — одна из самых дискуссионных тем в музейной науке, порождающая за собой ряд вопросов, связанных с осмыслением сущности музея в современном мире и его основных функций. В статье приведены определения терминов «музей» и «музейный предмет». Также подробно рассмотрены особенности формирования коллекций военно-исторических музеев. Особое внимание в статье уделено роли коллекции военной формы одежды и ее изучению.*

***Ключевые слова:** военно-исторические музеи; музейная коллекция; коллекция военной формы одежды; формирование музейной коллекции.*

***Abstract.** The role of the Museum in society is one of the most controversial topics in museology, which raises a number of questions related to understanding the essence of the Museum in the modern world and its main functions. The article provides definitions of the terms “Museum” and “Museum object”. The features of forming collections of military-historical museums are also considered in detail. The role of the collection of military uniforms and its study are the most attentive points in this article.*

***Key words:** military-historical museums; museum collection; a collection of military uniforms; formation of the museum collection.*

Одной из самых дискуссионных тем в музейной науке уже больше полувека является осознание роли музея в социуме. Споры о том, какие функции должен выполнять современный музей, появились в период между двумя мировыми войнами в XX в. и не утихают до сих пор. Во многом решению актуальных проблем музеологии, как и в любой другой науке, помогает определение ее основных понятий. Однако в связи с молодостью данной науки, ее основной терминологический аппарат еще находится в становлении.

Следовательно, ряд терминов, в том числе и основных, не имеют общепринятой трактовки.

Музей и общество всегда находились в тесной связи. Данная институция — средство выражения тенденций эпохи, в которую она существует. Не случайно российский музеолог З. А. Бонами отмечала, что философия музея основана на «познании и созидании мира, но также и личном самосовершенствовании» [2, с. 5]. Музеи из «храмов искусств», превратились в «демократическое, инклюзивное и полифоническое пространство для критического диалога о прошлом и будущем <...> Музеи... осуществляют свою деятельность в партнерстве с различными сообществами и работают для этих сообществ, чтобы собирать, сохранять, изучать, интерпретировать, артикулировать и выставлять для обозрения различные способы понимания нашего мира» [6], — такое определение музея было разработано на 139 сессии ИКОМ, проходившей в январе 2019 г. в Париже, но музейным сообществом оно не было принято.

Понятие «музейный предмет» осмысливалось на протяжении всего XX в. Изначально данный термин понимался как предмет, хранящийся и выставляющийся в музее. Одно из первых научных определений было дано в учебнике «Основы советского музееведения», где музейный предмет трактовался следующим образом: «памятник материальной и духовной культуры, непосредственный свидетель общественных отношений, событий и явлений» [3, с. 35]. На данный момент единственно верного определения музейного предмета все также не существует. Однако мы можем ориентироваться на определение, приведённое в Российской музейной энциклопедии, согласно которому музейный предмет — «одно из центральных понятий музееведения, служащее для обозначения предметных результатов человеческой деятельности или движимых памятников естественной истории, ставших объектами познавательного и ценностного отношения и включённых в состав собрания музейного» [5, с. 405]. Музейный предмет интересен для науки в связи с проблемами его хранения и презентации, как источник знаний и средство эстетического и эмоционального воздействия. Он обладает не только социальной значимостью, но и определенной музейной ценностью, которая складывается из научной, исторической, мемориальной, художественной ценности. Его особенности раскрываются в

зависимости от его функциональной роли в контексте музейной деятельности.

Военно-исторические музеи в России появились одними из первых в результате деятельности Петра I, направленной на модернизацию и европеизацию всех сфер жизни общества [1, с. 18]. В это время формируются первые цейхгаузы и модель-камеры — протомузейные формы военно-исторических музеев. Главной причиной их основания было желание Петра I увековечить военную мощь России, в условиях Северной войны, «закрепить» достигнутые в ней успехи. Созданные комплексы стали местами воспитания любви к отечеству, гордости за него. Подобное назначение военно-исторических музеев мы можем наблюдать и в наше время.

В советское время военно-исторические музеи развивались по особому пути. Длительное время в них не проводилась никакая-либо исследовательская работа, приоритет отдавался экспозиционной и выставочной деятельности [4, с. 136]. В то время военно-исторические музеи были подведомственны военному министерству, для которого их содержание было второстепенной задачей. На данный момент вопрос финансирования военно-исторических музеев исчерпан. Такие музеи, как правило, существуют за счет министерств, к которым они принадлежат, а также за счет внебюджетных средств.

При формировании коллекций перед военно-историческими музеями возникает ряд вопросов, не отличающихся от тех, что возникают при отборе предметов в музеях других профилей. Во-первых, встает вопрос о соответствии поступивших в музей предметов его профилю и основной концепции. Во-вторых, необходимо понять, какие из них можно представить публике. Здесь особое внимание уделяется их семантике, способности вызывать у посетителя определенные эмоции. В-третьих, это вопрос хранения данных предметов в связи с их габаритами (например, военная техника), материалом и т. п.

В немuseumной среде предметы, становящиеся частью коллекции военно-исторических музеев, играют отличную роль, т. к., как правило, создаются для участия в сражениях, с целью победы над соперником. В контексте экспозиции же они отражают историю и развитие различных войск или армии страны в целом. Такие предметы могут реконструировать конкретное сражение или событие,

связанное с военной историей, в музейной экспозиции. Кроме того, война — это способ развития общества: большинство достижений науки создавались для военных целей, чтобы доказать преимущество одной страны над другими. Тут уже функции предмета в музее и вне его стен становятся в какой-то мере схожими.

Коллекции военной формы одежды в военно-исторических музеях — важная и неотъемлемая их часть. Исследование всемирной и отечественной истории было бы бессмысленным без изучения войн, которые велись всегда. Именно войны являлись мощным двигателем человеческого прогресса и привели к появлению предметов, используемых и в гражданской жизни. Ведение боевых сражений породило потребность полководцев в различии «своих» и «чужих», что привело к появлению военной униформы. С течением времени мундир не мог не изменяться. Менялись представления о красоте, условия профессиональной деятельности, появлялись новые рода войск, отмирали старые. Общественные нравы и стереотипы тоже не могли не повлиять на внешний вид мундира. Таким образом, военная униформа в контексте экспозиции военно-исторического музея — это неотъемлемый элемент показа, т. к. без неё невозможно полное отражение всех нюансов истории существования войск и общества в целом.

В российских музеях экспонирование предметов коллекции военной формы одежды — это также отражение культурного кода страны. Россия во все времена была милитаризованным государством, но единую линию эволюции отечественного мундира проследить невозможно. Причина этому кроется в том, что его носили люди не только военной профессии, но также чиновники и так называемые придворные и свитские чины. Отдельно униформологи выделяют горные чины, которые в свою очередь также имели статус военных, но в «Табеле о рангах» рассматривались как отдельный вид, имели собственный устав и форму. Все это также влияет на формирование коллекции военной формы в музее.

Изучение экспонирования коллекции военной формы одежды и особенностей ее хранения — не самая трудная задача для исследователей. Намного сложнее проследить историю ее формирования и дальнейшего бытования. Это связано с тем, что осознание роли мундира в военной истории началось относительно

недавно. До этого времени коллекции военной формы одежды выступали в качестве вспомогательных музейных предметов, за исключением мемориальных предметов военного костюма. Поэтому к их хранению и учёту музейные работники зачастую подходили не вполне серьезно. При изучении архивных документов, связанных с историей бытования коллекций военной формы одежды, возникают пробелы, восполнить которые практически невозможно. Так, например, происходила переквалификация военно-исторических музеев в военно-технические с утилизацией экспонатов, ненужных для осуществления новой политики. К тому же при утилизации предметов из музея совместно уничтожались акты приема и передачи этих предметов. Этот момент усложняет изучение коллекций того периода. Лишь с приходом в музеи 1960-х–1970-х гг. историков ситуация изменилась. Таким образом, мы видим, что изучение коллекций военной формы одежды является актуальным направлением в исследованиях, связанных с военно-историческими музеями.

Список литературы

1. Барков А. В. Военные музеи в контексте культурной модернизации России XVIII–XIX веков // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. № 1 (32). С. 17–30.
2. Бонами З. А. Как читать и понимать музей. Философия музея. М., 2018. 216 с.
3. Галкина П. И. Основы советского музееведения. М., 1955. 375 с.
4. Мусаева У. К. Деятельность музеев военно-исторического профиля // Крымский архив. 2016. №4 (23). С. 135–145.
5. Российская музейная энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 2001. 416 с.
6. Creating a new museum definition — the backbone of ICOM. URL: <https://icom.museum/en/resources/standards-guidelines/museum-definition/> (дата обращения: 04.11.2020).

Целикова Александра Маратовна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Бирюкова Марина Валерьевна, д-р культурологии, доц.

Проблемы презентации объектов уличного искусства в музейных пространствах

Problems connecting with presentations of street art objects in museum spaces

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема экспонирования стрит-арт объектов в музейных пространствах. Несмотря на долгое развитие и изучения уличного искусства, до сих пор нет одного идеального варианта выставки уличного искусства. Между тем, многие художники из стрит-арт сообщества отрицают возможность экспонирования стрит-арт работ вне уличного пространства. Яркими рассматриваемыми примерами демонстрации такой позиции является выставка Бэнкси в Бристольском музее и проект «Уличный музей искусства» в Англии.

Ключевые слова: уличное искусство; музеи стрит-арта; выставки; Бэнкси.

Abstract. This article examines the problem of exposing street art objects in museum spaces. Despite the long development and study of street art, there is still no one ideal option for a street art exhibition. Meanwhile, many artists from the street art community deny the possibility of exhibiting street art work outside the street space. The Banksy's exhibition at the Bristol Museum and project «The Street Museum of Art» in England are notable examples of this attitude under consideration.

Key words: street art; street art museums; exhibitions; Banksy.

Уличное искусство — это молодое и развивающееся направление, изучать которое стали совсем недавно, в начале 90-х годов XX в. [4]. Тем не менее, уже сейчас оно ставит перед исследователями множество комплексных вопросов. Одним из самых насущных, который затрагивает как теорию, так и практику, раскрывает проблему показа объектов уличного искусства для широкой публики. Как правило, она связана с тем, что по

определению и даже по названию объекты стрит-арта, которые сейчас приравниваются к произведениям уличного искусства, не могут находиться в закрытых пространствах [3, с. 12–13]. Тем не менее, исходя из каталогов как музеев классического и современного искусства, так и возникших не так давно профильных музеев уличного искусства, можно увидеть, что стрит-арт все равно экспонируется. Пусть это даже временные выставки, но сами муралы или граффити постепенно покидают городскую среду.

Большая тема, которая касается работы не только художников уличного искусства, но и кураторов художественных выставок, исследователей стрит-арта и искусствоведов, вызывает множество дискуссий. Актуальность заключается в том, что за время существования культуры уличного искусства было проведено множество попыток экспонирования объектов уличного искусства, но, тем не менее, обобщающей работы, которая была бы посвящена анализу подобных выставок, не было. Каждая из выставок, содержащая работы направления уличного искусства, сопровождалась рядом проблем, которые были либо характерны, либо, наоборот, нетипичны для выставочных пространств, пробовавших организовывать показ объектов уличного искусства. В стрит-арт сообществе до сегодняшнего времени так и не сформировался единый образ того, как может выглядеть наиболее удачный способ презентации объектов уличного искусства.

Для большинства исследователей стрит-арта появление выставок произведений уличного искусства в закрытых пространствах не является чем-то неправильным, наоборот, это даже способствует развитию уличного искусства в целом. Тем не менее, такой взгляд не является единственным: некоторые стрит-арт художники настроены против того, чтобы их работы находились вне уличного пространства. В связи с этим мы можем видеть порой необычные и отчасти радикальные проекты, как, например, «Banksy vs Bristol Museum» или «Уличный музей искусства» в Англии [6]. В первом случае речь идет о выставке-провокации, созданной британским художником Бэнкси как часть его «музейных интервенций». Эта серия работ, доказывающая всему стрит-арт сообществу, что место уличного искусства может быть только на открытом уличном пространстве. Любые попытки перенесения

работы с его естественной уличной среды в закрытое место превращают его просто в произведение актуального искусства. Чтобы доказать это, художник договорился в 2009 г. с Бристольским музеем в Англии об организации своей персональной выставки [7]. Бэнкси не отходил от своего классического стиля и оформил пространство музея так, чтобы место отдаленно напомнило улицу. Славу ему принесли яркие злободневные работы писал на стенах английских домов. Поэтому инсталляции и большие муралы дополняли экспонаты, представленные на постоянной экспозиции Бристольского музея. «Изобразительные работы были размещены среди исторической коллекции Старых Мастеров и других произведений искусства. Главный вход был преобразован в скульптурный зал, сопровождаемый сгоревшим фургоном с мороженым». Художник высмеивает идею помещения уличного искусство в пустое пространство музея. Его мысль проста: «Стена по сей день остается лучшим местом для размещения художественных работ» [7, р. 8]. Для него это ещё и вызов против власти. Однако сам Бэнкси и его творчество, тем не менее, еще больше привлекли внимание общественности к проблеме стрит-арта. Теперь власти Великобритании заботятся о работах, которые Бэнкси пишет на улицах города, приравнивая их, таким образом, к произведениям искусства. После выставки, проведенной художником, по всему миру точно стали возникать подобные экспозиции в музеях и целые закрытые пространства, посвященные стрит-арту. Такие музеи также стали вызывать недовольство со стороны многих уличных художников, так как на их взгляд эта ситуация представляется парадоксальной. Уличное искусство в таком случае перестает быть именно «уличным», оно перемещается на коммерческие площадки, перестает быть уникальным направлением в широком спектре современного искусства. Поэтому можно сделать вывод, что своей цели художник достиг лишь наполовину.

Другим проектом, выступающим за стрит-арт вне музейных стен, является «Уличный музей искусства», возникшем в 2012 г. также в Англии [8]. Сейчас проект поддерживает большое количество художников. Работа создателей проекта заключается в том, чтобы нелегально размещать стрит-арт на территории одного района, при этом как можно точно имитируя модель размещения

таких работ в современных музеях. На многих работах есть, например, этикетки с указанием названия работы, никнейма или крЮ в качестве создателей, года и техники. «В таком случае, вопрос должен заключаться не в том, как можно изменить или тиражировать по своей сути публичное художественное движение, чтобы вписаться в рамки музея, а скорее в том, как можно пересмотреть нынешнюю модель музеев современного искусства, чтобы соответствовать энергии уличного искусства? Выставки планируются путем размещения дидактических этикеток по всей городской среде, имитируя те, которые можно найти в традиционных музеях», — говорится в манифесте проекта [8]. Тем не менее, по ряду причин, такой проект привлекает художников, но поддерживает не их, а скорее идею уличного искусства вне музея.

Главные проблемы, которые вынуждают уличное искусство покидать территорию города и постепенно переходить в более закрытые пространства, такие как музеи и галереи, касаются статуса художника. Уличное искусство до сих пор не является легализованным во многих странах [9, р. 10–15]. Анонимность художников часто объясняется не столько желанием дополнительной популярности за счет некой тайны, загадочности, а просто соображениями безопасности. В России самой распространённой угрозой для стрит-арт художников являются ст. 214 УК РФ «Вандализм» [5]. И хотя уже давно прошли времена, когда теги были индикаторами криминальной группировки на территории, а сами художники не думали о статусе объекта, на котором они писали работы, до сих пор подобная нелегальность работы пугает многих. Кроме того, отсутствие возможности монетизации своего искусства, заработка и освещения на широкую публику — также явные причины перенесения объектов стрит-арта в те места, где точно можно показать работу заинтересованному зрителю. Муралы и граффити в музее не сотрут, а вот на улице они исчезают часто и быстро [10].

Аналогами уличной среды или компромиссом в ситуации, когда художник хочет продолжать работать в направлении стрит-арта, но не беспокоится за свою работу, стали музеи уличного искусства. Они располагаются в США, Нидерландах, Франции, Германии, но являются скорее галереями. Статуса «государственного» музея нет ни у одного из них, все это частные музейные выставочные пространства.

При этом уже давно по всему миру существуют государственные музеи современного искусства. В России также есть один из самых известных подобных музеев — Музей уличного искусства в Санкт-Петербурге [2]. Каждый год он проводит крупные летние выставки, на которых участвуют известные стрит-арт художники России и Европы. Музей располагается на территории завода, но это действительно помогает сохранить работы от закрашивания жилищно-коммунальными службами или вандалами. Кроме того, все чаще альтернативой музею становятся арт-пространства, магазины и отели, владельцы которых рассматривают стрит-арт как часть современного дизайна [1, с. 65–69].

Таким образом, подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что наиболее удобным вариантом сохранения работ художников уличного искусства является музей уличного искусства. Помещение работ на выставку отдаляет произведение от самого направления уличного искусства, а радикальная борьба с перемещением стрит-арт работ в музей раскрывает многие острые проблемы, с которыми художники боятся — вандализм, отсутствие монетизации, профильного зрителя. Однако на данный момент единого идеального варианта музея или выставки уличного искусства, которые получают также поддержку от государства, не существует.

Список литературы

1. Евдокимова Е. А., Янковская Ю. С. Феномен граффити: генезис, перспективы, влияние на современное искусство и архитектуру // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2013. № 4. С. 65 – 69.
2. Музей стрит-арта в Санкт-Петербурге. Манифест с официального сайта проекта. URL: <http://www.streetmuseumofart.org/about> (дата обращения: 10.04.2020).
3. Поносов И. Искусство и город: Граффити, уличное искусство, активизм. М., 2016.
4. Тылик А. Ю. Партизаны без леса: очерки по истории и теории уличного искусства. СПб: Эстезис, 2018.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 24. Ст. 214.
6. Banksy. Pictures of Walls. London, 2005.

7. Banksy. Wall and Piece. London: Random House UK, 2007.
8. The Street Museum of Art. Манифест с официального сайта проекта.
URL: <http://www.streetmuseumofart.org/about> (дата обращения: 02.05.2020).
9. Stephens S. Fun with Vandalism: The Illegal Street Art of Shepard Fairey and Banksy // College of Design, Architecture, Art, and Planning. 2006. P. 10 – 15.
10. Walclawek A. Graffiti and Street Art. London, 2011.

VI. ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЫ

Лапшина Лариса Ивановна

Московский педагогический государственный университет

Научный руководитель:

Носова Екатерина Сергеевна, канд. ист. наук, доц.

Роль музыкального образования в жизни Иоанна Дамаскина

The role of musical education in the life of John Damascene

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению роли музыкального образования в жизни святого Иоанна Дамаскина. Иоанну приписывается создание осмогласия и фитной нотации. В различных версиях жития указание на песнопения и каноны, составленные Иоанном Дамаскином, демонстрируют уровень образованности святого. Подчеркивается значимость не только литературного, но и музыкально-теоретического аспекта его гимнографического наследия.*

Ключевые слова: *Иоанн Дамаскин; образование; гимнография; гармоника.*

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the role of music education in the life of St. John of Damascus. According to the life, Damascene created Octoechos. The indication in various versions of the life of the canons compiled by Damascene as a marker of his education emphasizes not only the significance of the literary, but also the musical-theoretical aspect of his hymnographic heritage.*

Key words: *John Damascene; education; hymnography; music theory.*

Исключительная роль музыкального образования в эстетическом воспитании была осознана человечеством с древности. Музыка входила в состав античного квадривиума наряду с арифметикой, геометрией и астрономией. По византийской системе образования изучение гармонии было обязательным атрибутом просвещённого человека. Одним из таких атрибутов просвещённого человека было духовное пение.

Духовное пение имеет особую чувственно-психологическую функцию. Иоанн Златоуст (ок. 347 – 407 гг.) проповедовал о благотворном влиянии пения псалмов и молитв на христианина

и побуждал к обучению детей пению. Он же указывал, что именно «согласное пение и стройно составленная божественная песнь» возвышает душу (Ioannis Chrysostomi «Expositio in Psalmum XLI» PG. Vol. 55 coll. 156-157, пер. А. П. Лопухина) [9, с. 151]. Таким образом, суггестивное воздействие возможно только при математически точном сочетании звуков в партитуре богослужебного пения.

Иоанн Дамаскин (ок. 675 – ок. 753/780 гг.) широко известен как христианский святой, автор богословских произведений и гимнограф. О его жизни нет достаточного количества достоверных сведений. Есть лишь житие в арабской и греческой вариации XI в. [8, с. VII–VIII], которое включает в себе сведение о получении святым образования, включающего в себя освоение дисциплин семи свободных искусств.

По житию учителем святого являлся инок Косма-калабриец (Biographie de Saut Joan Damascene. Publ. C. Vacha. p. 12, пер. А. А. Васильева — далее BSJD) [8, с. 10]. Получение образования в Византии в середине VI – середине IX вв. всецело зависело от наличия преподавателя-энциклопедиста, найти которого было непростой задачей даже для богатой семьи Иоанна (его отец, согласно греческому житию, был «распорядителем общественных дел в стране» (Vita S. Joannis Damasceni. PG. Vol. 94 coll. 440, пер. В. А. Беляева — далее VSJD) [8, с. 26], по арабской версии — «правитель всей области и собиратель с нее денег» (BSJD, p. 12) [8, с. 10]). Появление Космы в Дамаске — чудесное для отца Иоанна происшествие. Образованный монах попал в плен разбойников, напавших на одно из иностранных судов (BSJD, p. 13) [8, с. 11].

Учитель Косма обладал полным высшим византийским образованием. Сами знания учителя, возможно, были основаны на известных эллинистических и позднеантичных трактатах. Изучение теории музыки как арифметической дисциплины базировалась на работе Теона из Смирны (I – II в. н.э.) «Математика». Важнейшие учебники по теории музыки: «Гармоника» Клавдия Птолемея (II в. н.э.), дающая целостное представление о теории гармонии и ладовом учении; «Введение в гармонию» Клеонида Аристоксенита (ок. III в.), где наука представлена как к теоретическому, так и в практическом аспекте; трактат «О музыке» Аристида Квинтилиана (III – IV вв. н.э.), в котором большая роль отводится ритмической теории и вопросам музыкального воспитания. Таким образом, мы можем предположить,

что в процессе обучения Иоанн освоил математический и этический аспект науки о музыке.

Стоит отметить особенности описания музыкального образования в двух версиях жития. Арабское житие менее пространно и скромнее изображает музыкальную составляющую биографии святого. Перечисляя список освоенных Иоанном дисциплин, автор не упоминает музыки, но указывает, что он освоил полный цикл греческих наук (BSJD, p. 15) [8, с. 10]. Автор все же делает акцент на написанных Иоанном Дамаскином песнопениях, канонах и сочинениях, с целью демонстрации уровня знаний святого. Автор арабского жития уверен, что современные ему служебные песнопения создал Иоанн Дамаскин (BSJD, p. 11) [8, с. 10].

В греческой версии жития, изобилующей аналогиями и отсылками к Писанию и наставляющей целевую аудиторию именно XI в., уже намного больше внимания уделяется музыкальному образованию святого и воспитывавшегося с ним Космы Маюмского. Здесь отмечается, что «в музыкальном искусстве они достигли такого совершенства, какое сведущие люди находят в созданных ими божественных песнопениях» (VSJD, XI) [8, с. 29].

Фрагмент легенды о гневе старца на Иоанна за сочинение тропарей и исполнение их в арабской (BSJD, p. 22) и греческой (VSJD, XXVII) версиях жития подчеркивает мнение авторов о судьбоносности музыки в жизни святого [8, с. 18, 38]. Во сне старца Богоматерь порицает его за наказание Иоанна и сообщает, что «Он возьмет также пророческую кифару и псалтырь Давида и воспет новые песни, песни Господу <...> Он будет подражать херувимским песням и всех дочерей Иерусалима сделает своими девами тимпанницами, воспевающими новую песнь Богу, которая возвестит смерть Христа и воскресение» (VSJD, XXXI) [8, с. 40].

Автором упоминаются музыкальные инструменты — тимпан, кифара, а также хоровое исполнение. Последние также упоминаются в трактате «Агиополит» (Hagiopolites, 96). Во вступлении трактата второй половины XII в. указывается, что авторами его являются Иоанн Дамаскин и Косма Маюмский [11, с. 253]. Но использованная в трактате средневизантийская нотация делает невозможным авторство гимнографов VIII в. Скорее всего, как утверждает

Й. Раасстед, речь идет о гимнах Иоанна и Космы, приложением к теории которых является трактат [10, р. 9].

Такую же проблему имеет и трактат «Τοῦ ὁσίου π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ ἐρωταλοκρίσεις τῆς παλαδικῆς τέχνης» («Вопросы и ответы по пападическому искусству святейшего отца нашего Иоанна Дамаскина»). Е. В. Герцман предполагает, что в основе трактата лежит первоначальное сочинение Дамаскина или кого-то из его окружения, а с появлением новых разновидностей нотации в него вносились новые параграфы, заменяющие старые [4, с. 78].

Согласно церковной традиции Иоанн Дамаскин систематизировал и дополнил собственными гимнами Октоих [3, с. 40]. Для установленного Дамаскином осмогласия одинаково важны и смысловое содержание, и гармоническая составляющая песнопений [5, с. 64]. Такая четкость в богослужебном пении была продиктована борьбой духовенства с фольклором, проникавшим в культовую музыку [6, с. 237]. Свидетельством этому служит описанная Иоанном Дамаскином в трактате «О ересьх вкратце» ересь икетов, которые «вода хороводы с пляской, как бы подражая хору тех, который появился во времена Моисея» (S. Joannis Damasceni «De haeresibus liber», 87, PG. Vol. 94, coll. 756, пер. А. И. Сагарды) [8, с. 147].

В своих философских произведениях Иоанн Дамаскин отводит важную роль музыке как составляющей, необходимой для освоения философии. Философия для Иоанна Дамаскина — это прежде всего любовь к Богу, как истинной мудрости (S. Joannis Damasceni «Dialectica», сар. III, PG. Vol. 94, coll. 672, пер. В. А. Беляева) [8, с. 118]. В своем «Первом защитительном слове против отвергающих св. иконы» Иоанн Дамаскин ссылается на св. Григория Нисского, говоря о том, что мелодия песнопения необходима в силу «несговорчивости» рода человеческого (S. Joannis Damasceni «De Imaginibus oratio I», PG. Vol. 94, coll. 1268, пер. В. В. Четыркина) [8, с. 365]. Таким образом, он сравнивает мелодию и иконы с проводниками Божией славы в нерадивые человеческие души.

Иоанну Дамаскину приписывается использование для написания мелодий гимнов фитной «квазинотации». Знаком фиты обозначались определенные мелизмы в ненотированных самогласных стихарах [2, с. 367]. Структурирование музыкального

произведения с помощью нотации также является признаком высокой образованности святого.

Таким образом, полученное Иоанном Дамаскином высшее образование и включенная в него музыкальная теория сыграли огромную роль в жизни и творчестве святого, знание науки о музыке имело важнейшее значение, определяющее долговечность гимнографического наследия Иоанна Дамаскина.

Список литературы

1. Арванитис И. Византийская нотация // Православная энциклопедия. Т. 8. М.: Православная энциклопедия, 2004. С. 360 – 376.

2. Герасименко Н. В., Орецкая И. А. Иоанн Дамаскин // Православная энциклопедия. Т. 24. М.: Православная энциклопедия, 2010. С. 27 – 66.

3. Герцман Е. В. В поисках песнопений греческой церкви. Преосвященный Порфирий Успенский и его коллекция. СПб.: Алетея, 1996. 368 с.

4. Грачева Т. А. Пути системного изучения осмогласия знаменного распева // Труды СПбГИК. 2006. № 1. С. 64 – 75.

5. Дрык С. В. Иоанн Дамаскин как ключевая фигура византийской церковной музыки // Вестник МГУКИ. 2010. № 6. С. 236 – 240.

6. Лямкина Н. В., Мякин Т. Г. Аристид Квинтилиан О музыке, II 1–5 // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. 2012. Т.6. Вып. 1. С. 144 – 156.

7. Полное собрание творений св. Иоанна Дамаскина. Т. 1. СПб.: Издание Имп. СПб Духовной Академии, 1913. 466 с.

8. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 5. К. 1. СПб.: С.-Петербург. духов. акад., 1899. 1007 с.

9. Шартау Б. Агиополит // Православная энциклопедия. Т. 1. М.: Православная энциклопедия, 2000. С. 253.

10. The Hagiopolites: A Byzantine Treatise on Musical Theory / Ed. by J. Raasted. Copenhagen: I kommission hos (distributeur), E. Paludan, 1983. 99 p.

Ефимова Мария Сергеевна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Миляева Ирина Николаевна, доц.

Трубадуры и язык сакрального: лирика, музыка, книжная миниатюра

Troubadours and the sacral language: lyrics, music, illuminated manuscripts

***Аннотация.** В статье рассматриваются различные виды проявления сакрального дискурса в лирике трубадуров, а также его отражение в музыке, сопровождавшей исполнение их произведений, и книжной миниатюре, впервые создавшей визуальные образы трубадуров. Повсюду мы находим свидетельства активного использования языка сакрального — как бессознательного, в виде устоявшихся языковых или мелодических формул и «типов», так и сознательного, призванного подчеркнуть глубину и характер изображаемых чувств.*

***Ключевые слова:** лирика трубадуров; сакральный дискурс; книжная миниатюра; средневековая музыка.*

***Abstract.** This paper deals with various types of manifestation of the religious discourse in the troubadours' lyrics, music and illuminated manuscripts that were first to transmit the visual images of the authors and performers. Everywhere we find the evidences of the active use of the sacral language — the unconscious one representing some established poetic and musical formulas and "types", as well as the conscious one summoned to emphasize the intensity and the profound character of the senses depicted.*

***Key words:** troubadour poetry; sacral discourse; illuminated manuscripts; medieval music.*

Лирика трубадуров возникла в первой половине XII в. и с самого начала явила себя в качестве самобытного феномена. О литературных, культурных и исторических предпосылках ее возникновения и возможных прототипах исследователи спорят на протяжении нескольких столетий. В литературе, однако, неоднократно отмечалось, что эта, безусловно, светская традиция с самого начала была вовлечена в активное взаимодействие не только с элементами

окружавшей ее секулярной культуры, но и со сферой сакрального в самых разных ее проявлениях. И если благочестивые иллюзии исследователей XIX – нач. XX в. о происхождении главной темы трубадурской лирики из мариологического дискурса или об отождествлении fin'amor и христианской caritas с божественной любовью (данные идеи развивали в своих работах, к примеру, Д. Шелудько и Э. Векслер [4, р. 72]) давно развеяны, то разговор о религиозных источниках не столько тем и идей, сколько языка и поэтики в этой традиции по-прежнему остается актуальным.

Сближение «сакрального» и «профанного» дискурса в лирике трубадуров реализуется различными способами и зачастую в совершенно противоположных регистрах. В некоторых текстах мы встречаемся с откровенно пародийной репрезентацией чувств с помощью апеллирования к мотиву мольбы и использования различных тем, связанных с религией. Этим, к примеру, отличаются версы Гилема Аквитанского — первого известного нам трубадура:

Dieus en lau e sanh Jolia:

Tant ai apres del joc doussa

Que sobre totz n'ai bona ma

[Пер.: За то я славлю Бога и св. Юлиана:

Столько я узнал о нежной игре,

Что преуспел в ней больше прочих] [5, 183.2]¹

В других версах Гилема (напр., «Mout jauzens») некоторые исследователи вполне справедливо отмечают следование композиционным схемам (не только тематическим и мотивным, но и ритмическим) религиозной поэзии — но, разумеется, в вернакулярном ключе [2, р. 160]. В контексте полулегендарной биографии Гилема, откровенно пренебрегавшего различными социальными и религиозными установками, это явление приобретает характер тонкой и продуманной пародии.

Особое значение имеет литургическая метафорика в кансонах Гаусельма Файдита, Гилема де Сен-Дидье, Ги д'Юсселя и др.: получают распространение устойчивые формулы-«типы», в привычном контексте использующиеся для описания молитвенных практик,

---

¹ При ссылках на пункт 5 списка литературы указываются не страницы, а номер произведения в соответствующем указателе.

преклонения и различных способов выражения религиозного чувства. Устоявшаяся и хорошо известная авторам и слушателям форма вмещает новое содержание. Так, часто встречающийся в лирике трубадуров глагол «adorar» («обожать»), имел в XII–XIII вв. достаточно активное значение, связанное с почитанием святынь или идолов, и, вероятно, зачастую использовался вполне сознательно с данной коннотацией.

Из наиболее распространенных можно привести в пример описание позы коленопреклоненного молящегося: «mas mans jointas denan», «genoillos» — «со сложенными руками», «коленопреклоненный».

Adoncs l'estei tant denan,
Mas jointas, de bon coratge,
De genoillos, en ploran,
Tro.m pres en son seignoratge!

[Пер.: Так я предстоял перед ней,
Со сложенными руками, добрым сердцем,
Коленопреклоненный, в слезах,

Что она приняла меня под свое покровительство] [5, 167.53]

Дж. Валенти удалось убедительно продемонстрировать, что в данных формулах речь идет скорее о позе молящегося, чем о феодальном ритуале, который также включал в себя коленопреклонение и складывание — хотя такие коннотации вполне возможны рук [7, p. 156].

Поскольку обращение к религиозным жанрам и сакральным метафорам в значительной степени обогащает выражение любовного чувства — вне зависимости от того, используются ли они для действительного выражения глубокого духовного переживания или просто становятся удобной и привычной формулой, к которой автор прибегает почти инстинктивно — может происходить даже контаминация противоположных друг другу жанров. В качестве примера здесь можно привести альбу-молитву Гираута де Борнеля «Reis glorios», которая начинается с молитвенного обращения:

Reis glorios, verais lums e clartatz,
Deus poderos, Senher, si a vos platz,
Al meu companh siatz fizels aiuda!

[Пер.: Славный властелин, истинный свет и сияние,

Всемогущий Бог, Господь (Сеньор), если вам будет угодно,
Станьте надежной помощью моему другу!] [5, 242.64]

Такие обращения зачастую стихийно возникают в произведениях трубадуров (кансоны Арнаута Даниэля, Фолькета де Романса) при одновременной актуализации откровенно эротического аспекта любовного чувства. Этот парадоксальный аспект средневекового сознания не раз оказывался в центре внимания исследователей.

Кроме того, сами авторы (в пример можно привести «salut d'amor» Фолькета де Романса) зачастую проговариваются о том, что в минуты соприкосновения с божественным вместо молитвы — но буквально «в рифму» с нею — непокорный язык произносит слова совсем иного содержания:

Qu'eu non sai far autr' orazon,
Anz pens tant a vostra faison,
Que quan eu cuit dir patre nostre,
Ez eu die: domna, tot soi vostre
[Пер.: Ибо я не могу молиться иначе,
Столько я думаю о вашем образе,
Что, когда хочу произнести «отче наш»,
Говорю: «донна, я весь ваш» [5, 156.3а]

Это явление получает разнообразные истолкования в исследовательской литературе: они могут рассматриваться и как проявления светского духа, торжествующего над достаточно конвенциональной и неосознанной религиозностью [1, с. 358], так и, напротив, как свидетельство спиритуализации, одухотворения эротического чувства [6, р. 146].

Примечателен тот факт, что пути развития светской поэтической традиции в XII в. во многом повторяются и традицией музыкальной. Так, исследователи отмечают близость мелодического устройства произведений трубадуров к «*cantus planus*» религиозных песнопений, к григорианскому хоралу и отдельным примерам паралитургической музыки. Неизбежно при становлении принципиально новой по идейному содержанию традиции ее сторонники так или иначе используют окружающий их культурный контекст и совершают соответствующие заимствования. Сознание, привычное к определенным мелодическим и ритмическим структурам в окружающем его музыкальном мире, неизбежно

будет от них отталкиваться при создании нового (это, к примеру, касается использования смешанной терцово-квартовой структуры в григорианском хорале и многочисленных примерах музыки трубадуров [7, р. 137]). Учитывая близость многих трубадуров к клиру (некоторые из них были канониками и даже монахами, многие получали религиозное образование в детстве и юности), это взаимодействие представляется совершенно органичным и, по всей вероятности, даже неосозанным.

Истории развития поэтического и музыкального текста в данной традиции соответствует и история ее последующей рецепции. Так, когда в XIII в. на севере Италии создаются первые трубадурские песенники, богато иллюминированные, источником для репрезентации образов поэтов и исполнителей становятся давно устоявшиеся иконографии изображения апостолов-проповедников, использующих традиционные еще в позднеантичном искусстве ораторские жесты (самый распространенный иконографический тип в песенниках: рис. 1), и евангелистов (изображение ученого трубадура Гираута де Борнеля: рис. 2). В XIII в. активно развивались светские скриптории, не привязанные, как прежде, к монастырям [8, р. 424], и многие миниатюристы, работавшие там, могли активно заимствовать иконографические типы из хорошо известных им образцов, как происходило и с другими возникшими и развивавшимися в то время типами рукописей.

Список литературы

1. Фридман Р. А. Любовная лирика трубадуров и ее истолкование // Ученые записки Рязанского государственного педагогического института. 1965. Т. 34. С. 87 – 417.
2. Kendrick L. *The Game of Love: Troubadour Wordplay*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1988. 237 p.
3. Kleinhenz C. *Medieval Italy: An Encyclopedia*. Routledge, 2004. 1290 p.
4. Lazar M. *Fin'amor* // Akehurst F. R. P., Davis J. M. (ed.) *A Handbook of the Troubadours*. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 61 – 100.
5. Pillet A., Carstens H. *Bibliographie der Troubadours*. Halle: Niemeyer, 1933. 520 p.

6. Reddy W. M. The Making of Romantic Love: Longing and Sexuality in Europe, South Asia, and Japan, 900 – 1200 CE. Chicago; London: University of Chicago Press, 2012. 456 p.

7. Valenti G. La liturgia del «trobar» Assimilazione e riuso di elementi del rito cristiano nelle canzoni occitane medievali. Berlin; Boston: De Gruyter, 2014. 308 p.

8. Werf van der H. Music // Akehurst F. R. P., Davis J. M. (ed.) A Handbook of the Troubadours. Berkeley: University of California Press, 1995. P. 121 – 164.

Приложения

Рис. 1. Na Castelloza из Chansonnier K (Bibliothèque nationale de France).

Рис. 2. Giraut de Bornelh из Chansonnier A (Bibliotheca Apostolica Vaticana).

Бузлуков Илья Олегович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Федоров Сергей Егорович, д-р. ист. наук, проф.

**Шекспировский Оуэн Глендоуэр: источники образа
и его значение в контексте эпохи**

**Shakespeare's Owen Glendower: the sources of the image and its
significance in the context of the era**

***Аннотация.** Статья посвящена Оуэну Глендоуэру, персонажу первой части пьесы Уильяма Шекспира «Генрих IV», чей одноименный исторический прототип руководил антианглийским восстанием в Уэльсе в 1400 – 1415 гг. В статье анализируются наиболее распространенные в зарубежной историографии версии об «источниках» образа Глендоуэра, а также оценивается его значение в контексте событий последнего десятилетия тюдоровской эпохи.*

***Ключевые слова:** Шекспир; Уэльс; англо-валлийские отношения.*

***Abstract.** The article is devoted to Owen Glendower, the character of William Shakespeare's play "Henry IV, Part 1", whose same-name historical prototype was the leader of the Welsh revolt in 1400 – 1415. The article analyses the most common versions of the foreign historiography about the sources of Glendower's image, and evaluates its significance in the context of the events of the late-Tudor era.*

***Key words:** Shakespeare; Wales; Anglo-Welsh relations.*

Образ Оуэна Глендоуэра как жестокого бунтовщика и предателя был создан тюдоровскими антиквариями XVI в. — Эдвардом Холлом, Ричардом Графтоном и Рафаэлем Холиншедом [4, р. 330]. При создании исторических хроник и других пьес Шекспир опирался на работу последнего — «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии». В своем труде Холиншед, осуждая валлийский мятеж, выражает враждебность к Глендоуэру и описывает его как «жестокого» и «самонадеянного» [8, р. 129–130]. Однако шекспировский Глендоуэр не похож на дикого и кровожадного валлийца. Перед зрителем он предстает в качестве вежливого человека, воспитанного в духе английской культуры: в ходе спора заговорщиков о разделении королевства он усту-

пает Хотспуру часть своей территории, а также демонстрирует знакомство с английской поэзией [9, р. 423–424]. Шекспир отказался от враждебного отношения к лидеру восставших, хотя его изображение Глендоуэра двояко: образованность и культурность этого персонажа сочетаются с претензиями на магические способности. Тем не менее, отличие шекспировского взгляда от взгляда антиквариев заставляет задаться вопросом о дополнительных «источниках» сценического образа.

В историографии получила распространение трактовка этого героя как воплощения типичного отношения англичан тюдоровской эпохи к Уэльсу [1, р. 173; 5, р. 64; 7, р. 112]. Причем некоторыми исследователями подчеркивается двойственность этого отношения: как пишет Кейт Чедзой, английские обычаи, язык и культура играли создающую роль для Уэльса, но при этом англичане считали, что полностью ликвидировать варварство валлийцев невозможно [5, р. 64]. Шекспир, согласно этой точке зрения, при создании Глендоуэра опирался на амбивалентный взгляд современников на валлийцев и их цивилизованность. Однако подобная интерпретация не учитывает особенный статус Глендоуэра в английском сознании. На протяжении нескольких веков он занимал важное место в народной памяти Уэльса и Англии и в представлении англичан не относился к числу рядовых валлийцев. Как писал Рис Дэвис, «Он установил для себя и в народном сознании, и в письменных историях роль, которой не мог подражать ни один другой валлиец» [4, р. 325]. Прочтение шекспировского Глендоуэра исключительно в качестве выражения классического отношения англичан к Уэльсу ставит его в один ряд с другими стереотипными валлийцами английской сцены и отвергает уникальность его исторического образа.

Это заставляет обратиться к предложенной Дэвидом Бейкером интерпретации Глендоуэра как воплощения социальной памяти. Основываясь на утверждении Дэвиса о значимом месте валлийского лидера в народном сознании, исследователь предположил, что Шекспир при создании своего персонажа опирался на образ Глендоуэра, характерный для социальной памяти лондонцев. Лондон в XVI в. не являлся гомогенным по своему социальному и этническому составу, что позволяет Бейкеру утверждать, что социальная память города составлялась из разных источников, и шекспировский Глендоуэр —

«неустойчивый конгломерат тропов» [2, р. 48]. Рис Дэвис писал, что к концу XVI в. Глендоуэр перестал внушать страх англичанам, на основе чего можно предположить, что Шекспир при помощи своего персонажа зафиксировал подобные изменения в социальной памяти [4, р. 331]. Однако это лишь одна плоскость прочтения шекспировского Глендоуэра. Стоит также обратить внимание на происходящую в течение всей пьесы трансформацию его образа — демистификацию. В начале, когда королю докладывают о зверствах, которые совершили валлийские женщины с телами умерших на поле битвы англичан, создается зловещий облик как лидера восставших, так и его народа [9, р. 409]. Это впечатление усиливается упоминанием короля о Глендоуэре как о «великом маге» [9, р. 413]. Затем другой персонаж пьесы Фальстаф говорит об этой особенности валлийца уже с некоторой иронией, а в третьем действии перед зрителем предстает не жестокий варвар, а образованный валлийский дворянин, чьи слова о загадочном рождении и магических способностях вызывают насмешку [9, р. 421, 423–424]. После этой сцены Шекспир практически удаляет персонажа из пьесы: Глендоуэр даже не появляется на решающей битве при Шрусбери, и это отсутствие объясняют его приверженностью пророчествам [9, р. 432].

Демистификация Глендоуэра дополняется отрицанием важности англо-валлийского конфликта как такового. Уже в первой сцене король не выражает опасения насчет ситуации в Уэльсе, и в целом конфликт пьесы сфокусирован на борьбе Ланкастеров с домом Перси [9, р. 409]. Уэльс с Глендоуэром в этом свете играют второстепенную роль, и пьеса убеждает зрителя, что Глендоуэр и его восстание не опасны. Как пишут Дэвид Бейкер и Ацухико Хирота, Шекспир, опуская в повествовании существенные моменты англо-валлийского конфликта, стремится «искоренить значимость восстания валлийцев» и «локализовать его как событие на географическом и политическом краю Англии» [2, р. 54; 7, р. 111]. Можно предположить, что пьеса осуществляет своеобразную корректировку памяти о валлийском восстании. Однако возникает вопрос о причине подобного намерения Шекспира.

Стоит обратить внимание на исторический момент, в который появляется первая часть «Генриха IV» — в 1598 г., через четыре года после начала англо-ирландской войны. Создание пьесы с

сюжетом об антианглийском мятеже на фоне этих событий не кажется случайным. Как утверждает Кристофер Хайли, аудитория, смотря на шекспировского Глендоуэра, могла видеть в нем лидера ирландских повстанцев Хью О'Нилла, и восстание валлийцев в пьесе может намекать на современность с целью убеждения зрителей в неопасности войны с Ирландией [6, р. 98]. О скрытой связи между Глендоуэром и О'Ниллом позволяет говорить их биографическое сходство: оба в юности были воспитаны при английском дворе и изначально являлись сторонниками английской власти [6, р. 94]. Сходство этих двух исторических фигур можно экстраполировать на Уэльс и Ирландию в целом. В XVI в. Уэльс и Ирландия имели много общего: они являлись английскими «доминионами», только в первом процесс колонизации уже был завершен, а во втором ещё продолжался.

Однако не следует воспринимать Уэльс пьесы как простую аллегория Ирландии. В период англо-ирландской войны с юго-западным побережьем Уэльса, с графством Пембрукшир, связывались страхи англичан перед вторжением в их страну: порт Милфорд-Хейвен в то время был слабо укреплен, и Уэльс был уязвимым местом на карте Англии [3, р. 48–49]. Можно предположить, что явная схожесть между О'Ниллом и Глендоуэром и между Ирландией и Уэльсом воспроизводила в социальной памяти сюжеты валлийского восстания начала XV в. и, тем самым, провоцировала английские страхи не только перед ирландским, но и перед новым валлийским мятежом. Хайли, проводя аналогии между двумя народами, утверждает, что низы валлийского общества подозревались в сговоре с ирландскими мятежниками [6, Р. 91–92]. Все это наталкивает на мысль, что образ валлийского лидера может рассматриваться как выражение общей валлийско-ирландской угрозы. Кристофером Хайли была показана роль сценического Глендоуэра в развеивании английских страхов перед войной в Ирландии, но можно также утверждать, что Шекспир корректирует память о настоящем Глендоуэре с той целью, чтобы избавить лондонскую аудиторию и от опасений насчет восстания в Уэльсе. Уверенность англичан в безопасности их островного положения во многом зависела от уверенности в валлийцах. Шекспировское изображение Глендоуэра можно рассматривать как способ утверждения этой уверенности.

Таким образом, можно предложить следующее значение первой части «Генриха IV» для англо-валлийских отношений конца елизаветинской эпохи. Пьеса, с одной стороны, фиксирует изменения в социальной памяти об Оуэне Глендоуэре, а с другой — продолжает и углубляет ее корректировку, необходимую в контексте англо-ирландской войны.

Список литературы

1. Шестакова Н. Ф. Уильям Шекспир и Уэльс // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2015. Вып. 3. С. 171 – 178.

2. Baker David J. Glyn Dwr, Glendouer, Glendourdy and Glendower // Shakespeare and Wales: from the marches to the assembly / Willy Maley, Philip Schwyzer. Farnham: Ashgate, 2010. 260 p.

3. Boling Ronald J. Anglo-Welsh Relations in Cymbeline // Shakespeare Quarterly. Oxford, 2000. Vol. 51. № 1. P. 33 – 66.

4. Davies Rees R. The Revolt of Owain Glyn Dŵr. Oxford: Oxford University Press, 2002. 414 p.

5. Fralix Brandon D. Cymru and the Court: The Welsh in Seventeenth Century Masques. Madison, 2011. 121 p.

6. Highley Christopher Wales, Ireland, and «1 Henry IV» // Renaissance Drama. Chicago, 1990. Vol. 21. P. 91 – 114.

7. Hirota Atsuhiko The Romanticization of a British Past: Early Modern English Nationalism and the Literary Representations of Wales. Claremont, 2001. 324 p.

8. Marchant Alicia The Revolt of Owain Glyndŵr in Medieval English Chronicles. Woodbridge: York Medieval Press, 2014. 290 p.

9. Shakespeare William. Complete Works / Ed. W. J. Craig. London: Oxford University Press, 1966. 1066 p.

Ткачев Виталий Викторович

Иркутский государственный университет

Научный руководитель:

Шахеров Вадим Петрович, д-р ист. наук, проф.

Формирование представлений коллекционеров Иркутской губернии о предметах изобразительного искусства во второй половине XIX в.

Formation of ideas of collectors of the Irkutsk province about objects of fine art in the second half of the XIX century

***Аннотация.** В статье представлена история формирования представлений коллекционеров Иркутской губернии о предметах изобразительного искусства во второй половине XIX в. Рассматриваются собрания живописи известных купеческих династий и их взаимодействие с городским обществом. Знакомство с художественными коллекциями способствовало развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров.*

***Ключевые слова:** история Сибири; художественная жизнь.*

***Abstract.** The article presents the history of the formation of the ideas of collectors of the Irkutsk province about objects of fine art in the second half of the 19th century. The collection of paintings of famous merchant dynasties and their interaction with urban society are considered. Acquaintance with art collections contributed to the development of public opinion about art, the work of famous masters.*

***Key words:** history of Siberia; artistic life.*

Во второй половине XIX в. активно развиваются разные информационные и культурные каналы, происходит строительство самой протяжённой за всю историю России железной дороги. Увеличивается и численность населения городов [8]. Иркутская губерния становится центром формирования художественного пространства. Участниками этого процесса становились не только художники, но и люди, которые были связаны с искусством. Коллекции известных купеческих династий показывают историю формирования представлений жителей городов о предметах изобразительного искусства. Во второй половине XIX в. активно развивается творческое

пространство, проводятся выставки, создаются организации художников, формируются коллекции живописи и графики у многих известных жителей городов. Это говорит о том, что у горожан Иркутской губернии постепенно развивается представление об искусстве.

В городском обществе Иркутской губернии коллекционеры нашли своё главное место как носители культуры, определённых взглядов, исследователи региона. Они отмечали в своих воспоминаниях, что художники выражали свои взгляды через произведения искусства: портреты, городские пейзажи и т.д. Коллекционеры писали о том, что многие проблемы мастеров поднимались на встречах с местной властью на общественных собраниях. Художники стремились улучшить своё положение в обществе. Они хотели создать творческие объединения, определиться с местом для показа своих живописных работ, создавать городские галереи и музеи. А также говорили о том, что необходимо улучшить сферу художественного образования. Отдельные аспекты, связанные с развитием художественной жизни Иркутской губернии, можно найти в сохранившихся источниках личного происхождения коллекционеров: В. П. Сукачева, П. П. Баснина, П. Т. Баснина и др. [6, с. 23].

Стоит отметить, что во второй половине XIX в. в коллекциях известных сибирских купеческих династий особое место занимают предметы искусства, раскрывающие особенности разных стилистических направлений, школ живописи. Иркутск являлся известным каналом для реализации торговых отношений с центром и со многими странами Запада и Востока. Иркутские купцы привозили из Франции, Китая разные предметы, которые носили особую ценность. Коллекции В. Н. Баснина (1799–1876 гг.), А. М. Сибирякова (1849–1933 гг.), В. П. Сукачева (1849–1920 гг.) пополнялись редкими тканями, полотнами, рисунками, эскизами, статуэтками и украшениями [7, с. 31]. Известно, что в коллекции В. П. Сукачева находились полотна отечественных художников, являвшихся представителями нового демократического направления реалистического искусства в Российской империи. Также в собрании можно найти и картины немецких художников В. Векса, А. Тамма, француза Н. Пуссена, австрийца А. Ригера, итальянца Амиратто и

многих других представителей западноевропейских направлений в живописи [1, л. 3]. В. П. Сукачев привозил не только оригиналы, но и копии работ мастеров, что тоже являлось для региона уникальным событием.

Картины являлись составной частью интерьеров купеческих усадеб Иркутской губернии во второй половине XIX в. Многие посещали дома известных людей города и знакомились с произведениями искусства. Коллекционеры особенно обращали свои взгляды на художественные полотна, изображающие природу Сибири: леса, реки и озёра. Так, во многих домах встречались пейзажи, раскрывающие историю региона. Многократно на полотнах художники изображали Байкал и его окрестности. Также можно увидеть в интерьерах и портреты членов купеческой семьи, руководящих лиц Сибири (губернаторов, генерал-губернаторов), которые мастера создавали по заказу владельцев домов [5]. Таким образом, формировался особый образ культуры, искусства Российской империи и других стран. Предметы становились объектами сосредоточения внимания жителей Иркутской губернии.

Историю формирования художественных представлений сибирских коллекционеров о предметах изобразительного искусства во второй половине XIX в. изучали многие исследователи. Они собирали уникальный архивный материал: отчёты, протоколы, статистические данные, воспоминания и письма мастеров, коллекционеров; подробно рассматривали историю создания собраний живописи сибирских музеев. По данной теме известны научные труды А. Н. Копылова, Л. В. Кошмана, Ю. П. Лыхина, А. Д. Фатьянова и др. [2; 3, с. 348–349; 4, с. 122–126]. Каждый исследователь раскрывает механизмы развития разных художественных школ, направлений, но в целом историческим работам не хватает широты и глубины познания темы.

Таким образом, в современной исторической науке, несмотря на обширные исследования по культуре, искусству городов Восточной Сибири второй половины XIX в., не существует фундаментальных работ по истории формирования художественных представлений сибирских коллекционеров о предметах изобразительного искусства. В работах отсутствует применение комплексных методов изучения темы. Не изучена история создания коллекций, раскрывающих историю Сибири.

Коллекционеры Иркутской губернии активно знакомились с творчеством многих центральных художников, поддерживали связь и с местными творческими объединениями. Собрания частных галерей пополнялись новыми предметами изобразительного искусства. На выставках демонстрировались художественные полотна из коллекций сибирских купцов. Посетители знакомились с такими работами. Формировалось представление у жителей городов о творчестве художников, направлениях в живописи, социальных, экономических, политических проблемах Российской империи во второй половине XIX в.

Многие коллекционеры отмечали в своих воспоминаниях то, что сибирские мастера выражали свои взгляды через произведения искусства. Широкий спектр важных проблем поднимался и на встречах с местной властью в общественных собраниях. Обсуждались вопросы по созданию городских галерей и музеев, улучшению сферы художественного образования. Многие аспекты, связанные с развитием художественной жизни Байкальской Сибири, участием в мероприятиях представителей творческой интеллигенции, можно найти в материалах периодической печати.

Таким образом, события второй половины XIX в. способствовали развитию общественного мнения об искусстве, творчестве известных мастеров. Для жителей Иркутской губернии проводились выставки, просветительские мероприятия, экскурсии, работали музеи и частные галереи. В данный период формировалась система художественного образования. Постепенно расширялся кругозор знаний о культуре России, а для художников появилась возможность реализовать свои творческие способности, используя разные методы и приёмы. Появилось большое количество площадок для демонстрации посетителям живописных полотен. Общество активно проявляло интерес к актуальным социальным проблемам. Жителей Иркутской губернии волновали социальные, политические, экономические, культурные перемены, которые происходили во второй половине XIX в. Они читали свежие номера газет и журналов, где были представлены события, связанные с художественной жизнью.

Во второй половине XIX в. сибирские коллекционеры участвовали в важном художественном процессе — в формировании представлений жителей Иркутской губернии о предметах

изобразительного искусства. На основе коллекций, каталогов, литературы возможно рассмотреть основные вопросы, которые поднимались в сибирском обществе. Это проблемы, связанные с развитием художественного образования в регионе, доступностью для людей искусства, открытием музеев и частных галерей, отношением местной власти к художественному пространству.

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-3518. Оп. 1. Д. 7.
2. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX века. Новосибирск: Наука, 1974. 251 с.
3. Кошман Л. В. Город и городская жизнь XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
4. Лыхин Ю. П., Крючкова Т. А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): Биобиблиогр. слов. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. 407 с.
5. Ткачев В. В. Жизнь и деятельность М. И. Пескова (1834–1864) в отечественной исторической литературе // Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф., посв. 210-летию со дня рожд. Н. Н. Муравьева-Амурского и 170-летию со дня рожд. А. М. Сибирякова / науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск, 24-25 октября 2019 г. Иркутск: Оттиск, 2020. С. 258–265.
6. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1967. 112 с.
7. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.
8. Шахеров В. П. Социально-демографические характеристики городского населения Иркутской губернии // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков: коллект. монография. Иркутск: Оттиск, 2019. С. 132–181.

Даровская Анастасия Михайловна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Колесников Александр Антонович, д-р ист. наук, проф.

Влияние русской белой эмиграции на развитие культурных процессов в Турции

Influence of Russian White Emigration on development of Turkish culture processes

***Аннотация.** В данной статье рассматривается влияние Великого русского исхода на культуру в Турции в 1920-е гг. Сначала идет краткий обзор истории исхода и его причин, далее рассматривается быт мигрантов, их сложности в тот период, культурно-досуговая жизнь, а также то, как культура русских мигрантов распространялась в Турции в то время. В конце подводится итог того, какие следы того периода мы можем заметить в настоящее время.*

***Ключевые слова:** белая эмиграция; культура; Турция; Россия.*

***Abstract.** In this work we will review influence of Great Russian outcome on Turkish culture in 1920s. At first we will view the outcome's history and reasons, then migrants' everyday life, their problems during that period, their cultural life and also how Russian migrants' culture spread around Turkey. At final we sum up the tracks of that period nowadays.*

***Key words:** white emigration; culture; Turkey; Russia.*

В 2019 году исполнилось 100 лет с начала Белой эмиграции в Турцию, и эта дата до сих пор отмечается современными учеными. Эмиграция, называемая также Великим русским исходом, действительно внесла значимый вклад в развитие турецкой культуры. Считается, что исход белых русских во время гражданской войны стал одним из самых масштабных исходов граждан из собственного государства, и Турция оказалась местом, которое в тот момент приняло всю эту массу беженцев [5].

Разберемся немного в истории «русского исхода». В 1914 г. началась Первая мировая война. Уже тогда в Российской империи назревали революционные настроения. В 1917 же г. произошла Февральская революция, и к власти пришло Временное правительство.

А позже уже случилась и Октябрьская революция с приходом к власти большевиков. После революции начинается формирование Белой армии, в состав которой входит множество солдат, все еще преданных царскому режиму. С этого момента и берет свое начало русский исход.

Но в 1917–1918 гг. мигрантов было не так много. Пик эмиграции приходится на 1919–1920 гг., когда армия генерала А. И. Деникина была окончательно повержена, аристократия уже не верила в возвращение царского режима, а в 1920 г. остатки Белой армии под предводительством П. Н. Врангеля были окончательно разбиты в Крыму. Именно тогда и встал вопрос о миграции 150 тыс. солдат, и Стамбул оказался чуть ли не единственным возможным вариантом [7].

Масштабы миграции действительно были огромны. Среди белоэмигрантов оказались и военные Белой армии, и мирные жители из разных уголков бывшей Российской империи, и русская интеллигенция. Кто-то оставался в городе лишь на непродолжительное время, используя его как «перевалочный пункт», мигрировав потом дальше в Европу, а кто-то оставался в Турции на несколько лет или на всю жизнь. Всех этих людей объединяло то, что они бежали от новой советской власти.

Важно отметить, что больше всего на культуру повлияла именно русская аристократия. Это те люди, которые за несколько лет своего пребывания в Турции создали особую русскую культуру вокруг себя. Они развивали искусство, литературу и досуговую жизнь, старались жить так, чтобы не забывать о Родине, которую они продолжали любить.

Рассмотрим немного подробнее то, что им удалось сделать за годы пребывания в Турции.

Жизнь белоэмигрантов в Стамбуле, естественно, была невероятно сложной. Такой резкий наплыв людей не мог не отразиться на качестве их жизни. Различные болезни поражали мигрантов уже на кораблях, а в городе люди страдали от тифа.

Работу найти было тоже сложно. Аристократы и профессора просились продавать цветы или сигары, знаменитые Вера Дюмениль и философ Георгий Гурджиев продавали икру, баронесса Валентина Юлиановна Клодт фон Юргенсбург играла на фортепиано в ресторане. Но у вышеперечисленных лиц положение было еще не таким бедственным. Многие аристократы вынуждены были работать

продавцами в различных лавках, гардеробщиками, официантами. Бывшим инженерам и техникам иногда удавалось найти работу там, где требовались те или иные технические знания: они чинили различные машины и приборы, работали в столярных и других мастерских и пр. [1]. Белогвардейцы были вынуждены работать таксистами, извозчиками, чистильщиками обуви. Девушкам тоже приходилось искать работу. В основном дамы продавали цветы, шили одежду, нянчили детей и давали им частные уроки английского, французского и других языков. Многие пели в русских ресторанах на Гранд-рю-де-Пера.

Мигранты закладывали драгоценности, привезенные с собой из России, но чаще всего они продавались практически за бесценок, что обогатило турецких спекулянтов в то время. Среди этих драгоценностей были настоящие произведения искусства, работы известных мастеров и предметы антиквариата [6].

Тем не менее белоэмигранты все равно старались хоть немного воспроизвести родную культуру в незнакомой стране. Русские жили в основном в таких районах Стамбула, как Шишли, Бейоглу, Галата, Пера, Большой остров и остров Хейбели. И именно Гранд-рю-де-Пера на Бейоглу стал главным местом, где собиралась вся русская аристократия.

В районе Пера русские открыли целый ряд увеселительных заведений. Одним из них стало кабаре «Паризиана», располагавшееся вблизи отеля «Пера Палас». В нем часто выступали русские балетные труппы, а после окончания выступлений все иностранцы надеялись потанцевать с русскими девушками. Самым старым русским рестораном стал «Тюркуаз», в котором временами проводились балы. Напротив же голландской миссии открылся ресторан «Московит», в 1925 г. выкупленный Юрием Карповичем и получивший новое название «Карпич». Он добился такого успеха, что стал одним из любимых ресторанов Мустафы Кемаля Ататюрка и был перенесен в Анкару в 1928 г. по его просьбе. Однако самым известным стал «Режанс». В нем собирались сливки турецкого общества и иностранные послы, шпионы, резиденты и репортеры, а на фортепиано играла сама баронесса Валентина Таскина (Юргенсбург) [3]. Были также очень известны кабаре «Черная роза», в котором выступал сам А. А. Вертин-

ский и бар-кабаре «Максим». Самыми известными русскими кондитерскими стали «Нисуаз» и «Петроград Пастанеси».

Русские также привнесли в Стамбул новое развлечение — отдых на пляжах. Всё началось с Принцевых островов, а позже появились пляжи на Флорье, в Суадие, Кючюксу, Бебеке. Это были оборудованные места отдыха с платным входом, раздевалками, спасателями, прокатом лежаков и лодок, раздачей напитков. Местные жители сначала удивленно наблюдали за русскими, а затем и сами стали посещать пляжи.

Русские приняли участие также и в развитии многих видов спорта в Стамбуле. Стали проводиться первые боксерские поединки, увеличивался интерес к футболу, были построены первые футбольные и бейсбольные поля, местное население стало все больше знакомиться с этими видами спорта.

Что касается прессы и искусства, здесь белоэмигранты тоже не сидели на месте. Самыми популярными газетами в то время стали «Зарницы» и «Русская мысль» под редакторством Николая Чебышева. Русские не могли обойтись и без балета. Огромный успех среди турецких граждан имел балет Виктора Зимина «Шехерезада», а позже и другие балетные постановки. Удалось даже открыть первую балетную школу под руководством Лидии Крассы-Арзумановой, однако она не смогла популяризировать обучение балету в то время.

Среди дирижеров прославился П. А. Замуленко, который сам играл на скрипке и создал знаменитый джаз-бэнд при отеле «Пера Палас». А одним из самых прославившихся художников того времени стал Николай Калмыков, впоследствии принявший турецкое гражданство под именем Нури Калмукоглу. Он до конца своей жизни остался в Турции и работал там, писал пейзажи и фрески.

Что же осталось от того периода сегодня? До сих пор работает отель «Пера Палас», и за эти годы его посетили многие знаменитости. Также мигранты впервые познакомили Турцию с балетом, и несмотря на то, что после 1920-х гг. он не стал развиваться в стране самостоятельно, это был первый шаг к более позднему развитию. Нельзя не упомянуть и бокс. Прямых указаний на то, что этот вид спорта стал развиваться русскими мигрантами, нет, но на официальном сайте Турецкой федерации бокса отмечается, что бокс начал популяризироваться именно благодаря иностранным солдатам

в 1920-х гг. [2]. Одной из звезд бокса того времени стал русский солдат Георгий Кирпичев, который позже в двадцатипятилетнем возрасте смог стать чемпионом Турции по боксу.

Местные жители, по словам Веры Гилберт, внучки мигрировавшей в Стамбул актрисы немного кино Веры Холодной, и правда признают, что русские мигранты как минимум привнесли в Турцию балет и театр [4]. Можно сказать, что влияние русской эмиграции на турецкую культуру действительно заметно и по сегодняшний день. Несмотря на то, что этот период был непродолжительным, русские все же оставили след в истории и культуре Турции.

Список литературы

1. Алим Баран Т. Русские беженцы в Стамбуле: причины прибытия, образ жизни и протесты местного населения // Русская белая эмиграция в Турции: век спустя (1919–2019) / под ред. Т. Олджай, В. А. Москвина, В. И. Петроченко, М. Ю. Сорокиной, М.: Б.и, 2019. С. 99 – 112.

2. История турецкого бокса // Турецкая федерация бокса. URL: <http://www.turkboks.gov.tr/turk-boks-tarihi.aspx> (дата обращения 01.02.2021).

3. Касимова И. Центры притяжения белоэмиграции в Стамбуле // Русская белая эмиграция в Турции: век спустя (1919–2019) / под ред. Т. Олджай, В. А. Москвина, В. И. Петроченко, М. Ю. Сорокиной, М.: Б.и, 2019. С. 124 – 152.

4. Личный разговор с Верой Гилберт в ноябре 2019 г.

5. На прощание: альманах / под ред. А. Бурнакина, Д. Валери, К. Минти, Б. Ратимова. Константинополь, 1923.

6. Уравелли О. Турецкий берег (русская эмиграция 1920–1930-х гг.) // Российские соотечественники в Турции: история и современность / под ред. О. И. Карпухина. Стамбул, 2008. С. 55 – 67.

7. Wrangel P.N. General Baron. Always With Honor. New York: Robert Speller and Sons, 1957. 356 p.

Глухова Анастасия Сергеевна
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель:
Шадринa Наталья Анатольевна, канд. ист. наук, доц.

Изображение оммажа в современной массовой культуре на примере фильма «Король вне закона» Дэвида Маккензи

Representation of homage in modern popular culture on the example of the film “Outlaw King” by David Mackenzie

***Аннотация.** В статье исследуется степень соответствия научным представлениям изображения процедуры принесения оммажа и тех обязательств, которые его сопровождают, в современной массовой культуре.*

***Ключевые слова:** история рыцарства; вассалитет; процедура оммажа; массовая культура.*

***Abstract.** The article examines the degree of correspondence between the image of homage and the accompanying obligations in scientific beliefs and modern popular culture.*

***Key words:** knight; oath; vassal obligations.*

В контексте исследования влияния знаний о прошлом на современные представления о действительности большое значение имеет изучение тех образов ключевых исторических эпох, которые создаются деятелями современной культуры. Одной из таких эпох является эпоха средневековья, время возникновения целого ряда важнейших феноменов культуры, продолжающих, прямо или косвенно, определять образ мыслей современного человека. Одним из таких феноменов является феномен рыцарства.

В этой связи представляется интересным рассмотреть, насколько образ рыцарства, создаваемый современной массовой культурой, в частности, одной из важнейших ее составляющих — массовым кинематографом — соответствует научным представлениям.

Рыцарство в исторической науке понимается как сложно структурированный феномен. Основой рыцарского этоса является представление о верности, как по отношению к сеньору, так и, в целом, к обещаниям и обетам. Верность подкрепляется ритуалом

принесения оммажа [2, р. 26–27], имеющим религиозно-мистическую окраску и являющимся, по сути своей, обрядом инициации [4, р. 26].

Тесно связаны представления о рыцарской верности и чести рыцаря [3, р. 45]. Именно на представлениях о чести базируется верность принесенным обетам. Клятва рассматривалась как своеобразный «договор» между вассалом и его сеньором. Подобный «договор» мог не иметь строгой формы, но предполагал взаимные обязательства [6, р. 3].

Главными видами вассальных обязательств были военная служба, а также участие в судебно-полицейских мероприятиях сеньории [2, р. 432]. Однако отношения между вассалом и сеньором были взаимовыгодными: сеньор должен быть щедр и от своей «отцовской» любви раздавать дары верным воинам [4, р. 71].

Подобная модель верности воплощалась и закреплялась через ритуал принесения оммажа, который становился своеобразной печатью на «договоре» между рыцарем и его сеньором. Составляющими ритуала являлись торжественная речь и коленопреклонение. В ходе церемонии рыцарь вкладывал обе руки в ладони сеньора и говорил, что отныне становится его человеком [1, р. 28], при этом клятва произносилась либо на священном оружии, либо на мощах святых, что объясняется христианской составляющей средневековой военной доктрины.

Представленная модель внешней и внутренней (идеологической) составляющей процедуры принесения оммажа стала одной из важнейших составляющих образа рыцарства, закрепившегося в культуре. Этот образ продолжает воплощаться и сегодня, в частности, в массовом кинематографе. Однако художественная и научная интерпретации процедуры принесения оммажа могут различаться. Особый интерес в этой связи представляет анализ фильма «Король вне закона» режиссера Дэвида Маккензи (2018 г.), снятый кинокомпанией, специализирующейся, в основном, на развлекательном кино, без привлечения консультантов-историков [7]. В фильме подробно представлена процедура принесения оммажа, что делает его ценным источником с точки зрения данного исследования, поскольку во многих других фильмах, посвященных рыцарству, ритуал оммажа остается за кадром.

Сюжет фильма разворачивается вокруг одной из войн Шотландии за независимость от Англии. В Шотландии в 1308 г. умирает король, не оставив прямого наследника. Лорды Шотландии просят короля Англии назначить им наследника. Английский король Эдуард I принимает решение править Шотландией сам, и шотландские лорды приносят ему присягу. Однако один из лордов — Роберт Брюс — восстает против власти английского короля, что является нарушением вассальной верности. Из историографии, посвященной проблемам средневекового рыцарства, мы знаем, что подобного рода случаи были нередки в истории. Оммаж, хотя и предполагал долгосрочные взаимные обязательства, но на практике нарушался, поскольку рыцари часто находились в поисках более обеспеченного или харизматичного сеньора.

В «Короле вне закона» зритель может заметить разницу в принесении присяги английскими и шотландскими рыцарями. Так, в начале фильма можно увидеть принесение оммажа шотландскими рыцарями королю Англии. Лорды один за другим встают на оба колена, подают руки королю, склоняют головы и клянутся не идти против своего нового короля. Король говорит, что примет смирение рыцарей (1:16)¹.

В обмен на принесенные клятвы король разрешает лордам сохранить свои владения (2:23). Причем король не дает лордам никаких новых владений за проявленную покорность, а лишь позволяет оставить то, что давал его предшественник. Ни о какой щедрости со стороны сеньора, о которой упоминают историки, речи не идет. Хотя практика подобных королевских распоряжений действительно была в средневековье не редкой [4, р. 71].

Позже король начинает изымать владения у всех шотландских рыцарей, которые не принесли ему присягу на верность (3:40). Отнимаются не только те земли, которые находились в условном держании, но и земли, которые были в собственности у рыцаря, что является прямым нарушением закона.

В фильме «Король вне закона» рыцари показаны как военная прослойка, которая может, потеряв земли и предав короля, продолжать считать себя рыцарями. В подобной ситуации рыцари начинают

---

¹ Здесь и далее в статье таким образом указываются минута и секунда фильма.

искать для себя более достойного покровителя. Таким человеком оказывается Роберт Брюс, которого подталкивают к нарушению присяги под предлогом незаконности власти нынешнего короля.

Необходимо отметить, что ритуал принесения оммажа шотландскому королю Роберту отличается от подобного ритуала в отношении английского короля Эдуарда. К Роберту один за другим подходят воины, преклоняют оба колена, клянутся в вечной верности, держась сначала за Библию, а затем за руки короля (38:55). Возможно, создатели фильма стремились в данном эпизоде подчеркнуть, что Бог на стороне шотландцев.

Роберт Брюс, ставший сеньором, должен выполнить обязательства, которые накладывает на него принятый оммаж. Этот факт подталкивает Роберта к свержению английского короля с трона Шотландии, поскольку, исполняя свою часть «договора» вассальной присяги, сеньор должен защищать интересы рыцарей, присягу которых он принял. Этот факт легитимизирует его претензии на престол.

Подводя итоги, необходимо отметить, что изображение процедуры оммажа в фильме «Король вне закона» достаточно точно соответствует представлениям исторической науки о том, как проходил данный ритуал. «Договорной» характер сеньориально-вассальных отношений, на который исследователи обращают особое внимание, также прослеживается в развитии сюжета. Однако есть и некоторые несоответствия отдельных образов, созданных авторами фильма, историческим представлениям. Так, в процессе принесения оммажа рыцари здесь опускаются на оба колена, что, согласно научным представлениям, делали только рабы [5, р. 26]. В целом, исходя из сюжета, подобное действие могло быть уместно при принесении шотландскими рыцарями присяги английскому королю, но они преклоняют оба колена и в ходе ритуала принесения оммажа шотландцу, что можно расценивать как историческое несоответствие.

В итоге, в фильме мы видим вполне историчный образ не только самого ритуала принесения оммажа (с некоторыми неточностями), но и довольно реалистично поданную интерпретацию отношений, порождаемых вассальной присягой. В контексте этих отношений складывается мотивация поступков главных героев фильма, причем отношения вассал – сеньор в данном случае не идеализируются. Од-

нако подобная интерпретация мотивов не всегда может быть прочитана массовым зрителем, поскольку в фильме нет явного акцента на ней. Зритель, не имеющий дополнительных знаний о средневековой истории и основах рыцарского этикета, может воспринять поступок Роберта как некий подвиг, не связанный с реализацией королем своих обязательств в отношении вассалов.

Как и во многих фильмах, посвященных рыцарству, мы видим в «Короле вне закона» героизацию персонажа, хотя, с точки зрения того же рыцарского этикета, поступок Роберта не может быть интерпретирован как однозначно героический. Однако героизация — типичный прием для подобного рода фильмов, заставляющий зрителя сопереживать герою и делающий зрелище более увлекательным.

Несмотря на все недочеты, можно говорить о том, что просмотревшие фильм «Король вне закона» могут составить довольно адекватное исторической науке представление не только о том, как выглядела процедура принесения оммажа, но и о том, какие социальные обязательства она за собой несла.

Список литературы

1. Бартелеми Д. Рыцарство от древней Германии до Франции XII века. СПб: Евразия, 2012. 584 с.
2. Гуревич А. Я. Словарь средневековой культуры. М: РОССПЭН, 2003. 664 с.
3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М: Прогресс, 1987. 528 с.
4. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М: Научный мир, 2000. 191 с.
5. Николаева И. Ю., Карначук Н. В. История средневековой культуры. Часть II. Культура рыцарской среды: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 78 с.
6. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М: Молодая гвардия, 2006. 355 с.
7. Король вне закона. Outlaw King / Реж. Дэвид Маккензи, 2018. URL.: <https://www.kinopoisk.ru/film/1045725/> (дата обращения 25.11.2020).

Иванова Оксана Алексеевна

НИУ ВШЭ СПб

Научный руководитель:

Хряков Александр Васильевич, канд. ист. наук, доц.

Религиозные мотивы в советском кинематографе в 60 – 70-е гг. XX в.

Religious Motives in the Soviet Cinema in the 60 – 70s of the 20th Century

Аннотация. *Статья посвящена анализу религиозных мотивов в советском кинематографе в 60–70-е гг. На примере фильмов А. Тарковского, Л. Шепитко, Ю. Ильенко и Э. Рязанова автор рассматривает, как религиозное, воспринимаемое кинематографистами неотъемлемой частью человеческой или национальной культуры, использовалось для реабилитации культуры, установления связи между прошлым и настоящим.*

Ключевые слова: *позднесоветский кинематограф; религиозность; культура.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of religious motives in the Soviet cinema in the 60–70s. Using the examples of the films by A. Tarkovsky, L. Shapitko, Y. Ilyenko and E. Ryazanov the author examines how religious was perceived as an integral part of the human or national culture. Thus, religious motives were used to rehabilitate culture and establish the link between the past and the present.*

Key words: *late soviet cinema; religiosity; culture.*

Советский Союз 60-х гг. знаменует собой усиленный интерес к культурному прошлому. Помогать сохранять архитектурные памятники, включающие религиозные сооружения и иконы, было призвано Всероссийское общество охраны памятников истории культуры. Творческая же интеллигенция делала прошлое «модным». Интерес к национальному прошлому, и, в частности, к иконам подогрело произведение В. Солоухина «Чёрные доски» (1968) — повествование о неутомимом увлечении собирательством русских икон, приравниваемое автором к собирательству полуразрушенных святынь России.

Государство пытается представить религиозную часть культуры прошлого, а не настоящего. К. Маркс «отвергал инклюзивные (inclusive) к изучению религии подходы, определяющие религию как основной компонент культуры и даже человеческой природы» [15, р. 35]. Советские атеистические пропагандисты, будучи последователями марксистского учения, также следовали его воззрению. Религиозность человека в прошлом при этом не отрицалась, а виделась возможным к преодолению этапом общественного развития. Но подобное мировоззрение помогало не только представлять современное в превосходящем виде, но и распространять интерес к религиозному. И это в позднесоветский период, когда религия, как препятствие к коммунизму, «оставалась в центре идеологической работы» [12, с. 407].

В связи с этим в непростом состоянии находились кинематографисты, всё чаще обращающиеся к религиозной символике не для «исторической» иллюстрации, а для объяснения своих мировоззренческих установок. Как мы убедимся далее, кинематограф репрезентирует многочисленные религиозные символы не как проявление прошлого или церковного, а как неотъемлемую часть человеческой или национальной культуры, которую в начале XX в. заменили большие идеологии. В этом смысле «новую, но в то же время и традиционную для отечественной культуры прошлого парадигму можно назвать эстетикой культуры <...> Эта эстетика возникла в неразрывной связи с религиозной эстетикой» [13, с. 594], близкой и советскому человеку.

Исследователи кино оттепели и застоя выделяют его основные мотивы. У Л. Зайцевой это символ дороги и дома [6], у Д. Давидченко — герой, травмированный временем [5], а у А. Прохорова — поиск искренности [11]. Символика же религиозного не получает должного внимания, несмотря на то, что религиозный символ — один из самых распространенных в советском кинематографе. Известно, что религиозное присутствовало и в сталинском кино — об этом писали А. Зябликов [7] и Б. Шенк [14]. Эта тема ещё слабо изучена, но уже два примера выше убеждают, что святостью в 30–50-е гг. наделялась коммунистическая идеология. В 60-е гг. религиозность и «святость» начинают переосмысляться и отходить от прежних взаимоотношений с идеологией коммунистического.

Обратимся к одной из самых скандальных и нагруженных религиозной символикой кинокартин 60-х — «Андрею Рублёву» [1]. Фильм был многообещающим из-за военного контекста жизни Рублёва и фигуры иконописца, представленной одним из рецензентов первым светским художником [10]. Тарковский, ищущий через Рублёва «невыразимое и невнятное» [9, с. 84], наделил фильм аурой непостижимого — вместо патриота вышел парящий в мыслях сверхчеловек. Цензоры инициативу не одобрили и из-за излишней жестокости и религиозности положили картину «на полку». Канвой фильма выбрана православная Русь, но режиссер освобождается от рамок православия, располагая Рублёва выше местной религии и Древней Руси. Персонажи говорят о русском человеке и его страдании, но Рублёв — не сугубо национальный герой, понятный и близкий лишь для русского. Он находится за рамками конкретного места, времени, национальности и религии. Подобно иконописцу, режиссёр пытается перенести внутреннюю энергию и одухотворенность человека на внешнюю действительность, но фиксируемую не иконой, а кинокамерой.

Подобное стремление обнаруживается и в фильме «Восхождение» [3]. Фигура партизана Сотникова являет собой образ Христа и его пути. Будучи раненым, до этого слабый Сотников перерождается — лёжа на снегу он пронзительно смотрит в небо, пока страх смерти покидает его (Илл. 1). Рыбак, подобно Иуде, предаёт своего сотоварища, вступая в полицию к немцам. Сотников и ещё трое (старик, женщина и девочка-еврейка) погибают на «Голгофе». Помимо основного библейского мотива присутствуют и другие отсылки. Например, когда Рыбак и Сотников ещё до ранения последнего уходят из жилища старосты, они забирают с собой ягнёнка, «будущего страждущего Мессию» [4], что позволяет проводить аналогии Сотникова с Христом. Остроумным является режиссёрское дополнение к биографии Сотникова о его членстве в партии. Сотников с открывшимся ему религиозным сознанием, до конца считающим себя человеком чести, советским солдатом — умирает, в то время как предатель Рыбак остаётся в живых. Выпуск фильма был под угрозой, но его удалось спасти благодаря заступничеству первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.М. Машерова. Можно предположить, что цензорам изначально не понравилась излишняя религиозность

кинокартины и её тяготение к чуждым солдатам образам. Другими словами, не так силен мотив гибели за родину, как силен в фильме мотив духовной силы человека и его за это наказание.

Помимо представления религии как общечеловеческого начала, режиссеры использовали религиозные мотивы и для того, чтобы говорить о национальном. Ярким примером подобного использования выступает «Белая птица с чёрной отметиной» [2]. Прототипом Георгия Победоносца представлен мальчик Георгий, периоды безверия которого сменяются верой, и всё это происходит на фоне деревушки, которую поочередно захватывают румыны, немцы и советские солдаты. К уже взрослому и принявшему советскую власть Георгию, ставшему врачом, приходит немощный священник с пистолетом. Врач опускает руку священника и говорит: «Я осмотрю Вас, Вы больны» (Илл. 2). После начинается лечение церкви. Религиозное здесь представлено частью национально замкнутой культуры, подверженной трансформации в связи с новым политическим режимом. Несмотря на внешнее прославление власти, принятие новых обычаев ведения хозяйства, кажется, что режиссёр хочет сказать об обратном — о потере идентичности, обезличивании человека. Нить, связующая жителей деревеньки со своими предками, разрывается, приходит в забвение.

Тема религии присутствовала и в советских комедиях. Первый кадр «Иронии судьбы...» [8] после музыкальной вставки — храм с редкими деревянными домиками позади. Камера отдаляется, храм начинают теснить однотипные московские многоэтажки. И друг Лукашина, и главный затворник, будут показаны входящими в подъезд с одного ракурса (Илл. 3). Герои поднимаются по лестнице, а через дорогу виден храм. Основной акцент в фильме делается на окружающих героев зданиях — они являются знаками места. Религиозное сооружение, не окруженное десятками себе подобных, говорит о прошлом района — о сосуществовании старого и нового. Храм также выступает противоположностью советской многоэтажки. Он выбивается из общего однообразия домов, он же район и определяет.

Начиная с 60-х гг. советские кинематографисты включают религиозный мотив в недоступный до этого контекст общечеловеческой и национальной культуры. В это же время новые функции, которыми наделяется религиозное, начинают вступать в

конфликт с коммунистической идеологией — одна из рассмотренных картин была запрещена, ещё две находились под угрозой запрета. И лишь фильму, ставящему религиозное на задний план, удалось избежать этой участи.

Список литературы

1. Андрей Рублёв (реж. А. Тарковский, 1966).
2. Белая птица с черной отметиной (реж. Ю. Ильенко, 1971).
3. Восхождение (реж. Л. Шепитько, 1976).
4. Гриц И. Я. Агнец Пасхальный // Православная энциклопедия: [Электронный ресурс] / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/63320.html> (дата обращения 1.01.2021).
5. Давиденко Д. А. Человек и действительность в отечественном кинематографе 70-х годов: дис. ... канд. искусств. М., 2004. 167 с.
6. Зайцева Л. А. Экранный образ времени оттепели, 60-80-е годы. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 344 с.
7. Зябликов А. В. Религиозные подтексты советского кино 1930 – 1950-х годов // Музейный хронограф: сб. ст. и мат-в сотрудников Костромского музея-заповедника. 2019. Кострома: ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2019. С. 55 – 64.
8. Ирония судьбы, или С лёгким паром (реж. Э. Рязанов, 1975).
9. Кончаловский А. Возвышающий обман. М.: Эксмо, 2012. 384 с.
10. Пашуто В. Возрождённый Рублёв // Искусство кино. 1964. № 5. С. 159 – 160.
11. Прохоров А. Унаследованный дискурс: парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб: Академический проект ДНК, 2007. 344 с.
12. Смолкин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма / пер. с англ. О. Б. Леонтьевой. М.: Новое лит. обозрение, 2021. 547 с.
13. Хренов Н. А. Кино: реабилитация архетипической реальности. М.: Аграф, 2006. 701 с.
14. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, предатель, национальный герой (1263 – 2000) / авториз. пер. с нем. Е. Земсковой, М. Лавринович. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 589 с.
15. Aldridge A. Religion in the Contemporary World: A Sociological Introduction. 3rd ed. Oxford: Wiley, 2013. 256 p.

Приложения

Илл. 1.

Илл. 2.

Илл. 3.

Digital History как способ трансляции исторического знания в образовательных целях: анализ проекта «1917. Свободная история» студии «История будущего»

Digital History as a way of transmission historical knowledge for educational purposes: analysis of the project “1917. The Free History” by the studio “History of the Future”

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта применения Digital History в качестве инструмента трансляции исторического знания в современном российском медиапространстве. В качестве примеров рассматривается проект «1917. Свободная история» студии «История будущего». Анализ проводится с позиции наличия в проекте особенностей дисциплины: способов и форматов использования медиа, ориентированности на широкую аудиторию, вовлеченности аудитории в создание контента, содержательности и достоверности транскрипирования исторического материала в медиаформаты.

Ключевые слова: образование; Digital Humanities; медиатехнологии в истории.

Abstract: The article analyzes the experience of using Digital History as a tool for translating historical knowledge in the modern Russian media space. As examples, the projects of the studio “History of the Future” are considered. The analysis is carried out from the point of view of the presence of discipline features in the projects: methods and formats of media use, focus on a wide audience, audience involvement in content creation, content and reliability of transposing historical material into media formats.

Key words: education; Digital Humanities; media technologies in history.

История как цифровая наука (Digital History) развивается в течение пятидесяти лет. За этот период сформировалось несколько направлений исследований, классифицированных учёными. Согласно П. Артуру, Digital History состоит из прикладной визуализации, разработки информационных интернет-ресурсов, применения интерактивных медиатехнологий, экспериментальных форматов и широкого участия

«обычных» пользователей глобальной сети в формировании и развитии коллективных интернет-ресурсов [1]. Она применяется в исследованиях и выполняет функцию трансляции исторического знания в образовании. Главный инструмент трансляции — медиа. Благодаря сравнительной доступности цифровых технологий для создания медиаформатов, появляется большое количество интерактивных образовательных проектов, посвящённых истории, в том числе и российского происхождения [2; 3].

Проблемы Digital History формируются параллельно с её развитием и применением. Основные из них связаны с медиа как средством пропаганды, невозможностью полной обработки всех аспектов исторического знания, избыточным упрощением истории при ее трансляции и искаженности репрезентации из-за дистанцирования профессиональных историков от публичной и медийной истории [4]. Интересны для рассмотрения не сами проблемы, а их актуальность и актуальность теории Digital History для российского опыта исторических проектов.

Показательными для анализа Digital History в России можно назвать проекты, реализуемые креативной студией «История будущего», такие как: «1917. Свободная история», «Карта истории» и «Digital.1968». Первый из них был запущен в преддверии 100-летия Российской революции 1917 года и вызвал большой интерес со стороны отечественных и западных СМИ [8]. «1917. Свободная история» позиционируется создателями как цифровой сторителлинг, в рамках которого происходит перенос исторических источников 1916–1918 гг. в формат социальных сетей.

Для анализа были выбраны следующие аспекты, отражающие наличие особенностей Digital History в проекте: способы и форматы использования медиа, ориентированность на широкую аудиторию, вовлеченность аудитории в создание контента, содержательность и достоверность транспонирования исторического материала в медиаформаты.

В проекте использовано большое количество разнообразных медиаформатов. Один из них, видео, представлен имитациями новостных выпусков, трансляций с места событий с участием современных журналистов и мультфильмами, формат которых адаптирован для просмотра на мобильных устройствах (в каждом

ролике присутствуют субтитры). Личные страницы исторических личностей, страницы отдельных исторических событий и «лента» дневниковых записей образуют структуру проекта, напоминающую социальные сети дизайном и механизмом действия. Интерактивные форматы представлены тестами, играми и инфографиками (рис. 2). Функция тестов сводится к соотнесению того, кто взаимодействует с данными форматом, с политической позицией и социальным статусом в Российской империи 1917 года (пример: «Кто ты в 1917 году — великий князь или нищий поэт?»). Некоторые тесты также посвящены теме искусства первой трети XX в. (пример: «Как критиковать “Бубновый валет”»). Раздел «Игры» в проекте представлен различными адаптациями привычных компьютерных игр к историческим ситуациям (пример: игра «Не пусти Ленина в Россию»). Использование инфографик позволяет отобразить сложные взаимосвязи и многоэлементные структуры дома Романовых и королевских династий Европы.

Проект «1917. Свободная история» можно назвать ориентированным на широкую аудиторию по нескольким причинам. Контент проекта использует популярные форматы социальных сетей и приложений для описания исторических событий. Кроме того, любое взаимодействие может быть интегрировано в реальный профиль пользователя, посетившего проект. Страницы и аккаунты «1917. Свободная история» в социальных сетях, спустя три года после реализации проекта, имеют большое количество подписчиков (около 249 тыс. на официальной странице «ВКонтакте», около 50 тыс. — на странице в Facebook) и остаются активными.

Пользователь, посетивший сайт проекта, оказывается вовлечён в генерацию контента. Функционал сайта позволяет оставлять реакции в виде различных эмоций, комментировать и делиться записями страницы исторических личностей и событий. Благодаря формату игр пользователь получает возможность создать собственный контент (свой портрет, адаптированный под стиль какого-либо художника эпохи, вариант исторических событий) и также поделиться им в собственных социальных сетях.

На главной странице проекта находится информация о нарушении создателями норм академической науки (сокращение текстов, публикации материала по григорианскому календарю)

и научных консультантах проекта (рис. 1). Исторический материал не подвергается другим трансформациям, кроме тех, что заявлены авторами, рядом с каждой публикацией записи из дневника или архивной фотографией присутствуют ссылки на источники (рис. 3).

Таким образом, проект «1917. Свободная история» можно назвать уникальным для российского опыта трансляции исторического знания по количеству привлечённых форматов медиа и длительности публикации нового контента. Популярность у пользователей социальных сетей и наличие интерактивных форматов позволяют классифицировать «1917. Свободная история» как проект в сфере Digital History, соответствующий одной из целей (трансляция исторического знания при помощи цифровых технологий) и проблемам (сокращение исторического материала как проявление упрощения) данной дисциплины.

Список литературы

1. Бородкин Л. И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия? // Историческая информатика. 2012. № 1. С. 14 – 21.

2. Гамбарато Р. Р., Лапина-Кратасюк Е. Г., Мороз О. В. Панорама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив // Шаги/Steps. 2017. № 2. С. 20 – 46.

3. Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В. Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги/Steps. 2018. № 3-4. С. 147 – 164.

4. Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Информационные технологии и методы в исторических исследованиях и образовании. 2012. №1. С. 5 – 13.

5. Кириллова Н. Б. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М.: Академический проект, 2005. 448 с.

6. Манович Л. Теории софт-культуры / пер. А. Бадоян, Н. Лебедева. Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. 208 с.

7. Манович Л. Язык новых медиа / пер. Д. Кульчицкой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.

8. Проект «1917. Свободная история»: [Электронный ресурс]. URL: <https://project1917.ru/about> (дата обращения 03.11.2020).

Приложения

Страницы сайта проекта «1917. Свободная история»

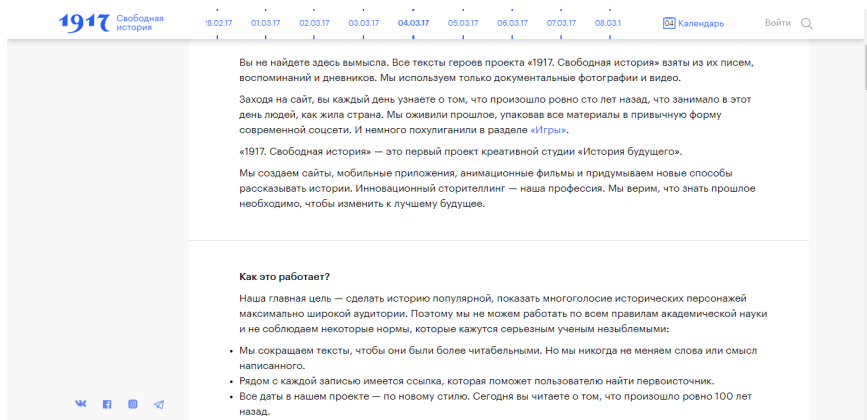

Рис. 1. Главная страница сайта с примечаниями создателей об использовании исторического материала.

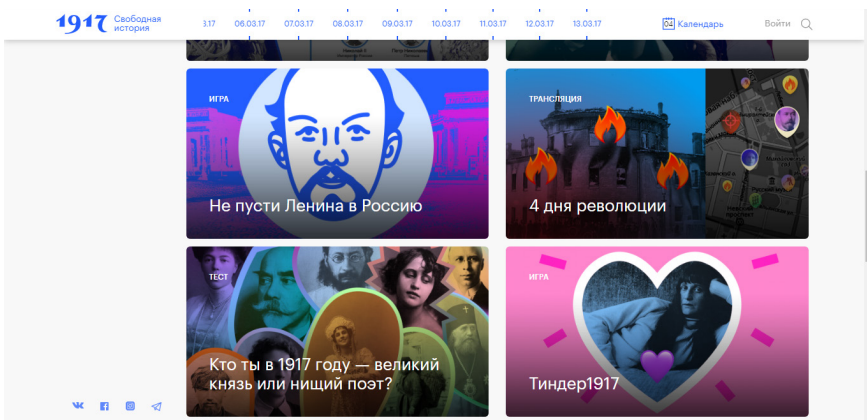

Рис. 2. Меню игр на сайте проекта.

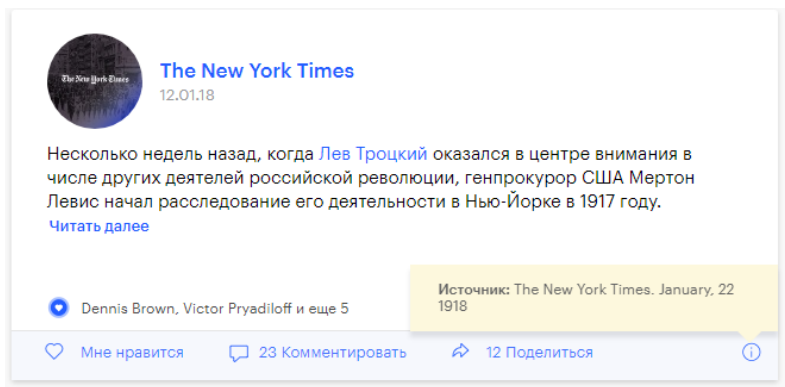

Рис. 3. Пример оформления источника в публикации на странице Льва Троцкого.

VII. ИСТОРИЯ РОССИИ ДО XX ВЕКА

Вепе Лидия Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Семячко Светлана Алексеевна, д-р филол. наук, проф.

Спор об опресноках в русской православной полемике против «латинян»

The dispute about unleavened bread in the Russian Orthodox polemic against the “Latins”

***Аннотация.** Различие в совершении таинства евхаристии между католической и православной традициями стало важным моментом религиозной полемики еще на ранних этапах ее развития. В статье рассматриваются место и смысл возражений по этому поводу православных авторов, тексты которых были распространены в книжной культуре Руси.*

***Ключевые слова:** антилатинская полемика; опресночная служба; межконфессиональные отношения.*

***Abstract.** The difference in the sacrament of the Eucharist between the Catholic and Orthodox traditions became an important point in religious controversy even in the early stages of its development. The article considers the place and meaning of objections to this issue by Orthodox authors, whose texts were widespread in the bookish culture of Russia.*

***Key words:** anti-Latin polemics; unleavened bread service; inter-confessional relations.*

Русская антилатинская полемика состояла из переводов греческих текстов, их компиляций и самостоятельных произведений. В таких сочинениях приводилась критика догматических, обрядовых сторон католичества, а также бытовых особенностей представителей другой конфессии. Известные тексты такого рода — переводное «Окружное послание» патриарха Фотия или «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского. Наиболее примечательной формой изобличения латин являлось перечисление пунктов, которым, как представлялось, соответствуют все

католики. Списки включали в себя действительно важные моменты разногласий – догмат об исхождении Святого Духа и от сына (Filioque), примат папы, иное отношение к иконам, использование пресного хлеба во время таинства причащения, «неправильное» соблюдение поста, celibат священников и др. Однако порой их затмевали указания на бытовые черты латинян, искажающие, негативные характеристики или изображения ярких вымышленных персонажей. Так, образ Петра Гугнивого, упоминаемого уже в летописи и дублируемого в отдельных сочинениях, мог служить подчеркиванием коммуникативной ущербности иноверцев [2]. Пример же прямых компрометирующих обвинений – это «скверноядение», или употребление в пищу продуктов как запретных (например, мясо «нечистых» животных – бобров, белок, медведей, лошадей), так и просто отталкивающих (кровь, моча). Здесь имеет место стремление опереться на библейские тексты, в которых эта пища толкуется как «нечистая», а кровь изображается как вместилище души существа. Это было общее представление о греховном поведении [3, с. 259]. С точки зрения восточного христианства, это неправильное поведение, якобы присущее католикам, объединяло латин с язычниками [6, с. 47]. Тем самым вины латинян равнялись запретам для православных, утверждали табуирование определенных действий [4, с. 109–110].

Обратимся к спору об опресноках в полемике. Это место может быть особенно интересным, поскольку указанная примета католической веры рассматривалась с нескольких позиций – и с обрядовой, и с богословской. Исследователь ранних этапов развития полемики К. А. Костромин также подчеркивает двойное измерение этого предмета прений и относит его к «ритуально-пищевым» [4, с. 111]. Добавим от себя, что, во-первых, различие в таинстве причащения было зримым, материальным. Во-вторых, для полемистов эта особенность была не случайной, а закономерной, прямо указующей на ложность взглядов оппонента. Православные авторы находили объяснение различию и наделяли особым смыслом обычай, принятый в восточно-христианской церкви.

В «Повести временных лет» первым обвинением против католиков в эпизоде, посвященном выбору веры князем Владимиром, указываются именно «оплатки» (то же, что и «опресноки») [7, с. 3]. Летопись свидетельствует о том, что бесквасная служба западно-хри-

стианской церкви, была заметным, выделявшимся признаком отличия для православной стороны. Аналогичные свидетельства дают как антилатинские сочинения, которые в центр своего рассказа ставят опресночную службу, так и тексты с перечнем «вин» латинян, указывающие гостию на первом месте.

Некоторые сочинения имеют заглавия, подсказывающие, что основным моментом обсуждения в них станут опресноки (хотя и не всегда это оказывается так). Например, текст, выделенный в рукописях киноварью «К архиепископу римскому от Иоанна митрополита русского о опресноках» [7, с. 93–95]. Существует также послание, озаглавленное «Петра Антиохийского патриарха к архиепископу Венецианскому о опресноках». В нем основное внимание уделено именно опресночной службе вследствие того, что это отрывок полного текста, из которого была изъята часть, не имевшая актуальность для русского читателя [7, с. 164–173]. Другой текст является апокрифическим и имеет заглавие «Сказание о двенадцати апостолах, о латине и о опресноках». Это компилятивное произведение, состоящее из трех частей [1, с. 68–71]. Вторая часть — обличение латинян за причащение опресноками с многочисленными вставками из славянского перевода трактата Никиты Стифата «Об опресноках» [7, с. 175].

Что касается обвинительных списков, то в качестве сочинений, где в первую очередь упоминается использование опресноков, можно назвать «Послание константинопольского патриарха Михаила Керулария к патриарху антиохийскому Петру». В этом тексте опресночная служба открывает список, состоящий из 30 вин [7, с. 52–56]. «Стязание с латиною» киевского митрополита Георгия, уступая предыдущему тексту в числе пунктов (27 отступлений), в первом указании также содержит краткое описание отличия в таинстве причащения. То же наблюдение справедливо для «Послания Никифора, митрополита Киевского, к князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава» [7, с. 100–108].

Идейным инструментом опровержения использования пресного хлеба в евхаристии была, прежде всего, ссылка на Священное Писание. Напоминалось, что в Новом Завете Христос явил перед учениками пример евхаристической жертвы именно на квасном хлебе. Следуя этому образцу, ученики Христа, апостолы, также совершали службы с использованием просфоры. Некоторые авторы антилатинских

сочинений ограничиваются этими примерами, считая их уже достаточными для доказательства правоты православия. Примерно к тому же типу исчерпывающей аргументации относятся указания о том, что опресноки — составная часть иудейской религиозной жизни. Эта отсылка, скорее всего, основана на противопоставлении ветхо- и новозаветной традиций, а не на реалиях времен создания и распространения полемических текстов. Антииудейская полемика не была особенно развита в древнерусской письменной культуре, и контакты с иудеями не имели характера религиозного конфликта.

Надо заметить, что в случае доказательства превосходства православного обряда в таинстве причащения через свидетельства Священного Писания эта особенность все равно остается, как указал К. А. Костромин, немотивированной и неочевидной для древнерусского читателя [4, с. 111]. В таком освещении она имеет авторитетное подтверждение, но лишается ясного объяснения. Но и пояснительная область постепенно заполнилась. Так, устойчивым тропом в антилатинских сочинениях стало наделение закваски свойствами живительного элемента. Квасной хлеб — это «живой» хлеб, олицетворяющий живую плоть Христа, а опресноки — нечто бездушное, «мертвечина». Один из текстов являет собой исключительный пример, он дает похожие определения, но под несколько другим углом: в «Сказаниях о двенадцати апостолах, о латине и о опресноках» речь идет о четырехсоставности хлеба, восходящей к античному учению о четырех стихиях [1, с. 70].

Объяснение правомерности использования квасного хлеба через сравнение закваски с душой и жизнью закрепилось и получило дальнейшее распространение. Таким подтверждением пользуется, например, Максим Грек в своих антилатинских сочинениях: «...квас же душу образует» [8, с. 93]. Подобным же образом выразился Андрей Курбский в «Ответе о правой вере»: «...вместо хлеба используете опресноки во время священной литургии... хотите, чтобы мертвое тело способствовало совершенной жизни» [5, с. 487].

Таким образом, употребление пресного хлеба вместо квасного в католической традиции служило явственной, изначально значимой чертой размежевания для русского православия. Усвоенное в восточнославянских землях сперва как табу, различие в таинстве причащения постепенно стало приобретать развернутое обоснование.

Список литературы

1. Баранкова Г. С. Текстологические и языковые особенности антилатинского апокрифического памятника «Сказание о двенадцати апостолах, о латине и о опресноцех» // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 3 (27). С. 67 – 92.
2. Зуева О. В. Лингвокоммуникативная характеристика последователей латинской веры в древнерусской церковной полемике // Вестник БГУ. Серия 4. Филология. Журналистика. Педагогика. 2014. № 2. С. 26–30.
3. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 579 с.
4. Костромин К. А. Табу и антилатинская полемика в Древней Руси // Церковь. Богословие. История: материалы II Всероссийской научно-богословской конференции. Екатеринбургская духовная семинария, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2014. Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2014. С. 107–113.
5. Курбский А. Ответ о правой вере / подготовка текста и комментарии А. А. Цехановича // Библиотека Литературы Древней Руси. Т. 11: XVI в. СПб.: Наука, 2001. С. 480 – 494.
6. Павлов А. С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб.: тип. Акад. наук, 1878. 210 с.
7. Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI – XV вв.). М.: тип. Т. Рис, 1875. 418 с.
8. Сочинения / преп. Максим Грек; [редкол.: ... д. ист. н. Н. В. Сеницына (отв. ред. и рук. проекта) и др.]; Т. 2. М.: ЯСК: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 430 с.

Медведев Кирилл Максимович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Филиюшкин Александр Ильич, д-р ист. наук, проф.

Шляхта «народа московского» на территории Смоленского воеводства Речи Посполитой

The nobility of the “Muscovite origin” on the territory of the Smolensk Voivodeship of the Polish-Lithuanian Commonwealth

***Аннотация.** В данной статье рассматривается положение уроженцев России, ставших шляхтичами на территории Смоленского воеводства Речи Посполитой. Отмечается, что только немногие из них, став шляхтичами, реально улучшили свое положение. Самые богатые и знатные из них, поддерживая связи с Киевской православной митрополией, тяготели к «русской» части шляхты Речи Посполитой и были готовы отстаивать ее права (религиозные и прочие).*

***Ключевые слова:** московиты в Европе; Смоленское воеводство; Речь Посполитая.*

***Abstract.** This article examines the situation of the natives of Russia, who became gentry in the territory of the Smolensk Voivodeship of the Polish-Lithuanian Commonwealth. It is noted that only a few of them, having become the part of the Polish nobility, actually improved their position. The richest and noblest of them, maintaining ties with the Orthodox Kiev Metropolitanate, gravitated towards the Ruthenian gentry of Poland-Lithuania and were ready to defend its rights (religious and others).*

***Key words:** Muscovites in Europe; Smolensk Voivodeship; Polish-Lithuanian Commonwealth.*

После окончания Смуты многие русские дворяне, служившие Речи Посполитой, стали шляхтичами на территории Смоленского воеводства, образованного на захваченных у России землях. Их статус сильно зависел от расположения королевской власти, которая «жаловала» этих людей согласно их положению в России и заслугам на королевской службе. Какое-то время их активно использовали для управления захваченными у России землями, тем самым выстраивая отношения с местным населением: в 1620 г. Иван Никитич Салтыков

был управляющим в Стародубе [3, л. 1], а Иван Мещерин — в Невеле [18, s. 226].

После создания на территории Смоленского воеводства своей шляхетской корпорации влияние «москвитов» здесь падает. В 1623 г. смоленская католическая шляхта добилась от короля запрета деятельности православной церкви на территории воеводства [11, с. 141]. Никакой ответной реакции на это от местных шляхтичей «народа московского», насколько нам известно, не последовало. На одном акте 1628 г. об отсрочке сбора налогов со смоленских крестьян нам удалось найти подписи только двух уроженцев России: Юрия Потемкина и Ивана Мещерина [2, л. 1]. Видимо, большинство «москвитян» не могли серьезно повлиять на решения местных дворянских собраний в силу своей относительной малочисленности (по статистическим данным, приводимым С. В. Думиным, они составили около 26% от числа местных землевладельцев [5, с. 86]). Даже самые богатые и знатные из числа местных шляхетных «москвитов» не играли большой роли в жизни местной шляхты: Трубецкие спокойно жили в своем приграничном городе Трубчевске и не интересовались местной политикой, а Павел Солтык (так стали называться в Речи Посполитой Салтыковы), если верить его словам в письме Петру Трубецкому, не посещал основные центры воеводства [15, к. 1]. Однако послом на сейме 1648 г. от Смоленского воеводства был Дмитрий Мещерин, семья которого была одной из самых богатых в воеводстве [5, с. 96].

Местные шляхтичи — «москвитяне» не без поддержки королевской власти также активно интегрировались в социально-экономическую жизнь Речи Посполитой, приобретая земли на территории других воеводств. В 1639 г. Петр Трубецкой, а также братья Солтыки получили привилей на фольварк Полуйковичи в Могилевской экономии [17, s. 544]. Там же пожалованными землями владел королевский дворянин и ротмистр Юрий Потемкин [7, л. 1]. Другой богатый уроженец России из числа смоленских шляхтичей Иван Мещерин владел землями в Мстиславском воеводстве [16, р. 240]. Одной из форм их интеграции также было заключение браков с представителями польско-литовской шляхты [5, с. 96].

В культурном плане бывшие «москвитяне», особенно самые знатные и богатые, достаточно успешно интегрировались

в шляхетское сообщество. Юрий Никитич Трубецкой в своем завещании 1626 г. отмечал огромную важность служения Литовским князьям для всего своего рода. Это завещание было написано западнорусской скорописью [13, к. 1–12], а завещание его сына Петра было написано уже на польском языке в 1644 г. [14, к. 1–29]. На вышеупомянутом акте 1628 г. Потемкин и Мещерин оставили свои подписи русской скорописью [2, л. 1]. Сын Ивана Мещерина Дмитрий в одном своем письме 1642 г. использовал польский язык [12, s. 1], как и Павел Солтык в своем письме Трубецкому [15, к. 1]. Менее знатные «москвитяне» Княжнины и Скрыбин подписывались польской графикой [8, л. 18, 20]. Василий же и Павел Солтыки ходили «по-польски с хохлами» [4, с. 102].

Большинство смоленских шляхтичей «московитов», будучи формально подчинены униатской церкви, остались верны православию. Однако некоторые из них попадали под влияние католицизма. В 1654 г. среди местных шляхетных «московитов» были и католики [5, с. 96]. Самые же знатные и богатые из них играли важную роль в жизни православия в Смоленском воеводстве и на всем востоке Речи Посполитой. Около 1640 г. Федором Солтыком в его имении около Дорогобужа был основан Крестовоздвиженский Бизюков монастырь [10, с. I–II], а на территории Стародубского повета Иосиф Бороздна владел монастырем Святого Спаса [6, с. 699–700]. Оба монастыря подчинялись Киевской православной митрополии. Свои связи с ней поддерживал Дмитрий Мещерин [12, s. 1] и семья Потемкиных [1, с. 209–210]. В 1650 г. в Варшаве Павел Солтык, прося об улучшении положения православия на территории Смоленщины, отметил, что, если верить записи его речи, «Любо когда король взял Смоленск от Москвы, но с нами купно, и наши родители братия и сродники труждали ся в том с королем, что вышедши из неволи московской в неволю паки большую zde впасти» [9, с. 1521–1522]. Видимо, Павел по своим взглядам был близок к той православной части польско-литовской шляхты, считавшей, что их права (религиозные в том числе) как полноправных граждан Речи Посполитой грубо нарушаются, и поэтому они могут легально бороться за них.

Позже некоторые смоленские шляхтичи «народа московского» поддержали восстание Хмельницкого, и, например, такие роды, как Бороздны и Рубцы, пользуясь влиянием на территории

Стародубского повета, за заслуги перед гетманом вошли в число казацкой старшины [5, с. 97]. После начала войны с Россией в 1654 г. Ян Юзеф и Дмитрий Мещерины открыто перешли на сторону запорожцев [16, р. 240–241].

В заключение хотелось бы сказать, что большинство русских дворян, став смоленскими шляхтичами, вовсе не улучшили свое материальное и социальное положение. Лишь немногие из них стали намного более влиятельными и богатыми (как Потемкины и Мещерины), а некоторые только ухудшили свое положение (как Салтыковы и Трубецкие, которые из первых людей России стали средними шляхтичами в пограничном воеводстве). Лишь некоторые из них играли существенную роль в политической жизни воеводства, пользуясь своим финансовым положением и королевским вниманием. Более богатые и знатные шляхетные выходцы из России, связанные со структурами Киевской митрополии, тяготели именно к «русской» части Польско-литовской шляхты. Показателен пример Яна Юзефа Мещерина, сестра которого вышла замуж за Константина Выговского, брата будущего гетмана войска Запорожского Ивана Выговского. Ян Юзеф играл большую роль в жизни Гетманщины после смерти Богдана Хмельницкого, будучи одним из авторов проекта Гадячской унии, предполагавшей создание третьей части Речи Посполитой — «Великого княжества Русского» [16, р. 240–241]. Скорее всего, Мещерины также теперь считали себя частью «русской» шляхты и поэтому поддержали сначала Гетманщину, а потом и Гадячскую унию, которая, как им, возможно, казалось, наконец-то надежно подтвердит и укрепит все права «русской» шляхты и сделает ее третьим официальным «народом» Речи Посполитой.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 14 (Доп. к. Т. 3.): Присоединение Белоруссии: 1654–1655. СПб, 1889. 959 с.
2. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 35 (Коллекция Вонлярлярского). Оп. 1. № 2.
3. Архив СПб ИИ РАН. Колл. 114 (Коллекция Археографической комиссии). Оп. 1. Ша – 30.
4. Воссоединение Украины с Россией. Т. 1. 1620–1647 гг. М., 1953. 586 с.

5. Думин С. В. Смоленское воеводство в составе Речи Посполитой в 1618–1654 гг. (по материалам Литовской метрики) // Смоленская шляхта. Т. 1. М., 2006. С. 54–98.

6. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 3. Полк Стародубский. Чернигов, 1875. 466 с.

7. ОР РНБ. Ф. 971. Дубровский П.П. Собрание. Оп. 1. Авт. 64. № 66.

8. ОР РНБ. Ф. 1514 (Воронцы). № 1 (4).

9. Релігійна дискусія варшавська 1650 року // Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 9. Кн. 2. Додатки. К., 1991. С. 1508–1523.

10. Строганов П. Я. Патриарший Бизюков монастырь. Опыт церковно-исторического исследования. Могилев, 1914. 312 с.

11. Флоря Б. Н. Прерогатива Сигизмунда III смоленской шляхте. К истории религиозной нетерпимости в Речи Посполитой первой половины XVII века // Славяне и их соседи. Вып. 7. Межконфессиональные связи в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе в XV–XVII вв. М., 1999. С. 138–142.

12. AGAD. Archiwum Radziwiłłów (AR). dz. V. Sygn. 9479.

13. AGAD. AR. dz. X. Dokumenty Domów Obcych. Sygn. 173.

14. AGAD. AR. dz. X. Dokumenty Domów Obcych. Sygn. 174.

15. AGAD. AR. dz. X. Dokumenty Domów Obcych. Sygn. 187.

16. Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis in the mid-17th Century. Huddinge, 2006. 347 p.

17. Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. 698 s.

18. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4. Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie. XIV–XVIII wiek. Warszawa, 2003. 412 s.

Моисеева Ольга Алексеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Петров Алексей Владимирович, д-р ист. наук, проф.

**Паисий Лигарид против Никона: к истории досудебных
разбирательств по делу опального патриарха**

**Paisiy Ligarid v Nikon: the history of the pre-trial proceedings
against the disgraced patriarch**

***Аннотация.** В статье рассматривается важный этап подготовки к Большому Московскому собору 1666 – 1667 гг., а именно досудебные разбирательства по делу патриарха Никона. Руководит сбором информации главный помощник и эксперт в деле Никона авантюрист-архиерей Газский митрополит Паисий Лигарид.*

***Ключевые слова:** Паисий Лигарид; дело патриарха Никона; царь Алексей Михайлович.*

***Abstract.** The article deals with the important stage of preparation for the Great Moscow Council of 1666 – 1667, namely, the pre-trial proceedings in the case of Patriarch Nikon. The Chief Assistant and Expert in the Nikon case, Archbishop of Gaza, Metropolitan Paisiy Ligarid, directs the gathering of information.*

***Key words:** Paisiy Ligarid; the case of Patriarch Nikon; tsar Alexey Mikhailovich.*

В Московии в 1660-е гг. ведется активная подготовка к Большому Московскому собору 1666–1667 гг., причиной которого послужило желание Алексея Михайловича низложить патриарха Никона и утвердить церковную реформу. Необходимо было собрать свидетельские показания и доказательства прегрешений патриарха, чем занимался приехавший в 1662 г. в Россию Газский митрополит, главный помощник и эксперт царя в деле Никона, Паисий Лигарид. В данной статье будет показана роль Лигарида в подготовке к Собору и рассмотрены некоторые «прегрешения» Никона.

Взаимоотношениям Паисия Лигарида и Никона посвящена значительная литература, в том числе и современная [3; 7; 10].

Итак, 30 декабря 1662 г. Вятский архиепископ Александр написал царю письмо, в котором приводил примеры, порочащие и

оскорблявшие Никона, и молил царя о скорейшем избрании нового патриарха [1, л. 328, 330, 332а, 333, 358а, 368]. С февраля 1663 г. началось расследование по жалобе на патриарха помещика И. К. Сытина о том, что Никон будто пытал и вешал его крестьян [3, с. 32–33, 589–596]. Патриарх при допросе говорил, что ничего не знает об избииении батогами людей, и что Паисий Газский составляет против него (Никона) ложные свидетельства [3, с. 34–40].

10 мая 1663 г. Паисий Лигарид председательствовал на заседании Собора, на котором разбирался вопрос о предании Никона суду, решение было утвердительным [4, с. 47].

В июне 1663 г. возникло дело об афонском архимандрите Феофане, который без царского позволения ездил к Никону в Воскресенский монастырь и сообщил некоторые полезные сведения о прошлом Паисия. После чего Никон стал открыто называть Лигарида лжемитрополитом и «латынником». Феофан же был сослан в Кириллов монастырь.

В конце июня царские чиновники отводили спорный участок земли к вотчинам Р. Боборыкина, а затем приехали к патриарху Никону, служившему молебны, которые были восприняты, как проклятие. После чего 5–16 июля 1663 г. Боборыкин доложил царю, что якобы Никон на молебне произносил клятвы против царского рода, а затем в своей келье говорил непристойные речи в адрес царя. Алексей Михайлович распорядился расследовать это дело. Старец Аарон, бывший вместе с Боборыкиным в келье патриарха, при допросе отрицал клевету на Никона, за что был заключен в Богоявленский монастырь [3, с. 56–57, 609–612].

В связи с расследованием, 18 июля 1663 г. в Воскресенский монастырь для допроса патриарха приехали следователи, в том числе и Газский митрополит. Никон отказался общаться с Паисием, поскольку тот не имел грамот от вселенских патриархов, утверждавших его статус и полномочия [3, с. 61–63, 77–78, 628]. По окончании допроса Никон был заключен под домашний арест. Так закончилась первая личная встреча патриарха и лжемитрополита [9, с. 211–212].

В середине декабря 1664 г. патриарх Никон получил от Н. А. Зюзина два письма с просьбой вернуться в Москву «для установления мирных условий с польским королем и для иных

государственных дел» [9, с. 223]. 18 декабря¹ Никон тайно прибыл в Москву. «Во дворце забегали; собрались наскоро духовные власти и бояре и составили совет», на котором Паисий Лигарид выступил с требованием получить у Никона отчет «почему он так дерзновенно и разбойнически нахлынул на верховный патриарший престол» [3, с. 117] и сказать ему, чтобы он ожидал решения своего дела от Вселенских патриархов. Алексей Михайлович отправил Никона обратно в монастырь. Царь после прочтения переданных Никоном писем Н. А. Зюзина с объяснением своего приезда учинил расследование.

Так, 22 декабря 1664–10 февраля 1665 г. шло судебное разбирательство над блюстителем патриаршего престола Ионой по делу о приезде патриарха в Москву и принятии им от Никона благословения. Собор лишил Иону должности местоблюстителя патриаршего престола, но сохранил архиерейский сан и епархию.

Параллельно шло судебное разбирательство над Н. А. Зюзиным, в результате которого его сослали в Казань.

Последствия приезда Никона в Москву не прошли бесследно и для него самого. Так, 13–15 января 1665 г. к Никону прибыли дознаватели, которые от имени царя потребовали от патриарха письменно подтвердить его слова об отречении при отъезде из Москвы. В конечном виде письмо представляло собой изложение условий его отречения: оставление патриаршего титула, второе место на соборах, свободный доступ к царю и общение со всеми, желающими его посетить. Также Никон потребовал оставить ему три созданные им обители и пообещал разрешить от клятвы всех, кого он ей подвергнул, в случае их раскаяния [3, с. 141–144, 773–775]. Таким образом, Никон хотел создать себе после окончательного оставления патриаршей кафедры почетное, независимое и обеспеченное положение. Государь передает эти условия на рассмотрение Собору (сентябрь 1665 г.), который сильно сузил и урезал материальные претензии Никона. Однако дальнейшему соборному решению Алексей Михайлович не дал хода.

---

¹ Г. А. Воробьев ошибочно называет другой год — 1665 г. и пишет, что из-за неудавшейся поездки Никон решает написать письмо патриарху Дионисию (декабрь 1665 г.) [2, с. 21].

В марте 1665 г. в Москве случился неприятный скандал, в котором был замешан Паисий Лигарид. Его толмач Агафангел, ограбив его, бежал в Киев. Перед отъездом он посетил Никона и сообщил ему о прошлом Паисия¹. Однако дело провалилось, Агафангела схватили в Киеве и привезли в Москву.

Газский митрополит о данном эпизоде пишет, что Агафангел оклеветал его, а «Никон раскрыл уши как двери» [8, л. 57], да еще дал за сообщенные сведения тому деньги и рекомендательные письма малороссийскому духовенству [8, л. 56–57]. Никон же собрал все «клеветы» против Паисия и отправил царю [8, л. 63]. Патриарх обвинял Паисия в том, что он воспитанник иезуитов, латинский ставленник и запрещенный архиерей, лишенный сана Иерусалимским патриархом. Газский митрополит, узнав об этом, просит государя созвать Собор для рассмотрения обвинений, на котором его оправдали.

Наконец, в ноябре 1666 г. завершилось второе посольство на Восток. Дело Никона перешло в завершающую фазу.

По прибытии в Москву 5 ноября 1666 г. патриархи Александрийский Паисий и Антиохийский Макарий конфиденциально беседовали с Алексеем Михайловичем. Именно тогда царь представлял им подробности дела Никона и добивался от них согласия на его низложение [5, с. 333]. Государь самолично сообщил патриархам собственную полную и единственно им доступную версию дела Никона. Кроме того, видимо на встрече был оговорен размер милостыни, которую получают за свой труд патриархи, а также примерное расписание соборных заседаний [6, с. 38].

Лигарида назначают одним из толмачей патриархов, в связи с этим он составляет записку с изложением «вин» Никона, в которой патриарх обвиняется им в желании овладеть Антиохийской и Александрийской патриархиями, а также Киевской митрополией, и именовать себя Новоиерусалимским патриархом [2, с. 25–26]. Как сказал историк Г. А. Воробьев, «в ней, что не слово — то ложь» [2, с. 25]. Таким образом, Лигарид пытался заранее настроить Восточных патри-

---

¹ Например, что он является «еретиком и попежником и латышом и мясоедцом и блудником... нехристианин отпадшая де веры, обольстил де великаго государя» [3, с. 784–787].

архов против Никона, изобразив его претендующим на их церковные области [5, с. 335].

Следующее заседание состоялось 18 ноября 1666 г., после чего была небольшая пауза. Эти дни были посвящены окончательному согласованию позиций государя и патриархов, дабы на самом суде не возникло никаких недоразумений.

Так, в результате умелых политических манипуляций Газского митрополита в досудебных мероприятиях и разработанного им сценария с драматическим финалом разрешения конфликта властей, с молчаливого одобрения царя, произойдет осуждение патриарха Никона на Соборе.

Список литературы

1. РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 3.
2. Воробьев Г. А. Паисий Лигарид // Русский архив. Кн. 1. М., 1893. С. 5-33.
3. Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. СПб., 1882 – 1884. 1124 с.
4. Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Т. 3. Варшава, 1931 – 1939. 1136 с.
5. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. 547 с.
6. Кричевский Б. В. Организация царем Алексеем Михайловичем Процесса над Патриархом Никоном // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 37 – 46.
7. Кричевский Б. В. Митрополит Газский Паисий Лигарид как эксперт в процессе низвержения Никона с патриаршества // Университетский научный журнал. 2012. № 3. С. 55 – 68.
8. Лигарид П. История осуждения патриарха Никона, сочинения Паисия Лигарида. Ч. 1. [список XIX в. с рукописи 1710 г.] / Паисий Лигарид. – XIX в. II, 84 л.
9. Севастьянова С. К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. 518 с.
10. Чеснокова Н. П. Газский митрополит Паисий Лигарид в России: заметки к биографии // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. № 96. С. 11 – 28.

Григорьева Валерия Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Белусов Михаил Сергеевич, канд. ист. наук, доц.

Проблема происхождения русской государственности в оценках декабристов-критиков Н. М. Карамзина

The problem of the origin of Russian statehood in the assessments of the Decembrist critics of N. M. Karamzin

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов декабристов на проблему происхождения русской государственности и «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Рассматриваются работы и письма таких декабристов, как Н. М. Муравьев, М. Ф. Орлов, К. Ф. Рылеев, содержащие как негативные, так и положительные оценки «Истории...». Делается акцент на различные интерпретации легенды о призвании варягов декабристами.

Ключевые слова: Н. М. Карамзин; декабристы; «История Государства Российского»; легенда о призвании варягов.

Abstract. The article analyzes the views of the Decembrists on the problem of the origin of Russian statehood and the “History of the Russian State” by N. M. Karamzin. The works and letters of such Decembrists as N. M. Muravyov, M. F. Orlov, K. F. Ryleev containing both negative and positive assessments of “History...” are considered. Emphasis is placed on various interpretations of the legend of the calling of the Varangians by the Decembrists.

Key words: N. M. Karamzin; the Decembrists; “History of the Russian State”; legend of the calling of the Varangians.

Декабристы, как известно, очень много внимания уделяли изучению русской и зарубежной истории, часто затрагивали ее в своих работах. При этом они не столько стремились к объективному изучению истории, сколько искали в ней примеры подтверждения своих политических взглядов.

Особое место в их трудах занимала легенда о призвании варягов, как и в целом эпоха Древней Руси, в которой они видели период народного правления. После выхода в свет «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина в 1818 г. вокруг труда развернулась

полемика, в которой приняли участие и декабристы. Некоторые поднятые в ней вопросы сразу же подверглись жесткой критике со стороны Н. М. Муравьева, М. Ф. Орлова [8, с. 557]. Но в первую очередь их отношение к «Истории...» можно назвать очень неоднозначным. Это выражалось в том, что они не только критиковали ее, но и оставляли восторженные отзывы, даже могли использовать в своих исследованиях. К примеру, декабрист Н. А. Бестужев сам во время написания «Опыта истории российского флота» в отдельных случаях обращался к первому тому «Истории Государства Российского», хотя и не разделял концепцию Н. М. Карамзина [4, с. 20].

Последовательную критику, касающуюся происхождения Рюрика, высказывал М. Ф. Орлов, написавший два письма П. А. Вяземскому. Первый том ему «не пришелся по сердцу», несмотря на то, что он уважает Н. М. Карамзина [8, с. 565]. Основная претензия М. Ф. Орлова кроется в том, что Рюрик, по его мнению, может иметь другую этническую принадлежность. Для его патриотических чувств оскорбительно само мнение о призыве на княжение иноземца. Декабрист пишет о том, что варяги с той же вероятностью могут являться и славянами (эта мысль гораздо более предпочтительна, хотя он и понимает, что ни одна из точек зрения не доказана). М. Ф. Орлов объясняет невозможность принадлежности Рюрика к норманнам тем, что в таком случае народ бы обязательно восстал против воцарения иноземца, и его правление не было бы столь спокойно. Интересно, что здесь он не упоминает о Вадиме Храбром, который в сознании декабристов часто воспринимался как герой и противник самодержавия. Однако М. Ф. Орлов совершенно не отвергает возможность добровольного призвания князя, что в принципе характерно для некоторых декабристов. Здесь очень четко прослеживается необъективность М. Ф. Орлова по отношению к древней истории. Впрочем, он и не стремится быть объективным, главное для него — это задетые патриотические чувства. Сам декабрист прекрасно осознает возможную пристрастность его оценки, о чем говорят следующие слова: «Я критик не по познаниям, но по сердцу, и сужу о сочинениях не так, как писатель, но как гражданин» [8, с. 566]. Вместе с тем М. Ф. Орлов критикует не только основы концепции историка, но и используемые им источники, называя их сказками, вымыслами и недвусмысленно намекая на их неправдивость.

Выводы, сделанные Н. М. Карамзиным из источников, критиковал Н. М. Муравьев, автор «Мыслей об «Истории Государства Российского»». В своих рассуждениях он дошел лишь до третьей главы, поэтому его взгляд на легенду о призвании варягов невозможно понять из данной записки. Но об этом можно судить из заметки «Начало русской истории», в которой он писал о том, что славяне пригласили Рюрика, чтобы тот «рядил их по праву, т. е. управлял бы ими по законам» [5, с. 311]. Данная фраза достаточно красноречиво говорит об ограниченном характере власти Рюрика, по мнению декабриста. С. С. Волк приводит и другую цитату Муравьева, которая относится уже к критике французского писателя Рюльера о самовластном характере правления первых монархов: «Рюрик, Олег, Игорь, Святослав — абсолютные владыки! Невежа!» [5, с. 311]. То есть, по мнению декабриста, ограничения в своей власти имел не только Рюрик, но и его наследники, последующие князья как минимум до Святослава. Сам факт призвания варягов он (как, впрочем, и М. Ф. Орлов) при этом, судя по всему, не отрицает.

Обращаясь к истории, декабристы для агитации неоднократно использовали художественную литературу, и, выступая против самодержавия, прославляли в своих произведениях героев, которые с ним боролись. К таким героям относится и фигура Вадима Храброго, легендарного предводителя произошедшего в 864 г. восстания против князя Рюрика. В качестве агитационного материала декабристами, например, использовалась трагедия Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский» [1, с. 22].

Как известно, сам Н. М. Карамзин был весьма скептически настроен по отношению к существованию такой личности, как Вадим Храбрый. В «Истории Государства Российского» историк писал о том, что реальность героя подвергается сомнению, так как упоминания о нем отсутствуют в «Повести временных лет» [6, с. 66]. Для декабристов же по большому счету было не важно, является ли Вадим действительно существовавшей личностью или нет. Его образ прочно укоренился в их сознании как тираноборческий [1, с. 23].

К. Ф. Рылеев, неоднократно бравший сюжеты для своих «дум» из «Истории Государства Российского», также обращался к его образу. В своих сочинениях декабрист сравнивает Н. М. Карамзина с Тацитом, из чего можно сделать вывод, что он действительно уважал

его и как историка в том числе [10, с. 293]. Однако К. Ф. Рылеев весьма избирательно относился к информации, которую черпал из «Истории...». Образ Вадима, который мы можем найти у декабриста, кардинально расходится с описанием Н. М. Карамзина. В то время, как историк пренебрежительно говорит о руководителе новгородского восстания «какой-то», подчеркивает его слабость по сравнению с «сильным Рюриком», для К. Ф. Рылеева он является примером для подражания и национальным героем. «Дума», посвященная восстанию Вадима Храброго, осталась незаконченной, однако и, исходя из нее, можно понять взгляды декабриста на легенду о призвании варягов.

Варягов он выставляет скорее как врагов, которых «насылает Скандинавия», а народ называет порабощенным; упоминая Рюрика, К. Ф. Рылеев говорит следующее: «Грозен князь самовластительный! [9, с. 111–113]. Из этого можно сделать вывод, что он, в отличие от Н. М. Муравьева, не верил в ограниченный характер власти первого князя и считал его полноценным правителем, что совпадает с идеями, высказанными Н. М. Карамзиным. Саму идею захватнического характера власти варягов можно встретить также у А. А. Бестужева [3, с. 207] и М. С. Лунина [7, с. 123].

Как было сказано выше, при всей той критике, которая обрушилась на Н. М. Карамзина со стороны декабристов, их отношение к нему двойственно. Они положительно воспринимали использование историком многочисленных источников, описание некоторых исторических событий. Но важно заметить, что хвалебные отзывы относились скорее не к Карамзину-историку, а к Карамзину-литератору как выдающемуся писателю, о чем можно судить из слов декабриста А. А. Бестужева, который в своей статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», говорит следующее: «Время рассудит Карамзина как историка; но долг правды и благодарности современников венчает сего красноречивого писателя...» [2, с. 17].

Список литературы

1. Артамонов Д. С. Легенда о призвании варягов в исторической памяти декабристов // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2017. № 9. С. 16–26.

2. Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым / Изд. подгот. В. А. Архипов [и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 11–29.

3. Бестужев А. А. О романе Н. Полевого: Клятва при Гробе господнем // Второе полное собрание сочинений А. Марлинского. Т. IV. Ч. XI. СПб.: Тип. Министерств. Государств. Имуществ, 1847. С. 159–224.

4. Бестужев Н. А. Опыт истории российского флота / подгот. от. к изд. И. А. Лившиц и канд. ист. наук Г. Е. Павлова; науч. ред. проф. С. Б. Окунь; глав. архивное упр. Центр. гос. архив воен.-мор. флота. Л.: Судпромиздат, 1961. 172 с.

5. Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 463 с.

6. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. Тома I–II. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2767/bcode/454580> (дата обращения: 10.01.2021).

7. Лунин М. С. Сочинения, письма, документы / вступ. ст. Н. Я. Эйдельмана; коммент. И. А. Желваковой, Н. Я. Эйдельмана. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 576 с.

8. Нечкина М. В. Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина // Литературное наследство / вступ. статья М. В. Нечкиной; публ. и коммент. Л. Я. Вильде. Т. 59. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 557–568.

9. Рылеев К. Ф. Думы / изд. подгот. Л. Г. Фризман. М.: Изд-во АН СССР, 1975. 254 с.

10. Рылеев К. Ф. Сочинения: Стихотворения и поэмы; Проза; Письма / сост., вступ. ст., коммент. С. А. Фомичева. Л.: Худож. лит., 1987. 416 с.

Михайлова Ольга Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Вахромеева Оксана Борисовна, д-р ист. наук, доц.

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна

**Государственное финансирование высшего образования в
Российской империи в период университетской автономии
1863 – 1884 гг.**

**The public funding of the higher educational system in Russian
Empire during the period of the autonomy of universities in
1863 – 1884**

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматриваются вопросы финансового обеспечения университетов в Российской империи в 1863 – 1884 гг., что позволяет выявить взаимосвязи между государственной политикой и сферой образования в рамках периода. Изучение данной темы даёт возможность оценить эффективность механизма финансового контроля над университетами, что важно для оценки нынешней ситуации путём сопоставительного анализа.

Ключевые слова: университеты; высшее образование; Университетский устав 1863 г.; Министерство народного просвещения; финансирование.

Abstract. The article, mainly based on the archive materials, studies the issues of the financial support of the universities in Russian Empire in 1863 – 1884. This kind of research gives the opportunity to find the connection between the governmental policy and the educational system and to assess the effectiveness of the financial monitoring mechanism during the period under review.

Key words: universities; higher education; the University charter (1863); the Ministry of Public Education; financial support.

С вступлением в силу Устава 1863 г. в университетской жизни начали происходить организационные изменения, для осуществления которых необходимо было улучшить и систему финансирования учебных заведений.

В тексте Устава сообщалось, что «число профессоров и доцентов, в штате определённое, может быть увеличено по мере надобности и средств¹ университета» [5, с. 7], следовательно, привлечение новых кадров и обеспечение эффективной их деятельности, на первый взгляд, находилось в компетенции самих же учебных заведений. В действительности же вопросы финансового свойства регулировались со стороны государства и необходимость тех или иных действий для функционирования университетов должна была быть оправдана для получения ими определённых сумм из Государственного казначейства.

Если до реформы количество преподавателей в пяти университетах² по штату составляло 265 человек, то с созданием всех новых кафедр, положенных по Уставу, это число должно было увеличиться чуть более чем на 67 % — до 443 [6, с. 185]. В то же время сумма средств, отпускаемых государством на содержание университетов, увеличилась на 78 %³, т. е. в развитие университетского образования всё же было сделано довольно существенное вложение. В связи с тем возникает вопрос: насколько эффективно эти средства использовались?

Содержание Петербургского университета было увеличено в четыре раза; суммы же, отпускаемые в пользу иных университетов, изначально увеличились только вдвое, — не все университеты в Российской империи получали равную финансовую поддержку. Что касается учебно-вспомогательных учреждений университетов, с 1863 г. их количество постепенно увеличивалось, но средства на их содержание были достаточно скудными или не отпускались вообще. Для приведения их в надлежащий вид нередко приходилось

---

¹ Речь идет о так называемых специальных средствах университетов, формировавшихся за счет взимания платы за обучение со студентов, и отпускавшихся на «развитие ученой деятельности» [5, с. 25].

² В работе рассматриваются С.-Петербургский, Московский, Киевский (св. Владимира), Казанский, Харьковский, после 1864 г. — Новороссийский университеты, т. е. университеты, на которые распространялось действие Устава 1863 г.

³ До реформы на содержание пяти университетов, на которые распространялось действие Устава, отпускалось 988 357 р. 26 коп., теперь сумма возросла до 1 762 383 р. 50 коп., т. е. увеличилась на 774 026 р. 24 коп. [6, с. 185].

использовать личные средства штатных сотрудников [1, л. 31]. В особенности это касалось Новороссийского университета, основанного в 1864 г. [1, л. 33].

Итак, университетам приходилось «испрашивать» нужные для расширения штата или же обслуживания университетских зданий суммы. Осуществлялось это по достаточно сложной системе, которая часто становилась препятствием для быстрого решения актуальных проблем учебных заведений. Каждый год из Государственного казначейства выделялись «штатные суммы по числу профессоров, имеющих налицо» [1, л. 24]. Это было удобно с точки зрения контроля государственного финансирования высших учебных заведений, однако университетские корпорации тем самым нередко ставились в затруднительное положение. В условиях активного «замещения кафедр» при назначении нового профессора в течение текущего года необходимо было «испрашивать» новую сумму на его содержание «в общем установленном для открытия сверхштатных кредитов порядке» [1, л. 25]. Процесс получения сверхштатной суммы был достаточно длительным, и в течение всего времени «ожидания» лица, готовящиеся к назначению на профессорскую должность, преподавали в должности приват-доцентов и получали за то «ничтожные суммы» [1, л. 26]. Этот фактор останавливал процесс расширения штата профессоров. К тому же, нередко запрашиваемая сумма в конечном итоге предоставлялась не в полном размере [1, л. 27–28].

Денежные оклады преподавателей в данный период увеличились вдвое. Исходя из данных об общем количестве преподавателей и суммах их содержания, возможно приблизительно рассчитать общую штатную сумму их жалований. (См. Прил. 1).

Итак, в условиях полного соблюдения положений Устава 1863 г., — создания новых кафедр и увеличения числа преподавателей до 443 чел., и с учётом увеличения преподавательских окладов, ежегодно в данный период на содержание штатных преподавателей из сумм Государственного казначейства отпускалось бы 958 600 р. (См. Прил. 2). Хотя даже с созданием Новороссийского университета количество штатных преподавателей в течение 1863–1884 гг. ни единожды не достигало планируемого показателя, а некоторые кафедры так и не

были созданы, на содержание новых профессоров по-прежнему приходилось испрашивать дополнительное финансирование¹.

Достаточно большая часть обучающихся получала образование бесплатно. Так, например, в 1867 г. из 1511 студентов Московского университета 613 чел. (40 %) обучались бесплатно [1, л. 458–459]. Схожая ситуация имела место в Петербургском университете [1, л. 447]. Если соотношение вносящих плату за обучение к учащимся бесплатно во всех шести университетах было приблизительно одинаковым, сумма спец. средств для каждого из университетов была весьма невелика (См. Прил. 3). Несмотря на это, именно специальные средства официально считались основным экономическим источником для удовлетворения текущих нужд университетских корпораций.

Окончательное решение о выделении тех или иных сумм по различным предметам ведомства принималось не в Министерстве народного просвещения (далее – МНП). В данном случае министр, как и Департамент народного просвещения, выступали посредниками между учреждениями ведомства и Министерством финансов.

Разумеется, сферу образования не стоит рассматривать как коммерчески выгодную отрасль экономики, гос. финансирование университетов в данном контексте выступает в качестве «инвестиции в будущее». Так, по всем ведомствам Министерства народного просвещения в 1871 г. из Государственного казначейства при Министерстве финансов было отпущено 10 436 534 руб. 80 коп. [3, л. 3об.], при этом сумма расходов значительно превалировала над суммой доходов по МНП, которая составляла 1 130 304 руб. 52 коп. (т. е. компенсировалось только около 10 % отпускаемой суммы) [3, л. 7]. Эта тенденция сохранялась на протяжении всего периода, очевидно, на государственном уровне роль образования считалась несомненно важной.

Таким образом, в течение периода университетской автономии государственные средства на развитие университетов выделялись достаточно активно, но процесс их получения был многоступенчатым и растянутым во времени. Согласно расчетам, специальных средств,

---

¹ Парадокс заключается в том, что формально на содержание пяти университетов выделялась огромная сумма, которая, очевидно, должна была покрывать все расходы на содержание преподавательского штата.

имеющихся в распоряжении университетов, было недостаточно для их самообеспечения. Зачастую университеты без финансовой поддержки государства не имели возможности реализовывать предоставленные им Уставом 1863 г. права, в том числе право приобретать движимое и недвижимое имущество [5, с. 30]. Однако в то же время университеты всё же предоставляли студентам возможность учиться бесплатно, что являлось немаловажным фактором постепенного увеличения количества обучающихся. Схожий процесс происходил и в отношении преподавательского состава: сообразно улучшению общественного положения лиц, занимавших университетские должности, увеличились и суммы их содержания. Несмотря на это, «автономия» университетов, очевидно, сдерживалась государственными органами, в том числе в экономических вопросах.

Список литературы

1. РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 57 (Отчёт министра народного просвещения за 1867 год. Приложение к отчету за 1867 год). 487 л.
2. РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 62 (Отчет министра народного просвещения за 1872 год. Приложения к отчету за 1872 год). 268 л.
3. РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Д. 863. (Общая канцелярия министра финансов. Перечневая ведомость доходов и расходов, исчисленных по представленным министрами и главноуправляющими сметам на 1871 г. и дополнительным к ним сведениям). 371 л.
4. Извлечение из Всеподданнейшего отчёта министра народного просвещения за 1877 г. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879. 230 с.
5. Общие уставы императорских российских университетов 1863 и 1884 гг. Одесса: Тип. Акц. Южно-рус. о-ва печатного дела, 1901. 83 с.
6. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформ: шестидесятые годы XIX века. М.: Наука, 1993. 272 с.

Приложения

Прил. 1. Распределение университетских должностей по штатам¹.

Исходя из анализа данных о количестве преподавателей в университетах в 1863–1884 гг.², получим доли (в %) всех должностных лиц в штате. Если на первое января 1873 г. штатных преподавателей во всех университетах³ было 359 чел.⁴ [2, л. 1–10б.], тогда ординарные профессора составляли 52 % от общего числа, экстраординарные профессора, доценты и все прочие штатные должности (суммарно) составляли 12 %, 25 % и 11 % соответственно.

Расчет подтверждается и данными на 1877 г.

	1872 г.		1877 г.	
	Количество штатных преподавателей (чел.)	Доля (%)	Количество штатных преподавателей (чел.)	Доля (%)
Ординарные профессора	186	52 %	205	52 %
Экстраординарные профессора	45	12 %	49	12 %
Доценты	88	25 %	103	26 %
Прочие	40	11 %	40	10 %
Всего	359	100 %	397	100 %

¹ На 1872 г. [2, л. 1–10б.] и 1877 г. [4, с. 170–171].

² Для большей наглядности возьмём сведения, приведённые в Отчёте министра народного просвещения за 1872 г., — условно, данные середины исследуемого периода.

³ Включая Новороссийский и исключая Дерптский и Варшавский.

⁴ В т. ч. ординарных профессоров — 186, экстраординарных — 45, доцентов — 88, преподавателей, прозекторов, помощников прозекторов и лекторов — 40, а также 6 профессоров богословия).

Прил. 2. Расчёт сумм, выделяемых Государственным казначейством на содержание преподавательских кадров.

Табл. 1. Сумма, положенная по запланированному после реформы 1863 г. штату¹.

	Оклад на 1 чел. (руб.)	Планировалось по штату после реформы 1863 г.	
		Штатная численность (чел.)	Штатная сумма (руб.)
Ординарные профессора	3 000	230	690 000
Экстраординарные профессора	2 000	53	106 000
Доценты	1 200	111	133 200
Прочие	600	49	29 400
Итого	6 800	443	958 600

¹ Расчёт произведён с учётом фактических данных, приведённых в Табл. 2. В данный период оклады профессоров увеличились: ординарным профессорам, получавшим ранее от 1263 до 1572 руб./г., с 1863 г. назначалось по 3000 руб./г., экстраординарным — 2000 рублей в год (вместо 954–1175 руб./г.), доцентам — 1200 руб./г. (прежние адъюнкты получали от 643 до 800 руб./г.) [6, с. 186].

Табл. 2. Фактические данные на 1872 г. [2, л 1–1об.] и 1877 г. [4, с. 170–171] (для сравнения).

	Оклад на 1 чел. (руб.)	Фактические данные на 1872 г.		Фактические данные на 1877 г.	
		Штатная числ. (чел.)	Штатная сумма (руб.)	Штатная числ. (чел.)	Штатная сумма (руб.)
Ординарные профессора	3 000	186	558 000	205	615 000
Экстраординарные профессора	2 000	45	90 000	49	98 000
Доценты	1 200	88	105 600	103	123 600
Прочие	600	40	24 000	40	24 000
Итого	6 800	359	777 600	397	860 600

Прил. 3. Доход университетов в суммы специальных средств за счёт взимания со студентов платы за слушание лекций [1, л. 447–485].

Данные, приведённые в ячейках таблицы, обозначенных серым, рассчитаны пропорционально усреднённым долям¹ студентов тех или иных категорий от общего их количества в столичных университетах. Соответственно, таблица демонстрирует приблизительный доход университетов за счет взимания платы за обучение со студентов при условии сохранения структуры распределения категорий обучающихся².

Университет	Общее количество студентов (чел.)	Кол-во студентов, обучающихся бесплатно	Кол-во студентов, вносивших половину платы за обучение	Кол-во студентов, вносивших плату за обучение в полном размере	Плата за обучение (руб./год) с человека	Доход университета (в счет спец. средств) в рублях
С.-Петербургский	890	327	43	890	50	45 575
Московский	1 511	613	16	882	50	44 500

¹ Усреднённая доля рассчитана как среднее арифметическое между долями категорий студентов в общей структуре Санкт-Петербургского и Московского университетов. Так, доля студентов, обучающихся бесплатно в Санкт-Петербургском университете равна 36 %, а в Московском — 40 %, следовательно, среднее арифметическое, использованное для условного расчета того же показателя для остальных университетов, составляет 38 %.

² Тенденция к предоставлению студентам финансовых льгот сохранялась в течение всего рассматриваемого периода. Так, в 1871 г. обучались бесплатно (в шести университетах) 1795 студентов из 5301 (34 %), в 1872 г. 1919 чел. (40 %) из 4750 были освобождены от платы за обучение [1, л. 249]. К 1877 г. доля студентов, не вносящих платы за обучение, существенно не изменилась [4, с. 175].

Киевский (св. Владимира)	499	189	10	300	40	12 200
Казанский	301	114	6	181	40	7 360
Харьковский	478	181	10	287	40	11 680
Новороссийский	309	117	6	186	40	7 560
Всего	3 988	1 541	91	2 356		128 875

Ивченко Юлия Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Рябова Людмила Константиновна, канд. ист. наук, доц.

Детские дневники Ксении Половцовой 1894 – 1897 гг. как источник изучения повседневной жизни дворянских детей конца XIX в.

Children's diaries of Ksenia Polovtsova 1894 – 1897 as a source of study of the everyday life of noble children of the late 19th century

***Аннотация.** В данной статье автор рассматривает детский дневник как исторический источник, позволяющий реконструировать повседневную жизнь дворянских детей конца XIX в. с акцентом на обучении, воспитании, играх, чтении, детских журналах, распорядке дня, гигиене, взаимоотношениях между детьми и родителями, досуге.*

***Ключевые слова:** Повседневная жизнь; история детства; дневник; дворянство; XIX век; Российская империя.*

***Abstract.** In this article, the author considers the children's diary as a historical source that allows reconstructing the daily life of noble children of the late XIX century with an emphasis on education, upbringing, games, reading, children's magazines, daily routine, hygiene, relationships between children and parents, and leisure.*

***Key words:** Everyday life; childhood history; diary; nobility; XIX century; Russian Empire.*

История детства как направление исторической науки междисциплинарного характера начала активно развиваться в России с 1990- х гг. Среди российских специалистов стоит выделить О. Е. Кошелеву, А. В. Белову, В. А. Веремеенко, И. В. Синову, А. Б. Лярского, А. А. Сальникову, Н. А. Мицюк. Несмотря на большое внимание к истории детства, «детские источники» привлекаются исследователями достаточно редко в силу того, что они малочисленны или рассеяны по различным фондам и не систематизированы [9, с. 177]. В свою очередь это-документы являются репрезентативными источниками и представляют особый научный интерес. Детские нарративные практики позволяют реконструировать повседневную жизнь, объяснить мотивы

поступков, наблюдать за изменением и эволюцией движения своего «я» во времени («time and motion study») [3, с. 47]. Еще А. С. Лаппо-Данилевский подметил особенность «субъективных» источников: «они дают понятие о внутреннем мире человека, его побуждениях и мотивах, симпатиях и антипатиях, мнениях и доктринах; о его действиях и поступках; об интимной стороне жизни людей данного круга, их характерах, нравах и привычках; о событиях» [5, с. 36].

В нашем исследовательском поле оказались неопубликованные и не введенные в научный оборот первые четыре детских дневника Ксении Анатольевны Половцовой (всего было написано 8 дневников с 1894 по 1901 гг., в возрасте 7–15 лет). В статье предпринята попытка продемонстрировать источниковедческий потенциал дневников с целью реконструкции повседневной жизни детей.

Дневники-хроники, хранящиеся в РГИА и ОР РНБ, представляют собой подневные записи событий, которые велись Ксенией регулярно и систематически на протяжении годов, исключением является дневник 1894 г., который эволюционировал из писем. Подтверждением этой гипотезы является то, что тетрадные страницы дневника имеют вертикальные и горизонтальные сгибы, а также присутствуют в тексте обращения к отцу [6, л. 2]. При изучении дневников, на наш взгляд, необходимо учитывать гендерное различие обучения, а также социальную и сословную принадлежность авторов, следовательно, наше внимание было обращено на дворянских детей, в большей степени на «девичье» воспитание. В ходе исследования детских дневников, мы можем выделить несколько направлений изучения.

Во-первых, дневник позволяет осветить повседневную и культурную жизнь Санкт-Петербурга конца XIX в. (музыкальные, театральные представления, выставки, медицинское лечение, ассортимент магазинов и т. д.), т. к. непосредственными участниками этого публичного пространства являлись дети. Во-вторых, в дневниках отразились вопросы домашнего обучения и воспитания: просвещением и развитием способностей занимались в основном гувернантки, родственники, домашние учителя, отчасти и сами родители (мама занималась с дочерью музыкой, отец — географией, историей). В целом домашнее обучение было нацелено на усвоение определенной базы знаний, которая требовалась в учебных

заведениях. Обучение происходило с сентября–октября по май (до наступления теплого времени, которое семьи обычно проводили за городом). Данные дневники служили также упражнениями по грамматике и орфографии (отец исправлял ошибки Ксении).

В-третьих, дневник позволяет очертить круг чтения и влияние литературы на духовно-нравственный мир ребенка (в записях отобразились собственные впечатления Ксении и младшего брата Кирилла, а также рекомендации взрослых). Чтение в дворянских семьях — важная составляющая повседневной жизни, ведь процесс чтения вслух не только собирал родственников всех вместе (чаще всего вечером), но и способствовал совместному обсуждению, сближая членов семьи. Отметим возросшее значение в конце XIX в. детских журналов, среди которых можно назвать «Родник», «Юный читатель», «Детский мир», «Задушевное слово» и др. Ксения постоянно упоминала номера журнала «Игрушечка», издававшийся в Петербурге в 1880–1912 гг. [2, с. 187] Дети не только читали каждый ежемесячный номер, но и ставили представления по пьесам из журнала.

В-четвертых, в источниках немало внимания уделяется такой неотъемлемой части жизни как игры. Игровое пространство демонстрирует не только взаимодействие между детьми, но и способ коммуникации детей со взрослыми, которые принимали активное участие в игровом процессе. Игры предстают как социальная реконструкция внешнего мира, преобразованная в ирреальном пространстве. Содержание игр («король и слуги», игра «в пароходы», «в казарму») отражает действительность XIX в. При участии детского воображения воспроизводятся основные механизмы предметно-развивающих ролевых игр, важных для объяснения детского мира и представления об окружающем (игра в зверей, в поезда, в дома, в крепость, в лодку и др.). Немаловажное значение играют и подвижные игры (например, в кошки-мышки, в пятнашки, в жмурки, игра «в гигантские шаги»), которые становились частью досуга. Родители и няня могли сопровождать детей и наблюдать за детьми на «гимнастике» (на огражденной площадке с качелями, гимнастическими конструкциями). 10-летняя Ксения пишет (орфография сохранена): «мы были у гимнастике сделаной мачтой: Кирюша залезал до куда позволяли, а я прыгала на сетке внизу» [7, л. 95], «делали гимнастику,

как в цирке, на одном кресле» [4, л. 426]. Досуг детей заполнялся посещением музеев, театров, выставок, зоопарка, пригородов, совместно с родителями и родственниками — катанием на лодке и на лошадях в теплое время года.

Небезынтересен вопрос о гигиене. Ксения отмечала в дневниках гигиенические процедуры, которые осуществляла прислуга и только в редких случаях мама: «Вечером дома я купалась; меня мыла мама, потому, что няня с Машей уехала в театр» [7, л. 207об.]. Есть упоминание, что мыли на кухне. Когда дети болели, взрослые не купали детей.

Особенно ярко выделяется в дневниках режим и распорядок дня Ксении Половцовой и ее младшего брата, Кирилла Анатольевича. Таким образом, подъем был около 8–9 часов, затем следовал утренний туалет, занятия и обучение языкам, завтрак, «после которого» Ксения чаще всего делала записи в дневнике (деление дня Ксенией определено приемами пищи). Днем дети гуляли с няней или родителями, посещали танцы или занятия музыкой, ходили на каток или за покупками. Заметим, что у детей имелись карманные деньги, на которые они покупали маленькие подарки родственникам. После обеда дети занимались Законом Божиим, географией, арифметикой. Часто субботний ужин Ксения называет «Большим Половецким обедом», на который маленьких детей могли не пускать. Вечер семья проводила вместе за чтением, обсуждением, музицированием, спектаклями, самодеятельностью: «Выставка была в бабушкиной комнате и ее (выставку) мы назвали «Выставка Аничковских художников». Нашу маленькую выставку глядели все. Я заработала 22 к. У меня купили все четыре картины только оставили одну у меня» [8, л. 79об–80]. Благодаря этому богатому материалу возможно реконструировать занятия, воспитание, начальное образование дворянских детей, их увлечения, восприятие окружающего мира (в том числе отклик на государственные события, такие как смерть императора Александра III, коронация Николая II, первая всеобщая перепись населения).

Детские дневники также являются источниками, которые показывают социальное взаимодействие взрослых и детей, отношения которых к концу XIX – началу XX в. демократизировались. Родители стремились обеспечить детей образованием, развить их способности,

чтобы в будущем они смогли самостоятельно определиться в выборе жизненного пути [1, с. 614].

Таким образом, исследование детских дневников и других источников, написанных непосредственно в раннем возрасте, является перспективным и актуальным направлением в современной исторической науке. Детские источники являются репрезентативными источниками и представляют особый научный интерес.

Список литературы

1. Веременко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: Европейский Дом, 2009. 682 с.

2. Гайманова Е. В. Культурносфера отечественной периодики для детей и юношества 50 – 80-х годов XIX века. М.: Аналитик, 2014. 264 с.

3. Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 563 с.

4. ОР РНБ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1569. Половцова Ксения Анатольевна. Дневник (1897 г.). 445 л.

5. Приймак Н. И., Валегина К. О. Мемуары, дневники, письма как исторический источник. СПб.: ЛЕМА, 2018. 71 с.

6. РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2036. Детский дневник (альбом) К. А. Половцовой (1894 г.). 83 л.

7. РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2037. Детский дневник (альбом) К. А. Половцовой (1895 г.). 259 л.

8. РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2038. Детские дневники (тетради) К. А. Половцовой (1896 г.) 337 л.

9. Ромашова М. В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. 2012. № 3. С. 172 – 179.

Тихонов Александр Сергеевич

Российский государственный гуманитарный университет

Научный руководитель:

Хавкин Борис Львович, д-р ист. наук, проф.

Германский фактор в российской морской политике на рубеже XIX – XX вв.

Russian-German naval relations at the turn of the XIX – XX centuries

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния германского военно-морского строительства на морскую политику России на рубеже XIX – XX вв. Научная новизна работы обусловлена недостаточной изученностью проблемы русско-германского морского соперничества на рубеже XIX – XX вв. В результате исследования выявлен значительный интерес русского морского министерства к новой угрозе со стороны германского военно-морского флота.

Ключевые слова: кайзеровский военно-морской флот; гонка морских вооружений; эпоха «нового маринизма»; русский императорский флот.

Abstract. The article is devoted to the study of the influence of German naval construction on Russian naval policy at the turn of the XIX – XX centuries. The scientific novelty of the work is due to the insufficient study of the problem of Russian-German Maritime rivalry at the turn of the XIX – XX centuries. The study revealed a significant interest of the Russian naval department in the new threat from the German navy.

Key words: the Imperial German Navy; the naval arms race; the era of the «new marinism»; the Russian Imperial Navy.

Морская политика ведущих государств Европы, Америки и Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. обострила и без того напряженные отношения в мире. Составной частью данной морской политики стала беспрецедентная гонка морских вооружений. В дальнейшем данный период в истории получил наименование эпохи «нового маринизма».

Ярким примером воплощения политики «нового маринизма» стало предвоенное англо-германское морское противостояние,

однако незаслуженно была отодвинута в сторону и забыта проблема взаимодействия России и Германии в ходе осуществления их морской политики на рубеже XIX–XX вв. Данная проблема представляется весьма важной и малоизученной в отечественной и зарубежной историографии и нашла отражение лишь в недавних работах С. П. Шилова и С. Н. Синегубова [13; 10].

К середине 90-х гг. XIX вв. рост германского и японского флотов стал одним из основных факторов, влияющим на стратегию развития российского флота. Военно-морское строительство обоих государств напрямую угрожало интересам России в различных регионах земного шара, что требовало разработки новой кораблестроительной программы отвечающей актуальной внешнеполитической обстановке.

Для этого в марте 1895 г. было созвано Особое совещание, которое составило Всеподданнейший доклад на имя Николая II. В нем подчеркивалось, что «для действительной готовности к борьбе с Германией с нашей стороны необходимо новые усилия, так как сравнения с этой державой должно иметь для нас в этом вопросе решающее значение» [2, л. 12]. Причиной столь сильного интереса к Германии стали донесения военно-морского агента в Берлине капитана 2-го ранга Кригера, который пришел к выводу, что Германия в ближайшие годы будет прилагать серьезные усилия по строительству броненосного флота [1, л. 198].

В то же время в докладе подчеркивалась необходимость усиления эскадры Тихого океана, но принимая во внимание ограниченные финансовые возможности страны, было предложено оснастить часть судов, предназначенных программой, для посылки на Дальний Восток [3, л. 68].

Однако вскоре в морском министерстве пришло понимание, что затрачиваемых средств не хватит для одновременного противостояния немецкому и японскому флотам. В связи с этим в Морском ведомстве встал вопрос о пересмотре судостроительной программы 1895 г. в сторону увеличения военно-морского присутствия на Дальнем Востоке.

Данная инициатива получила ярого противника в лице управляющего Морским министерством адмирала Чихачёва, сторонника приоритетного развития Балтийского флота. Также его

поддержали руководитель Военного министерства Ванновский и генерал-адмирал Алексей Александрович. По их мнению, угроза со стороны Германии требовала сохранения европейского вектора развития отечественного флота.

Однако воля Николая II и значительная поддержка внутри Морского министерства идеи создания мощного Тихоокеанского флота в итоге привели к отставке адмирала Чихачева в мае 1896 г. В частности, на это значительным образом повлияла объяснительная записка под названием «Соображения о необходимости усилить состав русского флота в Тихом океане», изданная капитаном 2-го ранга великим князем Александром Михайловичем [8, с. 264–332].

Придя, наконец, к единому мнению в декабре 1897 г. была созвана особая комиссия, которая выработала особую судостроительную программу «Для нужд Дальнего Востока». В основе новой программы лежал тезис о том, что «нашему флоту следует быть несколько сильнее японского, дабы в случае столкновения быть способным к деятельности активной» [6, с. 21].

Стоит отметить, что на особой комиссии все же выдвигался вопрос о целесообразности ослабления Балтийского флота в преддверии принятия в апреле 1898 г. Рейхстагом первого закона о флоте. Однако ввиду благоприятной внешнеполитической ситуации в Европе, в Балтийском море было решено перейти к оборонительной политике [7, с. 49].

Данное решение было связано с очевидным сближением Германии и России в конце XIX г. В 1897 г. кайзер Вильгельм II наносит официальный визит в Петербург с целью принять чин адмирала российского флота [4]. Присвоение чина Вильгельму II, безусловно, носило демонстративный характер и служило целью показать всему миру русско-германское согласие и дружбу. Так в ходе встречи двух императоров Вильгельму II удалось убедить своего кузена Николая II в партнерстве русского и германского оружия в колониальных делах [14, с. 31–32].

Таким образом, российское военно-политическое руководство обратило пристальное внимание на Дальний Восток, в то время как германский военно-морской флот наращивал темпы военного строительства. В 1900 г. был принят второй закон о флоте, удваивающий германский флот, строящийся по первому закону о флоте 1898 г.

[10, с. 133–134], что, учитывая оборонительные задачи Балтийского флота, утверждало господство германского флота в Балтийском море на долгие годы (табл. 1). Осознание этого факта германским адмиралам пришло не сразу. Лишь в январе 1901 г. после информирования военным атташе в Петербурге о новой «Программе дислокации русских военно-морских сил» был сделан вывод о том, что «русский флот долгие годы не будет иметь существенного значения» [14, с. 33].

Данная ситуация стала возможной вследствие того, что германский военно-морской флот к 1903 г. практически сравнялся по общему водоизмещению с российским, тем самым выходя на 4-е место в рейтинге морских держав [11, с. 1–2]. Кроме того, германская судостроительная промышленность строила в 1,5 раза больше судов основных классов [11, с. 2], чем Российская империя, при практически равном военно-морском бюджете [9, с. 1–2].

Однако все же ситуацию ещё можно было исправить. В 1901 г. Николай II отдал приказ Главному морскому штабу «в виду громадного усиления германского флота к 1920 г., рассмотреть вопрос об окончании программы 1895 и 1898 гг. в связи с необходимостью увеличения Балтийского флота к 1920 г.» [3, л. 4]. К 1903 г. была составлена 20-летняя судостроительная программа, которая поставила перед российским флотом недостижимые цели и задачи (табл. 2). По приблизительным подсчетам, каждый год программы должен был обходиться бюджету Российской империи в 76 млн. руб., в первый же год планировалось выделить сумму в размере 90,6 млн. руб. [12, с. 225], что было непосильной тратой для бюджета Российской империи. В связи с этим по финансовым соображениям морское ведомство было вынуждено сократить новую программу до 10 лет, однако она так и не была реализована из-за начавшейся русско-японской войны [5, с. 134–141].

Таким образом, в погоне за превосходством над японским флотом на Дальнем Востоке российский флот упустил свое превосходство на Балтике и вогнал российские финансы в громадные долги. Тем не менее, российское руководство не оставило идеи конкуренции на Балтике русского и немецкого флотов, однако ни политическая обстановка, ни реальные военные и финансовые возможности, не позволили реализовать данную идею. Именно поэтому, несмотря на прочно удерживаемые позиции на 3-й строчке «табели о рангах» морских держав в конце XIX в., в начале XX в.

российский флот уступил свое место флотам Германии и США, а поражение в Русско-японской войне лишь усугубило положение, полностью оголив Балтийское и Тихоокеанское направления.

Список литературы

1. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 573.
2. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2121.
3. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2480.
4. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1667.
5. Военная промышленность России в начале XX в. (1900–1917). М.: Новый хронограф, 2004. 832 с.
6. Грибовский В. Ю. Российский флот Тихого океана, 1898–1905: История создания и гибели. М.: Воен. кн., 2004. 140 с.
7. Петров М. А. Подготовка России к мировой войне на море / с пред. М. Павловича. М.: Госвоениздат, 1926. 276 с.
8. Письма и доклады великого князя Александра Михайловича императору Николаю II. 1889–1917. М., 2016. 656 с.
9. Рост морских бюджетов главных морских стран // Морской сборник. 1903. № 12 – Неофициальный отдел. С. 1–3.
10. Синегубов С. Н., Шилов С. П. Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб., 2016. 320 с.
11. Сравнительная сила флотов главных морских держав // Морской сборник. 1903. № 5. – Неофициальный отдел. С. 1–3.
12. Шацилло К. Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. 1991. № 7–8. С. 224–233.
13. Шилов С. П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. Тюмень: Изд-во Тюменского ун-та, 2004. 144 с.
14. Шилов С. П. Кайзеровский военно-морской флот и Россия перед Первой мировой войной // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 27–41.

Приложения

Табл. 1.

Флоты России и Германии на Балтике ¹				
	1895 г.		1900 г.	
Основные классы боевых судов	Российский флот	Германский флот	Российский флот	Германский флот
Эскадренные броненосцы	3 (+7 ²)	4 (+1)	1 (+6)	6 (+8)
Броненосцы береговой обороны	2 (+1)	7 (+1)	3	8
Броненосные крейсера	5 (+1)	0 (+1)	1 (+1)	1 (+2)
Бронепалубные крейсера 1-го ранга	2	3	2 (+6)	8
Бронепалубные крейсера 2-го ранга	0	7	0 (+2)	8 (+5)
Небронированные крейсера	4	8	4	8
Канонерские лодки	3 (+1)	18	0	19 (+1)
Минные крейсера	3 (+1)	7 (+1)	3	10
Контрминоносцы (эскадренные миноносцы)	0	9 (+2)	0	22 (+5)
Миноносцы	29 (+15)	108	46	112 (+13)

¹ В таблице присутствуют суда, построенные после 1884 г.

² Строящиеся суда.

Источники:

1. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2121. Л. 47–48.
2. Сборник военно-морских сведений об иностранных государствах / Сост. под ред. кап. 1 ранга Доможирова. Т. 1. Вып. 1: Австро-Венгрия. Англия. Германия. Италия. 1895. С. 38–57.
3. Военные флоты иностранных государств и Морская справочная книжка / Сост. под лич. наблюдением е. и. в. вел. кн. Александра Михайловича и лейт. И. В. Будиловского. СПб: тип. Э. Гоппе, 1897. С. 2–20.
4. Численность, по родам судов, флотов Великобритании, Франции, России, Германии, Италии, С. – А. Соединенных штатов и Японии // Морской сборник. 1900. № 1. – Морская хроника. С. 1–4.
5. Ведомость военных судов, находящихся в заграничном плавании // Морской сборник. 1900. № 12. – Официальный отдел. С. 1–3.

Табл. 2.

20-летняя судостроительная программа 1903 г.		
Основные классы боевых судов	Для Балтийского флота	Всего по программе 1903 г.
Эскадренные броненосцы	35	47
Броненосцы береговой обороны	6	6
Броненосные крейсера	18	22
Бронепалубные крейсера	36	46
Канонерские лодки	12	16
Контрминоносцы (эскадренные миноносцы)	290	332
Миноносцы	219	235
Подводные лодки	104	104

Источники:

1. РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 2480. Л. 263.
2. Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 189.

Логинов Владимир Андреевич

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Андреев Дмитрий Александрович, канд. ист. наук., доц.

Угольные погрузки как элемент повседневной жизни нижних чинов Второй Тихоокеанской эскадры во время похода 1904 – 1905 гг.

Coal loading as an element of the daily life of the lower ranks of the Second Pacific Squadron during the campaign of 1904 – 1905

Аннотация. Настоящая статья посвящена одной из важнейших составляющих повседневности нижних чинов Второй Тихоокеанской эскадры — повседневным хозяйственным обязанностям, а именно угольным погрузкам, которые оказали существенное влияние на все остальные элементы повседневной жизни — быт, организацию свободного времени. Исследование основано на источниках личного происхождения — мемуарах, письмах и дневниках участников похода всех чинов и званий.

Ключевые слова: Русско-японская война 1904–1905 гг.; Вторая Тихоокеанская эскадра; повседневная жизнь; угольные погрузки.

Abstract. This article focuses on one of the most important parts of everyday life — daily duties, namely coal loading, which had a significant impact on all other elements of daily life. The research is based on numerous sources of personal origin — memoirs, letters and diaries of the participants of the campaign of all ranks.

Key words: Russo-Japanese War 1904–1905; Second Pacific Squadron; everyday life; coal loading.

В спектре событий русско-японской войны в частности и всей военной истории в целом поход 2-й Тихоокеанской эскадры является уникальным явлением. Ни до, ни после ни одно крупное соединение ни одного флота в мире не предпринимало переходов такого масштаба. Следует принимать во внимание особенности этого события — русская эскадра преодолела 18 000 миль без обустроенных баз, в обстановке настроенного отношения иностранных государств и неясного будущего в условиях неудачного развития событий на сухопутном фронте.

В истории русско-японской войны сохраняется значительное количество лакун, одной из которых является повседневная жизнь нижних чинов 2-й Тихоокеанской эскадры в качестве самостоятельной проблемы исследования. На данный момент в современной исторической науке нет ни одного целостного исследования, посвященного вышеназванной проблеме. Настоящая статья посвящена одной из важнейших составляющих повседневных обязанностей рядового и унтер-офицерского состава эскадры — угольных погрузок.

Исследование основывается на многочисленных источниках личного происхождения — мемуарах, письмах и дневниках участников похода всех чинов и званий. Важным источником информации о повседневной жизни нижних чинов является роман А. С. Новикова-Прибоя «Цусима».

***

Постоянные угольные погрузки в тропиках в местах стоянок стали неотъемлемой частью жизни русских моряков во время похода. Мичман князь Я. К. Туманов называет их «красноречивой демонстрацией безграничной выносливости русского человека. Вятские и вологодские мужики работали в атмосфере, которую мог выдержать далеко не всякий негр» [8, с. 80].

Грузили уголь всей командой — и матросы, и офицеры, «вплоть до попа и собаки» [3, с. 208]. Исключение составляли судовые коки и врачи. В остальном погрузка угля была одним из немногих действий, объединявших матросов и офицеров в единое целое. Барон Г. Н. Таубе с иронией замечает, что в погрузке угля русская эскадра достигла такого совершенства, о котором другие не могут и мечтать [7, с. 6]. Поскольку приходилось принимать уголь сверх возможного, его начали складировать не только на палубе, но и во всех возможных помещениях, в т. ч. в кубриках [6]. Из-за этого многие матросы были вынуждены обитать даже в проходах и коридорах [3, с. 225].

После многочисленных тяжелых погрузок пришло в полную негодность обмундирование. Матросы стали похожи на настоящих оборванцев, а запасной комплект формы берегли для праздников и торжественных мероприятий, а также для боя [6]. Наиболее остро стоял вопрос обуви — имевшиеся у команды сапоги изнашивались и

стали полностью непригодны для использования. Вместо них во время погрузки зачастую на ногах матросов можно было увидеть эрзац-лапти или даже простые тряпки, которыми обматывали ступни [5, с. 308]. В определенный момент даже возникло понятие «дежурных сапог», которые переходили от матроса к матросу по мере заступления на вахту [3, с. 342]. Ситуация несколько изменилась к лучшему, когда к эскадре присоединился транспорт «Иртыш», на котором находилось 12 тыс. пар новых сапог [1, с. 182]. Такими же тряпками были покрыты и головы военнослужащих, которые наматывали их наподобие чалмы. Это немного улучшало их условия работы. Сверху матросы почти всегда носили лишь легкие нательные сетки [5, с. 154].

Тяжелое положение складывалось, в том числе, и по вине командования эскадры. Это становится заметно из воспоминаний тех, кому пришлось идти не с основными силами вокруг Африки, а через Суэцкий канал под командованием контр-адмирала Д. Г. Фелькерзама. Последний учитывал тяжелые климатические условия и вносил изменения в быт матросов. Команды в местах стоянки отпускались без существенных ограничений на берег сменами. Все технические работы и учения проводились только до 9 час. утра и в промежутке от 15 до 20 час., в остальное время команды отдыхали.

Подобным образом обстояло дело и в отряде контр-адмирала Н. И. Небогатова [5, с. 274]. Вице-адмирал З. П. Рожественский же только во время стоянки на Мадагаскаре ввел дневной послеобеденный отдых длительностью всего три часа [3, с. 302]. Как пишет Г. К. Граф, Рожественский «требовал очень быстрой работы...» [1, с. 183].

Рассмотрим основные способы погрузки угля, которые можно реконструировать по воспоминаниям очевидцев. Первоначально предполагалось грузить уголь прямо на ходу с помощью системы Спенсера-Миллера, предполагавшей транспортировку угля в специальных тележках по тросу, натянутому между двумя судами [4, с. 242]. Однако данный способ полностью не оправдал себя, поскольку требовал исключительно тихой погоды и хороших навыков, и подобные установки за время похода так и не были использованы [4, с. 242].

Гораздо более эффективными оказались способы, предложенные самими матросами. Стоит отметить, что поводом для подобной инициативы послужило введение премирования личного состава за наиболее быструю погрузку. Возникло своеобразное соревнование, что побуждало личный состав искать наиболее рациональные и быстрые методы погрузки. Основой соревнования стала т. н. норма часовой скорости (максимально возможный тоннаж угля, погруженного за час), которую все старались превысить для получения денежной премии [9, с. 119–120]. С другой стороны, часто поощрение распределялось по принципу первенства в завершении погрузки. В итоге на одного матроса приходилось более 1 рубля, что составляло почти половину его месячного жалования. Поэтому угольные погрузки стали даже экономически выгодны матросам [8, с. 80].

Вернемся к импровизированным способам погрузки. На эскадренном броненосце «Император Александр III» был изготовлен огромный «парус». Его опускали в трюм угольщика, который стоял практически борт в борт с принимающим кораблем. Затем в него загружали сразу несколько тонн угля и, перенеся с помощью шлюпочной балки на сторону боевого судна, высыпали на палубу. С палубы уголь «лопатами сгребали вниз по угольным рукавам через горловины»¹.

На однотипном «Орле» было принято решение объединять до 8 мешков с углем с помощью стального троса. Груз прикреплялся к соединенным в единую систему стрелам Темперлея, шлюпочным стрелам и грузовым стрелам угольщика, которые поднимали его и переносили «на бортовой срез броненосца без поворота стрел оттяжками» [3, с. 224]. Оба этих способа были возможны только в штиль, поскольку требовали швартовки борт о борт [4, с. 242]. В случае хотя бы небольшой волны поднимаемые мешки начинали раскачиваться. В лучшем случае груз мог просто сорваться, в худшем – травмировать членов экипажа [9, с. 129].

Были и более примитивный способ. В трюмах угольщиков матросы заполняли мешки, затем поднимали наверх и перегружали на боты и баркасы. Последние были специально оборудованы для

---

¹ См. «Отрывки из дневника рулевого Федора Соколова» [2, с. 224].

угольных погрузок. На одном таком транспорте могло находиться до 10 т угля. Эти баркасы брали на буксир паровые катера и подводили к судам назначения, где их разгружали тем же способом с помощью грузовых стрел [4, с. 243].

***

Как мы видим, погрузки угля стали едва ли не главной составляющей повседневной жизни личного состава эскадры вице-адмирала З. П. Рожественского. Они оказали существенное влияние на все остальные элементы повседневной жизни — быт, организацию свободного времени. Погрузки отнимали не только силы и время, но и даже место для сна и отдыха на корабле. Дело осложнялось практической непригодностью базовых способов погрузки, что вынуждало личный состав импровизировать с целью обеспечения оперативной погрузки угля в максимально возможных количествах. Дополнительным отягощающим фактором стали минимальные меры командующего эскадрой вице-адмирала З. П. Рожественского по облегчению положения личного состава в тяжелых климатических условиях. Тем не менее, русские матросы с честью и достоинством вынесли это тяжелейшее испытание и навсегда себя покрыли вечной славой в трагическом Цусимском сражении.

Список литературы

1. Граф Г. К. Моряки. Очерки из жизни морского офицера. 1897 – 1905. М., 2018.
2. Кондратенко Р. В., Назаренко К. Б., Гладких А. С. «Орел» в походе и в бою. Воспоминания и донесения участников Русско-японской войны на море в 1904–1905 годах. СПб., 2014.
3. Костенко В. П. На «Орле» в Цусиме: Воспоминания участника русско-японской войны на море 1904–1905 гг. Л., 1955.
4. Кравченко В. С. Через три океана. Воспоминания врача о морском походе в Русско-японскую войну 1904–5 гг. СПб., 1910.
5. Новиков-Прибой А. С. Цусима: в 2 т. М., 2015.
6. Посохов С. А. Воспоминания о Цусимском бое. URL: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_22/s-a-posohov-vozpominanija-ocusimskom-boje/ (дата обращения: 31.01.2020)
7. Таубе Г. Н. Последние дни Второй Тихоокеанской эскадры. СПб., 1907.
8. Туманов Я. К. Мичмана на войне. Прага, 1933.
9. Шуберт Б. К. На крейсерах «Смоленск» и «Петербург». СПб., 2009.

VIII. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Худовеков Максим Станиславович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Научный руководитель:

Андреев Дмитрий Александрович, канд. ист. наук, доц.

Власть в годы Первой мировой войны глазами

Л. А. Тихомирова

Authorities during the First World War through the eyes of

L. A. Tikhomirov

***Аннотация.** В данной статье разбирается вопрос восприятия известным консерватором Л. А. Тихомировым власти в Российской империи в годы Первой мировой войны. Автор приходит к выводу об утрате Тихомировым доверия ко властям всех уровней, акцентируя внимание на психологических и эмоциональных факторах, значительно повлиявших на формирование такого воззрения.*

***Ключевые слова:** Первая мировая война; Л. А. Тихомиров; консерватизм; власть.*

***Abstract.** This article examines the issue of perception by the famous conservative L. A. Tikhomirov, authorities in the Russian Empire during the First World War. The author comes to the conclusion that the Tikhomirov lost confidence in the authorities at all levels, focusing on the psychological and emotional factors that significantly influenced the formation of such a view.*

***Kew words:** World War I; L. A. Tikhomirov; conservatism; authorities.*

Первая мировая война (1914–1918 гг.) для России стала переломным моментом во взаимоотношениях власти и общества, приведшим, в конечном итоге, к событиям февраля 1917 г. и коренному слому существовавшей властной системы. Это был период резкой активизации партийной борьбы за власть, возрождения революционных настроений, борьбы консервативных кругов за свое существование. В этом отношении достаточно показателен взгляд на действия власти Л. А. Тихомирова (1852–1923 гг.), известного философа и публициста, идейного консерватора и яркого идеолога монархизма. Однако Л. А. Тихомиров в своих «Дневниках» предстает пред нами

разочаровывающимся монархистом. В этом отношении 1915 г. — наиболее яркий для него. Тихомиров еще верит в царя, анализирует способы, которые могли бы спасти Россию, еще имеет для таких размышлений время и силы, как физические, так и внутренние. С назначением 20 января 1916 г. на пост председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, представителя «партии императрицы» [2, с. 456], ухудшением ситуации с продовольственными поставками в Москву и Сергиев Посад, а также ростом дороговизны [3, с. 213] Тихомиров, уже окончательно разуверившийся в возможностях правительства, полностью концентрируется на способах выживания его семейства и написании своей историософской работы «Религиозно-философские основы истории». По этой причине для настоящего исследования представляется необходимым уделить особое внимание взглядам Тихомирова именно на события 1915 г.

Вопрос восприятия Л. А. Тихомировым событий, происходивших в Российской империи в целом, и в годы Первой мировой войны в частности, до недавнего времени был обойден вниманием исследователей. Одной из первых работ, посвященных данной проблематике, стала монография «Две жизни Льва Тихомирова» авторства А. В. Репникова и О. А. Милевского. Данная работа стремится проанализировать биографию Л. А. Тихомирова в целом, выяснить эволюцию его жизненных взглядов. Кроме того, исследователи отмечают, что он чувствовал себя чужаком в российских официальных кругах, в то время как страстно желал чем-то помочь России [4, с. 384]. Однако вопрос восприятия им событий Первой мировой войны отдельно в историографии еще не поднимался. В настоящей работе исследуется комплекс дневниковых записей Л. А. Тихомирова за 1915 – 1917 гг. Эта часть его «Дневника» была издана А. В. Репниковым в 2008 г. с сохранением авторской орфографии, пунктуации и максимально приближена к оригиналу [1, с. 32].

В политическом мировоззрении Л. А. Тихомирова фигура царя является, пожалуй, важнейшей. Отношению народа к нему, перспективам монархии он уделяет много внимания в «Дневнике». Однако вследствие известной доли пессимизма, свойственной взглядам автора, монархия кажется ему неким сокровищем, которое неумолимо ускользает из Российских пределов. Так, одна из первых записей 1915 г., касающаяся отношения Тихомирова к императору,

свидетельствует о том, что монарх потерял уважение российского общества [1, с. 32]. Вместе с тем, он подчеркивает, что слабость царя воспринимается обществом «даже в преувеличенном виде». В этом, вероятно, еще проявляются ожидания автора, ожидания проявления должной силы царя.

В день открытия Государственной Думы 21 июля 1915 г. Тихомиров встает перед своеобразной дилеммой. Он является монархистом до глубины души, в то время как монархия слабеет на его глазах. Сам Царь, столь дорогой для Тихомирова самим фактом своего существования, как правитель не имеет уже авторитета, что писатель прекрасно понимает [1, с. 87]. Тактические политические предпочтения Льва Александровича постепенно начинают трансформироваться в условиях жизненной необходимости — понимая, что «для спасения России» Думе необходимо взять власть «под надзор и опеку» [1, с. 86], он перелагает свои надежды с Царя на общество. Для него такая ситуация представляется необходимой, но очень неприятной, он характеризует это как «горе» [1, с. 86]. При этом Тихомиров отчетливо понимает, что это общество в сложившейся ситуации может больше никогда не вернуть власть ослабевшей монархии [1, с. 86].

Августовское наступление немцев Лев Александрович воспринимает как начало неизбежного конца Империи. В этой обстановке, принятие Государем должности Верховного Главнокомандующего становится для Тихомирова крайне неожиданной и даже неприятной новостью [1, с. 102]. Он теряется в догадках, почему Государь решил пойти на такой шаг; некоторое время еще надеется, что это командование будет лишь номинальным, что царь решил лишь ободрить свои войска, какой эффект, тем не менее, представляется ему сомнительным [1, с. 102 – 103]. Принятие царем на себя роли Главнокомандующего сможет остаться без плохих последствий только в случае немедленных военных побед. В противном случае вся тяжесть вины за поражения ляжет на самого Государя, чего, главным образом, и боится Тихомиров. А это будет означать в перспективе лишь падение монархии. Вместе с тем, когда Николай II замещает Великого князя в Ставке, Тихомиров готов защищать его. Он специально распространяет идею о том, что якобы Государь является, скорее всего, хорошим полководцем — для

поддержки боевого духа [1, с. 109]. Он переживает о том, что слухи о Распутине и прочие события подрывают авторитет царя, а его враги стремятся использовать все это для его дискредитации [1, с. 145].

Внутренняя политика, местные власти также не могли оставаться важным поводом для размышлений Тихомирова. От нее зачастую зависело его собственное благосостояние, что не могло не отражаться на восприятии им всех прочих событий.

С весны непосредственно на жизнь Тихомировых начинает влиять война. 17 марта Лев Александрович сетует на резко возросшие расходы. 19 марта он пишет, что «правительство наделало столько зла, сколько не сделал бы и умный неприятель» [1, с. 145]. По всей видимости, стремительное уменьшение своего бюджета и, главное, внезапно возникшие в это время перспективы отсутствия дров для отопления, в чем он винит власти, вызывают у него крайнее раздражение: «Если бы Правительство не совало своего носа, не регулировало бы — все было бы сыто... Это какие-то неисправимые глупцы, не способные понять — где нужна власть, и что она не должна мешаться» [1, с. 47 – 48].

Вместе с тем, тема правительства, его состава и дееспособности занимают его куда меньше, чем те же новости с фронта. На кадровые перестановки Тихомиров реагирует сдержанно — зачастую он не комментирует их, но заносит в свой дневник [1, с. 76].

Постепенно, с ухудшением экономического положения семьи Тихомирова, власти начинают получать от него все более и более жесткие характеристики. «Из всех же наших зол — самое ужасное — это власть, которая, вероятно, погубила бы нас даже в том случае, если бы мы были порядочным народом» [1, с. 150].

Между тем материальное состояние Тихомировых все ухудшалось и к началу 1916 г. вызывало у писателя большую тревогу. 14 января Лев Александрович жалуется самому себе на то, что расходы совершенно «непосильны» и его семье «просто не хватает денег» [1, с. 194]. Подобное состояние было связано с целым комплексом факторов, но не последнюю роль в нем сыграло и стремительно увеличивающаяся дороговизна, виновницей которой Тихомиров нередко делал именно власть.

Таким образом, на протяжении 1915 г. можно констатировать неумолимое уменьшение доверия Л. А. Тихомирова к властям Империи всех уровней. Тихомиров разочаровывается в тех, на кого возлагал свои надежды — в русской армии и в личности самого императора, который, как полагал мыслитель, за счет военных побед должен был укрепить авторитет монархии и сплотить вокруг себя общество. Единственной опорой Фамилии Тихомиров признавал Великого князя Николая Николаевича, однако и он оказался отстраненным от основных дел. Вкупе со все более и более усиливающимся при Дворе влиянием Григория Распутина, это создает у него достаточно негативное впечатление о возможностях самого Правящего дома каким-либо образом удержать власть в своих руках. Действия правительства характеризуются им также в высшей степени отрицательно. Необходимо отметить, что на подобные оценки имели большое влияние обстановка на фронтах и материально-психологический климат в самой семье Тихомировых: под гнетом негативных впечатлений и эмоций, Лев Александрович стремится найти любое объяснение постигающим его и его страну неудачам.

Список литературы

1. Дневник Л. А. Тихомирова 1915–1917 гг. / сост., пред., комм. и прим. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.
2. Гайда Ф. А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 616 с.
3. Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. 374 с.
4. Репников А. В., Милевский О. А. Две жизни Льва Тихомирова. М.: Академия, 2011. 560 с.

Мишин Егор Викторович

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Ратьковский Илья Сергеевич, канд. ист. наук, доц.

**Фабрика «Треугольник» в контексте Путиловской забастовки
(март 1919 г.)**

**The factory «Treugol'nik» in the context of the Putilov strike
(March 1919)**

***Аннотация.** Статья посвящена забастовке на резиновой фабрике «Треугольник» 13 – 17 марта 1919 г., отметившейся столкновением между рабочими и завкомом. На основе широкого круга источников (в т. ч. и архивных) автор уточняет детали произошедшего, формулирует механику возникновения протеста на примере конкретного предприятия.*

***Ключевые слова:** «Треугольник»; забастовки; левые эсеры; 1919.*

***Abstract.** The article is devoted to the strike at the «Treugol'nik» rubber factory on March 13 – 17, 1919, which was marked by a clash between workers and the factory committee. On the basis of a wide range of sources (including archival ones), the author clarifies the details of what happened, formulates the mechanics of the protest on the example of a particular enterprise.*

***Key words:** The factory «Treugol'nik»; strikes; left social revolutionaries; 1919.*

Забастовочное движение петроградских рабочих после Октябрьской революции характеризуется неустойчивостью. Относительно активное в 1918 г., в 1919–1920 гг. оно представляло собой серию периодических вспышек. Одной из ярчайших среди них были забастовки в марте 1919 г., возникшие на Путиловском заводе и перекинувшиеся на ряд предприятий города.

На низовом и городском уровнях данное выступление не было объектом исследования. В советской историографии оно упоминалось лишь как «очередная вылазка контрреволюционных сил». В современной исторической литературе некоторые исследователи (С. А. Павлюченков, Д. О. Чураков) затрагивали эту тему в контексте общей ситуации в стране, в частности, И. С. Ратьковский — в рамках деятельности местных карательных органов [9, с. 263–268].

Наиболее полно на сегодняшний день этот сюжет освещён в трудах А. В. Гоголевского [2, с. 146–153] и С. В. Ярова [15, с. 311–404].

При этом не до конца изучены механики возникновения низового протеста, тактика левых эсеров и стратегии борьбы власти с оппозицией.

Цель статьи — уточнить характеристику забастовочного движения в Петрограде весной 1919 г. сквозь призму указанных вопросов.

Фокус внимания на резиновой фабрике «Треугольник» обусловлен следующим: 1) она занимает 4-е место по числу бастовавших (в забастовке принял участие весь коллектив — 3 507 рабочих-треугольниковцев, что составляет 28,7 % от числа занятых в химическом производстве Петрограда и 7,9 % от общего числа забастовщиков) [1; 5]; 2) радикализмом событий 15 марта, отразившимся в левоэсеровской агитационной литературе и официальной печати.

К весне 1919 г. в Петрограде резко обострился продовольственный кризис. Дополнительно напряжение вызывало обнародование декрета СНК РСФСР о прекращении пассажирского движения с 18 марта по 10 апреля [3, с. 470–474], что должно было серьезно ударить по «мешочничеству» как практике самоснабжения населения.

Волнения начались 6 марта на Путиловском заводе вследствие невыдачи обещанного властями дополнительного пайка. На общем собрании было принято решение прекратить работу. 10 марта путиловцы приняли антиправительственную резолюцию, разработанную Единой Рабочей Партией Н. Н. Глебова¹ и левыми эсерами. В ней содержалась критика власти, а также ряд требований экономического и политического характера². 13 марта путиловцами приняты дополнения к резолюции, в числе которых требования беспрепятственной закупки и распределения продовольствия кооперативами, права на организацию рабочих инспекций для проверки государственных органов по распределению продукции, систематизации их работы и ликвидации коррупции и злоупотребления вла-

---

¹ Подробнее см.: [4].

² Полный текст резолюции см.: [12, л. 3–4 об.].

стью в данных органах, создания единого социалистического фронта [12, л. 5–5 об.].

13 – 17 марта резолюцию путиловцев приняли и поддержали на ряде предприятий города¹. Пик волнений приходится на 14–15 марта. Вечером 14-го произошло столкновение между общим собранием рабочих Рождественского трампарка и коммунистической ротой, в ходе которого пострадали 9 красноармейцев и 1 рабочий [7, 18 марта].

В тот же день в одном из цехов фабрики «Треугольник» состоялся митинг, собранный левыми эсерами. На последовавшем обще-заводском собрании они призывали к забастовке. Левые эсеры пытались здесь разжечь стачку ещё в начале января 1919 г. [2, с. 145; 10, л. 1–2, 54]. На этот раз рабочие поддержали их. 15 марта на фабрику приехали представители Путиловского завода и выступили с критикой завкома «Треугольника» [2, с. 150]. Далее произошло то, что исследователь истории фабрики Б. И. Шабалин назвал «мятежом со стрельбой и избиениями коммунистов» [14, с. 184]. С. А. Павлюченков со ссылкой на РГАСПИ сообщает о расстрелах общих собраний «Треугольника» и Рождественского трампарка [6, с. 148]. Однако вопрос о применении вооружённых соединений достаточно дискуссионный.

В прессе тех дней излагалась следующая версия событий. На митинге 15 марта пострадали 4 коммуниста, в т. ч. ранен выстрелом из револьвера в ногу организатор коллектива Павелковский. Когда коммунистическая дружина, чтобы прекратить начатую драку, сделала залп в воздух, митинг мгновенно рассеялся. Пострадавших из митинговавших не было, если не считать ожогов рук, полученных бежавшими, когда они во время своего бегства в тесноте хватались за трубы парового отопления, пролежавшие у стен [7, 20 марта].

Левые эсеры попытались воспользоваться данным инцидентом и 16 марта стали распространять листовки. В них сообщалось, что 15 марта «большевистская власть расстреляла общее собрание завода "Треугольник" — 4 убито, 25 раненых, 150 ошпаренных взрывом паровых труб» [13, с. 346–347]. В прессе от имени завкома

---

³ Подробнее о предприятиях-забастовщиках и численности движения см.: [1; 5, с. 53–54].

«Треугольника» было опубликовано опровержение распространяемых эсерами слухов: расстрелов не было, а из труб текла холодная вода [7, 20 марта].

Отчасти механику возникновения протеста на «Треугольнике» помогают понять воспоминания председателя завкома В. Ф. Реброва. По его словам, «кучка социал-революционеров выгоняла рабочих из мастерских, некоторые рабочие не хотели идти, то они им грозили» [11, л. 56]. Рабочие же утверждали, что к ним приходила «кучка бандитов, отрывала с работ и угрожала колодкой для неидуших на собрание» [7, 28 марта].

Анализ использованных источников позволяет выстроить следующий механизм волнений на «Треугольнике» в контексте тех событий. Организовав выступление на Путиловском заводе, эсеры пытаются втянуть в стачку как можно больше предприятий, разъезжая по заводам под видом делегации путиловцев и разбрасывая листовки. Волнения рабочих подогреваются манипуляциями на почве продовольственного кризиса. В день «Х» эсеры проводят агитацию по мастерским с тем, чтобы устроить общее собрание, применяя при этом силу. На общем собрании события развивались в зависимости от реакции властей. Завком «Треугольника» сразу вызвал коммунистическую роту. Быстрая реакция коммунистов резиновой фабрики и радикализм эсеров исключили мирный исход конфликта.

В серьёзности рассматриваемого инцидента можно убедиться, взглянув на количество арестованных. По сведениям Петроградской ГубЧК, к вечеру 20 марта всего было арестовано около 200 человек. Из них: 35 левых и 15 правых эсеров, десяток «шатавшихся по заводам мазуриков без определённых занятий» [8, с. 181]. По количеству арестованных «Треугольник» шёл вторым после Путиловского завода. На основе выявленных документов удалось установить, что арестованными оказались 7 треугольниковцев, ещё 52 уволено [10, л. 63; 11, л. 57].

Изучая социальную природу протеста, необходимо обратить внимание на профессиональный и половой состав бастовавших. Вопреки заявлениям властей, в авангарде оказались металлисты (чуть более половины всех забастовщиков). На «Треугольнике» волнения начались со слесарной мастерской [11, л. 55], где работали высококвал-

лифицированные рабочие, а женщин среди треугольниковцев было только 31,4 % [1].

Вследствие жёстких репрессивных мер, травли левых эсеров в печати, а также введения «бронированного» трудового пайка за каждый фактически отработанный день, стачечная волна быстро сошла на нет: путиловцы бастовали до 19 марта, треугольниковцы — до 17. Несмотря на скоротечность, мартовские волнения стали сильнейшими за 1919 г., подобный взрыв произошёл только в начале июля. Тем важнее продолжить изучение механики протестной активности рабочих.

Список литературы

1. Бюллетень по статистике труда. 1919. № 8. С. 3.
2. Гоголевский А. В. Революция и психология. Политические настроения рабочих Петрограда в условиях большевистской монополии на власть. 1918–1920. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 215 с.
3. Декреты Советской власти. Т. 4. М.: Политиздат, 1968. 731 с.
4. Измозик В. С., Рабинович А. Е. Н. Н. Глебов-Путиловский — рабочий-вожак в годы Великой российской революции 1917–1922 гг. // Новейшая история России. 2020. № 2. С. 381 – 397.
5. Материалы по статистике труда. 1919. Вып. 8. С. 54.
6. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Рус. книгоизд. товарищество-История, 1997. 270 с.
7. Петроградская правда. 1919.
8. Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»: Окт. 1917 – 1929: Экономические конфликты и политический протест: сб. док. / отв. ред. В. Ю. Черняев. Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 461 с.
9. Ратьковский И. С. Первый год деятельности Петроградской ЧК (март 1918 – март 1919) // Проблемы новейшей истории России. СПб. Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 252 – 271.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 2. Протоколы бюро коллектива РКП(б) и общих собраний.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 510. Ребров В. Ф. Воспоминания бывшего рабочего завода Треугольник.
12. ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 302. Протоколы общезаводских собраний рабочих и служащих Путиловского завода и резолюции.

13. Чураков Д. О. Бунтующие пролетарии: рабочий протест в Советской России (1917–1930-е гг.). М.: Вече, 2007. 352 с.

14. Шабалин Б. И. Красный треугольник: 75 лет. 1860 – 1935. М.; Л.: История заводов, 1935. 339 с.

15. Яров С. В. Политические настроения горожан // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М.: Центрполиграф, 2013. 542 с.

Отто Фёдор Павлович

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Андреев Дмитрий Александрович, канд. ист. наук, доц.

От союза к войне: взаимоотношения Белого движения в Курляндии с национальными государствами Прибалтики

From alliance to war: the relations between the White movement in Courland and the national states of the Baltics

***Аннотация.** Статья посвящена малоизвестному курляндскому театру Гражданской войны в России. На материалах воспоминаний участников событий исследуется характер взаимоотношений Белого движения на этой территории с национальными государствами Прибалтики — Латвией, Эстонией, Литвой. На фактическом материале показан постепенный переход сторон от сотрудничества к вражде. Даны предположения о возможных альтернативных решениях национального вопроса и намечены направления дальнейших исследований.*

***Ключевые слова:** Белое движение; Бермондт-Авалов; Ливен; национальный вопрос.*

***Abstract.** The article is devoted to the little-known Courland theater of the Civil war in Russia. Based on memories of the participants of the events, the research shows character of relations between the White movement on this territory and national states of the Baltics — namely Latvia, Estonia and Lithuania. The actual material shows gradual shift from collaboration to hostility in relations between these two sides. The assumptions are made, of the alternative potential solutions of national question, and the directions of future research are outlined.*

***Key words:** White movement; Courland; Bermondt-Avalov; Liven; national question.*

Курляндский театр Гражданской войны является сравнительно неизвестным: здесь не было масштабных операций, подобных наступлениям Колчака и Деникина на Москву, или Юденича на Петроград. Между тем, на протяжении всего 1919 г. (до завершения боевых действий в регионе), он сохранял стратегическую важность: потенциальное наступление антибольшевистских сил с территории

Курляндии (запад современной Латвии) на Москву и Петроград могло бы стать смертельным ударом для Советской республики. К примеру, такое наступление предусматривалось военным соглашением, заключённым представителями антибольшевистских сил на совещании в Риге в августе 1919 г. [2, с. 122]. Однако запланированное наступление так никогда и не началось, так как не удалось наладить взаимодействие с прибалтийскими государствами. В октябре 1919 г. на смену военному союзу и вовсе пришла открытая конфронтация. Изучение взаимоотношений русского Белого движения в Курляндии с национальными государствами Прибалтики приблизит нас к пониманию причин поражения белых в этом регионе.

Положение прибалтийских государств осложнялось целым рядом обстоятельств: среди них экономическая разруха, внутренняя нестабильность, неразвитая военная промышленность и слабые (по крайней мере, на начало 1919 г.) армии. Однако обладали они и преимуществами, которых не было у других антибольшевистских сил в регионе — немецких и русских добровольцев: поддержкой со стороны стран Антанты и популярностью у местного населения.

Молодые республики использовали эти средства для решения следующих задач:

- а) Завоевание и удержание независимости;
- б) Ликвидация немецкого землевладения.

Эти цели противоречили идеям, разделяемым значительной частью белых добровольцев. Среди последних было много выходцев из остзейского дворянства, и ещё больше — патриотов, не допускавших и мысли об отторжении от России Прибалтики. Это обусловило напряжённый характер отношений между русскими отрядами в Курляндии и государствами Прибалтики.

В первой половине 1919 г. белые формирования в Курляндии были представлены отрядом князя Ливена. Он принял участие в боевых действиях в самый опасный для молодой латвийской республики момент, когда из всей территории страны оккупации коммунистами избежала только Либава. В феврале – марте 1919 г. от большевиков в результате контрнаступления были освобождены Виндава, Митава, добровольцы вплотную подошли к Риге. Однако здесь произошёл первый разлад в тылу антикоммунистических сил.

16 апреля 1919 г. солдаты немецкого Балтийского ландесвера¹ свергли непопулярное среди германских добровольцев латвийское правительство социал-демократа К. Ульманиса. В условиях кризиса возглавить правительство предложили князю Ливену. Однако он отказался поддерживать политическую авантюру германцев.

Следующий кризис на почве национального вопроса возник летом, в время столкновения войск непризнанного прогерманского правительства пастора Недры и эстонцев, поддерживавших правительство в изгнании свергнутого премьер-министра Ульманиса. Тогда командир ландесвера майор Флетчер попросил русский отряд о поддержке. Князь Ливен предпочёл остаться нейтральным [5, с. 43]. Более того, он просил самого Флетчера не усугублять конфликт, опасаясь, что это столкновение «посеет вражду, которая не кончится, может быть, столетиями» [5, с. 44]. Ливенцы не примкнули к ландесверу. Противостояние закончилось его поражением и возвращением в Ригу Ульманиса. В июле же отряды Ливена передислоцировались на Нарвский фронт, а сам князь подал в отставку. На этом история взаимоотношений его отряда с латышами завершилась.

Князь Ливен считал, что позиция, заключающаяся в признании политической независимости Латвии, была единственно правильной [5, с. 18]. Однако пример СЗА генерала Юденича, признававшего полную независимость Эстонии, и несмотря на это подвергшейся со стороны эстонцев самому жестокому обращению, показывает, что готовность к компромиссу не всегда может служить надёжной гарантией сотрудничества.

В этом русле рассуждал преемник Ливена в Курляндии, полковник Бермондт-Авалов. По его словам, «офицеры и солдаты высаживались здесь, в Латвии, как на родной земле, ибо каждый из нас видел, что ранее или позже все эти мелкие новообразовавшиеся государства будут воссоединены с Россией» [3, с. 149]. Бермондт-Авалов пытается воздействовать на сознание латышей посредством пафосных манифестов. Они содержали много красивых фраз о русско-латышской дружбе, но ничего определённого о государственной независимости Латвии [2, с. 115]. Неудивительно,

---

¹ Антибольшевистское добровольческое формирование балтийских немцев.

что латышская пресса видела в отрядах Авалова угрозу национальной государственности [3, с. 150].

Вместе с тем в районе дислокации русских добровольцев у них установились хорошие отношения с местным населением. Так, Бермондт-Авалов приводит рассказ о благодарности, полученной им от делегации жителей Митавы за предотвращение беспорядков в городе [3, с. 160].

Вспышка нападков на русских добровольцев в латышской прессе произошла после мятежа германского фрайкора 23 августа 1919 года [4]. Руководству корпуса пришлось публиковать опровержение и доказывать непричастность русских солдат к антилатышским акциям германцев [3, с. 169].

Отношения Западной армии с латышами превратились из напряжённых во враждебные в конце сентября 1919 г. Общее наступление на большевиков задерживалось, в то время как в армию Бермондт-Авалова начали массово вступать отказывающиеся покидать Курляндию германские солдаты [7, с. 109]. Взаимная ненависть немцев и латышей как бы рикошетом ударила и по русским. Участились провокации [3, с. 196]. Авалов утверждал, что латышское правительство не пропускает его на фронт [3, с. 196]. Восьмого октября русско-германская армия перешла в наступление на Ригу.

Намерения Западной армии в этом конфликте не вполне ясны. Кто-то из исследователей считает, что Авалов намеревался подчинить себе всю Латвию [6, с. 87]. Кто-то встаёт на точку зрения самого Бермондт-Авалова и представляет весь конфликт как попытку вооружённым нажимом вынудить независимую Латвию к сотрудничеству [1]. Выяснение истины в любом случае требует дополнительных исследований. Так или иначе, мы видим, что в течение 1919 г. отношения белых и прибалтийских государств последовательно менялись в сторону ухудшения, вплоть до открытого конфликта.

Провал попыток наладить отношения с бывшими провинциями Российской империи можно назвать главной причиной поражения Белого движения в Курляндии. Существовала ли возможность примирения, компромисса с новыми государствами? Скорее нет, чем да. Готовые ради своей независимости пойти на компромисс, националисты Прибалтики в то же время никак не могли допустить восстановления Российской империи ни в какой форме, что сделало

их убеждёнными противниками сохранявших подобные устремления представителей Белого движения. Одним из выходов в условиях Гражданской войны представляется стратегия ландесвера, предпринявшего попытку установить в Латвии консервативное, дружественное добровольцам правительство. Однако ландесвер не получил поддержки со стороны русских отрядов и потерпел поражение. Вопрос о наиболее предпочтительном для Белого движения отношении к национальному вопросу в Прибалтике остаётся открытым.

Список литературы

1. Акунов В. В. Германские добровольческие корпуса в составе Западной добровольческой армии П. Р. Бермондта-Авалова. 1919 – 1920 гг. URL: <http://latvjustrelnieki.lv/ru/istorija-95931/интервенция.-антанта.-1918-1920гг./германские-добровольческие-корпуса-в-составе-западной-добровольческой-армии-п.р.бермондта-авалова.-1919-1920-гг.-> (дата обращения 15.02.2020).

2. Бережанский Н. Г. П. Бермондт в Прибалтике в 1919 г. (из записок бывшего редактора) // Белая борьба на Северо-Западе России / сост., научн. ред. и комментарии С. В. Волкова. М., 2003. С. 104 – 178.

3. Бермондт-Авалов П. В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925. 540 с.

4. Ланник Л. В. «Мятеж» фрайкоров в Прибалтике 23 августа 1919 г.: вспышка германской гражданской войны // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3. С. 186 – 199.

5. Ливен А. Основание отряда // Белая борьба на Северо-Западе России / сост., научн. ред. и комментарии С. В. Волкова М., 2003. С. 11 – 56.

6. Мусаев В. И. Drang nach Osten и русская реакция: история «Западной русской армии» (1919 г.) // Новый часовой. 1998. № 6 – 7. С. 78 – 93.

7. Розенберг фон В. Г. За кулисами русской контрреволюции // Белая гвардия. 2003. № 7. С. 96 – 102.

Хаблова Елизавета Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Барышников Владимир Николаевич, д-р. ист. наук, проф.

Средиземноморская экспедиция Н. И. Вавилова (июнь 1926 – август 1927 гг.) и Франция

Mediterranean expedition of N. I. Vavilov (June 1926 – August 1927) and France

***Аннотация.** В данной статье рассматривается вопрос о влиянии Франции и французских ученых на ход самой продолжительной экспедиции Н. И. Вавилова — Средиземноморской. Экспедиция, начавшаяся с получения виз в Париже и отбытия из Марселя, также включала в свой маршрут французские колониальные владения в Африке. Несмотря на то, что во французской метрополии Вавилов находился достаточно непродолжительное время, влияние Франции на данную поездку более чем велико.*

***Ключевые слова:** Франция; Н. И. Вавилов; Средиземноморская экспедиция.*

***Abstract.** This article examines the influence of France and French scientists on the course of Vavilov's longest expedition, the Mediterranean one. The expedition, which began with obtaining visas in Paris and departing from Marseilles, also included French colonial possessions in Africa in its itinerary. Although Vavilov's stay in the French metropolis was short, the French influence on this trip was very considerable.*

***Key words:** France; N. I. Vavilov; Mediterranean expedition.*

Средиземноморье, по словам Николая Ивановича Вавилова, отличается «необычайной концентрацией видового разнообразия» [1, с. 24] и старинными традициями агрономии. Получение информации по сортам, а также изучение культуры местного земледелия сделало Средиземноморье особенно важным объектом исследования в контексте научных изысканий Вавилова. Именно в ходе экспедиции 1926–1927 гг. Вавилову наконец удаётся попасть с научной миссией в Эритрею и Абиссинию, которые интересовали ученого на протяжении долгого времени и были

необходимы для научного рассмотрения. Собранные в ходе данной экспедиции материалы позволили Вавилову создать эколого-географическую классификацию зернобобовых, а также повлияли на разработку его знаменитого учения о центрах происхождения культурных растений.

Народным комиссариатом по просвещению РСФСР 12 февраля 1926 г. было выдано удостоверение (№ 1752) о командировании Вавилова за границу, в котором «все органы Советской власти приглашались ко всяческому содействию в выполнении возложенного на него (Вавилова) поручения» [11, л. 25]. Цель же поездки заключалась в том, чтобы собрать образцы возделываемых растений в посещаемых странах для того, чтобы впоследствии испытать их в Советском Союзе. Изначально командировка планировалась на 6–8 месяцев, в итоге же Вавилов пробыл в экспедиции с июня 1926 г. по август 1927 г.

Некоторые из исследуемых стран маршрута, такие как Алжир, Тунис, Марокко и Сирия, были подконтрольными Франции территориями. Для их посещения необходимо было получить соответствующие визы, поэтому 16 июня 1926 г. Николай Вавилов прибывает в Париж. Визовый вопрос был осложнен сложившимися отношениями между СССР и Францией. Так, по словам Вавилова, «дипломатические отношения с Францией не сулили тогда больших надежд» [4, с. 82]. Ситуацию усугубило также происходившее в то время восстание друзов в Сирии (июль 1925 – июнь 1927 гг.), поэтому въезд в страну был ограничен даже для французских граждан. Однако посещение Сирии было очень важным в контексте всей экспедиции, ведь это «единственное место на земле, где до сих пор сохранилась пшеница в диком состоянии» [3, с. 151]. В целом, получение разрешений на въезд и передвижения являлось проблемой. В письме Н. А. Безсонову от 8 мая 1926 г. Вавилов пишет так: «Выезд <...> значительно более труден даже, чем это было в 1922 году, и в смысле финансов, и в смысле получения документов» [3, с. 167]. Разрешение стало возможным благодаря связям с французскими учеными, например, со знаменитым семейством де Вильморен, которое держало самую крупную частную фирму по селекции и растениеводству во Франции *Vilmorin-Andrieux* (Вильморен-Андріе). Еще в 1913 г. Вавилов обучался в ней, где он ознакомился с новей-

шими на то время достижениями в селекции и семеноводстве. Николай Иванович заручился поддержкой госпожи де Вильморен, которая лично обратилась к Раймону Пуанкаре и к министру иностранных дел Аристиду Бриану [5]. Словами её были: «Я ручаюсь за Н. И. Вавилова, как за себя. Исследования его имеют мировое значение. И Франция от них получит не менее других. Дом Вильморенов берёт на себя всю ответственность» [10, с. 425]. Визы были получены. К тому же госпожа де Вильморен письменно представила Вавилова французскому послу в Абиссинии, что существенно упростило получение открытого листа. В Париже Вавилов встречался с последователями И. И. Мечникова, русскими работниками института Пастера А. М. Безредкой, С. И. Метальниковым, Н. А. Безсоновым, которые помогли ему в получении визы в Египет, дали рекомендательные письма и сделали необходимые для путешествия прививки. Сама поездка по Средиземноморью началась с Южной Франции, а именно с Марселя. Исследовав территории Французской Ривьеры, Николай Иванович приходит к выводу, что «трудно представить более идеальные условия в прошлом для развития крупных земледельческих культур, чем в Средиземноморье» [4, с. 83].

В ходе уже самой экспедиции, Вавилов также неоднократно взаимодействовал с французскими учеными. Так, составить план путешествия по Алжиру Вавилову помогал Луи Шарль Трабю, «великий французский интродуктор», директор Алжирского ботанического сада и его ученик Леон Дюсселье, профессор Алжирского университета. Они участвовали с ним в поездке в горные районы Алжира, а также в районы Сетифа, Тимгада и Тиарета [4, с. 136], которые были богаты на необходимые для сбора материалы. В Марокко же Вавилов заручился поддержкой Эмиля Мьежа, директора опытной станции в Рабате, который помог разрешить вопрос с просроченной визой. По прибытии в Тунис Вавилов был встречен профессором Бёфом, директором ботанического института в Тунисе. Бёф также предложил маршрут путешествия и присоединился к поездке: «Ему самому было интересно проехать вместе с нами, тем более что это был самый лучший сезон: уборка в горных районах только начиналась, хлеб стоял на корню» [4, с. 104]. Позднее профессор Бёф помогал Николаю Ивановичу с пересылкой огромного количества семян в СССР. Стоит отметить, что связь между вышеупомянутыми учеными

и Вавиловым была налажена еще до самой экспедиции, однако и после поездки она не прервалась. Ученые обменивались литературой, семенами и другими необходимыми для научной деятельности материалами.

Необходимо подчеркнуть, что сам Н. И. Вавилов отзывался о французских ученых с большим уважением, отмечая и подчеркивая их роль для развития мировой науки. Однако он полагал, что сама Франция недостаточно финансирует развитие научной сферы, заставляя ученых работать на собственном энтузиазме. В целом, Вавилов оценивал состояние французской науки как находящееся в упадке, в сравнении с её состоянием до Первой мировой войны [2]. В подконтрольных Франции территориях обстановка тоже была тяжела. Упомянутый выше Луи Шарль Трабю работал в значительной мере бескорыстно. Пастеровский институт, в котором работали многие крупные ученые того времени, тоже был финансово беден. По словам Вавилова, сложное экономическое положение ученых типично для Франции [4, с. 96].

Н. И. Вавилов подчеркивал, что свершившаяся экспедиция была продуктивна в контексте намеченных целей. О том, как была воспринята Средиземноморская экспедиция в советском обществе, возможно судить по стенографии вечернего радио г. Харькова от 24.12.1926, где говорится следующее: «Профессором Вавиловым уже отправлено в СССР несколько тысяч образцов различных растений, многие из которых не были известны в СССР. Профессор Вавилов был первым советским гражданином, вступившим на почву ряда перечисленных стран. Ему было оказано исключительное содействие со стороны агрономических и ботанических учреждений всех исследованных им стран» [12, л. 88].

Совершив целый ряд экспедиций почти по всем континентам, в 1931 г. Вавилов станет президентом Всесоюзного географического общества и будет занимать этот пост вплоть до своего ареста в 1940 г. [8].

Таким образом, французская метрополия не являлась основным пунктом исследования в ходе Средиземноморской экспедиции, однако Франция будет её неотъемлемой частью в следующих моментах: получение виз и разрешений для самой экспедиции, работа и взаимодействие с французскими учеными и

институциями, передвижение по территориям французских колоний и их последующее изучение.

Список литературы

1. Вавилов Н. И. Ботанико-географические основы селекции (Учение об исходном материале в селекции) // Избранные труды. М.; Л.: Наука. 1962.
2. Вавилов Н. И. Наука на Западе: [беседа] // Известия. 1922. 31 марта.
3. Вавилов Н. И. Научное наследие в письмах: международная переписка: в 6 т. М.: Наука, 1994 – 2003. Т. 1: Петроградский период: 1921 – 1927 гг. М., 1994. 556 с.
4. Вавилов Н. И. Пять континентов. М.: Мысль. 1987.
5. Вишнякова М. А., Лоскутов И. Г. Вавиловские сады во Франции: корни и крона // Vavilovia. 2018. 1(1). С. 40 – 50.
6. Вишнякова М. А., Озерская Т. М. Экспедиции Н. И. Вавилова как источник пополнения коллекции генетических ресурсов зернобобовых ВИР // Зернобобовые и крупяные культуры. 2017. № 4 (24).
7. Глазко В. И., Баутин В. М. Н. И. Вавилов как организатор науки. Сообщение 2. Организация и результаты экспедиций по сбору мирового генофонда // Известия ТСХА. 2012. №2.
8. Есаков В. Д. Николай Иванович Вавилов: страницы биографии. М.: Наука, 2008. 286 с.
9. Лоскутов И. Г. История мировой коллекции генетических ресурсов растений в России. СПб: ГНЦ РФ ВИР, 2009.
10. Резник С. Е. Эта короткая жизнь. Николай Вавилов и его время. М.: «Захаров», 2017. 1056 с.
11. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-318. Оп. 11. Д. 113.
12. ЦГАНТД СПб. Ф. Р-318. Оп. 11. Д. 114.

Андреев Константин Геннадьевич
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС
Малюченко Дмитрий Алексеевич
Санкт-Петербургский государственный университет

Истоки преследований иностранцев в СССР в 1930-е гг.: анализ нормативно-правовой базы

The origins of the persecution of foreigners in the USSR in the 1930s: an analysis of the legal framework

***Аннотация.** Преследования иностранцев в СССР приковывают внимание отечественных историков чаще всего как пролог или слагаемое Большого террора. При этом важно понимать, что правовой механизм, позволивший проводить аресты иностранцев ещё во 2-й пол. 1920-х гг., складывался постепенно и в целом состоялся задолго до 1937 – 1938 гг. Основу методологической базы исследования составили историко-генетический и историко-сравнительный методы, а также практиковалось использование ретроспективного метода.*

***Ключевые слова:** советское право; иностранцы в СССР; репрессии; 1930-е.*

***Abstract.** The persecution of foreigners in the USSR attracts the attention of Russian historians most often as a prologue or component of the Great Terror. At the same time, it is important to understand that the legal mechanism that made it possible to arrest foreigners as early as the second half. 1920s took shape gradually and generally took place long before 1937 – 1938. The methodological basis of the research was made up of historical-genetic and historical-comparative methods, and also practiced the use of the retrospective method.*

***Key words:** soviet law; foreigners in the USSR; repression; 1930s.*

Тему политических репрессий в отношении иностранных подданных в СССР в 1930-е гг. нельзя отнести к числу неисследованных. К достижениям отечественной и зарубежной историографии следует причислить широкий пласт исследований, посвящённых политическим преследованиям иностранцев в годы Большого террора. В настоящее время исследователями осуществлено изучение «национальных операций», проводимых в 1937–1938 гг.,

а также изучение известных показательных процессов с участием иностранцев.

Вместе с тем, изучение политических репрессий против иностранцев в более ранние периоды незаслуженно обделяется вниманием. В историографическом ряду работ, посвящённых этой теме, стоит упомянуть работы Н. Ф. Бугай [1], Е. Н. Даниловой [2], П. М. Поляна [10] и В. Деннингхауса [3]. Названные учёные по-разному подходят к освещению рассматриваемого вопроса. Для одних преследования иностранцев — закономерный процесс, связанный с борьбой против шпионско-диверсионных контингентов [1, с. 32], для других — реализация политического курса в условиях возрастающей внешне- и внутривнутриполитической напряжённости в период проведения социально-экономических преобразований [3], для третьих — элемент социокультурной интеграции иностранцев в советское общество с привлечением самих иностранцев к проведению чисток [2, с. 118]. Именно в такой многообразии мнений кроется причина того, что существуют разные позиции относительно отправной точки политических преследований иностранных поданных вкуче со сведением теоретических построений к событиям Большого террора. Такая позиция выглядит явным упрощением и не учитывает истории формирования правового механизма преследований иностранцев в СССР в более ранние периоды.

Важно иметь в виду, что в практике исследований указанной темы существует терминологическая путаница понятий «иностранец» в смысле принадлежности к определённой этнической группе и в смысле принадлежности к конкретному государству. В рамках данной статьи под «иностранцами» понимаются только лица, имеющие гражданство или подданство иностранных государств.

Прежде всего, следует отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР редакции 1922 г. согласно ст. 1 действие советской юрисдикции распространяется на все преступления, совершённые в пределах РСФСР как её гражданами, так и иностранцами [5, с. 88]. Названное положение носит базовый характер, поэтому более детальный механизм следует искать в иных нормативных актах. Так, согласно Циркуляру Прокурора СССР №р-42 от 15.02.1934 г., посвящённому выстраиванию механизма ареста граждан США, проживающих на территории СССР, в отношении последних должны распространяться

принципы, изложенные в Соглашении о поселении, подписанном в рамках Договора между СССР и Германией от 12.10.1925 г. Положения этого договора распространялись и на взаимоотношения СССР и США в части предоставления американским гражданам права наибольшего благоприятствования в судебной защите и оповещения консулов об их задержании [11]. В целях освещения содержания этих ключевых положений необходимо обратиться к соглашениям упомянутого выше Договора 1925 г.

Примечательно, что уже современники этого Договора указывали на его сравнительную новизну для советской договорной практики: фактически, положениями этого Договора была создана правовая база участия иностранных граждан в образовании товариществ на территории СССР [8, с. 107]. При анализе содержания Положения о поселении Договора с Германией утверждалось, что его статьи не содержат указаний, значительно отличающихся от обычно принятых в торгово-политической практике [7, с. 64]. Акцент на решении экономических вопросов в данном случае ярко живописует приоритеты советского правительства в те годы.

Что же до основных положений, то принцип наибольшего благоприятствования в защите судебных прав нашёл своё отражение в ст. 10 Соглашения о поселении. Согласно ей, гражданам, находящимся на территории договаривающихся государств, присущи все те судебные права, которыми обладают собственные граждане этого государства [4, с. 8]. В Заключительном протоколе Договора дополнительно уточнено, что эта норма применяется ко всякого рода ограничениям личной свободы, в том числе и распоряжениям относительно арестов и их исполнения, полицейским задержаниям, обыскам в квартирах или торговых помещениях, к просмотру книг, частных или деловых бумаг [4, с. 40].

Ст. 11 Соглашения о поселении посвящена извещению в кратчайшие сроки консула о задержании гражданина иностранного государства. Однако её пространственные формулировки были значительно уточнены в Заключительном протоколе Договора 1925 г. Так, было установлено, что извещение консула могло производиться либо путём отправления ему сообщения самим арестованным, либо непосредственным сообщением об этом органами власти данного государства [4, с. 40]. Более того, сотрудники

мест заключения без промедления должны были идти навстречу желаниям консульских представителей посетить лично или через уполномоченных лиц находящегося под арестом гражданина, но при этом консульский представитель не мог требовать, чтобы судебное или тюремное должностное лицо удалилось во время разговора с арестованным [4, с. 40].

Важно отметить, что положениями Соглашения о поселении не затрагивалось право каждой из сторон запрещать пребывание или поселение отдельным гражданам вследствие приговора уголовного суда или по соображениям внутренней и внешней безопасности государства, что указано в ст. 6 названного документа [4, с. 7].

Апелляция к договорным нормам середины 1920-х гг. десятилетие спустя не выглядит случайной. Сформированный правовой режим, хоть и закреплял некоторые особенности производства следственных действий в отношении иностранцев, в целом позволял распространять на них все ужесточения советского уголовного законодательства. Одними из первых это испытали на себе как раз немецкие подданные, арестованные в 1928 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) в рамках «Шахтинского дела» [6, с. 147–148]. Всего же с 1926 по 1936 гг.¹ в СССР было арестовано 36886 иностранных граждан [9, с. 110, 121, 134, 141, 148, 154, 163, 168, 179, 192]. Этот аспект, равно как и накопление за 1920-е – первую пол. 1930-х гг. большого количества особенностей правоприменительной практики преследований иностранцев — служат дополнительными аргументами в пользу поиска истока исследуемого явления в период, предшествующий Большому террору.

Список литературы

1. Бугай Н. Ф. Принудительные переселения — механизм осуществления национальной политики в государстве. 1930–1950-е годы // Былые годы. 2012. № 4 (26). С. 31 – 41.

2. Данилова Е. Н. Как приобщали иностранных рабочих и специалистов к советской системе (первая половина 1930-х гг.) // Клио. 2015. № 2 (98). С. 112 – 119.

3. Деннингхаус В. Генеральная репетиция «Большого террора» и национальные меньшинства Запада // Исторический курьер. 2019.

---

¹ В приводимом значении нет данных за 1935 г.

№ 1 (3). Статья 2. [Электронный ресурс] URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-02.pdf> (дата обращения 25.10.2020).

4. Договор между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. М., 1926.

5. Законодательство и международные договоры СССР и союзных республик о правовом положении иностранных физических и юридических лиц / сост. В. В. Егорьев, Н. Г. Лашкевич, М. А. Плоткин, Б. Д. Роземблум. М.: Юр. Изд-во НКЮ РСФСР, 1926. 592 с.

6. Лубянка. Сталин и ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 / под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: Международный фонд «Демократия», 2003. 912 с.

7. Марбор Правовые нормы в соглашениях между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. // Революционная законность. 1926. № 1 – 2. С. 63 – 65.

8. Марбор Договор между СССР и Германией от 12 октября 1925 г. // Вестник советской юстиции. 1926. № 3 (61). С. 106 – 108.

9. Мозохин О. Б. Репрессии в цифрах и документах. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ (1918 – 1953 гг.) М.: Вече, 2018. 480 с.

10. Полян П. М. Иностранцы в ГУЛАГе: советские репрессии против иностранноподданных // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграция / под ред. О. Б. Глезер и П. М. Поляна. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2005. С. 617 – 630.

11. РГАВМФ. Ф. Р-1570. Оп. 7. Д. 163. «Циркуляры, приказы руководящих органов юстиции и Главное Военной Прокуратуры РККА». 289 л.

Рамм Денис Антонович

Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королева

Научный руководитель:

Михаил Иванович Леонов, д-р ист. наук, проф.

**Связующее звено советского производственного коллектива:
мастер во взаимоотношениях рабочих и дирекции**

**Connecting link of the Soviet production team: master in the
relationship between workers and the Directorate**

***Аннотация.** В данной статье рассматривается роль мастера в выстраивании трудовых отношений рабочих с заводской администрацией. На мастера возлагался частичный надзор за нравственным состоянием рабочих. Отсутствие законных полномочий для вмешательства в личную жизнь подчинённых способствовало неформальному сближению мастера с рабочими.*

***Ключевые слова:** мастер; советская повседневность; управление производством; нравственный надзор.*

***Abstract.** This article discusses the role of the master in building labor relations between workers and the factory administration. The master was entrusted with partial supervision of the moral state of the workers. The lack of legal authority to interfere in the personal lives of subordinates contributed to the informal rapprochement of the master with the workers.*

***Key words:** master; soviet everyday life; production management; moral supervision.*

В отечественной историографии нивелируется участие мастера в организации трудового процесса на промышленном предприятии. Необходимо обратить внимание на то, каким образом мастера соотносили запросы дирекции и инженерного состава с трудовыми возможностями рабочих.

Цель статьи: установить способы вмешательства мастера в жизнь рабочего.

Специального исследования по данной проблеме в историографии не предпринималось. В работах 1970–1980-х гг. «утверждалось, что на идейные и социальные позиции рабочего класса перешли все социальные слои и группы общества, а идеология ра-

бочего класса превратилась в идеологию всех трудящихся» [10, с. 6], а участие рабочего в сфере управления подчинялась в первую очередь интересам производства [5, с. 229]. Критерием нравственности выступали: «...отношение человека к выполнению его трудовых функций, а также отношения, связанные с организацией труда всего коллектива» [8, с. 179]. Современная историография рабочего вопроса покоится на отличных от советской историографии позициях. С приходом большевиков к власти на смену промышленнику пришёл партийный руководитель, что существенно ограничило свободу самовыражения личности и предоставило рабочему только фиктивные преференции.

Мастер отвечал за ход работ, следил за дисциплиной и соблюдением техники безопасности, проверял исправность оборудования, наличие материалов и технической документации, а также нес ответственность за сохранность имущества цеха [11, л. 90]. Положение мастера отягчалось тем, что, помимо собственно производственных функций, на него возлагался ряд неформальных обязательств, выходящих за пределы заводской территории, где у него не было никакой власти. Наиболее деятельные мастера брали на себя обязательство заставлять рабочих более активно участвовать в общественной жизни, повышать профессиональный и образовательный уровень, покончить с употреблением алкоголя, исключить прогулы, опоздания и нарушение правил поведения в общественных местах [12, л. 95].

Мастер не располагал полномочиями для контроля за личной жизнью подчинённых. Наиболее действенным средством воздействия являлся дар убеждения, основанный на силе личного авторитета. Мастер изыскивал способы продемонстрировать своё расположение, рассчитывая на взаимность в будущем. Например, он мог отпустить работников с ночной смены на время простоев [3, с. 2], мог «выбить» место для ребёнка в детском саду [1] и тем самым помочь рабочей семье сэкономить деньги, уходившие на оплату услуг няни. В некоторых случаях можно говорить о выстраивании отношений патернализма между мастером и рабочим [2]. Как видно из примеров, мастер предпочитал идти на разумный риск, а не слепо потакать желаниям рабочих.

Как указывает Д. Фильцер, уже с 1930-х гг. «...наблюдалась некая согласованность действий рабочих и руководителей низшего

звена прежде всего по вопросам нормирования труда, и во вторую очередь — использования рабочего времени...» [17, с. 319]. Однако автор не указывает причину подобных отношений. С. В. Журавлёв относит формирование архетипа советского рабочего к 1930-м гг. и указывает, что «...большая действенность неформальных механизмов (личные связи и отношения, блат и др.) вкуче с возросшей реальной зависимостью рабочих от заводской администрации <...> формировало у рабочих стойкую убеждённость в том, что любые строгости — дело временное...» [4, с. 210]. В отношении рабочих Тольятти, молодого индустриального города, вряд ли можно говорить о прочных традициях, сформированных советской действительностью первой половины XX в. Тем не менее просматривается аналогичная тенденция.

Заводская администрация расценивала мастера как универсального работника, поэтому мастеров обязывали постоянно повышать продуктивность рабочих за счёт внедрения передовых методов труда и рационализации технологии производства. Качество продукции ставилось в зависимость от дисциплины, следовательно, между рвением мастера и исходом дела ставился знак равенства [6, с. 1]. В связи с чем мастера считались ответственными за результативность социалистического соревнования [13, л. 5]. Заинтересованные в выполнении планов мастера нередко закрывали глаза на мелкие нарушения трудовой дисциплины, о которых предпочитали или не сообщать, или намеренно затягивать сроки рассмотрения дел, т. к. не хотели портить отношения с подчинёнными [14, л. 125].

Вынужденные уступки рабочим вызывали недовольство у руководства, которое применяло по отношению к мастерам санкции вплоть до увольнения. На Тольяттинском электротехническом заводе подобные случаи были не многочисленны. Однако на других предприятиях страны обстановка могла быть иной. Например, на Выборгском целлюлозно-бумажном комбинате в 1982 г. из-за резко возросшего пьянства среди рабочих произошла массовая замена мастеров [9, с. 65–66]. Некоторые инженеры указывали на несуразность подобных действий, поскольку невыполнение плана по выпуску продукции зависело от наличия материалов, чертежей и нужного инструмента — области ответственности отделов материального обеспечения [16, л. 10].

В 1970-е гг. у рабочих проявились первые признаки равнодушия к работе. Продолжительность прогулов по неуважительной причине на Тольяттинском электротехническом заводе в 1980-е гг. в отдельных случаях доходила до полугода. Привлечённый в 1983 г. к ответственности за систематические прогулы токарь Лобанов заявил в своё оправдание: «...бывает такое состояние, что ничего не хочется делать и идти на работу, и я уезжаю или в деревню или ухажу куда-нибудь. Завод мне выделил квартиру — спасибо» [15, л. 151]. Для исправления ситуации по привычке употреблялся нажим на низовых руководителей. Так, на московском металлургическом заводе «Серп и молот» в 1985 г. для нужд хозрасчёта был внедрён бригадный способ организации труда, основанный на самоконтроле. Однако руководство не преминуло включить в состав бригад мастеров и начальников цехов для наблюдения за коллективом [7, л. 223].

Подводя итог, хочется отметить, что распыление функций, столь характерное для советской системы управления, да и производственной машины в целом, стало причиной многоаспектности задач, стоявших перед мастером. Данная должность совмещала в себе производственные и общественные функции, что не соответствовало её полномочиям и положению в иерархии управления. Поэтому мастер не спешил принимать реального участия в нравственном воспитании рабочего. Он стремился обрести авторитет и личное доверие за счёт уступок с тем, чтобы, создав благоприятный микроклимат внутри коллектива, успешно выполнить производственный план.

Список литературы

1. Авторское интервью с Н. П. Журавлёвой. Тольятти, Самарская область. Май 2020 г.
2. Авторское интервью с В. В. Спириной. Тольятти, Самарская область. Май 2020 г.
3. Борисов А. Движущая сила соревнования // Энергетик. 1971. № 35 (311). С. 2.
4. Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928 – 1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.

5. Криховецкий Ю. В. Развитие производственной творческой активности трудящихся // НТР и рабочий класс: Экономические проблемы / С. В. Мочерный (рук.). К.: Изд-во при Киевском гос. ун-те, 1988. С. 224 – 240.

6. Лушикова В. Мастер в борьбе за качество // Энергетик. 1980. № 26 (771). С. 1.

7. Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и Молот», 1883 – 2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005. 368 с.

8. НТР и формирование духовного облика советского рабочего / В. В. Косолапов (рук.). К.: Политиздат Украины, 1982. 327 с.

9. Пискунов М. О. Советский завод в эпоху перемен: Трудовой коллектив Выборгского целлюлозно-бумажного комбината между государством и гражданским обществом (1982 – 2000 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2018. 273 с.

10. Польшов М. Ф. Российские рабочие во второй половине 80-х – первой половине 90-х годов: Проблемы и тенденции социального развития (на материалах С.-Петербурга и Ленингр. обл.). СПб.: Нестор, 1998. 316 с.

11. Тольяттинский государственный архив (ТГА). Ф. Р-153. Оп. 3. Д. Протоколы заседаний заводского комитета профсоюза. 129 л.

12. ТГА. Ф. Р-153. Оп. 3. Д. Материалы по проверке, обсуждению и выполнению колдоговора за 1968 год. 64 л.

13. ТГА. Ф. Р-153. Оп. 4. Д. Документы о работе группы народного контроля 1976 год. 123 л.

14. ТГА. Ф. Р-153. Оп. 4. Д. Планы, предложения участников слёта мастеров за 1980 г. 23 л.

15. ТГА. Ф. Р-153. Оп. 4. Д. Протоколы №№ 39 – 61 заседаний профсоюзного комитета 1984 г. 350 л.

16. ТГА. Ф. Р-153. Оп. 4. Д. Протоколы, характеристики, представления о присвоении званий «Лучший рабочий», «Лучший мастер», «Лучшая бригада» за 1985 год. 261 л.

17. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / пер. с англ. А. Л. Раскина. М.: РОССПЭН, 2011. 359 с.

Халимочкин Владимир Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель:

Полынов Матвей Фёдорович, д-р ист. наук, проф.

Продовольственное обеспечение Ленинграда — Санкт-Петербурга в период перестройки

Food supply of Leningrad — St. Petersburg during perestroika

Аннотация. В статье рассмотрена проблема продовольственного обеспечения Ленинграда в перестройку, проанализирована динамика процессов роста дефицита в городе. Продовольственная ситуация является важнейшей составляющей повседневности ленинградцев того времени, а также одной из главных причин изменений общественных настроений в Ленинграде.

Ключевые слова: Перестройка; продовольствие; Ленинград; дефицит.

Abstract. This article examines the problem of food supply in Leningrad during perestroika, analyzes the dynamics of the deficit processes in the city. The food situation is the most important component of the everyday life of Leningrad residents of that time, as well as one of the main reasons for changes in public attitudes in Leningrad.

Key words: perestroika; foodstuffs; Leningrad; deficit.

Теме дефицита продовольствия в стране и отдельных городах уделяется несправедливо мало внимания в историографии. «По исследовательской литературе сейчас гораздо лучше можно представить времена сталинских карточек и торгсинов или хрущевских столовых самообслуживания, чем ассортимент перестроечного универсама» [5, с. 634].

Продовольственный дефицит — проблема, появившаяся задолго до перестройки. До середины 1980-х гг. сохраняли силу постановления Совета Министров СССР, устанавливавшие нормы отпуска промышленных и продовольственных товаров в одни руки [11, с. 189]. В ряде регионов страны применялась продажа по предварительным заказам. Например, в Йошкар-Оле такая форма была введена еще в 1970 г. на продукцию животноводства. Жители

Ивановской области ещё в 1979 г. писали председателю Совмина СССР А. Н. Косыгину: «Население нашего города голодает. <...> Нет у нас ни мяса, ни масла, ни молока» [11, с. 190]. Уже в 1980-е гг. в ряде областей вводятся продуктовые карточки. Иркутск, по сообщениям газеты «Советская торговля», в 1982 г. уже второй год сидел на талонах [11, с. 187].

Министерство торговли СССР распределяло рыночные фонды по установленной номенклатуре с учетом заявок, основанных на материалах изучения спроса населения. С преимуществом выделялись фонды Москве и Ленинграду. Поэтому в северной столице с продовольствием к началу перестройки была куда более благоприятная ситуация, чем по всей России.

Первые два года перестройки дефицит в Ленинграде продолжал усугубляться: с прилавков исчезла консервированная кукуруза, диетический хлеб, граждане жаловались на нехватку сухарей и сушек [4]. Пресса постоянно писала о перебоях в транспортировке продовольствия, о простое продуктов на базах железнодорожных узлов.

1987–1988 гг. — время усиления кондитерского и мясного кризиса в Ленинграде, исчезновения с прилавков ещё большего количества видов продтоваров, время первых талонов на сахар, расцвета предварительных заказов. Их в 1987 г. было уже 29 млн, в 1988 г. стало 33,8 млн, в 1989 г. — 38,4 млн заказов [10, с. 65]. В 1988 г. пресса писала об исчезновении с прилавков конфет «Белочка», зефира и мармелада. Из предприятий, не выполнивших в 1988 г. план по прибыли, наиболее высокий процент невыполнения был у Кондитерского комбината имени Самойловой и I-го кондитерского комбината [12, л. 38].

В обком КПСС приходили письма о «чёрном мясе» в магазинах, с прилавков пропали «охотничьи колбаски». Из общепитов города пропали пельмени, граждане отмечали, что и в магазинах их тоже давно уже нет [6]. При этом в 1988 г. среднедушевое потребление мяса в Ленинграде равнялось 93 кг в год, что было значительно выше среднего уровня по России и СССР (67 кг и 62 кг в год соответственно).

Что касается потребления молока, то в Ленинграде среднедушевой показатель равнялся 447 кг в год при общероссийском в 344 кг. Среднедушевое потребление картофеля равнялось 77 кг в год

(ниже, чем по РСФСР на 32 кг). Такая же ситуация складывалась с хлебопродуктами: в Ленинграде — 95 кг, в РСФСР — 119 кг [12, л. 39].

Наиболее острый этап продовольственного кризиса перестройки в стране начался в 1989 г. Тогда были введены талоны на основные продовольственные товары в соседних с Ленинградом Псковской и Новгородской областях, визитные карточки в республиках Прибалтики [13, л. 1]. В 1989 г. продовольственный кризис резко обострился и в Ленинграде. «Перебои в поставках заставили облисполком с 1 июня 1989 г. ввести талоны на чай (по 100 г на жителя), а затем на сахар» [10, с. 66]. Расчеты по фондам мяса на IV квартал 1989 г. показывали, что в Ленинграде имеется возможность обеспечивать каждого жителя ежемесячно: мясом — 2 кг, колбасными изделиями — 1,8 кг, мясными консервами — 2 банки [13, л. 2].

Статистика показывает увеличение потребления жителями Ленинграда продовольственных товаров: мяса — 94 кг на душу населения в год, хлеба и хлебопродуктов — 102 кг, молока и молочных продуктов — 469 кг [13, л. 83]. Эти данные объясняются тем, что приобретение товаров осуществлялось заранее и про запас вследствие нарастающего дефицита.

К 1 января 1990 г. торгующие организации Главка подошли с товарными запасами на 600 млн руб. (или 27,4 дня). В этих условиях Главное управление торговли ставило перед руководителями города вопрос о введении в Ленинграде визитных карточек. В итоге с 10 января 1990 г. горожане могли приобрести ряд товаров только при предъявлении паспорта с ленинградской пропиской, вскоре им были выданы визитные карточки покупателя. Власти рассматривали такую схему нормирования как временную меру. «Уже 19 февраля 1990 г. исполком Ленсовета вынес решение об отмене талонов на чай и туалетное мыло (сохранив их на сахар)» [10, с. 66].

«С 1 июля 1990 года перевели на талонную систему алкоголь. На один талон полагались 1 бутылка водки и 2 бутылки вина» [10, с. 67]. Осень 1990 г. М. Ю. Герман вспоминал так: «Во тьме светятся ларьки: цветы, сигареты, сигареты, цветы и ничего более. В магазине только банки с морской капустой» [3, с. 647].

С 1 декабря 1990 г. в городе была введена карточная система. «По ним [талонам] можно было купить: мясо и мясопродукты — 1,5 кг; колбасы и колбасных изделий — 1 кг; масло сливочное — 0,5 кг; масло

подсолнечное — 250 г; яиц — 10 шт.; крупы и макаронных изделий — 1 кг, муки — 0,5 кг» [5, с. 639]. Система обеспечения Ленинграда продовольствием была двухуровневой: она включала в себя продажу продуктов по государственным ценам и свободную продажу по рыночным ценам.

По данным официальной статистики, в 1990 г. в Ленинграде было произведено: рыбной продукции — 113,8 тыс. т (94,7 % от произведённого 1989 г.), 72,1 тыс. т мяса (88,1 % от 1989 г.), 120,6 тыс. т колбасных изделий (95,2 %), 5,4 тыс. т жирных сыров (94,8 %). Резко сократилось производство творога (на 50 %), плодоовощных консервов (на 45,7 %), растительного масла (на 84,7 %) [8, с. 26 – 28].

С 1 февраля 1991 г. яйца стали отпускаться без талонов [1]. В феврале 1991 г. без талонов начинает реализоваться соль. Со 2 апреля 1991 г. после переоценки продтовары подорожали. В апреле 1991 г. сохранились мартовские нормы отпуска продовольствия [2]. Многие фабрики отправляли товары на склады, ожидая повышения цен.

Весной 1991 г. Председатель Ленсовета А. А. Собчак писал Премьер-министру СССР В. С. Павлову: «За 1990 г. в Ленинград не поступило от отечественных поставщиков 92 тыс. т мяса, что составляет 32 % от объема поставок, запланированных на год; в январе – апреле 1991 г. соответственно — 9,2 тыс. т мяса, что составляет 13 % от объема поставок. Аналогичное положение и по другим продуктам питания» [9, с 123].

В целом, в 1991 г. производство продовольственных товаров упало на 11,2 % [7, с. 70]. В сопоставимых ценах товарооборот предприятий Ленинграда по продовольственным товарам в 1991 г. составил 94,4 % от уровня 1990 г. [14, л. 166 – 167].

1991 г. запомнился небывалым увеличением цен, при этом они ещё не были отпущены. Средние годовые цены в 1991 г. увеличились: на картофель — в 2,7 раза, на молоко — в 3 раза, на яйца — в 2,4 раза, на мясо — в 3,5 раз [7, с. 131]. Самый резкий скачок цен был в ноябре – декабре 1991 г.

Окончательно система распределения по карточкам была отменена 1 мая 1992 г., уже после перестройки и отпуска цен.

Список литературы

1. Аграфенин А. Плюс «пожарный» талон // Ленинградская правда. 1991. 30 января.
2. Аграфенин А. Цены новые, товары старые // Ленинградская правда. 1991. 29 марта.
3. Герман М. Ю. Сложное прошедшее. 2-е изд. СПб.: Печатный двор, 2005. 696 с.
4. Глаз Е. В продаже не бывает // Вечерний Ленинград. 1985. 2 декабря.
5. Карнаухов С. Похороны еды: заметки о продовольственной корзине 1990 года // Новое литературное обозрение. 2007. № 84. С.634 – 652.
6. Матвеев А. Станет ли вкуснее колбаса? // Смена. 1988. 6 августа.
7. Санкт-Петербург в зеркале статистики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов, 1993. 134 с.
8. Социальное развитие населения Ленинградской области и Ленинграда в 1990 году. Л.: Госкомстат РСФСР Ленингр. обл. и гор. упр. статистики, 1991. 49 с.
9. Польшов М. Ф., Тарасова Е. А. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989–1991 гг. // Новейшая история России. 2017. № 1. С.113 – 127.
10. Твердюкова Е. Д. Потребительский рынок Ленинграда периода перестройки: торговля и распределение // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. С.63 – 69.
11. Твердюкова Е. Д. Практика нормированного снабжения в СССР в 1980-е годы // Вопросы истории. 2020. № 5. С.185 – 194.
12. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 19. Информации руководящих партийных и советских работников о работе по оказанию платных услуг населению города и Ленинградской области, производству ТНП. 63 л.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 243. Д. 32. Информации Леноблгорстата РСФСР о выполнении плана поставок, реализации продовольствия, нарушениях правил торговли. 103 л.
14. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 4. Д. 335. Сводный отчёт по основной деятельности Главка за 1991 год. 179 л.

Шашонков Павел Александрович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель:

Бобровников Владимир Олегович, канд. ист. наук, проф.

Участие народов северокавказских республик России в деятельности Ассамблеи горских народов Кавказа в 1989 – 1991 гг.

Participation of the peoples of the North Caucasian republics of Russia in the activities of the Assembly of mountain peoples of the Caucasus in 1989 – 1991

***Аннотация.** В настоящей статье рассматривается деятельность Ассамблеи горских народов Кавказа в 1989 – 1991 гг. через призму участия в ней народов северокавказских республик России. Привлекаются материалы периодической печати, мемуары основных участников описываемых событий. В заключении автор делает вывод об активном участии северокавказских народов в деятельности АГНК в рассматриваемый период времени, что оказало серьёзное влияние на ситуацию в регионе.*

***Ключевые слова:** АГНК; РСФСР; Северный Кавказ; сепаратизм.*

***Abstract.** This article examines the activities of the Assembly of Mountain Peoples of the Caucasus in 1989 – 1991 through the prism of the participation of the peoples of the North Caucasian republics of Russia. Materials of the periodical press, memoirs of the main participants of the described events are involved. The author makes a conclusion about the active participation of the North Caucasian peoples in the activities of the AMPC in the considered period of time, that had a serious impact on the situation in the region.*

***Key words:** AMPC; RSFSR; the North Caucasus; separatism.*

Перестройка привела к обострению межнациональных отношений в СССР в конце 1980-х гг. Данный процесс не обошел стороной и Кавказский регион. В массовом порядке проживающими здесь народами стали создаваться национальные движения и организации. Многие из этих объединений стремились как добиться правовой реабилитации (например, чеченцы, балкарцы), так и поднять свой статус в рамках советского государства. Несмотря на эти примеры процессов «обособления» народов, на Кавказе шли

параллельно и интеграционные процессы. Так, в августе 1989 г. в Сухуме прошёл I Съезд народов Кавказа, на котором была создана Ассамблея горских народов Кавказа (АГНК). Целью данной организации являлось постепенное объединение всех кавказских народов в единое целое. Рассмотрим историю деятельности АГНК поподробнее.

Однако в первую очередь хотелось бы отметить следующее. Несмотря на серьёзную роль, которую сыграла АГНК–КГНК не только во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., но и в развитии федеративных отношений внутри России, историки практически игнорируют её существование. Данная тема является довольно слабо изученной как в целом, так и в отдельных её аспектах. Основными темами и даже «призмами», через которые рассматривается деятельность АГНК–КГНК, являются абхазо-грузинская и российско-чеченская войны. К тому же, многие исследователи, так или иначе затрагивавшие данный вопрос, уделяли гораздо больше внимания историческим предпосылкам образования АГНК–КГНК, таким как возникновение Горской республики в 1918 г., а также депортации кавказских народов в ходе Великой отечественной войны.

Таким образом, упускается из виду сама суть данного образования, которое представляется нам интересным. Помимо этого, игнорируется необходимость оценки влияния АГНК–КГНК на внутривосточную ситуацию всех государств данного региона, в особенности России. Поэтому нам видится особенно важным, учитывая не утратившую свою актуальность проблему межнациональных отношений в России, рассмотреть историю возникновения и деятельности Ассамблеи горских народов Кавказа, в том числе через призму народов, участвовавших в её работе в 1989–1991 гг.

Как упоминалось выше, 25–26 августа 1989 г. в Сухуме прошёл I съезд горских народов. Примечательно, что инициатором (хотя это и опровергалось в упоминаемой нами газете) этого мероприятия выступил Народный форум Абхазии «Аидгылара» («Единение») — национальное движение абхазского народа. Ключевым решением данного Съезда стало создание АГНК семью народами (абазины, абхазы, адыгейцы, ингуши, кабардинцы, черкесы, чеченцы). Из них были сформированы руководящие органы Ассамблеи

— Координационный совет (КС) во главе с М. Ю. Шанибовым (кабардинец) и Совет старейшин, который возглавил М. А. Каттоев (чеченец) [1, с. 3 – 6].

Одним из крупнейших мероприятий, проведённых под эгидой созданной АГНК, стал тридцатитысячный митинг, состоявшийся 31 мая 1990 г. в Сухуме. В ходе него были приняты Декларация Генеральному Секретарю ООН, Президентам Турции и СССР о необходимости признания 21 мая днём памяти жертв Кавказской войны [2, с. 1]. Кроме того, были направлены поздравительные телеграммы в адрес I Съезда народных депутатов РСФСР и лично Б. Н. Ельцину, избранному Председателем ВС РСФСР. В них выражалась надежда на установление справедливых межнациональных отношений и, как следствие, возрождение России и Советского Союза [2, с. 2].

На следующий день, 1 июня там же прошла V сессия КС АГНК. На ней было принято решение о проведении II Съезда АГНК в сентябре в Нальчике. Кроме того, были избраны новые заместители Председателя КС АГНК — А. Г. Миндзаев (от Северной Осетии), А. Р. Чочиев (от Южной Осетии) и А. С. Куштов (от ингушей) [2, с. 1]. Тем самым, мы можем отметить окончательное присоединение национальных движений северных и южных осетин к деятельности АГНК.

Показателен для определения роли АГНК и следующий факт. 22 сентября в Москве прошёл Всесоюзный съезд представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. Его инициатором была АГНК во главе с М. Ю. Шанибовым, который определил в качестве цели Съезда выработку «общей платформы по преобразованию национально-государственного устройства СССР» [4, с. 230–231]. Согласно докладу главы мандатной комиссии Съезда Ф. Р. Джамалова, на Съезде присутствовали 206 делегатов и 40 гостей, представлявших в общем 43 национальности, среди которых были представлены почти все северокавказские народы и даже проживающие там русские [4, с. 233–234].

Главным итогом данного Съезда, помимо принятия ряда деклараций и обращений, стало образование Всесоюзной Ассоциации представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей

государственности (ВАННН). Серьёзную роль в данной организации играли представители АГНК. Это демонстрирует одно из решений, принятых 15–16 декабря на совместной сессии АГНК и ВАННН и направленных в поддержку Южной Осетии — члена АГНК [4, с. 242–244].

Примерно в то же время (13–14 октября) в Нальчике прошёл II очередной съезд АГНК. И, как отмечает один из его участников, С.З.Лакоба, там было объявлено о наступлении периода «практических задач по осуществлению программы нового государственного устройства Северного Кавказа и Абхазии» [5, с. 162]. Тем самым, обозначилось движение АГНК в сторону образования структур наподобие Горской республики 1918 г.

Интересен также следующий факт. 12–13 февраля 1991 г. во Владикавказе состоялась встреча между представителями национальных движений Северной Осетии и Абхазии. На ней, по словам заместителя Председателя КС АГНК А. Г. Миндзаева, велись переговоры о «создании независимого общекавказского государства, в состав которого войдут северокавказские республики России, Абхазия, Южная Осетия». Абхазская сторона отмечала, что «новое государство должно будет выйти из состава Союза ССР и РСФСР», а также ссылалась на поддержку в этом вопросе со стороны АГНК [6].

Августовские же события в Москве ускорили процесс распада СССР, оказав влияние на ситуацию в регионе и став катализатором т. н. «чеченской революции». Необходимо отметить, что позицию Д. М. Дудаева решительно поддержала АГНК. В частности, её лидер М. Ю. Шанибов на страницах газеты «Свобода» заявил, что чеченцы подавали пример всем народам Кавказа. Именно в Чечне, по его словам, решалась судьба региона. Поэтому Ассамблеей рассматривался вопрос проведения очередной сессии именно в Грозном, поскольку «центр политической борьбы в крае переместился в Чечено-Ингушетию» [7].

Очередная сессия АГНК, действительно, состоялась 21–22 сентября в Грозном. На ней было принято, в том числе, обращение в поддержку борьбы чеченского народа за независимость. Кроме того, было решено провести III Съезд Ассамблеи в Сухуме в ноябре того же года [3, с. 1].

На фоне происходящего распада Советского Союза 1–2 ноября 1991 г. в Сухуме прошёл III съезд горских народов Кавказа.

Участие в нём приняли представители 13 народов (абазины, абхазы, аварцы, адыгейцы, аккинцы, даргинцы, кабардинцы, лакцы, северные и южные осетины, черкесы, чеченцы, шапсуги). В ходе его работы был подписан Договор об образовании Конфедерации горских народов Кавказа (КГНК), а также сформированы её руководящие органы — Кавказский парламент, Третейский суд и другие. Президентом был избран М. Ю. Шанибов [5, с. 162–163].

Таким образом, мы рассмотрели возникновение и деятельность АГНК в 1989–1991 гг. Созданная в августе 1989 г. семью кавказскими народами, данная организация чётко обозначила свою консолидирующую роль в регионе. Ассамблея сразу же выступила в защиту абхазского народа от действий руководства Грузии. Впоследствии АГНК оказала свою поддержку Южной Осетии и процессам «чеченской революции». И, в конце концов, Ассамблея трансформировалась в КГНК — действительно политическое объединение 13 северокавказских народов, стремившееся создать независимое общекавказское государство.

Список литературы

1. Единение. Аидгылара. 1989. № 1. 25 октября.
2. Единение. Аидгылара. 1990. № 3. Июнь.
3. Единение. Аидгылара. 1991. № 10. Октябрь.
4. Кварчия В. Е. Собрание трудов: в 7 т. Т. VI. История, демография. Сухум: Academia, 2020. 407 с.
5. Лакоба С. З. К вопросу о Кавказской конфедерации: Абхазия и Грузия: вместе или врозь? // Грузины и абхазы: Путь к примирению / общ. ред. Б. Коппитерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе. М.: Весь Мир, 1998. С. 154 – 164.
6. Северная Осетия // Независимая газета. 1991. № 19. 12 февраля.
7. Судьба Кавказа решается в Чечне // Свобода. 1991. № 1. 30 августа.

Кузнецов Данил Владимирович

Челябинский государственный университет

Научный руководитель:

Конфедерат Ольга Владимировна, канд. культурологии, доц.

**Анализ статей, посвященных Первой Чеченской войне
1994 – 1996 гг. в «Российской Газете»**

**Analysis of newspapers articles, which are dedicated to the First
Chechen War of 1994 – 1996 in «Rossiyskaya Gazeta»**

***Аннотация.** Работа посвящена анализу статей «Российской Газеты», которые напрямую оповещают население о событиях Первой Чеченской войны. Данная статья позволяет понять, каким образом освещались ключевые события в Чечне за период 1994 – 1996 гг. и их оценку со стороны государства, т. к. «Российская Газета» является государственным СМИ.*

***Ключевые слова:** Первая Чеченская война; «Российская Газета»; СМИ; отражение войны в СМИ.*

***Abstract.** This work is devoted to the analysis of newspapers articles of the “Russian Gazette”, which directly inform the population about the events of the First Chechen War. This article allows us to understand how the main events in Chechnya during the period 1994 – 1996 were covered and their assessment on the part of the state, since “Russian Gazette” is a state-owned mass-media.*

***Key words:** First Chechen War; “Russian Gazette”; mass-media; reflection of the war in mass-media.*

Первая Чеченская война 1994–1996 гг. отразилась в народной памяти трагичным процессом, который накладывался на развал СССР, разгул бандитизма, а также экономический кризис, что в совокупности создало образ драматичных, «лихих девяностых». По сей день ведут свою деятельность участники и свидетели тех событий, работая в госорганах или журналистами. До сих пор в общий доступ выкладываются съемки тех лет, имея большой спрос у аудитории [19].

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных данному конфликту, освещение его в СМИ затрагивают очень мало трудов. Так, А. А. Глушаченков [4, с. 26–30] описывает особенности отражения боевых действий в печати, однако основным источником для него служат «Красная звезда» и «Комсомольская правда», из которых

нельзя четко выявить государственную позицию по освещению событий. Кратко же особенность освещения Первой Чеченской войны в «Российской Газете» дал Е. А. Марков: отождествление своей позиции с мнением государства, редкое дистанцирование от неудач армии, «демонизация» бандформирований, слабое освещение жертв среди мирного населения, упор на предоставление гуманитарной помощи пострадавшим [11, с. 181]. Однако нельзя сказать, что на этом тема исчерпана.

Формируются следующие цели исследования:

Кратко изложить ключевые события Первой Чеченской войны;

Проанализировать и дополнить имеющиеся особенности освещения Первой Чеченской войны в «Российской газете»;

Выявить сложившиеся тенденции в освещении ключевых событий и адресата, на которого направлена государственная пропаганда.

Сразу стоит обозначить, что печатные СМИ ориентированы на формулирование общественного мнения, соответственно и госпропаганда была нацелена на создание положительного образа нового государства в глазах своих граждан.

До ввода войск происходит неудачный штурм г. Грозный антидудаевской оппозицией при тайном участии российских военнослужащих. Д. Дудаев заявляет о вмешательстве России во внутречеченский конфликт, что российские власти изначально не признают, министр ВС РФ Павел Грачев утверждает, что российские военнослужащие непричастны к данному инциденту [7, с. 1]. Однако в итоге участие российских военных признается, и вскоре будет принято решение о вводе войск на территорию Чечни. На это повлияли репортажи независимых СМИ и ракетно-бомбовый удар по Грозному 30.11.1994 г.

Стоит отметить и тот факт, что в ответ на заявления Д. Дудаева выходят репортажи, посвященные дискредитации политического режима в Чечне: разгулу преступности, экономическому, социальному и политическому кризису, обнищанию населения [3, с. 1–2]. Данные заявления станут фундаментом для обоснования ввода войск РФ и в последующей пропаганде в лице В. Черномырдина [15, с. 1–2].

Причины обоснования для ввода войск и тайного российского вмешательства можно понять исходя из исторического контекста:

Необходимость установить контроль над Чеченской республикой из-за её выгодного экономического положения;

Чеченская республика рассматривалась правительством как субъект РФ;

Население страны недавно пережило затяжную Афганскую войну 1979 – 1989 гг. и, соответственно, негативно бы восприняло новость о новой войне;

Народ переживал экономические потрясения, которые внутренний конфликт мог только усугубить.

В период ввода войск и мирных переговоров во Владикавказе основной акцент делается на старание российских политиков мирно урегулировать сложившийся конфликт [13, с. 1], само постановление о вводе войск звучит как «восстановление конституционного порядка», приводится мнение местного русского населения по этому поводу [1, с. 1, 3], поддерживающее ввод войск. Сепаратистские силы признаются «незаконными бандформированиями» — прослеживается линия по «демонизации» сепаратистов. Говорится и о предоставлении гуманитарной помощи мирному населению, что также соответствует описанным Е. А. Марковым особенностям [10, с. 1]. Упрямство со стороны чеченских политиков приводит к срыву переговоров. Силовое решение рассматривается теперь как «единственная альтернатива» [14, с. 2].

В дополнение к Е.А. Маркову стоит отметить как особенность то, что антивоенные митинги не освещаются в публикациях (рис. 1).

Итак, последовал штурм Грозного, краткие результаты которого не публикуются. Но выходит краткий обзор за месяц пребывания российской армии в Чечне, где виднеется и критический подход к действиям правительства: неготовность высшего командования к проведению операции, Грачева называют авантюристом и обманщиком, отсутствие необходимого технического оснащения. После же окончательного утверждения в городе вновь начинаются мирные переговоры, окончившееся неудачей и продолжением войны [5, с. 1, 2].

События середины 1995 г. знаменуются терактом в Буденновске. Описываются жестокое и пренебрежительное отношение сепаратистов к заложникам. Теперь война в Чечне представляется и как антитеррористическая операция. Положительно оцениваются

действия В. Черномырдина [12, с. 1–2]. Причины, почему события в Буденновске становятся ключевыми:

Беспрецедентность и жесткость теракта, на который негативно отреагировала общественность;

Война затрагивает другие области России, ранее не участвовавшие в войне;

Последствиями становятся переход к столу переговоров и желание скорее окончить войну, дабы избежать повтора террористических актов [6, с. 1–2]. Мирные переговоры опять будут сорваны с чеченской стороны, а в политической среде взаимное недоверие выскажут Правительство и Госдума РФ [9, с. 1; 16, с. 1].

Заключительными же событиями станут ликвидация Д. Дудаева — президента Чеченской республики и подписание Хасавюртовских соглашений. Смерть Д. Дудаева 24.03.1996 г. станет новой отправной точкой для мирных переговоров, в «Российской Газете» высказываются предположения об окончании войны, внутреннем расколе между чеченской верхушкой и полевыми командирами [17, с. 1–2; 8, с. 2]. Но война продолжится вплоть до подписания 31.08.1996 г. Хасавюртовских соглашений, которые воспримут хоть и с осторожностью, но как окончание войны [18, с. 1–2].

На основании того, что главным получателем информации становится нежелающий войны народ, главной тенденцией в государственной пропаганде становится обещание скорейшего мирного урегулирования и прекращения боевых действий, по прошествии ключевых событий: взятие Грозного, теракт в Буденновске, убийство Д. Дудаева. Однако в срыве переговоров государственные СМИ будут винить чеченскую сторону. Не стоит забывать и о том, что вниманием обделены антивоенные и антиправительственные митинги. Негативную реакцию получают самостоятельные действия политиков по урегулированию конфликта или вмешательство в него со стороны независимых депутатов [2, с. 1–2].

Список литературы

1. Бельдюгина Л. К порядку, без крови // Российская Газета. 1994. № 242. С. 1, 3.
2. Бельдюгина Л. К столу переговоров // Российская Газета. 1994. № 238 – 239. С. 1, 2.

3. Бельдюгина Л. Разделенные кровью // Российская Газета. 1994. № 234 – 235. С. 1–2.
4. Глушаченков А. А. Некоторые особенности отражения в центральной печати боевых действий в Чечне (1994 – 1996 гг.) // Власть. 2008. № 2. С. 26 – 30.
5. Дудник В. Доктрина вчерашнего дня // Российская Газета. 1995. № 4. С. 1, 2.
6. ИТАР-ТАСС. Объявлен день траура по погибшим // Российская Газета. 1995. № 118. С. 1 – 2.
7. ИТАР-ТАСС. Перестрелки на окраинах // Российская Газета. 1994. № 231. С. 1.
8. ИТАР-ТАСС. Чечня. 24 апреля // Российская Газета. 1996. № 79. С. 2.
9. Кому нужны потрясения // Российская Газета. 1995. №. С. 1.
10. Кучеренко В. Идет гуманитарная помощь мирному населению // Российская Газета. 1994. № 242. С. 1.
11. Марков Е. А. Первая Чеченская война в материалах российских СМИ // Теория и практика общественного развития. 2011. № 2. С. 179 – 182.
12. По сообщениям корреспондентов «Российской Газеты» и информационных агентств. Заложники освобождены // Российская Газета. 1995. № 117. С. 1 – 2.
13. РИА-Новости. Зона конфликта: хроника событий // Российская Газета. 1994. № 242. С. 1.
14. Симонов В. Срок ультиматума истек. Что дальше? // Российская Газета. 1994. № 244. С. 2.
15. Черномырдин В. За Россию мы стояли и стоять будем // Российская Газета. 1994. № 243. С. 1 – 2.
16. Черномырдин В. Письмо Правительства РФ в Государственную Думу // Российская Газета. 1995. № 120. С. 1.
17. Шипанов М. Молох войны // Российская Газета. 1996. № 79. С. 1 – 2.
18. Янченков В. Кровавое пролитие остановлено. Теперь — ковать мир // Российская Газета. 1996. № 167. С. 1 – 2.
19. Youtube-канал «Сладков плюс». URL: <https://www.youtube.com/c/Сладковплюс/videos> (дата обращения: 30.01.2021).

Приложения

Рис. 1. Антивоенные митинги

Литичевский Борис Владимирович
Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель:
Иванов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф.

**Попытки отрешения от должности Президента РФ
Б. Н. Ельцина в 1993, 1998 – 1999 гг.**

**Attempts to remove from office the President of the Russian
Federation B. N. Yeltsin 1993, 1998 – 1999**

***Аннотация.** В статье автор рассматривает предысторию и политический контекст, а также причины попыток отрешения первого Президента Российской Федерации от занимаемой им должности в 1993 и 1998 – 1999 гг.*

***Ключевые слова:** Б. Н. Ельцин; А. В. Руцкой; Р. И. Хасбулатов; Съезд Народных Депутатов РФ; Верховный Совет РФ.*

***Abstract.** In the article, the author examines the background and political context, as well as the reasons for the attempts to remove the first President of the Russian Federation from his post in 1993 and 1998 – 1999.*

***Key words:** B. N. Yeltsin; A. V. Rutskoy; R. I. Khasbulatov; Congress of People's Deputies of the Russian Federation; the Supreme Soviet of the Russian Federation.*

Импичмент — это особый порядок привлечения высших должностных лиц к юридической ответственности вплоть до отстранения от занимаемой должности.

Среди исследователей из Санкт-Петербурга события, предшествующие описываемым, изучал М. Ф. Польшов, в своей работе рассмотревший предпосылки Перестройки [7]. Исследователь Е. А. Тарасова посвятила свои работы непосредственно 1990-м гг., в том числе в ее трудах рассмотрен и конфликт между Президентом РФ и законодательной ветвью власти в 1992–1993 гг. [14]. Зарубежный исследователь Томас Ремингтон рассматривает деятельность Федерального Собрания РФ в 1994–2004 гг. [11].

В результате политических реформ периода Перестройки в России была создана политическая конструкция, которая была крайне шаткой. Высшим органом власти был Съезд Народных Депутатов

России, который возглавлял Р. И. Хасбулатов, в то же время после мартовского референдума 1991 г. был создан пост Президента России, который был первым должностным лицом и главой исполнительной власти — в результате выборов его занял Б. Н. Ельцин. Рано или поздно один из ранее названных государственных органов власти должен был быть упразднен, что и произошло.

Во время второго этапа V Съезда Народных Депутатов РСФСР было Правительство РСФСР, которое возглавил лично Ельцин [6, р. 7]. Экономический блок курировал Е. Т. Гайдар.

Уже на VI Съезде Народных Депутатов РФ Правительство РСФСР было подвергнуто критике.

На VII Съезде Народных Депутатов РФ кандидатура Гайдара была отвергнута депутатами, поэтому главой правительства стал В. С. Черномырдин [2, р. 234], попытка ограничить полномочия Президента РФ увеличила градус противостояния.

На VIII Съезде Народных Депутатов РФ народные депутаты РФ приняли постановление «О мерах по осуществлению конституционной реформы в РФ», не позволявшее перераспределять полномочия между ветвями власти в РФ.

На IX Съезде Народных Депутатов РФ произошла борьба между Президентом РФ и парламентом [16, р. 123]. В ходе конфликта обе стороны попытались устранить соперника [19, р. 257]. Президент РФ издал указ о приостановлении работы законодательной ветви власти, но ряд положений указа отменил Конституционный Суд РФ [15]. 28 марта 1993 г. состоялась попытка импичмента. За импичмент Президенту РФ проголосовало 617 депутатов при необходимых 689 [8]. Глава Службы Безопасности Президента РФ А. В. Коржаков в своих мемуарах писал, что в зал, где заседал Съезд, привезли химикаты для усыпления депутатов [4, р. 365]. Так закончилась первая попытка импичмента Президенту России. Попытка решить вопрос через референдум провалилась, так как Президент РФ и парламент сохранились. Также масла в огонь противостояния добавили так называемые чемоданы Руцкого, которых, по его словам, было 11 [17].

Фундаментальным вопросом для России была конституция. Еще в 1990 г. была создана Конституционная Комиссия СНД РСФСР, ее возглавлял Ельцин. Однако с началом конфликта Ельцин потерял интерес к этому учреждению. В апреле 1993 г. С. С. Алексеев и

С. М. Шахрай разработали президентский проект Конституции России, для его легитимации было создано Конституционное Собрание 5 июня 1993 г., оно проработало до 12 июля 1993 г.

К осени 1993 г. существовали два проекта конституции России, согласовать единый документ не получилось, но принять обе стороны не решились свои проекты. Усилило противостояния возвращение в Правительство РФ Гайдара в ранге первого вице-преьера [16, р. 234].

21 сентября 1993 г. Ельцин издал Указ № 1400 о роспуске СНГ РФ и Верховного Совета РФ. В ответ на Указ Президента РФ Верховный Совет РФ принял решение о отстранении Президента РФ от должности [10]. Конституционный Суд РФ издал заключение, в котором подтвердил антиконституционность Указа Президента РФ. 24 сентября 1993 г., собравшийся X Съезд Народных Депутатов РФ принял постановление, в котором подтвердил решение Верховного Совета РФ о низложении Б. Н. Ельцина и о передаче полномочий Вице-президенту РФ А. В. Руцкому [9]. Однако поддержка исполнительной власти и силовых структур позволила Ельцину победить и сохранить полномочия, СНГ РФ и Верховный Совет РФ были силой распущены 4 октября 1993 г.

12 декабря 1993 г. по результатам референдума была принята новая Конституция РФ, которая создала Федеральное Собрание РФ в составе Совета Федерации и Государственной Думы. По новой конституции импичмент должен был пройти Государственную Думу, затем Совет Федерации, а в конце Конституционный Суд РФ. В обеих палатах должны были проголосовать 2/3 депутатов от общего состава.

На выборах 1995 г. КПРФ стала лидером и получила 139 мандатов, ЛДПР 49, новая партия власти «Наш Дом Россия» 65 мест, союзники КПРФ имели 76 депутатских кресел. Имея большинство в Государственной Думе КПРФ могла блокировать инициативы Президента РФ и Правительства РФ, а также продвигать свои. За годы правления Б. Н. Ельцина коммунисты накопили целый список претензий и обвинений.

19 мая 1998 г. фракция КПРФ провела заседание, на котором приняла решение начать подготовку импичмента Президенту РФ. 19 июня 1998 г. была создана Комиссия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности

обвинения, выдвинутого против Президента Российской Федерации Ельцина [11, р. 43]. К 7 декабря 1998 г. было подготовлено заключение комиссии, а в марте 1999 г. были определены основные обвинения [11, р. 44].

На 15 мая 1999 г. было намечено голосование по импичменту Ельцину. К этому моменту Председателем Правительства РФ был Е.М.Примаков, который вел политику, устраивавшую Государственную Думу, если бы импичмент прошел все три этапа, то Примаков стал бы исполняющим обязанности Президента РФ. Допустить такого Ельцин не мог и 12 мая 1999 г. отправил премьера в отставку, и. о. Председателя Правительства РФ был назначен С. В. Степашин. Это решение ослабило волю депутатов.

15 мая состоялось голосование по 5 вопросам. Но ни по одному 300 голосов набрать не получилось. За обвинение в развале СССР проголосовало 239 депутатов, за обвинение в событиях 1993 г. — 263, за обвинение в развале армии — 241, за обвинение в войне в Чечне — 283, за обвинение в геноциде российского народа — 238 [11, р. 46]. Третья попытка отстранения Президента РФ Ельцина провалилась.

Таким образом, за период правления Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина ему трижды предъявляли импичмент, первые два раза эти попытки не имели четкого обоснования, только в 1999 г. в ходе третьей процедуры отрешения Президента РФ от должности были сформулированы четкие обвинения. Однако все три попытки оказались безрезультатными.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституция России: Природа, эволюция, современность. 2-е изд. М.: Сашко, 2000. 528 с.
2. Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. М.: ВАГРИУС, 1996. 365 с.
3. Исаков В. Б. Госпереворот. Парламентский дневник 1992–1993 гг. Екатеринбург, 1997. 395 с.
4. Коржаков А. В. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М.: Интербук, 1997. 632 с.
5. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. М.: Политиздат, 1988. 160 с.

6. Мороз О. П. Хроника либеральной революции: Как удалось отстоять реформы. М.: Радуга, 2005. 886 с.

7. Полюнов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР: вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. 512 с.

8. Постановление IX Съезда народных депутатов РФ «Об утверждении результатов тайного голосования по вопросу об отречении от должности Президента РФ» // Девятый Съезд народных депутатов РФ. Стенографический отчет / под ред. Т. И. Шагова. М.: Республика, 1993. С. 189.

9. Постановление X Съезда народных депутатов РФ «О политическом положении в РФ в связи с государственным переворотом» // Десятый Съезд народных депутатов РФ. Стенографический отчет / под ред. Т. И. Шагова. М.: Республика, 1993. С. 288.

10. Постановление Верховного Совета РФ «О прекращении полномочий президента Российской Федерации Ельцина Б. Н.» // Десятый Съезд народных депутатов РФ. Стенографический отчет / под ред. Т.И. Шагова. М.: Республика, 1993. С. 288.

11. Ремингтон Т. Федеральное Собрание Российской Федерации (1994 – 2004) // Сравнительное конституционное обозрение. М., 2005. № 4. С. 39 – 52.

12. Сообщение Центральной комиссии РСФСР по проведению референдумов // Российская газета. 1991. № 57. 26 марта.

13. Тарасова Е. А. Осень 1993 года в политической истории современной России: причины и участники противостояния // Таврические чтения 2018: Сборник научных статей. В 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Астрион, 2019. С. 221 – 229.

14. Указ Президента РФ от 20 марта 1993 № 379 «О деятельности исполнительных органов до преодоления кризиса власти» // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 13. С. 1102.

15. Филатов С. А. На пути к демократии. М.: Московский рабочий, 1995. 578 с.

16. Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. М.: Симс, 1994. 876 с.

17. Хлудов В. Московский комсомолец. 2017. 6 апреля.

18. Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 2. М.: Элина, 2005. 771 с.

НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020

Сборник научных статей

Подписано в печать 07.06.2021. Заказ № 7213
Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 21,39.

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
НОЯБРЬСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020

Всероссийская научная конференция
«Ноябрьские чтения-2020»

5-6 декабря
2020